

ISSN 1026-9479
e-ISSN 2411-4642

*Пр*ОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

2025

ТОМ 23

№1

ISSN 1026-9479
e-ISSN 2411-4642

*T*HE PROBLEMS
OF HISTORICAL POETICS

2 0 2 5

Vol. 23

No. 1

ISSN 1026-9479
e-ISSN 2411-4642

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

2025

Том 23

№ 1

Главный редактор:
д-р филол. наук, проф. В. Н. Захаров

Издается с 1990 года,
выходит 4 раза в год.

ISSN 1026-9479
e-ISSN 2411-4642

The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
The Federal State-Financed Higher Educational Institution
PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

**THE PROBLEMS OF HISTORICAL
POETICS
[PROBLEMY ISTORICHESKOI POETIKI]**

2025

Vol. 23

no. 1

Chief Editor:

Vladimir N. Zakharov, PhD (Philology), Professor

Established in 1990.

The journal is published quarterly.

185910, Russian Federation
Petrozavodsk, Petrozavodsk State University
Tel. +7 (8142) 719 603
E-mail: poetica@post.com
Web-site: <http://poetica.pro>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Н. ЗАХАРОВ (гл. ред.), д. филол. н., проф.
(Петрозаводск, Москва, Россия)

В. В. БОРИСОВА
д. филол. н., проф. (Уфа, Москва, Россия)

В. И. ГАБДУЛЛИНА
д. филол. н., проф. (Барнаул, Россия)

Бенами БАРРОС ГАРСИА
PhD (Гранада, Испания)

А. Г. ГАЧЕВА д. филол. н. (Москва, Россия)

Джузеппе ГИНИ
PhD, проф. (Урбино, Италия)

И. А. ЕСАУЛОВ
д. филол. н., проф. (Москва, Россия)

О. В. ЗЫРЯНОВ
д. филол. н., проф. (Екатеринбург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
д. филол. н., проф. (Петрозаводск, Россия)

А. В. ПИГИН
д. филол. н., проф. (Петрозаводск,
Санкт-Петербург, Россия)

Н. А. ТАРАСОВА
д. филол. н. (Санкт-Петербург, Россия)

Е. А. ТАХО-ГОДИ
д. филол. н., проф. (Москва, Россия)

Галин ТИХАНОВ
PhD, проф.
(Лондон, Великобритания)

Йосип УЖАРЕВИЧ
д. филол. н., проф. (Загреб, Хорватия)

А. Н. УЖАНКОВ
д. филол. н., проф. (Химки, Москва, Россия)

С. Л. ФОКИН
д. филол. н., проф. (Санкт-Петербург,
Россия)

Кейт ХОЛЛЭНД
PhD (Торонто, Канада)

ЧЖОУ Ци-чао
д. филол. н., проф. (Пекин, Китай)

EDITORIAL BOARD:

Vladimir ZAKHAROV (Chief Editor), PhD,
Professor (Petrozavodsk, Moscow, Russia)

Valentina BORISOVA
PhD, Professor (Ufa, Moscow, Russia)

Valentina GABDULLINA
PhD, Professor (Barnaul, Russia)

Benami BARROS GARCÍA
PhD (Granada, Spain)

Anastasia GACHEVA PhD (Moscow, Russia)

Giuseppe GHINI
PhD, Professor (Urbino, Italy)

Ivan ESAULOV
PhD, Professor (Moscow, Russia)

Oleg ZYRYANOV
PhD, Professor (Yekaterinburg, Russia)

Andrey KUNILSKY
PhD, Professor (Petrozavodsk, Russia)

Alexander PIGIN
PhD, Professor (Petrozavodsk, St. Petersburg,
Russia)

Natalia TARASOVA
PhD (St. Petersburg, Russia)

Elena TAKHO-GODI
PhD, Professor (Moscow, Russia)

Galina TIHANOV
PhD, Professor (London, UK)

Josip UŽAREVIĆ
PhD, Professor (Zagreb, Croatia)

Alexander UZHANKOV
PhD, Professor (Khimki, Moscow, Russia)

Sergey FOKIN
PhD, Professor (St. Petersburg, Russia)

Kate HOLLAND
PhD (Toronto, Canada)

ZHOU Qichao
PhD, Professor (Beijing, China)

Журнал включен в российские и международные базы данных
и системы цитирования:

The Journal is included in the russian and in the international databases
of scientific citing:

Scopus; Web of Science (Emerging Sources Citation Index, Russian Science Citation Index); Russian Science Citation Index (RSCI), **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования); **DOAJ** (Directory of Open Access Journals, Швеция); **Urich's Periodical Directory** (США); **EBSCOhost** (США, Алабама, Бирмингем); **Google Scholar**; **BASE** (Bielefeld Academic Search Engine, Германия); **SLAVUS** (Slavic Humanities Index, Торонто, Канада); **Open Academic Journals Index** (International Network Center for Fundamental and Applied Research, Российская Федерация); **С.Е.Е.О.Л** (Central and Eastern European Online Library, Франкфурт, Германия).

Журнал и его архив размещаются на сайтах и в научных
электронных библиотеках:

The full-text versions of the issues are freely available on the websites
and in the Scientific Electronic Libraries:

<http://poetica.pro>

<http://elibrary.ru>

<http://cyberleninka.ru>

<http://www.intelros.ru>

<http://biblioclub.ru>

<http://www.iprbookshop.ru>

<https://e.lanbook.com>

<http://www.bogoslov.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

В. Н. Захаров (<i>Петрозаводск</i>).	
Пути и перепутья исторической поэтики	7
М. А. Артемьев (<i>Москва</i>).	
Диалог о будущем в поэзии Александра Пушкина и Адама Мицкевича	22
Ю. А. Ростовцева (<i>Москва</i>).	
Образ «проклятого скитальца» в «Цыганах» А. С. Пушкина	31
В. А. Викторovich (<i>Коломна</i>), (<i>Петрозаводск</i>).	
Концепция эстетической критики в еженедельнике «Гражданин» (1872).....	50
Ю. Н. Сытина (<i>Москва</i>).	
Свет и тьма в «Русских ночах» В. Ф. Одоевского	82
Г. В. Мосалева (<i>Ижевск</i>).	
Деэстетизация слога и сакрализация слова в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди»	113
С. В. Капустина (<i>Симферополь</i>).	
Крымские мотивы в творчестве Ф. М. Достоевского	139
М. А. Алякринская (<i>Санкт-Петербург</i>).	
Поэтика сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина «Чижиково горе»	165
Д. Л. Куликова (<i>Москва</i>).	
Поэтика рассказа Л. Н. Толстого «Много ли человеку земли нужно»	188
Н. Г. Михновец (<i>Санкт-Петербург</i>).	
Чтение сакрального текста в поздних произведениях Л. Н. Толстого	207
Д. Н. Жаткин (<i>Пенза</i>), В. В. Сердечная (<i>Краснодар</i>).	
Концепция Шекспира в литературно-критическом творчестве Ю. Н. Говорухи-Отрока	227
Н. А. Прозорова (<i>Санкт-Петербург</i>).	
Библейская мифопоэтика в литературном сценарии «Первороссияне» О. Ф. Берггольд	251
А. Ф. Галимуллина (<i>Казань</i>), Г. Р. Гайнуллина (<i>Казань</i>).	
Рецепция русской классической поэзии в творчестве татарского поэта Рената Хариса	272
А. Ю. Большакова (<i>Москва</i>).	
Претворение агиографической традиции в поэтике В. Г. Распутина и В. И. Белова	293

CONTENTS

V. N. Zakharov (<i>Petrozavodsk</i>). Paths and Crossroads of Historical Poetics	7
M. A. Artemyev (<i>Moscow</i>). A Dialogue About the Future in the Poetry of Alexander Pushkin and Adam Mickiewicz	22
J. A. Rostovtseva (<i>Moscow</i>). Image of the “Cursed Wanderer” in A. S. Pushkin’s “The Gypsies”	31
V. A. Viktorovich (<i>Kolomna</i>), (<i>Petrozavodsk</i>). The Concept of Aesthetic Criticism in the Weekly “Grazhdanin” (“The Citizen”) (1872).	50
Yu. N. Sytina (<i>Moscow</i>). The Light and the Darkness in V. F. Odoevsky’s “Russian Nights”	82
G. V. Mosaleva (<i>Izhevsk</i>). De-Aesthetization of the Syllable and Sacralization of the Word in F. M. Dostoevsky’s Novel “Poor People”	113
S. V. Kapustina (<i>Simferopol</i>). Crimean Motifs in the Works of F. M. Dostoevsky.	139
M. A. Alyakrinskaya (<i>St. Petersburg</i>). Poetics of “Chizhikov’s Grief”, a Fairy Tale by M. E. Saltykov-Shchedrin	165
D. L. Kulikova (<i>Moscow</i>). Poetics of L. N. Tolstoy’s Story “How Much Land Does a Man Need”	188
N. G. Mikhnovets (<i>St. Petersburg</i>). Reading the Sacred Text in the Late Works of L. N. Tolstoy.	207
D. N. Zhatkin (<i>Penza</i>), V. V. Serdechnaia (<i>Krasnodar</i>). The Concept of Shakespeare’s Works in the Critical Literary Studies by Yu. N. Govorukha-Otrok	227
N. A. Prozorova (<i>St. Petersburg</i>). Biblical Mythopoetics in the Screenplay “The First Russians” by O. F. Bergholz	251
A. F. Galimullina (<i>Kazan</i>), G. R. Gainullina (<i>Kazan</i>). The Reception of Russian Classical Poetry in the Works of the Tatar Poet Renat Kharis	272
A. Yu. Bolshakova (<i>Moscow</i>). Implementation of the Hagiographic Tradition in the Poetics of V. G. Rasputin and V. I. Belov	293

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14862

EDN: WKHRKJ

Пути и перепутья исторической поэтики

В. Н. Захаров

*Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: vnz01@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждается актуальный статус исторической поэтики. Приоритет открытия данной дисциплины принадлежит А. Н. Веселовскому (1838–1906). Он дал имя новой научной дисциплине, сформулировал ее концепцию, ввел новые категории поэтики и обосновал программу исследований. Несмотря на безусловный авторитет ученого, открытие Веселовского не сразу получило признание. В 1910–1920-е гг. на смену академическому позитивизму пришли формальная и социологическая школы поэтики, которые не только враждовали между собой, но одновременно и отрицали, и развивали концепции исторической поэтики. В результате этой полемики возникли предпосылки перехода к исторической поэтике «формалистов» В. М. Жирмунского и В. Я. Проппа, «социологов» М. М. Бахтина и П. Н. Медведева. До сих пор не оценена роль в развитии исторической поэтики философа А. Ф. Лосева, который последовательно разрабатывал разделы поэтики в своей многоотомной исторической эстетике («История античной эстетики» и др.). В 1950–1980-е гг. произошли реабилитация наследия А. Н. Веселовского, ренессанс исторической поэтики. Начиная с этого времени эволюцию исторической поэтики можно представить как историю открытий в трудах Д. С. Лихачева, М. М. Бахтина, С. С. Аверинцева, М. Л. Гаспарова, А. В. Михайлова и многих других. В 1980–1990-е гг. всеобщая историческая поэтика чуть было не стала «парадной» темой Отделения языка и литературы Академии наук. Исследований в области исторической поэтики больше, чем можно представить. Благодаря Веселовскому историческая поэтика у нас не стала учением, не была сводом правил и методик, а проявилась как инициативное направление исследований. Для ее развития нужны открытия. Конечно, преобладают материалы по исторической поэтике. Необходимы оригинальные идеи, концепции и интерпретации. Ретроспектива и эволюция исторической поэтики обнадёживают.

Ключевые слова: поэтика, историческая поэтика, этнопоэтика, историзм, термин, концепция, А. Н. Веселовский, Д. С. Лихачев, А. Ф. Лосев, П. Н. Медведев, М. М. Бахтин

Для цитирования: Захаров В. Н. Пути и перепутья исторической поэтики // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 1. С. 7–21. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14862. EDN: WKHRKJ

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14862

EDN: WKHRKJ

Paths and Crossroads of Historical Poetics

Vladimir N. Zakharov

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: vnz01@yandex.ru

Abstract. The article discusses the current status of historical poetics. The priority of the discovery of this discipline belongs to A. N. Veselovsky (1838–1906). He named the new scientific discipline, formulated its concept, introduced new categories of poetics, and justified the research program. Despite the unconditional authority of the scientist, Veselovsky’s discovery was not immediately recognized. In the 1910s and 1920s, academic positivism was replaced by formal and sociological schools of poetics, which not only argued with each other, but simultaneously denied and developed the concepts of historical poetics. As a result of this controversy, prerequisites arose for the transition to the historical poetics of the formalists V. M. Zhirmunsky and V. Ya. Propp, sociologists M. M. Bakhtin and P. N. Medvedev. Until now, the role of the philosopher A. F. Losev in the development of historical poetics has been underestimated. Losev consistently developed divisions of poetics in his multi-volume historical aesthetics (“The History of Ancient Aesthetics,” etc.). In the 1950s and 1980s, the legacy of A. N. Veselovsky was rehabilitated, and the renaissance of historical poetics began. Since then, the evolution of historical poetics can be represented as a history of discoveries in the works of D. S. Likhachev, M. M. Bakhtin, S. S. Averintsev, M. L. Gasparov, A. V. Mikhailov and many others. In the 1980s and 1990s, universal historical poetics almost became the “display” research area of the Language and Literature Department of the Academy of Sciences. There is more studies in the field of historical poetics than one can imagine. Thanks to Veselovsky, historical poetics has not become a teaching in our country, it was not merely a set of rules and techniques, it appeared as a free field of research. Its development requires initiative and discoveries. Of course, materials on historical poetics predominate. Original ideas, concepts, and interpretations are needed. The retrospective review and the evolution of historical poetics are encouraging.

Keywords: poetics, historical poetics, ethnopoeitics, historicism, term, concept, A. N. Veselovsky, D. S. Likhachev, A. F. Losev, P. N. Medvedev, M. M. Bakhtin

For citation: Zakharov V. N. Paths and Crossroads of Historical Poetics. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 7–21. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14862. EDN: WKHRKJ (In Russ.)

Историческая поэтика — одна из недавних научных дисциплин. Ее открытие и становление пришлось на конец XIX в. Имя ей дал академик А. Н. Веселовский (1838–1906). Он сформулировал идею и концепцию, ввел новые категории исторической поэтики и обосновал программу исследований [Веселовский, 1940, 1989, 2006]. Методологическим принципом исторической поэтики стал историзм, ее задачей — уяснение, «что такое поэзия, что такое эволюция поэтического сознания и его форм» [Веселовский, 1940: 53], определение «роли и границы предания в процессе личного творчества» [Веселовский, 1940: 491]. Эта задача была последовательно реализована им в изучении поэтики слова и речи (психологического параллелизма, общих мест, формул, повторов, эпитетов и других тропов), поэтики сюжетов и жанра [Хализев, 1990а, 1990б], [Захаров, 1992, 2007, 2012, 2018, 2020]. Ключевыми категориями поэтики Веселовского стали заимствованные французские слова *sujet*, *motif*, *genre*, которым он дал новое терминологическое значение. Во французском языке *sujet* и *motif* — синонимы. Веселовский придал им иерархическое подчинение: мотив — «простейшая повествовательная единица, образно ответившая на разные запросы первобытного или бытового наблюдения» [Веселовский, 1940: 500]; «Сюжеты — это сложные схемы, в образности которых обобщились известные акты человеческой жизни и психики в чередующихся формах бытовой действительности. С обобщением соединена уже и оценка действия, положительная или отрицательная» [Веселовский, 1940: 495].

Не вдаваясь в нюансы значений заимствованных слов «сюжет» и «мотив», отмечу, что Веселовский придал словам новое терминологическое значение — они стали категориями поэтики [Захаров, 1992]. Заимствованные слова приобрели то значение, которого нет во французском языке. Как-то раз я имел беседу на эту тему с французским философом Цветаном Тодоровым, который признался, что, когда он переводил русских филологов, ему всегда казалось, что нельзя оставлять слова «сюжет» и «мотив» без перевода, в русском языке они имеют другой смысл. Непереводаемость понятий оставляет небольшой выбор: либо вместо слов *motif* и *sujet* находить при переводе другие слова, либо расширять семантику французского языка за счет русских заимствований французских слов.

В отличие от заимствованных слов *motif* и *sujet* французское понятие *genre* буквально переводится на русский язык как «род». Слова «род» и «жанр» используются Веселовским в синонимичном значении [Захаров, 1992: 6–9]. Позже терминологический тезаурус русского языка изменили критики «формальной школы», которые развили концепцию сюжета и мотива Веселовского, акцентировали существовавшую в русском языке оппозицию фабулы и сюжета, придали терминам «сюжет» и «фабула» традиционное значение, усвоили концепцию мотива по Веселовскому, дифференцировали значения слов «род» и «жанр». В 1920-е гг. родами литературы стали называть эпос, лирику и драму, жанрами — типы литературных сочинений, такие как поэма, роман, басня, сказка, рассказ, ода, сатира, трагедия, комедия и т. п. Дифференциация значений категорий «род» и «жанр» хотя и произошла в духе Веселовского, но не была его инициативой. Жанр стал еще одной категорией поэтики, изменившей в русском языке семантику французского слова.

Тогда же произошел еще один терминологический казус. В середине 1920-х гг. несколько теоретиков литературы предприняли попытку ошибочного переименования понятий «фабула» и «сюжет», назвав фабулу сюжетом, а сюжет фабулой. Один из них — Г. Н. Пospelов, которому в итоге удалось невозможное. Он добился обратного переименования терминов «сюжет» и «фабула» не только в своих статьях и книгах, в энциклопедических и толковых словарях, но и в двуязычных французско-русских и русско-французских словарях (подробно об этом см.: [Захаров, 1984, 1992, 2007]). В 1970-е гг. Г. Н. Пospelов еще упрекал: «Однако ряд теоретиков продолжает использовать терминологию "формалистов"» [Пospelов: 307]. Сейчас обходятся без уточнений. Заблуждение окончательно возведено в правило. Похоже, что мало кто обратил внимание на суждение М. Л. Гаспарова о том, что термином фабула мы обязаны латинскому переводу категории поэтики Аристотеля *mythos*: «...все аристотелевские определения мифа (подражание действую, сочетание событий, их последовательность) перешли на фабулу, а фабула с тех пор стала "общеупотребительным литературоведческим термином"» [Захаров, 1992: 6] (ср.: [Аристотель и античная литература: 121]).

Несмотря на безусловный авторитет ученого, открытие Веселовским исторической поэтики не сразу получило признание. Академия наук приняла решение о посмертном издании его Собрания сочинений в 16 томах, но оно прекратилось в 1921 г. В научной политике страны доминировало администрирование, ее инструментом были классовость, партийность, народность, развитие революционных идей и социалистического реализма как творческого метода и ведущего направления советского искусства и литературы. В рамках модного в двадцатые-сороковые годы марризма увлеклась исторической поэтикой О. М. Фрейденберг, защитившая в 1935 г. докторскую диссертацию «Поэтика сюжета и жанра: период античной литературы» (год спустя вышла ее книга под тем же названием) [Фрейденберг]. Различные аспекты исторической поэтики разрабатывали ревнители формальной и социологической школ. Одновременно и отвергая, и развивая концепции Веселовского, они тем не менее продвигались в разработке поэтики сюжета, фабулы, жанра, композиции, теории поэтического языка, теории стиха, метрики и строфики.

Вопреки тому, что историческая поэтика была в это время на периферии советской критики и литературоведения, возникали предпосылки перехода к ней ряда ученых. В. М. Жирмунский принадлежал к «формальной школе», В. Я. Пропп в ней не состоял, хотя его «Морфология сказки» считалась «формалистичной», — оба пришли к исторической поэтике [Веселовский, 1940], [Пропп, 1946, 1955].

П. Н. Медведев и М. М. Бахтин разделяли принципы социологической поэтики. Бахтин, чтобы переделать «проблемы творчества» (1929) в «проблемы поэтики» Достоевского (1963), рассмотрел проблемы полифонического романа, поэтику героев, идей, сюжета, повествования и диалога автора и рассказчиков в историческом аспекте [Бахтин, 1929, 1963]. Открытием П. Н. Медведева стала трактовка категорий жанр, сюжет и фабула в полемике с формалистами. Эти категории универсальны, безотносительно их атрибуции к общей поэтике или ее частным разделам, и безусловно принадлежат исторической поэтике.

По мнению Медведева, поэтика должна исходить из жанра, каждый вид искусства и жанр имеют свои способы и типы понимания и завершения.

Вот сумма его ключевых тезисов:

«Жанр есть типическое целое художественного высказывания, притом существенное целое, целое завершённое и разрешённое. Проблема завершения — одна из существеннейших проблем теории жанра» [Медведев; т. 2: 199];

«Каждый жанр способен овладеть лишь определёнными сторонами действительности, ему принадлежат определённые принципы отбора, определённые формы видения и понимания этой действительности, определённые степени широты охвата и глубины проникновения» [Медведев; т. 2: 202];

«Художник должен научиться видеть действительность глазами жанра. Понять определённые стороны действительности можно только в связи с определёнными способами ее выражения» [Медведев; т. 2: 206];

«Жанр уясняет действительность; действительность проясняет жанр» [Медведев; т. 2: 209].

В современной бахтинистике распространён слух, согласно которому ряд книг и статей Бахтина издан под фамилиями В. Н. Волошинова и П. Н. Медведева. Бахтину приписывают и приведённые выше фрагменты о жанре из книги Медведева «Формальный метод в литературоведении» (1928): цитируют Медведева, ссылаются на Бахтина.

Монография «Формальный метод в литературоведении» принадлежит ее автору П. Н. Медведеву. В свое время я попытался разобраться, как Бахтин, Волошинов и Медведев понимали жанр. Оказалось, они понимали жанры по-разному, а фабулу и сюжет противоположно. Бахтин всю жизнь разрабатывал отдельные жанры (в первую очередь, роман), Медведев — жанр как категорию поэтики. Один, Бахтин, предпочитал метафорические определения жанра, другой — ясные терминологические определения понятий. Формалисты и Медведев понимали сюжет и фабулу традиционно, как понимали их в русском узусе XIX–XX вв., Бахтин придерживался обратного переименования термина сюжет, возникшего в середине 1920-х гг. [Захаров, 2007].

Вопрос об авторстве решен.

В 2018 г. под редакцией Б. Ф. Егорова вышел двухтомник избранных сочинений П. Н. Медведова, которые дают представление о его литературно-критических, историко-литературных и теоретических трудах, в том числе о книгах «Формальный метод в литературоведении» и «Формализм и формалисты». Они в полной мере характеризуют масштаб личности расстрелянного ученого, объем его литературно-критической и исследовательской деятельности, своеобразие литературного и научного стиля. В советское время наследие Медведова было спрятано в спецхранах нескольких ведущих библиотек СССР, сейчас оно доступно читателям и исследователям. Сравнение стилей свидетельствует: так, как Медведов, Бахтин не писал; Медведов писал, как автор «Формального метода».

В собрании сочинений Бахтина, составителями которого являются В. В. Кожинов и С. Г. Бочаров, изначально был запланирован выход седьмого тома. В его состав должны были войти так называемые «спорные тексты» (приписываемые Бахтину произведения П. Н. Медведова и В. Н. Волошинова). Собрание сочинений вышло в шести томах. С. Г. Бочаров отказался от издания седьмого тома: достойный поступок редактора и ученого.

«Спорные тексты» бесспорны: их авторство принадлежит тем, чьими именами подписаны эти труды. За прошедшие полвека доказательств сплетни не появилось. Не доказано не то что авторство, даже соавторство Бахтина. Документ, полученный из Российского авторского общества (РАО), правопреемника Всесоюзного агентства по авторским правам (ВААП), свидетельствует, что вся эта некрасивая история была обманом душеприказчиков Бахтина, которые публиковали за рубежом книгу «Формальный метод в литературоведении» «под именем М. М. Бахтина» без юридических оснований, «гонорары за эти издания были выплачены С. Г. Бочарову и В. В. Кожинову», «авторство П. Н. Медведова на книгу под названием "Формальный метод в литературоведении", Л., "Прибой", 1928 г., никогда не оспаривалось» (цит. по изд.:

[Медведев; т. 1: 680–683]). К тексту комментария приложено факсимиле документа [Медведев; т. 1: 683]. Сотни исследователей, слишком многие, поверили сплетне. Сплетня без доказательств — клевета. Следует отказаться от заблуждения, исправлять сказанное и написанное.

В идейной и политической борьбе 1920–1940-х гг. историческая поэтика была маргинальным явлением. Эффект издания трудов Веселовского в 1938–1940 гг. был прерван началом Великой Отечественной войны, в 1947–1949 гг. наследие ученого подверглось суровой критике в «борьбе против реакционных идей в русской литературе», «низкопоклонства перед Западом и космополитизма», но каждый раз статус исторической поэтики и круг ее последователей восстанавливались.

В 1960–1980-е гг. наступил ренессанс исторической поэтики. Журналы охотно публиковали статьи о поэтике фольклора, древних и новых литературах, творчестве и произведениях именитых авторов, национальных стилях мировой литературы. Успеху направления сопутствовали открытия поэтики древнерусской литературы [Лихачев, 1967, 1973], поэтики жанров, творчества Достоевского и Рабле [Бахтин, 1963, 1965, 1975], поэтики раннехристианской словесности [Аверинцев], поэтики античной словесности в истории эстетики [Лосев], античной поэтики, поэтики русского и европейского стиха [Аристотель и античная литература], [Гаспаров, 1974, 1984, 1989], [Историческая поэтика, 1986: 188–209], обновление теории литературы, поэтики, текстологии и компаративистики [Михайлов, 1989, 2006], труды других выдающихся ученых.

В круг этих открытий следует включить и исследования А. Ф. Лосева, который последовательно разрабатывал поэтологические аспекты в своей многотомной исторической эстетике («История античной эстетики» и др.) [Лосев; т. 1–8]. Особенно следует отметить его «аристотелевский» том [Лосев; т. 5]. В отличие от Веселовского, который пришел к исторической поэтике через историческую эстетику, А. Ф. Лосев органично совмещал в своих трудах и историческую эстетику, и историческую поэтику.

В 1980-е гг. М. Б. Храпченко представил программу всеобщей исторической поэтики, которая чуть было не стала «парадной» темой Отделения языка и литературы Академии наук [Храпченко], [Историческая поэтика, 1986, 1994]. Можно не сомневаться, если бы не его уход из жизни в 1986 г., он добился бы реализации программы исследований.

Современное состояние исторической поэтики в России характеризуют бесспорные достижения и успехи [Юрченко]. Исследований в этой области больше, чем можно представить. Любой обзор заведомо неполон. Это десятки тысяч публикаций сотен исследователей. Спектр исследований многообразен: преобладает изучение словесности, литературных направлений, языка, категорий эстетики и поэтики, сложились новые исследования (в первую очередь, этнопоэтики [Захаров, 1994, 2020], [Есаулов, 2004a]) и др. Значительным явлением стал цикл исследований И. А. Есаулова о новых категориях исторической поэтики [Есаулов, 1995, 2004b, 2012].

Веселовский намеренно стремился к незавершенности своих исследований. Бахтин адогматичен, нередко противоречив, на каждый его тезис почти всегда можно найти антитезис или исключение. Не приведены и не будут приведены к единому знаменателю концепции Д. С. Лихачева и М. М. Бахтина, В. М. Жирмунского и О. М. Фрейденберг, С. С. Аверинцева и М. Л. Гаспарова, В. Я. Проппа и Е. М. Мелетинского, С. Г. Бочарова и Ю. В. Манна и др. Благодаря Веселовскому историческая поэтика не стала учением или сводом правил и методик, но стала разделом поэтики и направлением исследований, не ограничивала инициативу, способствовала свободе исследований. Для ее развития нужны открытия. В современных публикациях преобладают материалы по исторической поэтике. Необходимы оригинальные идеи, концепции и интерпретации. Ретроспектива и эволюция исторической поэтики обнадёживают.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977. 320 с.
2. Аристотель и античная литература / отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1978. 230 с.
3. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой, 1929. 244 с.
4. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. писатель, 1963. 363 с.
5. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1965. 530 с.
6. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
7. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / ред., вступ. ст. и примеч. В. М. Жирмунского. Л.: ГИХЛ, 1940. 648 с.
8. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / вступ. ст. И. К. Горского; сост., коммент. В. В. Мочаловой. М.: Высш. шк., 1989. 404 с.
9. Веселовский А. Н. Избранное: историческая поэтика / авт. вступ. ст., коммент. и сост. И. О. Шайтанов. М.: РОССПЭН, 2006. 685 с.
10. Гаспаров М. Л. Современный русский стих: метрика и ритмика. М.: Наука, 1974. 487 с.
11. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика. М.: Наука, 1984. 320 с.
12. Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. М.: Наука, 1989. 304 с.
13. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. 287 с.
14. Есаулов И. А. Национальное своеобразие литературы // Введение в литературоведение / под ред. Л. В. Чернец. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 2004. С. 616–624. (а)
15. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 559 с. (b)
16. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. СПб.: Алетейя, 2012. 448 с.
17. Захаров В. Н. О сюжете и фабуле литературного произведения // Принципы анализа литературного произведения: сб. ст. / под ред. П. А. Николаева, А. Я. Эсалнек. М.: МГУ, 1984. С. 130–136.
18. Захаров В. Н. Историческая поэтика и ее категории // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1992. Вып. 2. С. 3–9 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2355> (12.11.2024). EDN: SFQKBV
19. Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 3. С. 5–11 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2370> (12.11.2024). EDN: RUYJPT

20. Захаров В. Н. Проблема жанра в «школе» Бахтина (М. М. Бахтин, П. Н. Медведев, В. Н. Волошинов) // Русская литература. СПб.: Наука, 2007. № 3. С. 19–30. EDN: IBDEYT
21. Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М.: Индрик, 2012. 264 с.
22. Захаров В. Н. Снова о перспективах изучения исторической поэтики // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 1. С. 7–16 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1522935865.pdf (12.11.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5021. EDN: YUMXUV
23. Захаров В. Н. Идея этнопоэтики в современных исследованиях // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 7–19 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (12.11.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382. EDN: IFROFH
24. Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения: [сб. ст.]. М.: Наука, 1986. 335 с.
25. Историческая поэтика: литературные эпохи и типы художественного сознания: [сб. ст.]. М.: Наследие, 1994. 512 с.
26. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1967. 372 с.
27. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: эпохи и стили. Л.: Наука, 1973. 254 с.
28. Лосев А. Ф. История античной эстетики: в 8 т. М.: Высш. шк., 1963–1988.
29. Медведев П. Н. Собр. соч.: в 2 т. / подгот. Ю. П. Медведев и Д. А. Медведева; отв. ред. Б. Ф. Егоров. СПб.: Росток, 2018. Т. 1. 838 с.; Т. 2. 926 с.
30. Михайлов А. В. Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры: очерки из истории филологической науки. М.: Наука, 1989. 230 с.
31. Михайлов А. В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 557 с. (Сер.: Письмена времени.)
32. Поспелов Г. Н. Сюжет // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1972. Т. 7. Стлб. 306–310.
33. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1946. 340 с.
34. Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. 552 с.
35. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра: период античной литературы. Л.: Гослитиздат, 1936. 454 с.
36. Хализев В. Е. Историческая поэтика: перспективы разработки // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1990. Вып. 1. С. 3–10 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2241> (12.11.2024). EDN: SFRUXL (a)
37. Хализев В. Е. Историческая поэтика: теоретико-методологические аспекты // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1990. № 3. С. 10–18. (b)
38. Храпченко М. Историческая поэтика: основные направления исследований // Вопросы литературы. 1982. № 9. С. 67–86.

39. Юрченко Т. Г. Историческая поэтика: проблемы изучения и перспективы развития: аналит. обзор / РАН, ИНИОН, отд. литературоведения; отв. ред. А. Н. Николюкин. М., 2022. 90 с. (Сер.: Теория и история литературоведения.)

References

1. Averintsev S. S. *Poetika rannevizantiyskoy literatury* [*The Poetics of Early Byzantine Literature*]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 320 p. (In Russ.)
2. *Aristotel' i antichnaya literatura* [*Aristotle and Ancient Literature*]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 230 p. (In Russ.)
3. Bakhtin M. M. *Problemy tvorchestva Dostoevskogo* [*The Problems of Dostoevsky's Works*]. Leningrad, Priboy Publ., 1929. 244 p. (In Russ.)
4. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [*The Problems of Dostoevsky's Poetics*]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1963. 363 p. (In Russ.)
5. Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennansa* [*Francois Rabelais' Works and Popular Culture of the Middle Ages and Renaissance*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1965. 530 p. (In Russ.)
6. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniya raznykh let* [*Questions of Literature and Aesthetics: Studies of Different Years*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 504 p. (In Russ.)
7. Veselovskiy A. N. *Istoricheskaya poetika* [*Historical Poetics*]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1940. 648 p. (In Russ.)
8. Veselovskiy A. N. *Istoricheskaya poetika* [*Historical Poetics*]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 404 p. (In Russ.)
9. Veselovskiy A. N. *Izbrannoe: istoricheskaya poetika* [*Selected Works: Historical Poetics*]. Moscow, The Russian Political Encyclopedia Publ., 2006. 685 p. (In Russ.)
10. Gasparov M. L. *Sovremennyy russkiy stikh: metrika i ritmika* [*Modern Russian Verse: Metrics and Rhythm*]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 487 p. (In Russ.)
11. Gasparov M. L. *Ocherk istorii russkogo stikha: metrika, ritmika, rifma, strofika* [*An Essay on the History of Russian Verse: Metrics, Rhythmic, Rime, Stanzas*]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 320 p. (In Russ.)
12. Gasparov M. L. *Ocherk istorii evropeyskogo stikha* [*An Essay on the History of European Verse*]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 304 p. (In Russ.)
13. Esaulov I. A. *Kategoriya sobornosti v russkoy literature* [*The Category of Sobornost' in Russian Literature*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995. 287 p. (In Russ.)
14. Esaulov I. A. National Originality of Literature. In: *Vvedenie v literaturovedenie* [*Introduction to Literary Studies*]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004, pp. 616–624. (In Russ.) (a)

15. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti* [*Paskhal'nost' of Russian Literature*]. Moscow, Krug Publ., 2004. 559 p. (In Russ.) (b)
16. Esaulov I. A. *Russkaya klassika: novoe ponimanie* [*Russian Classics: New Understanding*]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2012. 448 p. (In Russ.)
17. Zakharov V. N. About the Sujet and Fabula of a Literary Work. In: *Principy analiza literaturnogo proizvedeniya* [*Principles of Literary Work Analysis*]. Moscow, Moscow State University Publ., 1984, pp. 130–136. (In Russ.)
18. Zakharov V. N. Historical Poetics and Its Category. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrosavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1992, issue 2, pp. 3–9. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2355> (accessed on November 12, 2024). EDN: SFOKBV (In Russ.)
19. Zakharov V. N. Russian Literature and Christianity. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrosavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, issue 3, pp. 5–11. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2370> (accessed on November 12, 2024). EDN: RUYJPT (In Russ.)
20. Zakharov V. N. The Problem of Genre in the Bakhtin “School” (M. M. Bakhtin, P. N. Medvedev, V. N. Voloshinov). In: *Russkaya literatura*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, no. 3, pp. 19–30. EDN: IBDEYT (In Russ.)
21. Zakharov V. N. *Problemy istoricheskoy poetiki. Etnologicheskie aspekty* [*The Problems of Historical Poetics. Ethnological Aspects*]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 264 p. (In Russ.)
22. Zakharov V. N. One More Time About the Perspectives of the Study of Historical Poetics. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2018, vol. 16, no. 1, pp. 7–16. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1522935865.pdf (accessed on November 12, 2024). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5021. EDN: YUMXUV (In Russ.)
23. Zakharov V. N. The Idea of Ethnopoetics in Contemporary Research. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2020, vol. 18, no. 3, pp. 7–19. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (accessed on November 12, 2024). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382. EDN: IFROFH (In Russ.)
24. *Istoricheskaya poetika: itogi i perspektivy izucheniya* [*Historical Poetics: Results and Prospects of Study*]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 335 p. (In Russ.)
25. *Istoricheskaya poetika: literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya* [*Historical Poetics: Literary Epochs and Types of Artistic Consciousness*]. Moscow, Nasledie Publ., 1994. 512 p. (In Russ.)
26. Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoy literatury* [*The Poetics of Old Russian Literature*]. Leningrad, Nauka Publ., 1967. 372 p. (In Russ.)
27. Likhachev D. S. *Razvitie russkoy literatury X–XVII vv.: epokhi i stili* [*Development of Russian Literature in the 10th — 17th Centuries: Epochs and Styles*]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 254 p. (In Russ.)

28. Losev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki: v 8 tomakh* [History of Ancient Aesthetics: in 8 Vols]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1963–1988. (In Russ.)
29. Medvedev P. N. *Sobranie sochineniy: v 2 tomakh* [Collected Works: in 2 Vols]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2018, vol. 1. 838 p.; vol. 2. 926 p. (In Russ.)
30. Mikhaylov A. V. *Problemy istoricheskoy poetiki v istorii nemetskoj kul'tury: ocherki iz istorii filologicheskoy nauki* [Problems of Historical Poetics in the History of German Culture: Essays from the History of Philological Science]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 230 p. (In Russ.)
31. Mikhaylov A. V. *Izbrannoe. Istoricheskaya poetika i germenevtika* [Selected Works. Historical Poetics and Hermeneutics]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2006. 557 p. (Ser.: Letters of Time.) (In Russ.)
32. Pospelov G. N. *Sujet (=Plot)*. In: *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [A Short Literary Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1972, vol. 7, columns 306–310. (In Russ.)
33. Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [Historical Roots of the Magic Fairy Tale]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1946. 340 p. (In Russ.)
34. Propp V. Ya. *Russkij geroicheskiy epos* [Russian Heroic Epic]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1955. 552 p. (In Russ.)
35. Freydenberg O. M. *Poetika syuzheta i zhanra: period antichnoy literatury* [Poetics of Plot and Genre: the Period of Ancient Literature]. Leningrad, Goslitizdat Publ., 1936. 454 p. (In Russ.)
36. Khalizev V. E. Historical Poetics: Prospects for Development. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrosavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1990, issue 1, pp. 3–10. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2241> (accessed on November 12, 2024). EDN: SFRUXL (In Russ.) (a)
37. Khalizev V. E. Historical Poetics: Theoretical-Methodological Aspects. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 1990, no. 3, pp. 10–18. (In Russ.) (b)
38. Khrapchenko M. Historical Poetics: Main Directions of Research. In: *Voprosy literatury*, 1982, no. 9, pp. 67–86. (In Russ.)
39. Yurchenko T. G. *Istoricheskaya poetika: problemy izucheniya i perspektivy razvitiya: analiticheskiy obzor* [Historical Poetics: Study Problems and Prospects: Analytical Review]. Moscow, 2022. 90 p. (Ser.: Theory and History of Literary Criticism.) (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Захаров Владимир Николаевич, Vladimir N. Zakharov, PhD (Филологический факультет, профессор, зав. кафедрой классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2709-4145>; e-mail: vnz01@yandex.ru), Professor, Head of the Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalism of the Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2709-4145>; e-mail: vnz01@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.11.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.12.2025

Принята к публикации / Accepted 26.12.2025

Дата публикации / Date of publication 14.02.2025

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14802

EDN: XYGTSK

Диалог о будущем в поэзии Александра Пушкина и Адама Мицкевича

М. А. Артемьев

независимый исследователь

(г. Москва, Российская Федерация)

e-mail: art-maksim@yandex.ru

Аннотация. Стихотворение Александра Пушкина «Он между нами жил...» (1834), посвященное Адаму Мицкевичу, содержит пересказ речей польского поэта о стремящемся к всеединству человечестве. Статья предлагает ответ на вопрос, насколько адекватна их передача и не имеется ли в стихах самого Мицкевича соответствующих формулировок. Парафраз высказываний Мицкевича, приводимый Пушкиным, позволяет сделать выводы относительно особенностей творчества русского и польского поэтов, сходства и различия между их художественными мирами. Поэтический диалог между Мицкевичем и Пушкиным о будущем народов начался раньше написания данного стихотворения. Русский поэт в своем произведении более традиционен, не склонен к идеологическим утопиям. Однако когда он обращается к образу Мицкевича, то использует характерный для него ход размышлений. То, что у Мицкевича является словами без дополнительных оттенков смысла, у Пушкина приобретает всечеловеческое значение.

Ключевые слова: Пушкин, Мицкевич, русско-польские литературные связи, утопия, футурология, романтизм, парафраз

Для цитирования: Артемьев М. А. Диалог о будущем в поэзии Александра Пушкина и Адама Мицкевича // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 1. С. 22–30. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14802. EDN: XYGTSK

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14802

EDN: XYGTSK

A Dialogue About the Future in the Poetry of Alexander Pushkin and Adam Mickiewicz

Maxim A. Artemyev

*Independent Researcher
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: art-maksim@yandex.ru

Abstract. Alexander Pushkin's poem "He lived among us..." (1834), dedicated to Adam Mickiewicz, contains a retelling of the Polish poet's speeches about humanity striving for unity. The article offers an answer to the question of how adequate their transmission is and whether there are appropriate formulations in Mickiewicz's own poems. Pushkin's paraphrase of Mickiewicz's statements allows us to draw conclusions about the peculiarities of Russian and Polish poets' work, the similarities and differences between their artistic worlds. The poetic dialogue between Mickiewicz and Pushkin about the future of nations began before this poem was written. The Russian poet is more traditional in his work and is not inclined to ideological utopias. However, when he turns to the image of Mickiewicz, he uses his characteristic train of thought. What in Mickiewicz are words without additional shades of meaning, in Pushkin acquires a universal conciliar meaning. The genius of the Russian poet lies in the fact that he does not object to Mickiewicz's words about the unity of nations, but continues and elevates them.

Keywords: Pushkin, Mickiewicz, Russian-Polish literary relations, utopia, futurology, romanticism, paraphrase

For citation: Artemyev M. A. A Dialogue About the Future in the Poetry of Alexander Pushkin and Adam Mickiewicz. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 22–30. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14802. EDN: XYGTSK (In Russ.)

Одними из наиболее цитируемых строк Александра Пушкина являются слова: «Когда народы, распри позабыв, / В великую семью соединятся». Они взяты из стихотворения «Он между нами жил...» (1834), посвященного Адаму Мицкевичу (см. об истории создания этого стихотворения: [Цявловский]). Образ сливающихся воедино народов представлен у Пушкина как пересказ слов Мицкевича:

«...Нередко
Он говорил о временах грядущих.
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта» [Пушкин: 259].

М. П. Алексеев задавался вопросами: «Нельзя ли эти строки истолковать как конкретное указание на беседы Мицкевича в кругу его русских друзей на темы о социально-утопических доктринах? <...> Не следует ли, однако, пойти дальше и предположить, что Пушкину был известен и замысел "Истории будущего" Мицкевича?» [Алексеев, 1972: 130].

«История будущего» (“Historia przyszłości”, фр. “L’histoire d’avenir”) — это не дошедший до нас научно-фантастический и утопический роман Адама Мицкевича на французском языке. Первая версия была написана в Санкт-Петербурге в 1829 г. Всего же известно о семи версиях произведения, рукописи которых последовательно уничтожались автором ([Алексеев, 1959], [Skwarczyńska]). Представляется, что строка «Он говорил о временах грядущих» недвусмысленно отсылает к «Истории будущего».

Но нас интересует не сам факт возможного знакомства русского поэта с необычным творческим замыслом поэта польского, а конкретный образный ряд. Пересказывает ли Пушкин приблизительно содержание разговоров Мицкевича или довольно точно его цитирует?

В 1830 г., «по дороге в Геную», как следует из его собственного примечания, Адам Мицкевич написал стихотворение «К матери-полячке» (“Do matki Polki”), отражающее его взгляд на перспективы польского освободительного движения. Напомним, что годом ранее, в мае 1829-го, он покинул Санкт-Петербург,

переехав в Европу навсегда. В этом произведении поэт передавал настроение, характерное для него в период, когда он встречался с Александром Пушкиным. В его четвертой строфе имеются следующие строки:

“Bo choć w pokoju zakwitnie świat cały,
Choć się sprzymierzą rządy, ludy, zdania...”¹.

Стихотворение известно в поэтическом переводе на русский язык Михаила Михайлова (1829–1865) под названием «К польке-матери». В нем эти строки звучат так:

«И если б целый мир расцвел в покое,
Всё примирилось — люди, веры, мненья»
(курсив мой. — М. А.)².

Однако дословный перевод точнее передает значение использованных польским поэтом слов:

«Ибо пусть в спокойствии целый мир будет цвести,
Пусть объединятся правительства, народы, мысли...»³.

В 1829 г. Мицкевич опубликовал касыду «Аль-Мутанабби» (“Almotenabbi”), где герой высказывается:

“Niesprawiedliwość ludzkie rozdziela plemiona,
Chociaż wyszliśmy wszyscy z jednej matki łona”⁴.

«Неправда враждой разделила людей племена,
Хоть общая мать всему роду людскому дана» (поэтический перевод В. Г. Бенедиктова)⁵.

«Человеческая несправедливость разделила племена,
Хотя вышли мы все из чрева одной матери» (дословный перевод мой. — М. А.).

¹ Mickiewicz A. Do matki Polki [Электронный ресурс]. URL: [https://pl.wikisource.org/wiki/Do_matki_Polki_\(Mickiewicz\)](https://pl.wikisource.org/wiki/Do_matki_Polki_(Mickiewicz)) (17.12.2024).

² Do Matki Polki. К польке-матери («О полька мать! Коль в детском взгляде сына...») / пер. М. Л. Михайлова // Михайлов М. Л. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Academia, 1934. С. 521–522.

³ Дословный перевод с польского языка мой. — М. А.

⁴ Mickiewicz A. Almotenabbi [Электронный ресурс]. URL: [https://pl.wikisource.org/wiki/Kasyda_\(Almotenabbi,_1929\)](https://pl.wikisource.org/wiki/Kasyda_(Almotenabbi,_1929)) (17.12.2024).

⁵ Мицкевич А. Сочинения А. Мицкевича. СПб.: Тип. М. О. Вольфа, 1882. Т. 1. С. 236.

Таким образом, в 1829–1830 гг. Адам Мицкевич не только размышлял о написании «Истории будущего» (и делился замыслом с друзьями и знакомыми, среди которых был и Пушкин), но и создавал поэтические произведения, в которых как минимум дважды встречается упоминание о разделении народов, а также о том, что в будущем они могут объединиться.

Можно предположить, что важный для Мицкевича образ разделенного, но стремящегося к всеединству человечества он вполне мог обсуждать во время бесед с литераторами и поклонниками в петербургских салонах⁶, где этот разговор мог услышать Пушкин (равно как и в чьем-то пересказе) и использовать данный образ спустя несколько лет в стихотворении. Русский автор в строках «Когда народы, распри позабыв, / В великую семью соединятся» мог иметь в виду реплику польского коллеги, запечатлев одну из наиболее актуальных для того идей. Таким образом, фигура устной речи зажила независимой жизнью в поэзии Пушкина.

Со стихотворением «К матери-полячке», опубликованным только в 1833 г. во Львове нелегально (см. об этом: [Inglot]), русский поэт, судя по всему, был незнаком. Речь может идти только о непосредственном воздействии разговора Мицкевича — может быть, даже одной из его импровизаций, которыми польский автор славился.

Пушкин выразительно заострил пафос Мицкевича, и в русской поэзии его слова приобрели особенно впечатляющее звучание и значение. При этом в польской культуре строка: «Пусть объединятся правительства, народы, мысли...» — крылатой фразой не стала, хотя порой и цитируется (например, в газетной публицистике), но требуя при этом пояснения, откуда взяты эти слова⁷. Отметим, что для Мицкевича подобное перечисление с усилением, нарастанием значимости объекта является привычным приемом:

⁶ Об общении русского и польского поэтов см.: [Ивинский].

⁷ Stempowski J. Korespondencja z Krystyną Marek (9) [Электронный ресурс]. URL: <https://wydawnictwoproby.pl/korespondencja-z-krystyna-marek-9/> (17.12.2024).

“I tak rozmawiać, godziny, dni, lata,
Do końca świata i po końcu świata”⁸.
«И так говорить часы, дни, годы,
До конца света и после конца света»⁹.
(*Стихотворение «Разговор»*);

“Zyj dla sług, przyjaciół, żony,
Lata, wieki, nieśmiertelność”¹⁰.
«Живи для слуг, друзей, жены, / Годы, века, вечность».
(*Баллада «Тукай»*);

“Widzieć tę gwiazdę razem i zbliska i zawsze!”¹¹.
«Видеть ту звезду вместе, рядом и всегда!»
(*Стихотворение «Незнакомой сестре моей приятельницы»*).

Пушкин удаляет «правительства» и «мысли» (последнее слово можно перевести как «представления», «мнения», «убеждения»), говоря об одних только народах, но вводит впечатляющий образ «великой семьи».

Пушкину как автору был чужд подход Мицкевича к истории (культ Польши как страдальцы среди народов, несущей искупительную жертву, враждебное неприятие России), он прошел мимо современных ему социалистических сен-симонистских утопий (которые могли повлиять на польского поэта), но передавая мысли Мицкевича, создавая его образ, он выстроил такой смысловой ряд, который явился значительным достижением русской поэзии. В данном случае слова Достоевского из «Пушкинской речи» о «всемирной отзывчивости» поэта [Достоевский; т. 26: 130] вполне уместны. Пушкин поднимается до всечеловеческого взгляда на будущее.

⁸ Mickiewicz A. Rozmowa [Электронный ресурс]. URL: [https://pl.wikipedia.org/wiki/Rozmowa_\(Mickiewicz\)](https://pl.wikipedia.org/wiki/Rozmowa_(Mickiewicz)) (17.12.2024).

⁹ Здесь и далее перевод мой. — М. А.

¹⁰ Mickiewicz A. Tukaj [Электронный ресурс]. URL: https://pl.wikisource.org/wiki/Poezye_Adama_Mickiewicza/Tukaj_Ballada_I (17.12.2024).

¹¹ Mickiewicz A. Nieznajomej siostrze przyjaciółki mojej [Электронный ресурс]. URL: [https://pl.wikisource.org/wiki/Nieznajomej_siostrze_przyjaci%C3%B3w%28ki_mojej_\(Mickiewicz,_1899\)](https://pl.wikisource.org/wiki/Nieznajomej_siostrze_przyjaci%C3%B3w%28ki_mojej_(Mickiewicz,_1899)) (17.12.2024).

Рассматриваемое поэтическое пересечение Пушкина и Мицкевича ярко высвечивает и их различие. Русский поэт не пытается создавать фантастические картины грядущего, он стоит на твердой почве реальности. В стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836) будущее совсем не утопическое:

«И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит» [Пушкин: 340].

Пока лира будет нетленна, память о Пушкине будут хранить поэты. Далее он перечисляет народы России и предполагает, что те, которые есть при его жизни, останутся и дальше, а не сольются в «великую семью». Идентичности «внука славян», «финна», «тунгуса», «друга степей калмыка» сохранятся. Только тунгус, «ныне дикой», может преобразовать свой статус.

Мицкевич как автор утопий, пусть и недописанных и неопубликованных, пытался представить будущее. Делал он это и в поэзии — например, в написанном по мотивам польского восстания 1830–1831 гг. стихотворении «Редут Ордона», где возник откровенно пессимистический вариант: «...когда вера и свобода покинут народы, когда Землю затопят деспотизм и сумасшедшая гордыня <...> Бог взорвет эту Землю»¹².

Подобный сюжетный ход чужд Пушкину. Он может попробовать рассмотреть варианты развития истории России и славянства в целом, но лишь откликаясь на текущие политические события:

«Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос»
(«Клеветникам России», 1831) [Пушкин: 209].

Любопытно, что и в этом случае обращение Пушкина к футурологии спровоцировано польской тематикой — восстанием 1830–1831 гг.:

«Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях или верный росс?» [Пушкин: 209].

Рассуждения поэта опять-таки отталкиваются от современной ему реальности, они не носят абстрактного характера. И здесь

¹² Mickiewicz A. Reduta Ordoni [Электронный ресурс]. URL: [https://pl.wikisource.org/wiki/Reduta_Ordoni_\(1899\)](https://pl.wikisource.org/wiki/Reduta_Ordoni_(1899)) (17.12.2024).

у Пушкина, наверное, впервые возникает образ соединения народов, пока только славянских, возможно полемически заостренный против Мицкевича.

Мицкевич, работавший над «Историей будущего», предстает автором, увлеченным новейшими идеями, что спорадически проникает и в его поэзию. Пушкин же творит как писатель, чуждый новейших изысков. Это заметно на фоне таких его современников, как Ф. Булгарин («Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в ХХІХ веке», 1824; «Сцена из частной жизни в 2028 году», 1828) и В. Одоевский («4338-й год: Петербургские письма», 1835) — оба автора могли повлиять на замысел «Истории будущего».

Излагая мысль Мицкевича в стихотворении «Он между нами жил...», Пушкин придерживается согласия с Мицкевичем в понимании идеала и будущего народов, подхватывает мысль польского поэта о необходимости стремления к всечеловеческому единству, продолжает ее и поэтически возвышает.

Список литературы

1. Алексеев М. П. Замыслы “Historii przyszłości” Мицкевича и русская утопическая мысль 20-х — 30-х годов XIX века // *Slavia*. 1959. Ročník XXVIII. Sešit 1. S. 58–68.
2. Алексеев М. П. Пушкин и наука его времени: разыскания и этюды // Алексеев М. П. Пушкин: сравнительно-исторические исследования. Л.: Наука, 1972. С. 5–159 [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/a72/a72-005.htm> (17.12.2024).
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
4. Ивинский Д. П. Пушкин и Мицкевич: история литературных отношений. М.: Языки славянской культуры, 2003. 432 с. (Сер.: *Studia philologica*.)
5. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. 4-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1977. Т. 3: Стихотворения, 1827–1836. 495 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian-literature.org/tom/554132> (17.12.2024).
6. Цявловский М. А. «Он между нами жил...»: к истории создания стихотворения // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине / АН СССР. Отд-е лит. и яз. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 195–206.
7. Ingłot M. *Romantyzm. Słownik literatury polskiej*. Gdańsk: Słowo / Obraz Terytoria; Gdańskie Wydawnictwo Oświatowe, 2007. 295 s.
8. Skwarczyńska S. *Mickiewiczza “Historia przyszłości” i jej realizacje literackie: wraz z podobizną autografu*. Łódź; Wrocław: ŁTN Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1964. 200 s. (Ser.: *Prace Wydziału 1 — Językoznawstwa, Nauki o Literaturze i Filozofii*; no. 59.)

References

1. Alekseev M. P. The Ideas of Mickiewicz's "History of the Future" and Russian Utopian Thought of the 1820s — 1830s. In: *Slavia*, 1959, vol. 28, no. 1, pp. 58–68. (In Russ.)
2. Alekseev M. P. Pushkin and Science of His Time (Research and Essays). In: *Alekseev M. P. Pushkin: sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya [Alekseev M. P. Pushkin: Comparative Historical Research]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972, pp. 5–159. Available at: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/a72/a72-005.htm> (accessed on December 17, 2024). (In Russ.)
3. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [The Complete Works: in 30 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
4. Ivinskiy D. P. *Pushkin i Mitskevich: istoriya literaturnykh otnosheniy [Pushkin and Mickiewicz: the History of Literary Relations]*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2003. 432 p. (Ser.: Studia Philologica.) (In Russ.)
5. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 tomakh [The Complete Works: in 10 Vols]*. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1977, vol. 3: Poems, 1827–1836. 495 p. Available at: <https://russian-literature.org/tom/554132> (accessed on December 17, 2024). (In Russ.)
6. Tsyavlovskiy M. A. "He Lived Among Us...": to the History of the Creation of the Poem. In: *Tsyavlovskiy M. A. Stat'i o Pushkine [Tsiavlovsky M. A. Articles About Pushkin]*. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1962, pp. 195–206. (In Russ.)
7. Inglot M. *Romantyzm. Słownik literatury polskiej [Romanticism. Dictionary of Polish Literature]*. Gdańsk, Word / Image Territories Publ., 2007. 295 p. (In Polish)
8. Skwarczyńska S. *Mickiewicza "Historia przyszłości" i jej realizacje literackie: wraz z podobizną autografu [Mickiewicz's "History of the Future" and Its Literary Realizations: Together with the Autograph Image]*. Łódź, Wrocław, Ossoliński National Institute Publ., 1964. 200 p. (Ser.: Works of Faculty 1 — Linguistics, Literary Studies and Philosophy; no. 59.) (In Polish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Артемьев Максим Анатольевич, Maxim A. Artemyev, PhD (Psychology), кандидат психологических наук, независимый исследователь (г. Москва, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6188-0134>; e-mail: art-maksim@yandex.ru; Independent Researcher (Moscow, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6188-0134>; e-mail: maksim@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 20.12.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.01.2025

Принята к публикации / Accepted 21.01.2025

Дата публикации / Date of publication 14.02.2025

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14783

EDN: ХНУФОJ

Образ «проклятого скитальца» в «Цыганах» А. С. Пушкина

Ю. А. Ростовцева

Интернет-портал «Азбука веры»

(г. Москва, Российская Федерация)

e-mail: rostoyuliya@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализирован образ «проклятого скитальца» Алеко в его типологической связи с Каином Байрона. Выявлены такие общие мотивы, как отсутствие покоя, изгнание в пустыню, тайная скорбь, inferнальное воздействие на героя и др. Сопоставив двух героев, автор статьи пришла к выводу, что, несмотря на общность мотивов, образ «проклятого скитальца» в произведениях Байрона и Пушкина интонационно различно окрашен. В отличие от «властителя дум», русский писатель не только не романтизирует страсти, но и воспекает подлинно христианские идеалы. Эти идеалы воплощены в тексте преимущественно благодаря образам «птички Божией» и раненого журавля, которому уподобляется Алеко. Основываясь на интертекстуальных связях «Цыган» с басней А. Н. Радищева «Журавли», автор исследования сделала вывод, что неосуждение грешника есть главный урок, который хотел преподать Пушкин на примере образа своего «бездомного скитальца». В статье проанализированы и рассмотрены некоторые положения из критических работ XIX в. о творчестве Пушкина: оценки Алеко В. Г. Белинским и В. Н. Олиным. Автор исследования пришла к выводу, что в «Цыганах» Пушкин развенчивает титанизм байронического героя, преобразуя его в мотив страдальческого одиночества страстной личности. При этом в поэме об Алеко доминирует мотив мира: его желает герою репрезентирующий волю автора старый цыган. И в этом произведении Пушкин остался верен своей лире и «милость к падшим призывал».

Ключевые слова: Пушкин, Байрон, тип, герой, байронический герой, проклятый скиталец, христианство, язычество

Для цитирования: Ростовцева Ю. А. Образ «проклятого скитальца» в «Цыганах» А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 1. С. 31–49. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14783. EDN: ХНУФОJ

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14783

EDN: XHYFOJ

Image of the “Cursed Wanderer” in A. S. Pushkin’s “The Gypsies”

Julia A. Rostovtseva

Internet-Portal “Azbuka very”

(Moscow, Russian Federation)

e-mail: rostoyuliya@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the image of the “cursed wanderer” Aleko in his typological connection with Byron’s Cain. Such common motives as lack of inner peace, exile to the desert, secret sorrow, infernal influence on the hero, etc. are revealed. Comparing the two characters, the author of the article comes to the conclusion that despite the common motives, the images of the “cursed wanderer” in the works of Byron and Pushkin are essentially different. Unlike the “ruler of minds,” the Russian writer not only refrains from romanticizing passions, but also celebrates truly Christian ideals. These ideals are embodied in the text largely through the images of the “bird of God” and the wounded crane, to which Aleko is likened. Based on the intertextual connections of “The Gypsies” with A. N. Radishchev’s fable “Cranes,” the author of the study concludes that the non-condemnation of the sinner is the principal lesson that Pushkin wanted to impart using the image of his “homeless wanderer.” Certain provisions from the 19th-century criticism, specifically, the assessments of Aleko by V. G. Belinsky and V. N. Olin, are reviewed and reconsidered. As a result, the author concludes that in “The Gypsies” Pushkin debunks the titanism of the Byronic hero, transforming it into a motif of suffering loneliness of a passionate persona. At the same time, the motif of peace, which the old gypsy, representing the author’s will, wishes for the hero, dominates in the poem about Aleko. Thus, Pushkin once again remained faithful to his lyre and “called for mercy to the fallen.”

Keywords: Pushkin, Byron, type, hero, Byronic hero, cursed wanderer, Christianity, paganism

For citation: Rostovtseva Ju. A. Image of the “Cursed Wanderer” in A. S. Pushkin’s “The Gypsies”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 31–49. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14783. EDN: XHYFOJ (In Russ.)

Трудно найти романтика, в творчестве которого не обнаруживается интерес к кому-либо из «проклятых скитальцев» — Агасферу, Каину или Летучему голландцу [Зыкова: 53]. Если говорить о Пушкине, то первый «несчастный скиталец» появляется в его творчестве вместе с выходом в свет поэмы «Цыганы» (1827). Именно так в знаменитой «Пушкинской речи» назвал Алеко Достоевский [Достоевский: 137]. Подобный герой представляет собой отрицательный тип человека, оторванного от почвы. Как справедливо выразился В. Н. Захаров, «для Достоевского "почва" — все, что родит и роднит: народ, родина, родная речь, родная земля. Их объединяет тайна, которая заключается в том, что Россия — хранительница православия, что "идеал народа — Христос"» [Захаров: 14]. Оторванный от православия, отошедший от истинного Бога, потерявший путь, беспутный, скиталец — связь с христианской традицией здесь очевидна. Однако есть и другая связь.

В 1821 г. к образу первого скитальца на земле обращается Дж. Г. Байрон. В драматической мистерии о Каине «нашла свое выражение квинтэссенция байронического богоборчества» [Виролайнен: 183]. Вопрос о влиянии Байрона на Пушкина изучен¹. Известно, что поэт читал «властителя дум» на языке-оригинале [Баевский, 1996: 5], а влияние его творчества отразилось уже в «Руслане и Людмиле» [Топоров: 208]. Вяземский прямо указывал: «Вероятно, не будь Байрона, не было бы и поэмы "Цыганы" в настоящем их виде» [Вяземский: 318]. Ту же зависимость отмечали И. В. Киреевский [Киреевский: 51] и С. П. Шевырев².

Вместе с тем в прижизненной критике не упоминалось о сходстве двух персонажей: байроновского и пушкинского³.

¹ См.: Сиповский В. В. Пушкин, Байрон и Шатобриан. СПб.: Тип. В. Демакова, 1899. 32 с.; Дашкевич Н. Отголоски увлечения Байроном: разочарования, грезы о свободе вне цивилизованного общества и сомнения в поэзии Пушкина // Пушкин. СПб.: Изд. Брокгауза — Ефрона, 1908. С. 424–450. (Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова; т. II); Веселовский А. Этюды о байронизме. Западные литературы // Веселовский А. Этюды и характеристики. М.: Типо-литография т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1912. Т. I. С. 415–424; [Жирмунский], [Фридлиндер], [Болтовская].

² Шевырев С. П. Обзорение русской словесности за 1827 год // Московский Вестник. 1828. № 1. Ч. 7. С. 67.

³ Позднее появляются параллели между Гяуром и пушкинским героем, между Корсаром и Алеко. См.: [Купреянова, Макогоненко: 212], [Мустафина].

Впервые типология Каин — Алеко была заявлена в трудах Вяч. Иванова. Критик усмотрел три формации, указывающие на постепенное вызревание «Цыган». В основе первой, по его мысли, лежало «трагическое чувство роковой отчужденности индивидуалиста-мятежника, скитальца Каина» [Иванов: 201]. Позднее Ю. В. Манн сопоставил мир первых людей, описанный Байроном, с цыганской общиной Пушкина, привел Алеко и Каина к общему знаменателю буйной страсти [Манн, 2007: 100]. На этом история сопоставления двух героев была исчерпана. В настоящей статье предлагается вновь обратиться к заявленной проблематике, чтобы с ее помощью проанализировать образ «проклятого скитальца» в «Цыганах».

Первое семантически окрашенное слово, которым обрамляется образ Алеко, — это пустыня. Примечательно, что изначально вместо него стояло «распутие», которое имело другой, отличный от конечного текста коррелят: *распутие* — (*цыганский*) закон.

Черновая редакция

«Отец мой дева говорит —
Я привела тебе родного —
Я на *распутии* нашла
Красавца друга молодого —
И к нам зазвала...
Ему по нраву наш закон...»
[Пушкин, 1994: 409].

Итоговый текст

«Отец мой, — дева говорит, —
Веду я гостя; за курганом
Его в *пустыне* я нашла
И в табор на ночь зазвала...
Его преследует закон...»
[Пушкин, 1994: 180].

Оставить все в первоначальном виде — не отвечало пушкинскому замыслу, ведь цыгане «дики», у них нет законов. Однако представляется, что, инкорпорируя в текст слово «пустыня», автор апеллировал к древнейшему архетипу: грех — пустыня. Издревле пустыня являлась местом изгнания за злодеяния. Туда в Ветхом Завете выставляется козел отпущения, туда же отправляются оплакивать свои падения христианские святые (напр., преподобная Мария Египетская). Исходя из контекста, можно предположить, что Алеко уже расплачивается своими скитаниями за какой-то смертоносный грех. И хотя блуждания героя лежат где-то за гранью поэтического рассказа, некие намеки («его преследует закон»), указание на уснувшие до времени страсти и, наконец, произнесение Алеко в «страшных

мечтах» другого имени свидетельствуют о том, что в его жизни уже совершено преступление [Томашевский; кн. 1: 617], [Манн, 1976: 79–80, сноска 66], из-за чего весь образ героя приобретает черты бунтаря и богоборца. Примечательно, что предтеча пушкинского «убийцы» — байроновский Каин — после совершенного им греха также изгоняется первыми людьми в пустыню:

«Да будут же над ним
Проклятья всех живущих, и в мученьях
Пусть он бежит в пустыню, как бежали
Из рая мы...» [Байрон: 460].

Так, пустыня является тем локусом, который «объединяет» героев.

Библейский Каин «был от лукавого» (1 Ин. 3:12). То же можно сказать и о байроновском герое. Неслучайно Люцифер узнает в нем своего почитателя: «Но не поклонник Бога — мой поклонник» [Байрон: 399]. Следствием гордыни является бесприютность. Так, Каин начинает скитаться до того момента, как будет обречен Творцом на скитальчество:

«Он не страшнее тех, что потрясают
Горящими мечами пред вратами,
Вокруг которых часто я *скитаюсь*,
Чтоб на свое законное наследье —
На райский сад взглянуть хотя мельком,
Скитаюсь до поры, пока не скроет
Ночная тьма Эдема и бессмертных
Эдемских насаждений...» (здесь и далее в цитатах
полужирный курсив мой. — Ю. Р.)
[Байрон: 389].

«Изгнанником» на страницах пушкинской поэмы предстает и Алеко [Пушкин, 1994: 183].

Драма бунтарской души разворачивается в обоих произведениях на фоне *locus amoenus*⁴. Райские коннотации присутствуют в описании первой человеческой семьи и цыганского табора. На общину цыган как идеализированный образ «золотого века» указывал еще современник Пушкина И. В. Киреевский:

⁴ прелестный уголок (*лат.*).

«Подумаешь, автор хотел представить золотой век, где люди справедливы, не зная законов; где страсти никогда не выходят из границ должного; где все свободно, но ничто не нарушает общей гармонии, и внутреннее совершенство есть следствие не трудной образованности, но счастливой неиспорченности совершенства природного» [Киреевский: 50]. Впоследствии Вяч. Иванов назвал описанный Пушкиным цыганский табор «раем первобытной гармонии», в котором «нарушение равновесия живых сил возникает не иначе, как по вине извечно той же древней Евы или Пандоры» [Иванов: 198].

Казалось бы, в «Каине» описанию райской действительности не должно быть места, ведь первые люди обречены на скорбь (Быт. 3:16–19). Однако и здесь присутствует мотив легкого труда и добывания пищи, столь характерный для описания земного рая:

«Адам

Молитва наша кончена, идемте
К своим трудам урочным, не тяжелым,
Но все ж необходимым: нивы щедро
Нам воздают за малый труд» [Байрон: 388].

«Ада

<...>

Я за тобой: уж полдень, — наступает
Час отдыха и радости» [Байрон: 401].

Скорбь и ропот на унаследованную долю присутствуют лишь в словах Каина, в то время как его присные беспрестанно славословят Бога и пребывают в состоянии, которое можно было бы описать как блаженное. И если чета первых людей, их дети (кроме Каина) обладают истинным благочестием, цыгане Бессарабии, по собственному наблюдению Пушкина, «отличаются перед прочими большей нравственной чистотой» [Пушкин, 1978: 15]. Словно развивая его мысль, Ю. Манн замечал об этом народе: «Воля существует здесь без жестокости, жизнелюбие без алчности и хищничества. Наоборот, и воля, и жизнелюбие, и гостеприимство совмещаются с терпимостью и душевной мягкостью» [Манн, 2007: 96]. Совершенно отличны, резко контрастны на этом фоне образы духовных скитальцев.

Так, байроновский Каин восстает и против молитвы, и против первой Божественной заповеди — о труде (Быт. 2:15):

«Я никогда еще
Пред божеством отца не преклонялся...» [Байрон: 399];
«Трудись, трудись! Но почему я должен
Трудиться? Потому, что мой отец
Утратил рай. Но в чем же я виновен?» [Байрон: 389].

Гордый Алеко противится законам гражданским, общественным и, надо полагать, Божественным, «так выявляется центральная в сюжете поэмы оппозиция страсти — нравственный закон» [Жилина, 2009: 74]. Как носители сильных страстей, «проклятые скитальцы» Байрона и Пушкина не имеют внутреннего мира. Каин восклицает:

«Ничто не даст душе моей покоя,
Да я и никогда, со дня рожденья,
Не знал его» [Байрон: 451].

В «Цыганах» данный мотив обрамлен особой риторикой. Как показал Б. Томашевский, одно из важнейших «словарных гнезд» поэмы — эпитеты «мирный», «тихий», применимые к цыганскому табору [Томашевский; кн. 1: 648]. Алеко становится «вольным жителем мира» [Пушкин, 1994: 183] цыган, но так и не обретает душевного успокоения. Косвенной причиной отсутствия мира является инфернальное существо, которое воздействует на героя. В первом случае это Люцифер. Во втором — «домашний дух» [Пушкин, 1994: 191], который ночью мучит **бездомного** скитальца. Во сне Алеко видит «страшные мечты» [Пушкин, 1994: 192] и произносит «другое имя» [Пушкин, 1994: 191]. Так, пушкинский герой наследует байроновскому Каину, который, согласно проклятию, «грезит во сне своею жертвой» [Байрон: 460].

Другой общий мотив — мотив тайной скорби. Каин — носитель потаенной печали — с особой силой предается ей после убийства брата (ср.: «Ева. <...> Да будет он снедаем вечной скорбью...» [Байрон: 459]), в то время как Алеко уже имеет «грусти тайную причину» [Пушкин, 1994: 183] как следствие необузданных страстей, ставших источником какого-то раннего

греха [Пушкин, 1994: 180]. О мировой скорби как о романтически прекрасной черте байронического героя написано немало [Елистратова: 3], [Кургинян: 10]. Подобный взгляд приводится в «Литературной энциклопедии» 1931 г.: «Поколения анонимных слагателей легенд о Каине, писателей и поэтов, утверждали этот традиционный взгляд на Каина, воспитывали вековое презрение к нему. Байрон опрокинул традицию, объявил Каина праотцем свободного человеческого духа и приковал к нему внимание всех мыслящих современников. Поколение Байрона без конца повторяло, что Каин — не презренный, не изверг, а символ мировой скорби» [Нусинов: стлб. 49]. Пожалуй, в этом отличительная черта пушкинского гения применительно к «Цыганам» — он не романтизирует страсти. Примечательно высказывание П. В. Анненкова: хотя Алеко и навеян Байроном, «трагического величия героев его в нем нет нисколько» [Анненков: 136]. Показывая духовный путь своего героя, писатель «вскрывает общую психологическую закономерность: пытаюсь во всем утвердить свою волю, отвергнув Нравственный Закон, человек тем самым отдает свою душу во власть темным стихиям» [Жилина, 2008: 10].

В двойном убийстве Алеко и воздействии этого преступления на цыганскую общину Ю. Манн усмотрел сходство с преступлением героя Байрона: «...применительно к действию поэмы можно повторить сказанное Циллой: "В мир смерть вошла". Потому что цыганская община имеет свою историческую память (в форме предания), которая еще не успела зафиксировать ничего подобного тому, что совершил Алеко» [Манн, 2007: 107]. Любопытно, что Л. Флейшман, исследуя семантический уровень пушкинской поэмы, также описывал цыганский табор как «мир, не знающий "смерти"» [Флейшман: 31]. Когда в мир входит смерть (рукою Каина или Алеко), то она поражает своих творцов тяжким сном души. Укажем лишь на то оцепенение, в которое впадают оба персонажа после совершения убийства. Каин не понимает, где он:

«Так где же я? Во сне иль наяву,
В каком-то страшном мире? Все кружится
В глазах моих...» [Байрон: 457].

Внутренний монолог Алеко не представлен в «Цыганах», но по действиям героя также можно судить о некоем обмирании: на протяжении всего того времени, пока убитых предают земле, он пребывает недвижим:

«Алеко за холмом,
С ножом в руках, окровавленный
Сидел на камне гробовом» [Пушкин, 1994: 201].

До первого человекоубийства байроновский Люцифер указывает Аде, жене Каина, на семя переполненного ада, которое она и все люди носят в своей груди. Семя ада — это то самое «семя тли», о котором говорится во 2-й молитве (святого Антиоха) из молитв на сон грядущим: «...не остави мене, яко семя тли во мне есть»⁵. Апостол Павел предупреждает: «Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Гал. 6: 7–8). В этом смысле можно сказать, что личные грехи, поступки «от плоти», являются «семенами тления». В поэме Пушкина также есть носитель подобных семян. «Но, Боже, как играли страсти <...> в его измученной груди» [Пушкин, 1994: 184], — говорится об Алеко.

Греческий ученый-богослов митрополит Иерофей (Влахос), отвечая на вопрос «Что такое страсти?», поясняет: «Слово "страсть", как легко видеть, происходит от глагола "страдать" и обо-значает внутреннюю болезнь»⁶. Болезнь — это то, что тяготит, мучает. В словах Пушкина мы замечаем мотив этого самого мучения — «*измученной* груди». Следует отметить, что в границах всего одной строчки лирического отступления сразу три слова маркированы сакрально: «Бог», «страсти» и «измученной». Они указывают на христианство как аксиологическую систему автора⁷.

⁵ Канонник, или Полный молитвослов. СПб.: Домострой, 2001. С. 273.

⁶ Иерофей (Влахос), митр. Православная психотерапия: святоотеческий курс врачевания души. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2005. С. 111.

⁷ Н. П. Жилина первой указала на то, что «понятие *страсти* как таковое принадлежит совершенно определенной системе мировоззрения, а именно: христианству, так же как представление о "коварной и слепой" Судьбе — язычеству» [Жилина, 2008: 8].

Отметим, что Алеко изначально создавался Пушкиным как представитель языческой картины мира. Так, знаменательно, что в черновиках к «Цыганам» тема насмешки над истинной верой проступала еще более рельефно:

Черновая редакция

«Любви стыдятся, мысли гонят
У суеверных алтарей
 Главы пред идолами клонят
 И молят денег и цепей»
 [Пушкин, 1994: 440].

Итоговый текст

«Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
 Главы пред идолами клонят
 И просят денег да цепей»
 [Пушкин, 1994: 185].

Согласно словарю Д. Н. Ушакова, суеверие значит «религиозный предрассудок, представляющий явления и события в жизни проявлением чудесных сверхъестественных сил»⁸. То, что для Алеко как представителя XIX столетия *суеверным* мог быть алтарь, очень символично. Впоследствии религиозно окрашенное «у суеверных алтарей» было заменено на «торгуют волею своей», но это не изменило ценностных установок героя в конечном тексте: очевидно, что вместе с оковами просвещения Алеко презирает и уставы христианской религии. Характерно тождество Д. С. Мережковского: «Алеко — культура и язычество» [Мережковский: 115].

Совершенно иной идеал — авторский. Он представлен в виде образа «птички Божьей»:

«Птичка Божия не знает
 Ни заботы, ни труда;
 хлопотливо не свивает
 Долговечного гнезда;
 В долгу ночь на ветке дремлет;
 Солнце красное взойдет,
Птичка гласу Бога внемлет,
 Встрепенется и поет» [Пушкин, 1994: 183].

⁸ Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1940. Т. IV: С — Ящурный. Стлб. 585.

С помощью этого образа, по словам Вяч. Иванова, Пушкин «прямо противопоставляет богоборству абсолютной самоутверждающейся личности идею религиозную» [Иванов: 216]. Едва ли похож на «птичку Божию» Алеко, которого манит дальняя звезда «волшебной славы», роскошь и забавы. Вместе с тем в границах небольшой поэмы Алеко дважды уподобляется птице. Образ раненого журавля признавался пронзительным (см.: [Фридман: 118]), но до сих пор не высказано идеи, для чего он нужен Пушкину. Представляется, что с его помощью автор хотел вызвать сострадание к своему герою и в то же время призвать читателя не судить его. Примечательны интертекстуальные связи, на которые указал Н. В. Фридман: «Трагическая сущность этого сравнения особенно полно и резко выявляется при его сопоставлении с близким к нему местом предромантической басни Радищева "Журавли"», которую Пушкин считал элегией не без достоинств [Фридман: 119]. В этом произведении выводится образ раненой птицы, над которой смеются ее пернатые собратья, но дидактизм «басни» поражает: «насмешники в воду упали», а раненый журавль «землю узрел, вожделенну душею, / Ясное небо и тихую пристань» [Радищев: 126]. В свете ретроспективной проекции Пушкин как будто провозгласил: наблюдайте «каждый за собою, чтобы не быть искушенным» (Гал. 6:1) и «не судите» (Мф. 7:1): тот, кто сегодня пал, еще может достигнуть цели. Этот подспудный смысл, к сожалению, не был выявлен критиками. Так, Белинский увидел в поэме «страшную сатиру» на Алеко «и на подобных ему людей», «суд неумолимо трагический и вместе с тем горько иронический» [Белинский: 386]. Однако автор не судит своего героя уже потому, что старый цыган, который в поэме «сродни резонерам XVIII в. или хору античной трагедии» [Томашевский; кн. 1: 618], не выносит ему обвинительного приговора. В словах старика: «Оставь нас...» [Пушкин, 1994: 201], «Прости, да будет мир с тобою...» [Пушкин, 1994: 202] — слышно эхо признаний байроновского Адама: «Иди от нас: мы жить не можем вместе» и «Я не клян» [Байрон: 461].

Мотив мира — то, чем отличается русская поэма от английской мистерии. Пребудет ли на Каине мир? Достоин ли он мира? Этот вопрос остается открытым и не разрешенным даже для самого героя. Произведение заканчивается словами

Ады об Авеле: «Мир ему!» — и тревожным вопрошанием Каина: «А мне?» [Байрон: 466]. В «Цыганах» старик, репрезентирующий волю автора, желает Алеко мира. И, надо полагать, в этом милостивом пожелании мерцает суждение Пушкина. Критик первой половины XIX в. В. Н. Олин назвал Алеко «существом несколько морально-безобразным, конвульсивным, вышедшим из обыкновенного или натурального состояния души» [Олин: 200]. Совсем иное впечатление, думается, пытался произвести на читателя своим раненым «журавлем» Пушкин. И в этом произведении он остался верен своей лире и «милость к падшим призывал».

Как справедливо заметили М. Новикова и позднее В. Баевский [Баевский, 2011: 57], в образе «птички Божией» можно увидеть евангельскую реминисценцию: «песня эта внятно отзывается евангельской притче о птицах небесных» [Новикова: 263], которые, как сказано Спасителем, «ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы», но «Отец <...> Небесный питает их» (Мф. 6:26). Однако в поэме Пушкина нет таких «птиц». Ни Земфира, которая, по словам старого цыгана, «вольнее птицы», ни Алеко, ни сам старик не отвечают этому высокому идеалу. Все герои находятся в одной, языческой, плоскости. Злой изменой Земфиры Пушкин как бы дает понять, что и в этом, почти идиллическом, мире господствуют «страсти роковые». В силу того, что страсти именно **«роковые»**, а рок — это языческая категория⁹, и «от судеб защиты нет»¹⁰. Что привело Земфиру к смерти? Скука. «Мне скучно! Сердце воли просит» [Пушкин, 1994: 191]. Что испытал по ее смерти старый цыган? «Немое бездействие печали» [Пушкин, 1994: 201]. Но будь они, да и сам раненый свинцом страсти Алеко действительно подобны птичке Божией, которая «гласу Бога внемлет», не было бы ни скуки, ни горя. Сравним:

⁹ Так, «в греч. мифологии и в мистических представлениях — потусторонняя сила или воля божества, предрешающая события человеческой и вообще земной жизни». См.: Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М., 1940. Т. IV: С — Ящурный. Стлб. 585.

¹⁰ По наблюдению С. Г. Бочарова, «"страсти" Алеко — его "судьба", которую он носит в себе, от которой "защиты нет"» [Бочаров: 11].

*«Людям скучно, людем горе;
Птичка в дальние страны,
В теплый край, за сине море
Улетает до весны»* [Пушкин, 1994: 183].

Благодаря этому христианскому смыслу, который мерцает в поэме, стоит не согласиться с тем, что в «Цыганах» Пушкин «решил вопрос о страстях как романтик особого типа, выдвигающий один из вариантов языческого, греческого понятия судьбы и вместе с тем влюбленный в жизнь, в "земную" природу человека» [Фридман: 127]. В образе «птички Божьей» автором дан поистине прекрасный, *небесный* идеал, которому в его поэме, увы, просто не нашлось соответствий.

Итак, в «Цыганах» Пушкин развенчивает величественный титанический образ «проклятого скитальца», преобразуя его в уязвимый страстью, достойный сострадания. Справедливы слова Д. Д. Благого, что суровый приговор старика-цыгана относится не к одному лишь Алеко. Уже в первой главе «Евгения Онегина» Пушкин назвал «поэтом гордости» Байрона. «Слова старика-цыгана: "Оставь нас, гордый человек" — определяют отношение к "байроническому" герою, герою-индивидуалисту самого Пушкина» [Благой: 326] — поэта, который всего через два года провозгласит самоотверженное и смиренное служение лире и людям в своем «Пророке».

Список литературы

1. Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М.: Современник, 1984. 481 с. (Сер.: Б-ка «Любителям рос. словесности».)
2. Баевский В. С. Присутствие Байрона в «Евгении Онегине» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1996. Т. 55. № 6. С. 4–14 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=rPmLuP6tYYM%3D&tabid=10358&ysclid=m71x-ijbzt189170929> (04.12.2024).
3. Баевский В. С. Библейские темы, мотивы и образы в «Цыганах» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 1. С. 56–57 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16553452_54093301.pdf (04.12.2024). EDN: NYGFOH
4. Байрон Дж. Г. Соч.: в 3 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 2: Поэмы и трагедии; Из публицистики. 542 с.

5. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья седьмая // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 7: Статьи и рецензии. 1843. Статьи о Пушкине. 1843–1846. 799 с.
6. Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813–1826). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 580 с.
7. Болтовская Л. Н. Образ свободы в творчестве А. С. Пушкина и Д. Г. Байрона // Христианское чтение. 2015. № 4. С. 186–200 [Электронный ресурс]. URL: <https://scientific-journals-spbda.ru/f/2015-04-07.pdf> (04.12.2024). EDN: UMPYUD
8. Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина. Очерки. М.: Наука, 1974. 207 с.
9. Виролайнен М. Н. Богоборчество Байрона в транскрипции Достоевского // Великий романтик. Байрон и мировая литература: сб. ст. М.: Наука, 1991. С. 176–186. EDN: MFGEIW
10. Вяземский П. А. «Цыганы». Поэма Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827 / Пушкин. комис. Рос. акад. наук; Гос. Пушкин. театр. центр в Санкт-Петербурге. СПб.: Гос. Пушкин. театр. центр, 1996. С. 317–322. (Сер.: Пушкинская премьера.)
11. Достоевский Ф. М. «Дневник Писателя» на 1880 год // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 26. С. 129–174.
12. Елистратова А. Джордж Гордон Байрон // Байрон. Избр. произв. М.: Гослитиздат, 1953. С. 3–22.
13. Жилина Н. П. «Гордый человек» в поэме А. С. Пушкина «Цыганы» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия: Филология. 2008. № 2 (12). С. 6–12 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gordyy-chelovek-v-poeme-a-s-pushkina-tsygany/viewer> (04.12.2024).
14. Жилина Н. П. Творчество А. С. Пушкина в контексте христианской аксиологии: онтологический и антропологический аспекты. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. 311 с. EDN: RAOIGT
15. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы: избр. тр. Л.: Наука, 1978. 424 с.
16. Захаров В. Н. Почвенничество в русской литературе: метафора как идеологема // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 14–24 [Электронный ресурс]. URL: https://roetica.pro/files/redaktor_pdf/1457946697.pdf (04.12.2024). EDN: PIXFFX
17. Зыкова Е. П. Романтическое странствие как проклятие: путь в никуда // Романтизм. Вечное странствие: сб. ст. М.: Наука, 2005. Вып. 3. С. 51–73. (Сер.: Культура романтизма.) EDN: RUJFWV
18. Иванов Вяч. О «Цыганах» Пушкина // Иванов Вяч. Лик и личины России: эстетика и литературная теория. М.: Искусство, 1995. С. 196–222. (Сер.: История эстетики в памятниках и документах.)
19. Киреевский И. В. Нечто о характере поэзии Пушкина // Киреевский И. В. Критика и эстетика / сост., вступ. ст. и примеч. Ю. В. Манна. М.: Искусство, 1979. С. 43–55. (Сер.: История эстетики в памятниках и документах.)

20. Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П. Национальное своеобразие русской литературы: очерки и характеристики. Л.: Наука, 1976. 413 с.
21. Кургинян М. Путь Байрона-художника // Байрон Дж. Г. Соч.: в 3 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 1: Стихотворения. Поэмы. С. 5–22.
22. Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. М.: Наука, 1976. 375 с.
23. Манн Ю. В. Русская литература XIX века: эпоха романтизма. М.: РГГУ, 2007. 518 с.
24. Мережковский Д. Пушкин // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX — первая половина XX вв. М.: Книга, 1990. С. 92–160.
25. Мустафина Е. А. К типологии образа романтического героя в поэмах Дж. Г. Байрона «Корсар» и А. С. Пушкина «Цыганы» // Говор: альманах. 1998. № 6. С. 3–6. EDN: KVNUTX
26. Новикова М. Пушкинский космос: языческая и христианская традиции в творчестве Пушкина / Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наследие, 1995. 353 с. (Сер.: Пушкин в XX веке: ежегодное издание Пушкинской комиссии.)
27. Нусинов И. Каин // Литературная энциклопедия: в 11 т. [М.]: Ком. акад., 1931. Т. 5. Стлб. 30–49.
28. Олин В. Н. Взгляд на стихотворение А. Пушкина под названием «Цыганы» // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. СПб.: Гос. Пушкин. театр. центр, 2001. С. 196–200. (Сер.: Пушкинская премьера.)
29. Пушкин А. С. <Примечания к «Цыганам»> // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1978. Т. 7: Критика и публицистика. С. 15–16.
30. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. М.: Воскресенье, 1994. Т. 4: Поэмы, 1817–1824. 515 с.
31. Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1. 506 с.
32. Томашевский Б. Пушкин: [в 2 кн.] / отв. ред. В. Г. Базанов; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956–1961.
33. Топоров В. Н. Пушкин и Голдсмит в контексте русской Goldsmithiana'ы (к постановке вопроса). Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 1992. 225 с. (Сер: Wiener slawistischer Almanach; Sonderband 29.)
34. Флейшман Л. К описанию семантики «Цыган» // Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М.: НЛЮ, 2006. С. 31–45.
35. Фридлиндер Г. М. Поэмы Пушкина 1820-х годов в истории эволюции жанра поэмы в мировой литературе. (К характеристике повествовательной структуры и образного строя поэм Пушкина и Байрона) // Пушкин. Исследования и материалы / АН СССР Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1974. Т. 7: Пушкин и мировая литература. С. 100–122.
36. Фридман Н. В. Романтизм в творчестве А. С. Пушкина. М.: Просвещение, 1980. 191 с.

References

1. Annenkov P. V. *Materialy dlya biografii A. S. Pushkina* [Materials for the Biography of A. S. Pushkin]. Moscow, Sovremennik Publ., 1984. 481 p. (Ser.: Library "For Lovers of Russian Literature".) (In Russ.)
2. Baevskiy V. S. Byron's Presence in "Eugene Onegin". In: *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 1996, vol. 55, no. 6, pp. 4–14. Available at: <http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=rPmLuP6tYYM%3D&tabid=10358&ysclid=m71xipjbzt189170929> (accessed on December 4, 2024). (In Russ.)
3. Baevskiy V. S. Biblical Themes, Motifs and Images in "The Gypsies". In: *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 2011, vol. 70, no. 1, pp. 56–57. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16553452_54093301.pdf (accessed on December 4, 2024). EDN: NYGFOH (In Russ.)
4. Byron G. G. *Sochineniya: v 3 tomakh* [Works: in 3 Vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1974, vol. 2: Poems and Tragedies; from Journalism. 542 p. (In Russ.)
5. Belinskiy V. G. Works of Alexander Pushkin. Article Seven. In: *Belinskiy V. G. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [Belinsky V. G. The Complete Works: in 13 Vols]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955, vol. 7: Articles and Reviews. 1843. Articles About Pushkin. 1843–1846. 799 p. (In Russ.)
6. Blagoy D. D. *Tvorcheskiy put' Pushkina (1813–1826)* [The Creative Path of Pushkin (1813–1826)]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950. 580 p. (In Russ.)
7. Boltovskaya L. N. The Image of Freedom in the Works of A. S. Pushkin and G. G. Byron. In: *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading], 2015, no. 4, pp. 186–200. Available at: <https://scientific-journals-spbda.ru/f/2015-04-07.pdf> (accessed on December 4, 2024). EDN: UMPYUD (In Russ.)
8. Bocharov S. G. *Poetika Pushkina. Ocherki* [Poetics of Pushkin. Essays]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 207 p. (In Russ.)
9. Virolaynen M. N. Byron's Theomachy in Dostoevsky's Transcription. In: *Velikiy romantik. Bayron i mirovaya literatura: sbornik statey* [The Great Romantic. Byron and World Literature: a Collection of Articles]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 176–186. EDN: MFGEIW (In Russ.)
10. Vyazemskiy P. A. "The Gypsies". Pushkin's Poem. In: *Pushkin v prizhiznennoy kritike. 1820–1827* [Pushkin in Lifetime Criticism. 1820–1827]. St. Petersburg, State Pushkin Theater Center Publ., 1996, pp. 317–322. (Ser.: Pushkin Premiere.) (In Russ.)
11. Dostoevskiy F. M. "A Writer's Diary" for 1880. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, vol. 26, pp. 129–174. (In Russ.)

12. Elistratova A. George Gordon Byron. In: *Bayron. Izbrannyye proizvedeniya* [Byron. Selected Works]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1953, pp. 3–22. (In Russ.)
13. Zhilina N. P. “Proud Man” in A. S. Pushkin’s “The Gypsies”. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. Seriya: Filologiya* [Pushkin Leningrad State University Journal. Series: Philology], 2008, no. 2 (12), pp. 6–12. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gordyy-chelovek-v-poeme-a-s-pushkina-tsygany/viewer> (accessed on December 4, 2024). (In Russ.)
14. Zhilina N. P. *Tvorchestvo A. S. Pushkina v kontekste khristianskoy aksiologii: ontologicheskyy i antropologicheskyy aspekty* [The Works of A. S. Pushkin in the Context of Christian Axiology: Ontological and Anthropological Aspects]. Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University Publ., 2009. 311 p. EDN: RAOIGT (In Russ.)
15. Zhirmunskiy V. M. *Bayron i Pushkin. Pushkin i zapadnye literatury: izbrannyye trudy* [Byron and Pushkin. Pushkin and Western Literatures: Selected Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 424 p. (In Russ.)
16. Zakharov V. N. Pochvennichestvo in Russian Literature: the Metaphor as Ideologeme. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, issue 10, pp. 14–24. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457946697.pdf (accessed on December 4, 2024). EDN: PIXFFX (In Russ.)
17. Zykova E. P. Romantic Journey as a Curse: a Path to Nowhere. In: *Romantizm. Vechnoe stranstvie: sbornik statey* [Romanticism. Eternal Journey: a Collection of Articles]. Moscow, Nauka Publ., 2005, issue 3, pp. 51–73. (Ser.: The Culture of Romanticism.) EDN: RUJFWV (In Russ.)
18. Ivanov Vyach. About Pushkin’s “The Gypsies”. In: *Ivanov Vyach. Lik i lichiny Rossii: estetika i literaturnaya teoriya* [Ivanov Vyach. The Face and Masks of Russia: Aesthetics and Literary Theory]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1995, pp. 196–222. (Ser.: History of Aesthetics in Monuments and Documents.) (In Russ.)
19. Kireevskiy I. V. Something About the Character of Pushkin’s Poetry. In: *Kireevskiy I. V. Kritika i estetika* [Kireevsky I. V. Criticism and Aesthetics]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 43–55. (Ser.: History of Aesthetics in Monuments and Documents.) (In Russ.)
20. Kupreyanova E. N., Makogonenko G. P. *Natsional’noe svoeobrazie russkoy literatury: ocherki i kharakteristiki* [National Originality of Russian Literature: Essays and Characteristics]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 413 p. (In Russ.)
21. Kurginyan M. The Path of Byron the Artist. In: *Bayron Dzh. G. Sochineniya: v 3 tomakh* [Byron G. G. Works: in 3 Vols]. Moscow, Khudozestvennaya literatura Publ., 1974, vol. 1, pp. 5–22. (In Russ.)
22. Mann Yu. V. *Poetika russkogo romantizma* [Poetics of Russian Romanticism]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 375 p. (In Russ.)

23. Mann Yu. V. *Russkaya literatura XIX veka: epokha romantizma* [*Russian Literature of the 19th Century: the Era of Romanticism*]. Moscow, The Russian State University for the Humanities Publ., 2007. 518 p. (In Russ.)
24. Merezhkovskiy D. Pushkin. In: *Pushkin v russkoy filosofskoy kritike. Konets XIX — pervaya polovina XX vv.* [*Pushkin in Russian Philosophical Criticism. The End of the 19th — the First Half of the 20th Centuries*]. Moscow, Kniga Publ., 1990, pp. 92–160. (In Russ.)
25. Mustafina E. A. On the Typology of the Image of a Romantic Hero in the Poems of G. G. Byron “The Corsair” and A. S. Pushkin “The Gypsies”. In: *Govor: al'manakh*, 1998, no. 6, pp. 3–6. EDN: KVHYTX (In Russ.)
26. Novikova M. *Pushkinskiy kosmos: yazycheskaya i khristianskaya traditsii v tvorchestve Pushkina* [*Pushkin's Cosmos: Pagan and Christian Traditions in Pushkin's Works*]. Moscow, Nasledie Publ., 1995. 353 p. (Ser.: Pushkin in the 20th Century: Annual Edition of the Pushkin Commission.) (In Russ.)
27. Nusinov I. Cain. In: *Literaturnaya entsiklopediya: v 11 tomakh* [*Literary Encyclopedia: in 11 Vols*]. Moscow, Kommunisticheskaya akademiya Publ., 1931, vol. 5, column 30–49. (In Russ.)
28. Olin V. N. A Look at the Poem by A. Pushkin Titled “The Gypsies”. In: *Pushkin v prizhiznennoy kritike. 1828–1830* [*Pushkin in Lifetime Criticism. 1828–1830*]. St. Petersburg, State Pushkin Theater Center Publ., 2001, pp. 196–200. (Ser.: Pushkin Premiere.) (In Russ.)
29. Pushkin A. S. Notes to “The Gypsies”. In: *Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochineniy: v 10 tomakh* [*Pushkin A. S. The Complete Works: in 10 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, vol. 7: Criticism and Journalism, pp. 15–16. (In Russ.)
30. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 17 tomakh* [*The Complete Works: in 17 Vols*]. Moscow, Voskresen'ie Publ., 1994, vol. 4: Poems, 1817–1824. 515 p. (In Russ.)
31. Radishchev A. N. *Polnoe sobranie sochineniy* [*The Complete Works*]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1938, vol. 1. 506 p. (In Russ.)
32. Tomashevskiy B. *Pushkin: v 2 knigakh* [*Pushkin: in 2 Books*]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956–1961. (In Russ.)
33. Toporov V. N. *Pushkin i Goldsmit v kontekste russkoy Goldsmithiana'y (k postanovke voprosa)* [*Pushkin and Goldsmith in the Context of Russian Goldsmithiana (On Posing a Problem)*]. Vienna, Society for the Promotion of Slavic Studies Publ., 1992. 225 p. (Ser.: Vienna Slavic Almanac; Special Edition 29.) (In Russ.)
34. Fleyshman L. To the Description of the Semantics of “The Gypsies”. In: *Fleyshman L. Ot Pushkina k Pasternaku. Izbrannye raboty po poetike i istorii russkoy literatury* [*Fleishman L. From Pushkin to Pasternak. Selected Works on the Poetics and History of Russian Literature*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006, pp. 31–45. (In Russ.)

35. Fridlender G. M. Pushkin’s Poems of the 1820s in the History of the Evolution of the Poem Genre in World Literature. (Towards a Characterization of the Narrative Structure and Figurative Structure of the Poems of Pushkin and Byron). In: *Pushkin. Issledovaniya i materialy* [*Pushkin. Research and Materials*]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, vol. 7: Pushkin and World Literature, pp. 100–122. (In Russ.)
36. Fridman N. V. *Romantizm v tvorchestve A. S. Pushkina* [*Romanticism in the Works of A. S. Pushkin*]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1980. 191 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ростовцева Юлия Александровна, Julia A. Rostovtseva, PhD (Philology), кандидат филологических наук, редактор интернет-портала «Азбука веры» (ул. Крутицкий Вал, д. 14, г. Москва, Российская Федерация, 109044); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3236-199X>; e-mail: rostoyuliya@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 10.11.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.12.2025

Принята к публикации / Accepted 21.12.2025

Дата публикации / Date of publication 14.02.2025

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14762

EDN: MUQDDS

Концепция эстетической критики в еженедельнике «Гражданин» (1872)

В. А. Викторovich

Государственный социально-гуманитарный университет

(г. Коломна, Российская Федерация)

Петрозаводский государственный университет

(г. Петрозаводск, Российская Федерация)

e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru

Аннотация. В статье дан аналитический обзор литературно-критических выступлений в еженедельнике «Гражданин» 1872 г. В ходе проведенной атрибуции выявлен вклад Н. Н. Стрехова, П. К. Щербальского и Б. М. Маркевича в формирование литературной политики издания. Ряд их статей введен в научный оборот впервые. «Литературные письма» Н. Н. Стрехова возобновили продолженное им в журнале «Заря» формирование почвеннического фундамента эстетической критики, начатое еще А. А. Григорьевым и Ф. М. Достоевским во «Времени» и «Эпохе». Хаос в современной критике, по Стрехову, имел философские корни, а именно безудержную веру в прогресс, когда все новое представляется полной заменой старого. В своих статьях П. К. Щербальский развивал основы эстетического позитивизма М. Н. Каткова, поэтому с его стороны неизбежной была внутриредакционная полемика с «метафизиком» Стреховым. Статьи Б. М. Маркевича, в свою очередь, были нацелены на преодоление вражды «передового» общества к «эстетизму». В целом усилиями указанных критиков «Гражданин», при всех внутривнутрипартийных разногласиях, способствовал происходящему в 1860–1870-е гг. переходу русской эстетической критики из либерального лагеря в консервативный. Еженедельник оказался мишенью как для радикальной, так и для либеральной журналистики, и сплоченности отдела критики «Гражданина» 1872 г. в этой борьбе хватило только на полгода, однако уже на следующий год новый редактор, Ф. М. Достоевский, возобновил данный отдел и продолжил трансформацию эстетической критики в сторону консервативных начал. Выявленные обстоятельства не подтверждают сложившегося в науке представления о «коротком дне русского эстетизма». История эстетической критики XIX в. должна быть написана с учетом всех ее перипетий начиная от Карамзина и Жуковского до Вл. Соловьева и К. Леонтьева.

Ключевые слова: Гражданин, журналистика, редакционная политика, критика, эстетика, консерватизм, полемика, атрибуция

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 24-18-00785 «"Гражданин" Достоевского: концепция, полемика, атрибуция, исследование (1872–1874)», <https://rscf.ru/project/24-18-00785/>).

Для цитирования: Викторovich В. А. Концепция эстетической критики в еженедельнике «Гражданин» (1872) // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 1. С. 50–81. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14762. EDN: MUQDDS

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14762

EDN: MUQDDS

The Concept of Aesthetic Criticism in the Weekly “Grazhdanin” (“The Citizen”) (1872)

Vladimir A. Viktorovich

State Social and Humanitarian University

(Kolomna, Russian Federation)

Petrozavodsk State University

(Petrozavodsk, Russian Federation)

e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru

Abstract. The article provides an analytical review of literary criticism speeches in the weekly “Grazhdanin” (“The Citizen”) in 1872. In the course of the conducted attribution, the contribution of N. N. Strakhov, P. K. Shchebalsky and B. M. Markevich to the formation of the publication’s literary policy was revealed. A number of their articles were introduced into scientific circulation for the first time. “Literary letters” by N. N. Strakhov restarted the formation of the pochvennichestvo foundation of aesthetic criticism, which A. A. Grigoriev and F. M. Dostoevsky began in “Vremya” and “Epocha,” and he continued in the “Zarya” magazine. According to Strakhov, the chaos in modern criticism had philosophical roots, namely, an unbridled faith in progress, when everything new seems to be a complete replacement for the old. In his articles, P. K. Shchebalsky developed the foundations of M. N. Katkov’s aesthetic positivism, so an intra-editorial polemic with the “metaphysician” Strakhov was inevitable on his part. B. M. Markevich’s articles, in turn, were aimed at overcoming the hostility of “advanced” society to “aestheticism”. In general, through the efforts of these critics and despite all the intra-party disagreements, “Grazhdanin” contributed to the transition of Russian aesthetic criticism from the liberal to the conservative camp, which took place in the 1860s and 1870s. The weekly turned out to be a target for both radical and liberal journalists, and the unity of the criticism department of “Grazhdanin” in 1872 in this struggle lasted only six months. The following year the new editor F. M. Dostoevsky restored this department and continued the transformation of aesthetic criticism towards conservative principles. The revealed circumstances do not confirm the established scientific idea of the “short days of Russian aestheticism”. The history of aesthetic criticism in the 19th century should be written with regard to all its twists and turns, starting from Karamzin and Zhukovsky to Vl. Solovyov and K. Leontiev.

Keywords: Grazhdanin, The Citizen, journalism, editorial policy, criticism, aesthetics, conservatism, polemics, attribution

Acknowledgments. The research was carried with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 24-18-00785, <https://rscf.ru/project/24-18-00785/>).

For citation: Viktorovich V. A. The Concept of Aesthetic Criticism in the Weekly "Grazhdanin" ("The Citizen") (1872). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 50–81. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14762. EDN: MUQDDS (In Russ.)

Издаваемый с 1872 г. еженедельник «Гражданин» в первых трех номерах имел подзаголовок: «политический и литературный журнал-газета». С четвертого номера подзаголовок чуть изменился: «газета-журнал политический и литературный». В программе, поданной издателем (формально Г. К. Градовским, фактически В. П. Мещерским) в Главное управление по делам печати, один из пунктов гласил: «Литература. Статьи биллетристическiя <...>. Критика и библиографiя, внутренняя и иностранная»¹. Просуществовавший в «Гражданине» первые четыре месяца 1872 г. раздел «Критика и библиография» исправно пополнялся рецензиями (№ 1–5, 7, 9, 13, 15, 17 и дополнительное приложение к № 17)², но после майско-августовских «каникул» издания бесследно исчез³. За рамками этой рубрики печатались также обзоры журналов и газет, отечественных (№ 1–5, 8, 10, 11) и иностранных (№ 6, 7), которые прекратились еще раньше, в середине марта. Тихое угасание после столь бурного начала свидетельствовало об организационных трудностях, не преодоленных редакцией.

Обзоры и рецензии служили путеводителем по современной литературе, а вот идейно и концептуально скреплять весь этот разнообразный материал призваны были проблемные литературно-критические статьи, авторами которых выступили Н. Н. Страхов, П. К. Щебальский и Б. М. Маркевич.

¹ РГИА. Ф. 777. Оп. 2. Д. 74. 1871. Л. 2 об.

² Раздел в № 7 имеется, но без обозначения рубрики, в № 15 ее название усечено до «Библиография». В № 6 и 10 печатался краткий «Библиографический указатель».

³ Его восстановит в 1873 г. новый редактор — Ф. М. Достоевский (№ 1, 2 — «Библиография», № 4, 6, 17 — «Критика и библиография»), регулярно раздел заработал с конца июня 1873 г. (с № 26).

Н. Н. Страхов к тому времени прошел хорошую школу, учась у почвенника А. А. Григорьева, активно участвуя в журналах «Время», «Эпоха», «Отечественные Записки», «Заря»; на его счету уже были ставшие позднее классическими статьи об «Отцах и детях», «Преступлении и наказании», «Воине и мире», о Пушкине. Популярность ему эти статьи тем не менее не принесли, у Страхова был свой счет и к современной критике, и к современному читателю, что выразилось в его книге «Бедность нашей литературы. Критический и исторический очерк» (СПб., 1868). Цикл «Литературные письма» в «Гражданине» (№ 1, 2, 5, 11) был своеобразным продолжением этой книги. Критик констатирует окутавший читателя «густой мрак», который вызвало «жалкое состояніе нашего просвѣщенія: отсутствіе твердыхъ основъ, сумятица взглядовъ, хаосъ поползновеній, предразсудковъ и недоразумѣній»⁴.

Одна из причин этого «хаоса», по убеждению критика, — нигилистический настрой нового поколения читателей: поэзия Пушкина и Шиллера «уже не находятъ себѣ никакого отзыва»⁵, и в целом историческое «беспамятство» становится обратной стороной понятного, но ложного в своей абсолютизации «увлеченія настоящимъ»⁶. Отсюда проистекает поклонение Некрасову и равнодушие к Пушкину молодого поколения. Страхов находит в этом общественно-философские корни, а именно безудержную веру в прогресс, когда все новое представляется полной заменой старого. Современному человеку внушается, что есть только настоящее. Модной теории прогресса, полагает Страхов, сопротивляется русская литература, в которой являются гении, вещающие нам «изъ какой-то невѣдомой глубины» и потому не только не отменяющие друг друга, но остающиеся непревзойденными для потомков. Таковым был и остается Пушкин. Первое «письмо» критик завершает сентенцией (максимой) эстетического консерватизма, вызывающе кенотичной:

⁴ Страховъ Н. Литературныя письма. Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ. Соч. П. Полевого. Гравюры исполнены А. Сѣряковымъ. СПб. 1872. Сочиненія Н. А. Добролюбова. 4 тома. Съ портретомъ автора. СПб. 1871. I // Гражданинъ. 1872. № 1. 3 Января. С. 16. Далее ссылки на «Гражданин» приводятся с использованием сокращения *Гр.*

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 17.

«Будучи существами ограниченными, измѣнчивыми, случайными, мы должны беречь исторію преимущественно какъ память о томъ, что было выше насъ, и что въ насъ самихъ отражается лишь малую свою частью»⁷.

Таковы теоретические постулаты первого из «Литературных писем» Страхова, затем примененные им к истории русской литературы. Во втором «письме» утверждается, что вся эта история — «постепенное освобождение русскаго ума и чувства отъ западныхъ вліяній»⁸, но происходило это освобождение как бы в процессе самого вліянія, парадоксально пробуждавшего самобытность русскаго гения. Так, одописание Ломоносова выражало «восторгъ» пробуждающейся нации и способствовало формированию литературнаго языка, да и в целом формы классицизма были отражением явлений действительности. То же самое можно сказать о «чувствительности» Карамзина и Жуковскаго, выразивших естественные «стремленія русской души»⁹. Явление Пушкина, таким образом, было подготовлено усилиями предшественников:

«Пушкинъ — вотъ роскошный плодъ этихъ усилій, этого обилія вѣры въ себя, этихъ подражаній, чуждыхъ рабства. Въ Пушкинѣ завершился нашъ языкъ, завершилось распространеніе кругозора нашей поэзіи и идеаль русской души, истинная мѣра ея чувствъ и движеній выразилась въ такой полнотѣ, что вся дальнѣйшая литература можетъ быть разсматриваема какъ развитіе зачатковъ, положенныхъ Пушкинымъ»¹⁰.

Найденное Пушкиным «*правильное отношеніе къ русской дѣйствительности*» было затем усвоено его последователями:

«Такъ зачатки Гоголя можно найти въ "Гробовщикъ"; Островскій конечно ведетъ свое происхожденіе отъ "Бориса Годунова"; тонъ Некрасова уже взять въ замѣчательномъ стихотвореніи "Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузый" <...>; Достоевскій

⁷ Страховъ Н. Литературныя письма. I // *Гр.* 1872. № 1. 3 Января. С. 18.

⁸ Страховъ Н. Литературныя письма. II // *Гр.* 1872. № 2. 10 Января. С. 58.

⁹ Там же. С. 60.

¹⁰ Там же.

начинается отъ "Станціонного Смотрителя"; С. Т. Аксаковъ и Л. Н. Толстой отъ "Капитанской Дочки"»¹¹.

«Письма» Страхова оставались верны традициям почвеннической критики, усилиями А. А. Григорьева и Ф. М. Достоевского обращавшей эстетический субстрат к национальным корням. В сложившихся на тот момент общественно-литературных обстоятельствах торжествующего позитивистского мышления это выглядело неким анахронизмом, как, например, утверждение (вослед откровениям тех же Григорьева и Достоевского), что в Пушкине «совершалось поэтическое душевное движеніе, огромныхъ размѣровъ и глубочайшаго значенія»¹². В противовес торжествующему прогрессизму с его линейной концепцией развития русской литературы почвенническая критика выдвигала не «преодоление» Пушкина, а «происхождение» из него (см.: [Викторович, 2024а: 71–72]).

Третье из «писем» Страхова, оттолкнувшись от пафоса пушкинских «Клеветников России», вело к выяснению «скрытой теплоты патриотизма» (по уже известной тогда формуле Л. Н. Толстого) как источника силы русской литературы:

«...если мы не понимаемъ вѣры въ Россію, то мы ровно ничего не поймемъ въ русской литературѣ <...>. Тогда вся наша литература окажется и фальшивою, и непонятною; ибо не только всѣ большіе русскіе писатели, отъ Ломоносова до Льва Толстого, проникнуты вѣрою въ Россію, но эта вѣра была существеннымъ, главнымъ условіемъ ихъ дѣятельности»¹³.

На этом можно было бы закончить, но четвертое, последнее «письмо» Страхова дает осмыслению ментальности русской литературы новый поворот. Вернувшись к русским корням «чувствительности» Карамзина, критик отмечает их раздвоенность:

¹¹ Страховъ Н. Литературныя письма. II // *Гр.* 1872. № 2. 10 Января. С. 60–61.

¹² Там же. С. 61.

¹³ Страховъ Н. Литературныя письма. III // *Гр.* 1872. № 5. 31 Января. С. 165.

«Та душевная мягкость, которою отличаются славяне и которая находится въ связи съ ихъ безволиемъ, съ ихъ распущенностію, съ легкою отзывчивостію на всевозможныя вліянія, съ гибкостью и неустойчивостію чувствъ и мыслей, — эта мягкость очевидно представляла удобную почву для развитія сентиментальности...»¹⁴.

Жизнь, впрочем, дает возможность той или другой нации развить противоположные качества, продолжает Страхов, подводя к идее амбивалентности национального характера:

«Психическій строй отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народовъ кажется нерѣдко развивается по закону полярности, т. е. развитіе однихъ свойствъ вызываетъ и поддерживаетъ развитіе свойствъ, прямо противоположныхъ»¹⁵.

Слово о Карамзине завершает цикл «Литературных писем» Страхова. В назидание современникам критик подчеркивает, что автор «Истории Государства Российского» противостоял «антисторическому вѣку самодовольнаго просвѣщенія» усилием «наращенія любви и уваженія къ прошлому»¹⁶.

Современники, судя по всему, остались равнодушны к этим назиданиям: слишком архаичным, глядевшим назад, а не вперед, представлялся им консервативный критик, озабоченный сохранением национально-литературных традиций. Кроме того, полоса отчуждения формировалась и самой манерой изложения — как бы кружением над обсуждаемым предметом. Так называемая реальная критика (кстати, заявленного в заглавии обсуждения наследия Добролюбова в «письмах» так и не последовало) с ее устремленностью к общественному прогрессу захватывала читателя жесткой логикой рационально выстроенных конструкций, Страхов же следовал ассоциативному строю статей-писем своего учителя Аполлона Григорьева (правда, без его артистического темперамента).

¹⁴ Страховъ Н. Литературныя письма. Письмо четвертое // *Гр.* 1872. № 11. 13 Марта. С. 380.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 381.

Начало критического отдела «Гражданина» связано с активным участием в нем П. К. Щебальского, остающимся до сей поры неизвестным, т. к. требуется раскрытие криптонимов, за которыми укрылся критик. С целью более или менее достоверной атрибуции мы обязаны хотя бы кратко охарактеризовать его предыдущую литературную деятельность, пока не привлекая пристального внимания исследователей¹⁷.

Обозревая известную литературно-журнальную деятельность Щебальского до и после его участия в «Гражданине» 1872 г., выделим пять основных *постулатов* (далее сокращенно: «П.»), выдвинутых им и неуклонно защищаемых, — для последующего сопоставления с концепциями атрибутируемых статей «Гражданина».

П. 1. Литература есть полное выражение национальной жизни, поскольку она ее **изучает**, как и наука, хотя и своими средствами (постулат, близкий эстетическому позитивизму М. Н. Каткова)¹⁸. Приведем принципиальное для критики Щебальского суждение:

«Начертанные имъ [талантливым писателем] образы лучше всякихъ разсужденийъ объясняютъ если не цѣлый историческій моментъ, то извѣстную сторону положенія общества въ данную минуту. <...> Съ этой точки зрѣнія романъ становится пособіемъ для изученія исторіи; выводимые въ немъ персонажи перестаютъ быть въ нашихъ глазахъ фикціями и становятся историческими документами, которые мы изучаемъ точно такъ же какъ хроники или біографіи личностей дѣйствительно бывшихъ во плоти»¹⁹.

¹⁷ В посвященной ему главе книги об окружении М. Н. Каткова находим поспешные и необоснованные суждения вроде следующих: «Оригинальных идей у Щебальского не имелось, в основном он озвучивал и иллюстрировал историческим материалом мысли М. Н. Каткова»; «Западнический взгляд на русскую историю характерен практически для всех работ Щебальского» [Котов: 110, 111].

¹⁸ Ср.: «...поэзия может и должна быть понимаема как знание...» [Катков: 260].

¹⁹ П. Щебальский. Шпильгагенъ и его романы // Русскій Вѣстникъ. 1871. Т. 96. Декабрь. С. 529.

П. 2. «Принцип свободы и саморазвития»²⁰ акцентирован Щербальским как фундаментальный для словесного творчества. Наибольшую опасность для искусства несет, по Щербальскому, его зависимость от навязанной извне тенденции. Так, главным достоинством романа «Война и мир» критик полагал именно такого рода свободу творчества:

«...нигдѣ въ романѣ графа Толстаго вы не найдете ничего тенденціознаго, ни одной замашки тѣхъ господъ, которые ежедневно проповѣдуютъ намъ, и въ романахъ, и въ драмахъ, то западничество, то славянофильство, то гражданскій бракъ, то Жанъ-Жакъову методу воспитанія...»²¹.

Именно **освобождение от тенденциозности** создает, по Щербальскому, возможность объективного, многостороннего и потому истинного представления об исторической действительности²².

П. 3. Для нормального хода литературы необходима также **свобода от цензурного гнета**, грубо тормозящего ее развитие. В 1862 г. Щербальский по поручению министра народного просвещения составил записку о цензуре, в которой обосновал необходимость цензурной реформы, вводящей так называемую карательную цензуру вместо предварительной, давно уже «безполезно и безцѣльно стѣснительной», а в настоящее время даже «опасной», поскольку «литература получаетъ все болѣе силы и значенія»²³. На примере эпохи Александра I Щербальский провел тонкую грань между необходимыми и вредными цензурными ограничениями. Взятый в качестве показательного примера адмирал, публицист и министр народного

²⁰ Щербальскій П. Идеалисты и реалисты. Общественное движеніе при Александрѣ I, А. Н. Пыпина. СПб., 1871 // Русскій Вѣстникъ. 1871. Т. 94. Юль. С. 232.

²¹ Щербальскій П. Война и миръ, соч. графа Л. Н. Толстаго. Москва. 1868 г. Томы I, II и III // Русскій Вѣстникъ. 1868. Т. 73. Январь. С. 301.

²² Ср.: «Художнику более всего нужно высокое беспристрастие истины или, как мы выразились <...>, свобода воззренія» [Катков: 303].

²³ <Щербальскій П. К.> Историческія свѣденія о цензурѣ въ Россіи. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1862. С. 104, 105. См. также: Матеріалы для исторіи русской цензуры 1803–1825. Сообщилъ дѣйствительный членъ П. Щербальскій // Бесѣды въ обществѣ любителей Россійской словесности при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Выпускъ третій. М.: Въ Унив. тип. (Катковъ и К°), 1871.

просвещения А. С. Шишков имел все основания бороться с крайностями либеральных идей (в том числе такой: «Не въ либеральной ли средѣ вырабатывалась мысль о Малороссіи какъ объ отдѣльной, самостоятельной странѣ, то-есть о раздробленіи Россіи?»)²⁴, однако он впал в заблуждение иного рода, уверовав, что «благоденствіе народа состоитъ въ обузданности и повинности»²⁵, и занявшись подавлением свободы слова и совести. Итог оказался пагубным для страны:

«...только сильнѣйшій гнетъ цензуры не допустилъ нашей юной литературѣ подготовить общественное мнѣніе Россіи къ великому событію 19го февраля 1861 года»²⁶.

П. 4. Абсолютизация принуждения держится, по убеждению Щебальского, на неверии в силу нравственных рычагов, прежде всего **религиозных**. В России он наблюдает «слабое вліяніе религіи на общественную нравственность»²⁷, еще более ослабевающее под давлением современных материалистических учений. «Религіозные интересы народа»²⁸, утверждал Щебальский, игнорировались образованным обществом и обслуживающей его «передовой» наукой, но литература в ее лучших представителях трудилась над тем, чтобы «религіозное чувство не изсякло»²⁹ совсем. В заслугу Екатерине II Щебальский ставил то обстоятельство, что она вопреки известному вліянію французских энциклопедистов отнеслась с полным уваженіем к «вѣрованіямъ, завѣщаннымъ народу его исторіей»³⁰. В личности и творчестве Н. М. Карамзина Щебальский

²⁴ Щебальскій П. К. А. С. Шишковъ, его союзники и противники // Русскій Вѣстникъ. 1870. Т. 90. Ноябрь. С. 250.

²⁵ Там же. С. 213.

²⁶ Там же. С. 251.

²⁷ Там же. С. 216.

²⁸ Щебальскій П. Идеалисты и реалисты. С. 188.

²⁹ П. Щебальскій. Нынѣ и четверть вѣка назадъ. (*Четверть вѣка назадъ*. Правдивая исторія Б. М. Маркевича. *Скрежетъ зубовный*. Романъ В. Г. Авсебенка) // Русскій Вѣстникъ. 1878. Т. 138. Декабрь. С. 958.

³⁰ Щебальскій П. Екатерина II, какъ писательница // Заря. 1869. Февраль. С. 124.

подчеркивает его «особую религиозность» и убеждение, что «религія — основаніе добродѣтели»³¹.

П. 5. Литература, полагал Щебальский, должна культивировать и поддерживать явившийся в русской земской жизни тип **человека дела**, соединяющего теорию с жизненной практикой. Так, героя популярного в России романа Ф. Шпильгагена «Один в поле не воин»³² рационалиста Лео, этого якобы «нового человека», служащего «любви къ отвлеченной идеѣ чловѣчества, весьма нерѣдко исключавшей любовь къ чловѣку»³³, Щебальский ставит в ряд русских героев — Онегина, Печорина, Базарова, уклонившихся «отъ правильнаго историческаго пути»³⁴:

«...въ сферѣ социальныхъ вопросовъ гораздо легче прекрасно говорить чѣмъ хорошо дѣлать. Примѣръ Лео убѣждаетъ насъ наконецъ и въ томъ что для блага чловѣческихъ обществъ несравненно нужнѣ блестящихъ прожектеровъ честные, скромные дѣятели, основательно и во всѣхъ подробностяхъ знающіе дѣло за которое они берутся, что благоденствіе государствъ и народовъ создается прочнымъ образомъ не толчками со стороны людей хотя бы и блестяще одаренныхъ, а путемъ естественнаго внутренняго развитія, и что тамъ, и только тамъ, гдѣ всѣ дѣлаютъ свое хотя бы и малое дѣло, это дѣло надежно и прочно совершается»³⁵.

Впоследствии в споре с беллетристами и критиками народничества Щебальский припомнит опыт русской литературы (в том числе Достоевского) по созданию «положительных типов» и добавит, что они также существовали и в действительности эпохи реформ³⁶.

В первом номере «Гражданина» 1872 г. Щебальский под криптонимом «П. А.» опубликовал рецензию на книгу очерков «В захолустье и в столице» Скалдина <Ф. П. Еленева>. Авторство

³¹ Щебальскій П. Николай Михайловичъ Карамзинъ // Русскій Вѣстникъ. 1866. Т. 66. Ноябрь. С. 196, 198.

³² Ему посвятил апологетическую статью «Люди будущаго и герои мещанства» П. Н. Ткачев (Дело. 1868. № 4, 5).

³³ П. Щ<ебальскій>. Шпильгагенъ и его романы. С. 554.

³⁴ Там же. С. 555.

³⁵ Там же. С. 554–555.

³⁶ См.: Щебальскій П. Наши беллетристы-народники // Русскій Вѣстникъ. 1882. Т. 158. Апрель. С. 743.

Щебальского подтверждается присутствием в рецензии основных постулатов критика:

П. 1: «серьезный взгляд на внутреннюю жизнь Россіи», «жизнь нашей деревни, какъ она есть», автор «обглядываетъ каждое явленіе со всѣхъ его сторонъ»;

П. 2: «не приходится читателю быть обманутымъ какимъ нибудь предвзятымъ убѣжденіемъ», «полное безпристрастіе въ оцѣнкѣ каждаго проявленія жизни»;

П. 5: «въ каждомъ вопросѣ слышится правдивое сочетаніе теоріи съ практикою»³⁷.

Объективное исследование, ведущее читателя к «знанію предмета», Щебальский противопоставляет распространившимся радикальным «книжонкамъ», заключающим в себе «тъму проектовъ» при «полномъ незнаніи Россіи»³⁸.

В рецензии на труд историка-источниковеда К. Н. Бестужева-Рюмина Щебальский остается верен своим принципам (*П. 1* и *П. 2*), когда поддерживает «величайшую добросовѣстность», необходимую для формирования «отечественной исторіи какъ науки»:

«Въ выводахъ и взглядахъ почтенный профессоръ весьма остороженъ: онъ заботится, главнымъ образомъ, дать читателю побольше матеріаловъ и указаній для образованія собственнаго сужденія и приговора»³⁹.

Наиболее концептуальное выступление Щебальского в «Гражданине» 1872 г. — статья «Наша литературная задача» (№ 5, 7), подписанная криптонимом «Ш.» Принадлежность ее Щебальскому можно аргументировать наличием его основных постулатов:

³⁷ П. А. <Щебальский П. К.> Въ захолустѣ и въ столицѣ — Скалдина, С.-Петербургъ, 1870 года // *Гр.* 1872. № 1. 3 Января. С. 28.

³⁸ Критик указал на две книги: П. Л. <Лилиенфельд-Тоаль П. Ф., фон>. Земля и воля. I. Русская деревня въ 1868 г. II. Земскія и судебно-мировыя учрежденія. СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1868; <Губарев Д. Н.> Молодая Россія. Штутгартъ: К. Грюнингеръ, придвор. тип. Гуттенбергъ, [1871].

³⁹ П. А. <Щебальский П. К.> Бестужевъ-Рюминъ. Русская исторія. Томъ 1-й, 730 стр. Цѣна за всѣ три тома 5 р. // *Гр.* 1872. № 2. 10 Января. С. 69.

П. 1: задача литературы — «изучать жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ»;

П. 3: «Наша мысль — скована строгой цензурой, предупреждавшей всякое свободное ея проявленіе»; общество «такъ долго было лишено благотѣльнаго вліянія умственной и религіозной свободы»;

П. 4: «всякое возрожденіе народной жизни должно имѣть своимъ крѣпкимъ основаніемъ религіозное чувство народа»;

П. 5: «начали появляться скромные люди дѣла», «новые русскіе люди <...>, вышедшіе на новое земское дѣло»⁴⁰;

П. 2: «безъ всякихъ тенденцій и подчеркиванья рисуется жизнь», что гораздо полезней «сотни тенденціозныхъ романовъ и статей»⁴¹.

Концептуальная статья Щебальского представляет особый интерес, поскольку она вступает во внутриредакционную полемику со столь же концептуальной статьей Страхова «Литературные письма». Объект нападения не назван, но прочитывается достаточно узнаваемо. Полемике отдана вся первая часть статьи Щебальского, который оспаривает высказанное в первом из «Литературных писем» утверждение, что кризис современной литературы вызван нигилистическим настроем, захватившим общество. «Дух отрицанья», возражает Щебальский, не только не уничтожил современной литературы, но ему теперь противостоит «высокій энтузіазмъ» земских «людей дѣла». Страховский скепсис в таком контексте язвительно истолкован как «идиллическія сѣтованія, вызываніе тѣней великихъ мужей, закрываніе глазъ на дѣйствительность», когда критик «только въ прошломъ ищетъ спасенія и опоры»⁴². Роман Н. Д. Хвоцинской, подписывавшейся «В. Крестовский (псевдоним)», служит Щебальскому подтверждением его упований на свежие общественные и литературные силы: «...всѣ сцены романа полны <...> жизненной правды»⁴³ (кстати, критик здесь коренным образом разошелся и с другим своим

⁴⁰ Ш. <Щебальский П. К.> Наша литературная задача. По поводу романа В. Крестовскаго (псевдонима) «Большая Медвѣдица». I // *Гр.* 1872. № 5. 31 Января. С. 181.

⁴¹ Ш. <Щебальский П. К.> Наша литературная задача. По поводу романа В. Крестовскаго (псевдонима) «Большая Медвѣдица». II // *Гр.* 1872. № 7. 14 Февраля. С. 260.

⁴² Ш. <Щебальский П. К.> Наша литературная задача. I. С. 182.

⁴³ Ш. <Щебальский П. К.> Наша литературная задача. II. С. 261.

соратником)⁴⁴. Щербальский увидел в романе столь дорогую ему тему: добрый и умный герой имеет «всѣ задатки, чтобы быть человѣкомъ дѣла», но способен «только мечтать о подвигахъ жизни»; а вот его возлюбленная совсем не знает «пагубной разладицы слова и дѣла»⁴⁵. Романист, таким образом, несмотря на «недостатки плана и композиціи», «потрудился надъ современной задачей нашей литературы и правдивой яркой картиной недалекаго прошлаго способствовалъ болѣе ясному пониманію настоящаго»⁴⁶.

К позитивной просветительской миссии литературы (в чем и заключалась основная причина расхождения с «метафизиком» Страховым) Щербальский возвращается в рецензии на новые книги, толкающие к «изученію народной жизни» без «измышлений», навязываемых как радикальной, так и славнофильской критикой:

«Довольно намъ диктаторскихъ разсужденій о темномъ царствѣ, довольно туманныхъ мечтаній о какихъ-то невѣдомыхъ міру силахъ, таящихся въ народѣ: намъ нужно дѣятельное, практическое изученіе народной жизни со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами, со всею ея поэзіей и прозой»⁴⁷.

Отношение новейшей беллетристики к крестьянству, заявляет Щербальский, было и остается фальшивым. Так, у либеральных авторов принято поглумиться над невежеством народа как «вѣчнаго недоросля». Однако ситуация постепенно меняется (ср. П. 5):

«Только теперь можно встрѣтить кой-гдѣ, среди деревенской глуши, нѣсколько отдѣльныхъ личностей изъ такъ называемаго

⁴⁴ Ср.: «Поистинѣ жаль, что В. Крестовскій (псевдонимъ) употребляетъ свой талантъ на сочиненіе картонныхъ героинь и на фантастическія экскурсіи въ области нравственной философіи»; «стыдно же сочинять небывальщину» (Б. <Маркевич Б. М.> Большая Медвѣдица, романъ В. Крестовскаго (псевдонима). СПб. 1871 // Русскій Вѣстникъ. 1871. Т. 96. Декабрь. С. 645).

⁴⁵ Ш. <Щербальский П. К.> Наша литературная задача. II. С. 261.

⁴⁶ Там же. С. 262.

⁴⁷ Ш. <Щербальский П. К.> Изъ жизни. (Современная глушь. В. Н. Назарева. Вѣстникъ Европы. Февраль и мартъ 1872. Сельское ученіе. Степная идиллія. А. И. Левитова. Вѣстникъ Европы. Февраль 1872) // Гр. 1872. № 17. 24 Апрѣля. С. 615–616.

образованнаго общества, понявшихъ своимъ русскимъ чувствомъ, что они и народъ одно и то же, что нравственные недуги народа точать и ихъ <...>, что, наконецъ, работая надъ возвышеніемъ нравственнаго уровня народа, — они работаютъ надъ своимъ собственнымъ совершенствованіемъ»⁴⁸.

Задача литературы, по Щебальскому, — обнаруживать положительные основы народной жизни и при этом не закрывать глаза на отрицательные ее явления, сводящиеся к двум главным: необразованности и пренебрежению чувством законности.

Самое значительное выступление Щебальского в «Гражданине» — статья «О некоторых направлениях в нашей поэзии после Пушкина», подписанная криптонимом «Ш». Здесь мы встречаем основополагающие постулаты, с которыми ученый, критик и публицист шел к читателю:

П. 1: «Въ поэзіи, какъ въ фокусѣ стекла, сосредоточиваются <...> всѣ выдающіяся особенности народнаго духа и быта <...>. Отсюда понятна тѣсная, неразрывная связь поэзіи и исторіи: онѣ взаимно объясняютъ другъ друга»⁴⁹;

П. 2: «первое условіе всякой истинной поэзіи есть самобытность; основаніемъ же самобытности служить свобода. Нужно различать внутреннюю свободу мысли отъ свободы, которую предоставляетъ поэтической дѣятельности окружающая среда. Внутренняя свобода поэта состоитъ въ томъ, что его мысль и чувство не затемнѣны ложными взглядами и теоріями»⁵⁰;

П. 3: «бываютъ такія эпохи въ развитіи общества, когда правительство считаетъ необходимымъ предохранить его, посредствомъ предупредительной цензуры, отъ вліянія вредныхъ доктринъ и ученій. Историческій опытъ доказалъ всю несостоятельность подобнаго правительственнаго опекунства надъ общественной мыслью. Цензура коренится, главнымъ образомъ, въ недовѣрїи къ свободному развитію научной мысли»; в эпоху Александра I литература «подверглась страшнымъ цензурнымъ стѣсненіямъ»⁵¹;

⁴⁸ Ш. <Щебальский П. К.> Изъ жизни. С. 616.

⁴⁹ Ш. <Щебальский П. К.> О нѣкоторыхъ направленіяхъ въ нашей поэзіи послѣ Пушкина // «Гражданинъ». Журналъ политическій и литературный. Сборникъ. Часть первая. II <пагинація>. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1872. С. 167.

⁵⁰ Там же. С. 167.

⁵¹ Там же. С. 168, 174.

П. 4: «Изучение нѣмецкой философіи благодѣтельно для развитія научнаго мышленія, но при непремѣнномъ условіи прочнаго, нравственно-религіознаго закона, выработаннаго историческою жизнью народа»; «религіозное чувство народа не можетъ и не хочетъ гоняться за хитрой діалектикой ученыхъ»⁵²;

П. 5: «Мало желать истины и добра <...> — надо умѣть добитъся до истины, надо дѣлать добро»; «Если проходить то недавнее время, когда разговоры, съ чисто русской довѣрчивостью, принимались за дѣло, то наступитъ ли наконецъ, пора дѣйствительныхъ, живыхъ, а не поэтическихъ "тружениковъ"»⁵³.

Базовое положение критика: «Внѣ народности и народа — нѣтъ поэзіи»⁵⁴. Путь литературы к этой своей первооснове представляется Щербальскому довольно непростым: история России «подготовляла почву для болѣе широкаго и всесторонняго развитія народа», однако тормозом на этом пути встали крепостное право и уход образованнаго сословія, после петровских реформ, в отрыв от народа и в «слѣпое подражаніе Европѣ»⁵⁵. Пушкину гениальными усилиями удалось отчасти подняться над этими обстоятельствами, но еще больше предстоит сделать его последователям:

«Онъ сдѣлалъ все, что могъ, въ тѣхъ рамкахъ, въ которыя двинута была русская жизнь, и положилъ прочное основаніе развитію нашего народнаго самосознанія. Жизнь образованнаго русскаго меньшинства, или петровской Руси, была исчерпана имъ вполнѣ. — Новые поэты отчасти идутъ по его пути, отчасти пробиваются къ новому, пока еще загадочному. Время отъ Пушкина до насъ можно назвать литературой попытокъ, часто высоко даровитыхъ. Наступившая новая эпоха цѣлостной народной жизни ждетъ еще своего Пушкина. Скоро-ли она дождется его? — Богъ вѣсть!»⁵⁶.

Заметим, что высказанное в статье представление о месте Пушкина в русской словесности противостоит, конечно,

⁵² Ш. <Щербальский П. К.> О нѣкоторыхъ направленіяхъ въ нашей поэзіи... С. 179, 189.

⁵³ Там же. С. 177, 193.

⁵⁴ Там же. С. 167.

⁵⁵ Там же. С. 170, 171.

⁵⁶ Там же. С. 175.

воинствующему нигилизму, в чем Щебальский солидарен со Страховым, однако полного совпадения двух сотрудников «Гражданина» не наблюдается. Страхов, последователь Ап. Григорьева, воспринимает Пушкина как «наше всё» (как и другой почвенник — Ф. М. Достоевский), для Щебальского же Пушкин — лишь начало пути русской литературы к народу, жизнь которого представляла поэту «загадкой», что «и теперь еще не разгадана вполне»⁵⁷, отсюда и ожидание какого-то «нового» Пушкина при недооценке (прямо скажем, недопонимании) «старого». Тот прогрессизм, с которым боролся Страхов, как видим, нашел прибежище и в консервативном лагере на почве позитивистского сциентизма. Именно «научная мысль», по Щебальскому, должна раскрыть тайну (загадку) народной жизни, над которой билось как славянофильство, так и западничество. Каждая из враждующих партий имеет своих выразителей в поэзии, и Щебальский далее анализирует и сопоставляет творения западника Н. П. Огарева и славянофила А. С. Хомякова. Огарев искренно и глубоко выразил «нравственное безсиліе и одиночество» среди собственного народа, «религіозныя вѣрованія» и «религіозныя чувства» которого оказались чуждыми выученику немецких философов⁵⁸. Хомяков же, напротив, «въ вѣрѣ своего народа нашелъ неизсякаемый источникъ труда и вдохновенія»⁵⁹.

Щебальский находит у Хомякова и подтверждение столь любезной его сердцу идеи труженичества, не гнушающегося «малыми делами»:

«При такомъ серьезномъ настроеніи мысли, поэтъ не могъ легко и поверхностно относиться къ подвигу жизни. Онъ не измышляетъ никакихъ неисполнимыхъ желаній и стремленій, и беретъ своимъ образцомъ будничныи трудъ»⁶⁰.

Критик, в назидание читателям, приводит стихотворение Хомякова «Труженикъ» («Взгляни на ниву: пашни много») и предлагает сравнить с тем, что говорит Огарев в стихотворении

⁵⁷ Ш. <Щебальский П. К.> О нѣкоторыхъ направленіяхъ въ нашей поэзіи... С. 175.

⁵⁸ Там же. С. 178–179.

⁵⁹ Там же. С. 191.

⁶⁰ Там же. С. 192.

«Друзьямъ» («Томясь въ трудѣ безвѣстномъ и бесплодномъ»)⁶¹. Тема труда на «родной ниве» получит продолжение в «Гражданине» под редакцией Достоевского, а в конечном итоге в его «Пушкинской речи».

Третьим ведущим критиком «Гражданина» оказался Б. М. Маркевич (о его участии в журнале см.: [Викторович, 2024b: 139–141]), остававшийся при этом постоянным автором «Русского Вестника». Радетель эстетической критики (достойное продолжение которой он найдет у К. Н. Леонтьева), Маркевич после неудачных попыток склонить Каткова к формированию в «Русском Вестнике» «здоровой критики» с уклоном в «область художества» [Гайнцева: 125, 129] присоединился к начинающему «Гражданину» Мещерского. Здесь он задал нечто вроде программы разделу «Критика и библиография» в открывающей его рецензии на очерки и рассказы Г. И. Успенского. Значительная часть статьи — рассуждение о современном состоянии русской литературной критики:

«Мы вовсе не сторонники той эстетической критики, которая господствовала у насъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, — мы многимъ ей обязаны — и относимся къ ней не безъ благодарнаго воспоминанія, но — она остановилась и уже давно не удовлетворяетъ насъ такъ, какъ въ свое время удовлетворяла она поклонниковъ Бѣлинскаго. Но эстетика и эстетическое чувство — не одно и то же»⁶².

Происхождение эстетической критики Маркевич, как видим, относит к началу 1840-х гг., т. е. к выступлениям В. Г. Белинского периода «примирения с действительностью». Пятидесятые годы, т. е. эпоху «бесценного триумвирата» П. В. Анненкова, А. В. Дружинина и В. П. Боткина, вероятно, он имеет в виду, когда говорит, что эта критика «остановилась» и «уже давно не удовлетворяет». Победившая ее в глазах нового поколения радикально-позитивистская критика («разрушитель

⁶¹ Ш. <Щебальский П. К.> О нѣкоторыхъ направлєніяхъ въ нашей поэзіи... С. 192–193.

⁶² –ичъ <Маркевич Б. М.> Глѣбъ Успенскій. Очерки и рассказы. — Разоренье. — Нравы Растеряевой улицы. — С. Петербургъ 1871. — 2 г. — 3-й книжки, изд. А. О. Базунова // Гр. 1872. № 1. 3 Января. С. 26.

эстетики» Д. И. Писарев и др.) в шестидесятые годы привела в конечном итоге к небрежению эстетической природой искусства. «Въ этомъ отрицаніи эстетическаго чувства, — утверждает Маркевич, — давно уже слышится страшная фальшь»⁶³. Кризис в критике отозвался расколом читательской аудитории, разделившейся на «отцов» и «детей»:

«Люди, повидимому еще способные восхищаться лирическимъ стихотвореніемъ, не выносятъ произведеній той школы, которая называетъ себя реальною; и на оборотъ, — поклонники г. Рѣшетникова и г. Успенскаго никакъ не понимаютъ, что хорошаго въ Пушкинѣ <...>. Реальная критика, отвергнувшая эстетическое чувство, — какъ естественное и какъ **подлежащее развитію**, — сдѣлалась <...> одностороння...» (выделено мной. — В. В.)⁶⁴.

В то самое время, когда писалась цитируемая статья, Маркевич работал над романом «Марина из Алого Рога», где есть характерная сцена взаимного непонимания между героями разных поколений — близким автору графом Завалевским и заглавной героиней, временно находящейся под влиянием учителя-нигилиста. Граф спрашивает ее, читала ли она поэтов, и слышит в ответ имя Некрасова. «А Пушкина?» — вопрошает он.

«— Да, онъ мнѣ нравится, сказала она, — только вѣдь онъ не развитъ...»

— Что-съ? Какъ вы это сказали? чуть не съ ужасомъ вскрикнулъ графъ, — это Пушкинъ *не развитъ!*..

— Ну, конечно! съ торжествующею улыбкой подтвердила она»⁶⁵.

Так же, как и в романе, Маркевич в статье о творчестве Глеба Успенского ищет возможности преодоления раскола образованного общества. Не случаен выбор объекта: автор «Разоренья» был весьма популярен у нового поколения. Критик «Гражданина» именно на его примере показывает наличие «эстетических чувств», которые вызывают выводимые

⁶³ —ичь <Маркевич Б. М.> Глѣбъ Успенскій. Очерки и рассказы. С. 26.

⁶⁴ Там же. С. 27.

⁶⁵ Маркевичъ Б. Марина изъ Алаго Рога. Современная быль // Русскій Вѣстникъ. 1873. Т. 103. Январь. С. 340.

писателем «маленькія по уму и меленькія по характеру» герои. Эстетическая их значимость определяется тем, что за гнетущей злобой дня открывается замутненный низкими нравами образ Божий:

«...вы видите не только ихъ таковыми, каковы они въ самой дѣйствительности, но видите, чѣмъ бы они могли быть <...>; за тѣми плевелами, которыя рисуеть намъ г. Успенскій, виднѣется добрая почва, и не винится авторъ за то, что на этой доброй почвѣ жизнь уронила не хлѣбныя зерна, а никуда негодныя плевелы»⁶⁶.

Следующая рецензия Маркевича была посвящена объекту куда более близкому эстетической критике — повести И. С. Тургенева «Вешние воды», опубликованной в январском «Вестнике Европы» 1872 г. Повесть была весьма прохладно принята критикой: и радикалы, и либералы ожидали от автора «Дыма» критической общественной ноты, в то время как новое произведение оставалось в сфере исключительно психологической коллизии. Критики консервативного лагеря сразу же по выходе повести высказались скептически даже и относительно ее художественных достоинств: «невинный анекдот» («Русский Мир», 10 января), «вещь не только относительно слабая, но безотносительно плохая» («Московские Ведомости», 12 января). Статья «Гражданина», подписанная криптонимом «М.» (документированное доказательство авторства Маркевича см.: [Громов])⁶⁷, таким образом, вступала в конфликт не только с противниками, но и с единомышленниками. Особую позицию занял тогда В. П. Буренин, признавший, что по «художественной отделке» новая повесть Тургенева — «предел совершенства», но поскольку она лишена «общественной мысли», это всего лишь «чисто эстетическая безделка» («Санкт-Петербургские Ведомости», 1872, 8 января). «Гражданин» с рецензией Маркевича вышел на следующий день после выступления Буренина, складывалось впечатление, что одно издание напрямую спорит с другим (что нельзя исключить,

⁶⁶ — ичь <Маркевич Б. М.> Глѣбъ Успенскій. Очерки и рассказы. С. 27.

⁶⁷ Статья В. А. Громова была нам неизвестна, когда мы ошибочно написали данную рецензию В. П. Мещерскому [Викторович, 2018: 115]. Спешим исправить ошибку.

учитывая связи Маркевича с редакций «Санкт-Петербургских Ведомостей»). Маркевич настаивал, как оказалось, пророчески, на востребованности у читателя именно эстетического совершенства, достижения «вершины художественности»:

«А у насъ еще есть молодцы, которые отрицають и самую пользу этой "художественности", и валять ее подъ ноги "трезвой правдѣ" г. Решетникова!...»⁶⁸.

Этот выпад явственно направлен против программной статьи М. Е. Салтыкова-Щедрина «Напрасные опасения (По поводу современной беллетристики)» («Отечественные Записки», 1868, № 10), провозглашавшей «плодотворный поворот», сделанный «молодой русской литературой» в лице Ф. М. Решетникова в сторону «правды», «трагической истины русской жизни» вопреки даже писательскому «неумению распорядиться своим материалом» [Салтыков-Щедрин: 34–35]. Маркевич нарочито заостряет внимание читателя на «искусной архитектонике», «скульптурной рельефности» персонажей, «слиянии идеи и формы» в повести Тургенева, в силу этого становящейся «однимъ изъ самыхъ блестящихъ этюдовъ человѣческаго сердца»⁶⁹. Здесь нельзя не отметить преимущество критика с представлениями о пользе искусства эстетической критики 1850-х гг., высказанными прежде всего в статье П. В. Анненкова «О значении художественных произведений для общества» («Русский Вестник», 1856, № 4).

Маркевич сделал попытку определить в русской литературе место Тургенева, «живописца по преимуществу»⁷⁰, опять же применяя эстетические критерии. Писатель, единственный, как утверждает критик, среди своих современников, обладает «чутьемъ художественной мѣры»⁷¹, почти таким же, каким владел у нас только Пушкин. Любопытно, что в том же номере «Гражданина» Н. Н. Страхов называет писателей, «вносившихъ въ литературу <...> "новое слово"» после Пушкина (Гоголь,

⁶⁸ М. <Маркевич Б. М.> «Вешнія воды». Соч. Тургенева (Вѣстникъ Европы № 1) // *Гр.* 1872. № 2. 10 Января. С. 66.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 67.

⁷¹ Там же. С. 66.

Островский, Некрасов, Достоевский, С. Аксаков, Л. Толстой), но не включает в этот ряд Тургенева⁷².

Маркевич же, отдавая преимущество Тургеневу, делает при этом оговорку несколько двусмысленную:

«Въ этой необыкновенной художественности, въ этомъ отличительномъ признакъ дарованія г. Тургенева слѣдуетъ искать объясненіе того, съ объективной точки зрѣнія несправедливаго, смѣемъ думать, предпочтенія, которое оказывается ему огромнымъ большинствомъ читателей, сравнительно съ нѣкоторыми другими современными ему русскими писателями, которые по силѣ таланта, по богатству такъ сказать, сыраго матеріала, далеко не уступаютъ ему, — чтобы не сказать болѣе...»⁷³.

Витиеватый намек, судя по всему, относился к Л. Н. Толстому и Ф. М. Достоевскому, чей «сырой материал» (т. е. не так тщательно обработанный, как у Тургенева) превосходит автора «Вешних вод» по масштабу и глубине постижения человеческой природы. Маркевич далее покритиковал концовку тургеньевской повести: возвращение героя к растоптанной им самим чистой первой любви представляется критику психологически неоправданным, искусственно навязанным читателю. Автор как бы не удержался на взятой им высоте «блестящаго этюда человѣческаго сердца».

Опубликованные в третьем номере «Гражданина» рецензии⁷⁴ также могут принадлежать перу Маркевича. Критика настораживает набирающее силу поветрие, идущее от французских бульварных романов с их «смѣлостію воображенія»

⁷² Страховъ Н. Литературныя письма. II // *Гр.* 1872. № 2. 10 Января. С. 60–61.

⁷³ М. <Маркевич Б. М.> «Вешнія воды». С. 66.

⁷⁴ Невскій. Семейство Снѣжиныхъ. Романъ въ 4 частяхъ Ближнева. (Вѣстникъ Европы 1871 г. Сентябрь — декабрь); Б. Свѣтскіе люди. Романъ въ 2-хъ частяхъ Чернолѣсова. «Отечественныя Записки», 1871 годъ. Октябрь и Ноябрь // *Гр.* 1872. № 3. 17 Января. С. 108–110. О принадлежности криптонима «Б.» Маркевичу см.: [Викторович, 2024b: 141]. Псевдоним «Невскій» в «Гражданине» ошибочно приписан А. А. Фокину в изд. [Масанов; т. 2: 254] со ссылками на другие словари (Карцовъ В. С., Мазаевъ М. Н. Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей. СПб.: Типо-Литографія И. Ефрона, 1901. С. 89; Венгеровъ С. А. Источники словаря русскихъ писателей. Т. IV: Лоначевскій — Некрасовъ. Пг.: Тип. Имп. Академіи Наукъ, 1917. С. 514), в которых указание на «Гражданин» отсутствует.

(так, в романе Ближнева <В. А. Райского> описано влечение героя к 15-летней девочке). Критик советует поучиться у Тургенева, «что значитъ художество».

Перу Маркевича, судя по присвоенному ему в «Гражданине» криптониму «М.», принадлежит рецензия на комедию А. Н. Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын». Критик сравнивает новую пьесу драматурга с предыдущей — «Не все коту масленица», не в пользу новой, поскольку лишь первая из них явилась художественным достижением писателя:

«...старый купецъ, готовый отдать полъ-міра за одинъ поклонъ ему въ землю, это *новый типъ* у Островскаго, типъ прелестный, типъ — по своему психическому содержанию, выростающій почти до Шекспировскихъ типовъ»⁷⁵.

В новой комедии критик признает известные достоинства (обновленный тип скряги, «чистота» и «музыкальность» языка), однако высказывает и претензии к «необработанности» женских образов: в Насте «характеръ, и его развитіе недостаточно глубоко раскрыты: много складокъ недостаетъ», а у Анны Тихоновны «рѣшеніе отдать Настю на проституцію должно было выясниться передъ читателями глубже, рельефнѣе, и съ большею борьбою»⁷⁶.

В следующей (редакционной по существу) статье был поставлен вопрос об отношении общества к Островскому: для великосветских судей он «грязен», зато Россия горячо любит его, в том числе за «чудную и чистую мелодію русскаго языка»⁷⁷. Отношение первых к национально ориентированному художнику сказалось тогда не только в официальном запрете публичного чествования юбиляра («Гражданин» инициировал

⁷⁵ М <Маркевич Б. М.> «Отечественныя Записки». Январь 1872 г. Островскій «Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ». Комедія въ 5 дѣйствіяхъ // *Гр.* 1872. № 4. 24 Января. С. 151. К рецензии подверстана реплика (Отечественныя записки. Январь 1872 годъ. «Волны русскаго прогресса». А. Скабичевского), обе публикации подписаны криптонимом Маркевича «М». В энциклопедии «А. Н. Островскій» рецензия предположительно приписана В. П. Мещерскому [Виноградов].

⁷⁶ М <Маркевич Б. М.> «Отечественныя Записки». Январь 1872 г. Островскій «Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ». С. 152.

⁷⁷ <Без подписи>. Двадцатипятилѣтній юбилей А. Н. Островскаго и его «Дмитрій Самозванецъ» на петербургской сценѣ // *Гр.* 1872. № 8. 21 Февраля. С. 273.

юбилейный вечер в Артистическом кружке 14 марта), но и в крайне скудном оформлении спектакля по пьесе «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский». Автор статьи увидел в этом «презрѣніе, неумолимое презрѣніе къ русскому театру и къ русскимъ талантамъ»⁷⁸. Впоследствии автор серии статей «Письма о русском театре» (*Гр.* № 20, 21, 23, 26, 31, 32) за подписью «Графъ Энъ» (возможно, принадлежащей Маркевичу как единственному театральному критику «Гражданина», хотя нельзя исключить и авторства В. П. Мещерского⁷⁹) обвинил театральную дирекцию в равнодушии к русскому репертуару.

Главное достоинство драматурга, по мнению автора, заключается в том, что он «в н ѣ к р у ж к а, в н ѣ п а р т і и, в н ѣ м о д н ы х ѣ и д е й» — «служить о д н о м у л и ш ь и с к у с т в у»⁸⁰. Это утверждение созвучно общей концепции «Гражданина» в сфере литературы. Так, П. К. Щебальский в программной статье провозглашал: «Цѣль поэзіи, какъ и цѣль науки, заключается въ ней самой»⁸¹, — замечательно поясняя свой тезис:

«Порожденныя великой силой симпатіи, гнѣздящейся въ душѣ поэта, чудныя созданія искусства, невольно, вслѣдствіе неотразимой силы добра и красоты, поднимаютъ читателя на ту же высоту поэтического одушевленія, на которой находился поэтъ въ минуту творчества, или хотя приближаютъ къ этой высотѣ. Эта способность понимать поэзію, сочувствовать ей, переживать душевныя ощущенія поэта, пробуждать въ душѣ дремлющія симпатіи ко всему святому, высокому, благородному и страдающему — одинъ изъ лучшихъ даровъ природы. Можно ли передать все это словами "польза" или "наслажденіе"? Оба эти понятія

⁷⁸ <Без подписи>. Двадцатипятилѣтній юбилей А. Н. Островскаго... С. 274.

⁷⁹ Криптоним «Графъ Энъ» варьировал подпись «Графъ N. N.» Н. М. Карамзина [Масанов; т. 1: 302], чьим внуком был В. П. Мещерский, неоднократно представлявший себя последователем своего деда. Кроме того, Мещерскому принадлежит «фантастическій рассказъ въ стихахъ» «Графъ Энъ, или Министръ одной ночи», включенный в его «Рѣчи консерватора» (вып. 2, СПб., 1876). Правда, граф Эн здесь — сатирический персонаж, недалекий амбициозный карьерист.

⁸⁰ <Без подписи>. Двадцатипятилѣтній юбилей А. Н. Островскаго... С. 274.

⁸¹ Ш. <Щебальский П. К.> О нѣкоторыхъ направленіяхъ въ нашей поэзіи послѣ Пушкина. С. 168.

слишком ограничены и мелки, чтобы выразить собою все могущество поэтической силы. Поэзия — молитва души»⁸².

Нетрудно заметить, что Щебальский здесь соединяет провозглашенный еще В. Н. Майковым закон «симпатии» художника⁸³ с шиллеровскими представлениями о воспитательном значении искусства, подхваченными эстетической критикой пятидесятых годов. (Заметим, что дословно повторяется формула «облагородивать природу человека» из чуть более ранней статьи Щебальского⁸⁴, что лишний раз подтверждает его авторство.) При этом критик «Гражданина» идет значительно дальше предшественников-эстетиков, разрешая спор о «пользе» и «наслаждении» напоминанием о родстве искусства с религией («молитва души»).

Через десять лет Маркевич напишет Щебальскому: «у васъ всѣ приемы, весь пошибъ художественнаго критика», — и прибавит: «вѣдь мы совсѣмъ отвыкли отъ эстетическаго разумѣнія въ дѣлѣ литературы: вѣдь у насъ двадцать пять лѣтъ сряду на нее смотрѣли единственно со стороны тенденціи»⁸⁵. «Гражданин» усилиями трех рассмотренных нами сотрудников сделал попытку возрождения эстетической критики. К этому изначально стремился сам издатель, В. П. Мещерский, сообщавший в письме И. С. Тургеневу в октябре 1871 г., что в намечаемом журнале предполагается «в области литературы воздвигать опрокинутые алтари искусства» (см.: [Викторovich, 2018: 112]).

Блестящий образец эстетической критики — рецензия Н. Н. Страхова на рассказ Ф. М. Достоевского «Вечный муж», опубликованная без подписи (поскольку Страхов редактировал журнал «Заря», где печатался рассказ). Доказательства его

⁸² Ш. <Щебальский П. К.> О нѣкоторыхъ направленіяхъ въ нашей поэзіи послѣ Пушкина. С. 169.

⁸³ Майков В. Н. Литературная критика: статьи, рецензии / сост., подгот. текста, вступ. ст., примеч. Ю. С. Сорокина. Л.: Худож. лит., 1985. С. 75, 108 (Сер.: Русская литературная критика.)

⁸⁴ Щебальскій П. По поводу памятника Пушкину // Русскій Вѣстникъ. 1871. Т. 92. Апрѣль. С. 713. Ср.: искусство «должно служить <...> къ облагороженію человѣческой природы» (Ш. <Щебальский П. К.> О нѣкоторыхъ направленіяхъ въ нашей поэзіи послѣ Пушкина. С. 170).

⁸⁵ Письма Б. М. Маркевича къ графу А. К. Толстому, П. К. Щебальскому и друг. СПб.: Тип. Тов-ва Общественная Польза, 1888. С. 164–165.

авторства приведены в изд.: [Викторович, Захарова: 232–233]. Критик начинает статью с кратких общих характеристик (что характерно для Страхова) состояния литературы, места в ней Достоевского и эволюции его творчества, намекает на особенности его творческой лаборатории. Кроме того, как и в «Литературных письмах», он ставит вопрос о состоянии читательской аудитории, ее подготовленности к восприятию произведений такого эстетического и духовного наполнения. Критик относит рассказ «къ послѣднему разряду произведений <...> психологическxъ; <...> удачныхъ, стройныхъ и строго-выдержанныхъ», однако, «не всякій читатель, увлекающаяся внѣшнимъ интересомъ разсказа, способенъ проникнуть до той глубины предмета, до которой проникъ авторъ»⁸⁶. В этом же и причина незамеченности гениального произведения текущей критикой:

«...едва ли мы ошибемся, если предположимъ, что разсказъ "Вѣчный Мужъ" больше одного раза — или ни къмъ не прочтенъ, или прочтенъ очень и очень многими; потому что, при его появленіи, критика почти его не замѣтила, а не замѣтила отъ того, что сама можетъ быть, чуть-чуть, слегка его пробѣжала...»⁸⁷.

В связи с этим критик дает весьма дельный совет вдумчивому читателю, имеющему еще шанс войти в число «избранных»: таких писателей, как Достоевский, надо читать медленно и, чтобы понять, непременно перечитывать.

«...съ перваго раза не всякій читатель, увлекающаяся внѣшнимъ интересомъ разсказа, способенъ проникнуть до той глубины предмета, до которой проникъ авторъ, и потому, при вторичномъ чтеніи, будетъ безпрестанно встрѣчать черты, прежде имъ не замѣченныя, освѣщающія самые темные уголки въ душахъ дѣйствующихъ лицъ»⁸⁸.

⁸⁶ <Страхов Н. Н.> Вѣчный мужъ. Разсказъ Ѳедора Достоевскаго. С.-Петербургъ, 1872 // *Гр.* 1872. № 7. 5 Февраля. С. 263.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

Статья Страхова — своеобразная школа читателя. Его анализ «Вечного мужа» отличается тонким пониманием поэтики рецензируемого писателя. Так, критик уловил композиционную задачу долгой экспозиции:

«...его <Вельчанинова> начинают посѣщать незванные гости — призраки прошлаго, зазываемые, безъ его вѣдома, услужливой памятью»⁸⁹.

Последующий сюжет с участием Трусоцкого в этом контексте — как бы продолжение работы совестливой памяти. Анализируя художественный строй произведения, критик предлагает читателю определение Трусоцкого: «человѣчекъ, одержимый неодолимой жаждой такого счастья, котораго достигнуть онъ не способенъ и которымъ обладать не достоинъ». В итоге оба героя рассказа, по наблюдению критика, «разоблачаютъ свои души до ихъ послѣднихъ темныхъ закоулковъ, до того, что въ прозрачной дали ясно рисуются не только ихъ прошлое, но и будущее»⁹⁰.

Обратил внимание критик и на образ Лизы:

«...не помнимъ, чтобы у кого-нибудь, кромѣ Диккенса и Ѳ. Достоевскаго, встрѣчали мы такое чудное изображеніе дѣтей, и именно тѣхъ дѣтей, о которыхъ простые люди обыкновенно говорятъ: "такія дѣти не живутъ!" Къ такимъ дѣтямъ принадлежатъ Павелъ Домби и Лиза Трусоцкая, хотя они во многомъ совѣмъ не похожи другъ на друга и хотя на перваго положено авторомъ несравненно больше красокъ, чѣмъ на вторую»⁹¹.

В конце рецензии Страхов вышел на обобщающий пассаж, кажется впервые заявив, что неразрешимая пока для критики проблема понимания Достоевского означает, прежде всего, проблему возобладавшей критики позитивистского толка, ее эстетической и философской неготовности к встрече с художником такой духовной значимости:

«...отношенія нашей критики къ литературнымъ произведениямъ съ нѣкотораго времени очень измѣнились. Можетъ быть, мы съ ней сдѣлались и дѣльнѣе, но недостаточное вниманіе

⁸⁹ <Страхов Н. Н.> Вѣчный мужъ. С. 263.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. С. 264.

къ такимъ крупнымъ явленіямъ отечественной литературы, какъ *Ф. Достоевскій*, едва-ли только не у однихъ насъ возможное, во всякомъ случаѣ говорить о притупившейся впечатлительности, а можетъ быть и о незначительномъ уровнѣ высшаго духовнаго развитія»⁹².

Рецензией на рассказ Достоевского Страхов способствовал совершенствованию эстетической критики на страницах «Гражданина», формируемой, как мы видели, и двумя другими ведущими критиками еженедельника, П. К. Щебальским и Б. М. Маркевичем.

Консервативный «Гражданин», как нам представляется, выразил потребность самой литературы в эстетической критике. Приведем суждения двух писателей, высказанные через четыре года.

Ф. М. Достоевскій в письме *Я. П. Полонскому* 4 февраля 1876 г.:

«Хотел очень (и хочу) писать о литературе и об том именно, о чем никто с тридцатых еще годов ничего не писал: *О ЧИСТОЙ КРАСОТЕ*» [*Достоевскій*; т. 29, кн. 2: 74].

Л. Н. Толстой в письме *Н. Н. Страхову* 23 апреля 1876 г.:

«...для критики искусства нужны люди, которые бы показывали бессмыслицу отыскивания мыслей в художественном произведении и постоянно руководили бы читателей в том бесконечном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства, и к тем законам, которые служат основанием этих сцеплений» [*Толстой*: 785].

История эстетической критики XIX в. должна быть написана с учетом всех ее перипетий, начиная от Карамзина и Жуковского до *Вл. Соловьева* и *К. Леонтьева*. Выступления критиков «Гражданина» 1872 г. и затем периода редакторства и авторства Достоевского (1873–1874) являются частью этой истории. Критика «бесценного триумвирата» 1850-х гг. (*П. В. Анненков*, *А. В. Дружинин*, *В. П. Боткин*) соединила эстетическую направленность с либеральными установками, которые со временем вышли на первый план, так что позднейшие работы *П. В. Анненкова* приблизились к методологии реальной

⁹² <Страхов *Н. Н.*> Вѣчный мужъ. С. 264.

критики. В первой половине 1860-х гг. эстетическую инициативу перехватывают почвеннические журналы «Время» и «Эпоха», во многом уточняя и совершенствуя принципы предшествующей эстетической критики: тон задают выступления А. А. Григорьева и Ф. М. Достоевского, в особенности программная статья последнего «Г. -бов и вопрос об искусстве». В конце 1860-х гг. попытки вернуться к эстетической критике предприняли К. К. Случевский («Явления русской жизни под критикою эстетики»), Е. Н. Эдельсон («О значении искусства в цивилизации»), Ф. И. Буслаев («Задачи современной эстетической критики»), Н. И. Соловьев («Искусство и жизнь»), но они были осмеяны «реалистами» как «люди второго сорта». Так позволил себе выразиться Н. В. Шелгунов в статье с характерным названием «Двоедушие эстетического консерватизма» (1870). Радикальный критик между тем верно уловил тенденцию: эстетическая критика уходила от либералов в стан консерваторов.

«Гражданин» 1872 г. еще и по этой причине оказался мишенью как для радикальной, так и для либеральной критики. Упорства его сотрудников по отделу критики в этом противостоянии хватило только на полгода, однако уже на следующий год новый редактор, Ф. М. Достоевский, возобновил этот отдел в журнале с той же целью охранить «колеблемый треножник»⁹³. Вся эта история не подтверждает представления о «коротком дне русского "эстетизма"» [Осповат]: эстетическая критика, получив прививку почвенничества, оказалась сродственной мыслителям консервативного толка. В процесс этой трансформации включатся затем К. Леонтьев и религиозно-философская критика XX в., предлагая свои версии «эстетического консерватизма».

⁹³ Этой теме будет посвящена отдельная статья.

Список литературы

1. Викторovich В. А. Тургенев в зеркале «Гражданина» // Тургенев и либеральная идея в России: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию И. С. Тургенева (Пермь, 19–21 апреля 2018 г.). Пермь: Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т, 2018. С. 111–129. EDN: LBPUEX
2. Викторovich В. А. Достоевский и «пушкинский вопрос» // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2. С. 59–75 [Электронный ресурс]. URL: [https://rcsi.science/upload/medialibrary/89e/agybt84i2qm2t9p-1s3u0c605fdjzlhlj/RFBR_2\(117\)2024_59-75.pdf](https://rcsi.science/upload/medialibrary/89e/agybt84i2qm2t9p-1s3u0c605fdjzlhlj/RFBR_2(117)2024_59-75.pdf) (20.07.2024). DOI: 10.22204/2587-8956-2024-117-02-59-75. EDN: INBZNG (a)
3. Викторovich В. А. Происхождение «Гражданина»: авторы, концепции, жанры // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 4. С. 117–157 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1732441170.pdf (20.07.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2024.14522. EDN: APFWHX (b)
4. Викторovich В. А., Захарова О. В. Ф. М. Достоевский в русской критике. 1845–1881. Коломна: Лига, 2021. 536 с. EDN: YAAQPG (Сер.: Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре.)
5. Виноградов А. А. Мещерский Владимир Петрович // А. Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома: Костромиздат; Шуя: Изд-во ШГПУ, 2012. С. 255.
6. Гайнцева Э. Г. Вопросы о литературной критике и литературных жанрах в редакционной политике «Русского вестника» конца 60-х — начала 70-х гг. // Проблемы жанров в русской литературе: сб. науч. тр. М.: МГПИ, 1980. С. 122–132.
7. Громов В. А. «Вешние воды». Статья и письмо Б. М. Маркевича о повести Тургенева // Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л.: Наука, 1969. [Т.] V. С. 303–305.
8. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
9. Катков М. Н. Пушкин. Сочинения Пушкина, издание П. В. Анненкова, СПб., 1855. 6 томов // Катков М. Н. Собр. соч.: в 6 т. СПб.: Росток, 2010. Т. 1: Заслуга Пушкина: о литераторах и литературе / под общ. ред. А. Н. Николюкина. С. 246–303.
10. Котов А. Э. Птенцы гнезда Каткова: монография. СПб.: ГУ МРФ им. адмирала С. О. Макарова, 2013. 143 с. EDN: ULLKVB
11. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. / подгот. к печати Ю. И. Масанов; ред. Б. П. Козьмин. М.: Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1956–1960.
12. Осповат Ал. Короткий день русского «эстетизма» (В. П. Боткин и А. В. Дружинин) // Литературная учеба. 1981. № 3. С. 186–193.
13. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 9: Критика и публицистика (1868–1883). 648 с.
14. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 17: Публицистические произведения. 1886–1908; Т. 18: Письма. 1842–1881. 910 с.

References

1. Viktorovich V. A. Turgenev in the Mirror of “The Citizen”. In: *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 200-letiyu I. S. Turgeneva (Perm', 19–21 aprelya 2018 g.)* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 200th Anniversary of I. S. Turgenev (Perm, April 19–21, 2018)]. Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University Publ., 2018, pp. 111–129. EDN: LBPUEx (In Russ.)
2. Viktorovich V. A. Dostoevsky and the “Pushkin Question”. In: *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki* [Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences], 2024, no. 2, pp. 59–75. Available at: [https://rcsi.science/upload/medialibrary/89e/agybt84i2qm2t9p1s3u0c605fdjlzhlj/RFBR_2\(117\)2024_59-75.pdf](https://rcsi.science/upload/medialibrary/89e/agybt84i2qm2t9p1s3u0c605fdjlzhlj/RFBR_2(117)2024_59-75.pdf) (accessed on July 20, 2024). DOI: 10.22204/2587-8956-2024-117-02-59-75. EDN: IHBZNG (In Russ.) (a)
3. Viktorovich V. A. The Origin of “The Citizen”: Authors, Concepts, Genres. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2024, vol. 22, no. 4, pp. 117–157. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1732441170.pdf (accessed on July 20, 2024). DOI: 10.15393/j9.art.2024.14522. EDN: APFWHX (In Russ.) (b)
4. Viktorovich V. A., Zakharova O. V. F. M. *Dostoevskiy v russkoy kritike. 1845–1881* [F. M. Dostoevsky in Russian Criticism. 1845–1881]. Kolomna, Liga Publ., 2021. 536 p. EDN: YAAQPG (Ser.: Sources and Methods in Studying the Legacy of F. M. Dostoevsky in Russian and World Culture.) (In Russ.)
5. Vinogradov A. A. Meshchersky Vladimir Petrovich. In: *A. N. Ostrovskiy. Entsiklopediya* [A. N. Ostrovsky. Encyclopedia]. Kostroma, Kostromizdat Publ., Shuya, Shuya State Pedagogical University Publ., 2012, p. 255. (In Russ.)
6. Gayntseva E. G. Questions About Literary Criticism and Literary Genres in the Editorial Policy of the “Russian Herald” in the Late 60s — Early 70s. In: *Problemy zhanrov v russkoy literature: sbornik nauchnykh trudov* [Problems of Genres in Russian Literature: a Collection of Scientific Papers]. Moscow, Moscow State Pedagogical Institute Publ., 1980, pp. 122–132. (In Russ.)
7. Gromov V. A. “Torrents of Spring”. Article and Letter of B. M. Markevich About the Story of Turgenev. In: *Turgenevskiy sbornik. Materialy k polnomu sobraniyu sochineniy i pisem I. S. Turgeneva* [Turgenev's Collection. Materials for the Complete Works and Letters of I. S. Turgenev]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, vol. 5, pp. 303–305. (In Russ.)
8. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
9. Katkov M. N. Pushkin. Works of Pushkin, Published by P. V. Annenkov, St. Petersburg, 1855. 6 Volumes. In: *Katkov M. N. Sobranie sochineniy: v 6 tomakh* [Katkov M. N. Collected Works: in 6 Vols]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2010, vol. 1: Pushkin's Merit: About Writers and Literature, pp. 246–303. (In Russ.)

10. Kotov A. E. *Ptentsy gnezda Katkova* [*Chicks of Katkov's Nest*]. St. Petersburg, The Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Publ., 2013. 143 p. EDN: ULLKKB (In Russ.)
11. Masanov I. F. *Slovar' psevdonomov russkikh pisateley, uchyonykh i obshchestvennykh deyateley: v 4 tomakh* [*Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists and Public Figures: in 4 Vols*]. Moscow, Vsesoyuznaya knizhnaya palata Publ., 1956–1960. (In Russ.)
12. Ospovat Al. A Short Day of Russian “Aestheticism” (V. P. Botkin and A. V. Druzhinin). In: *Literaturnaya ucheba*, 1981, no. 3, pp. 186–193. (In Russ.)
13. Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochineniy: v 20 tomakh* [*Collected Works: in 20 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1970, vol. 9: Criticism and Journalism (1868–1883). 648 p. (In Russ.)
14. Tolstoy L. N. *Sobranie sochineniy: v 22 tomakh* [*Collected Works: in 22 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984, vol. 17: Journalistic Works. 1886–1908; vol. 18: Letters. 1842–1881. 910 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Викторович Владимир Александрович, Vladimir A. Viktorovich, PhD доктор филологических наук, профессор (Philology), Professor of the Department of Russian Language and Literature, Государственный социально-гуманитарный университет (ул. Зеленая, 30, г. Коломна, Российская Федерация, 140410); Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9576-9522>; e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.11.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 12.01.2025

Принята к публикации / Accepted 14.01.2025

Дата публикации / Date of publication 14.02.2025

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14562

EDN: WKEBLD

Свет и тьма в «Русских ночах» В. Ф. Одоевского

Ю. Н. Сытина

*Государственный университет просвещения
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: yulyasytina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблематика и символика света и тьмы в «Русских ночах» В. Ф. Одоевского. Название и начало романа актуализируют вопросы темноты и мрака, как физического, так и духовного. Лейтмотив произведения — непрерывное стремление к свету, непосредственно связанное с проблемами просвещения. В русском слове «просвещение» мерцают разные смыслы, отсылающие как к западноевропейской, так и византийской традициям: это и «свет разума», и «Свет Христов», который «просвещает всех». Оба значения принципиально важно учитывать при интерпретации художественных произведений и публицистических высказываний Одоевского (как и русской классики в целом). Одоевский ратовал за развитие науки и техники, но неизменно предупреждал о духовном тупике, в который приведет человечество увлечение сугубо материальными интересами. Важнейшее значение, согласно писателю, имеет путь познания истины — он должен синтезировать в себе разум и «инстинктуальную» силу, наивысший источник которой — божественное откровение. Основной текст романа — собственно «ночи» — исполнены сомнений и вопросов, путь к преодолению царящего мрака и подлинному просвещению указывается в Эпilogue. Именно России, был убежден писатель, суждено спасти европейский мир, поскольку только в ней сохранился подлинный свет — православная вера, именно она способна вывести человечество из темного тупика рационализма.

Ключевые слова: В. Ф. Одоевский, Русские ночи, просвещение, познание, религия, аксиология, рационализм, инстинкт

Для цитирования: Сытина Ю. Н. Свет и тьма в «Русских ночах» В. Ф. Одоевского // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 1. С. 82–112. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14562. EDN: WKEBLD

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14562

EDN: WKEBLD

The Light and the Darkness in V. F. Odoevsky's "Russian Nights"

Yuliya N. Sytina

State University of Education
(Moscow, Russian Federation)

e-mail: yulyasytina@yandex.ru

Abstract. The article discusses the problems and symbolism of light and darkness in V. F. Odoevsky's "Russian Nights." The title and the beginning of the novel bring up the issues of darkness and gloom, both physical and spiritual. The core motif of the "Russian Nights" is the incessant striving for light. It is directly related to the problems of enlightenment. The Russian word "enlightenment" has various meanings. They refer to both Western European and Orthodox Church traditions: this is both the "light of reason" and the "Light of Christ." Both meanings should be taken into account when interpreting Odoevsky's fictional and journalistic works (as well as Russian classics in general). Odoevsky advocated the development of science and technology, but warned that the exclusive fascination with material interests and rationalism will lead humanity to moral ruin. Odoevsky considered the path to the truth to be fundamentally important. According to him, it had to synthesize intelligence and "instinctual" power, be irrational and based on an inner feeling. The highest source of "instinctual" power is God's revelation. The main text of the novel (namely, the "nights") contains more doubts and questions than answers. Only in the Epilogue does the writer show the way out of the darkness and towards true enlightenment. Odoevsky believed that it was Russia that is destined to save the European world since it retained its true faith and youthful strength. Odoevsky saw the source of genuine enlightenment in religion. It is the light of faith that can lead humanity out of the dark impasse of rationalism.

Keywords: V. F. Odoevsky, Russian Nights, enlightenment, cognition, religion, axiology, rationalism, instinct

For citation: Sytina Yu. N. The Light and the Darkness in V. F. Odoevsky's "Russian Nights". In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 82–112. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14562. EDN: WKEBLD (In Russ.)

Проблематику темноты и ее преодоления актуализирует само название философского романа В. Ф. Одоевского — «Русские ночи» (1844). В первом же абзаце появляется образ

подстерегающей человека «темной, бездонной пучины»¹. Размышления о слепоте и прозрении, внутреннем и внешнем мраке, в который погружено существование человека, сравнение ищущего духа со странником, блуждающим в потемках, раздумья о влиянии ночи, солнечного и лунного света на человека, чередование света и тени при описании как духовных исканий, так и быта героев — постоянные мотивы романа. Символично начало последней, девятой, «ночи»:

«Вечернее солнце пылало над величавой рекою; алые облака рассыпались по сизому небу, и каждое светилось стороною, обращенною к солнцу, а другою исчезало в тумане. — Фауст сидел у окна, то перебирая листы старой книги, то смотря, как багровый отблеск речной волны расстился по стенам комнаты <...> когда он перелистывал свою старую книгу — тогда ясность снова сообщалась его взорам; когда он отводил их от книги, как бы желая во внутренности души сосредоточить смысл читанного, — снова грусть появлялась на лице философа» (*Одоевский*: 132).

Человек оказывается сродни облаку, в нем также соседствуют свет и тень: одна сторона существования обращена к солнцу, тогда как другая исчезает в тумане, и если истина ясна «солнечной», духовной ипостаси человека, то от «земной», рациональной, она ускользает, и тогда «холодная вещественная тьма» и «мучительная ночь» тяготят душу [Сакулин; т. 1, ч. 1: 458–459].

Проблематику мрака, блуждания, одиночества актуализирует эпиграф к роману:

«Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины» (*Одоевский*: 7).

В. Ю. Даренский справедливо указывает, что начальные строки из «Ада» Данте «по своему архетипическому смыслу обозначают духовную "инициацию" — ситуацию символической смерти и "нового рождения" человека, т. е. преобразования души и обретения скрытого знания. <...> Соответственно, "метасюжет"

¹ Одоевский В. Ф. Русские ночи / изд. подготовили Б. Ф. Егоров, Е. А. Маймин, М. И. Медовой. Л.: Наука, 1975. С. 7. (Сер.: Литературные памятники.) Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Одоевский* и указанием страницы в круглых скобках.

всего произведения ("Русских ночей". — Ю. С.) — это движение к духовному рождению и прозрению» [Даренский: 295].

Согласно Одоевскому, вся человеческая жизнь — путь к свету и постепенное просвещение, в «Психологических заметках» (1843) он пишет:

«Мы беспрестанно находимся в некоторой относительной темноте, о которой может дать понятие человеку воспоминание о его детстве; сколько вещей в то время, которые теперь нам кажутся состоянием слепого. Так продолжается во всю жизнь — и все стремление человека — выйти на свет» (Одоевский: 203).

Но что же это за «свет»? Размышления о путях просвещения человека и общества занимают одно из центральных мест в «Русских ночах». Для понимания романа принципиально важно учитывать то, какие смыслы вкладывали в слово «просвещение» Одоевский и его современники.

«Мы повторяем теперь еще бессмысленно слово "Просвещение"², — писал Н. В. Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Суждение классика не потеряло актуальности и в XXI в. В русском слове «просвещение» мерцают разные смыслы, отсылающие как к западноевропейской, так и византийской традициям. Это и «свет разума», и «Свет Христов», который «просвещает всех». В советское время по понятным причинам светский смысл вытеснил духовное значение. В последние десятилетия оно вновь вернулось в пространство русской культуры³, но пока не проникло в современные толковые словари. Так, согласно Большому академическому словарю русского языка, «просвещение» — это:

² Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8. С. 285.

³ Например, проводимые в Великом Новгороде ежегодно с 2000 г. международные научные конференции «Духовные начала русского искусства и просвещения» (Никитские чтения). Именно в таком (и только в таком) значении использует слово «просвещение» А. В. Моторин, когда пишет: «В русской истории сложилось триединое предание о Крещении, или Просвещении, народа чередой усилий, начатых святым апостолом Андреем Первозванным, продолженных святой равноапостольной княгиней Ольгой и славно увенчанных святым равноапостольным князем Владимиром» [Моторин: 87].

«1. Распространение знаний, образования, культуры; совокупность образовательно-воспитательных мероприятий. <...> 2. Приобретение, получение знаний; образование. <...> 3. (С прописной буквы). Период развития науки и культуры в Западной Европе XVII–XVIII вв. и в России конца XVIII в., характеризующийся углубленным интересом к философским и общественно-политическим вопросам»⁴.

Духовный смысл слова «просвещение» как таковой в современном словаре отсутствует. Обратимся к истории его употребления в русской культуре. О различном понимании «просвещения» в России XVII в. И. А. Есаулов, со ссылками на А. М. Панченко, пишет так:

«...культурное противостояние традиционалистов и "латинствующих" — это отнюдь не коллизия "невежества и знания", а "коллизия интеллекта и духа: для Симеона Полоцкого главное — просветительство, "внешняя мудрость", а для Аввакума — нравственное совершенство"» [Есаулов, 1995: 275].

Если для последнего суть просвещения «самым прямым образом касается спасения души, <...> внеположна <...> секуляризованному знанию», то для первого «тема сведена к просветительству, к образованию» [Есаулов, 1995: 275]. Эти традиции просвещения вступают друг с другом в весьма сложные, порою взаимоисключающие отношения. Как аргументированно формулирует Х.-Г. Гадамер, «коренной предрассудок Просвещения (т. е. западноевропейской философии эпохи Просвещения. — Ю. С.), составляющий его основу и определяющий его сущность» — это «предубежденность против предрассудков вообще и тем самым отрицание роли исторического предания» [Гадамер: 322], т. е. христианского предания, если говорить о европейской (и русской в том числе) культуре.

Размышляя о степени влияния просвещенческого рационализма на русскую литературу XVIII в., И. А. Есаулов выделяет «два противоположных подхода к проблеме» [Есаулов, 2013: 8]: стремление осмыслить отечественную словесность Нового

⁴ Большой академический словарь русского языка. СПб.: Наука, 2012. Т. 21. С. 237; см. также: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%B2%D0%B5%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5> (10.10.2024).

времени полностью как секуляризованную, порвавшую всякие отношения с прежней религиозной традицией (такой подход характерен для советского литературоведения, в частности для работ Ю. М. Лотмана), и, напротив, педалирование важности для литературы этого периода православной традиции и ее явного доминирования над европейским влиянием (точка зрения П. Е. Бухаркина). По мнению И. А. Есаулова, «реальная картина того, что происходило в культурном пространстве русского XVIII века, все же значительно сложнее» [Есаулов, 2013: 9]. Как показывает ученый, в произведениях русских авторов XVIII в. порою органически, а порою и весьма причудливо сочетаются как прямое влияние западноевропейской литературы, так и традиции древнерусской словесности (см.: [Есаулов, 2019]).

Подобная двойственность проступала (и до сих пор проступает) в слове «просвещение». Н. В. Гоголь так размышлял о подлинном его значении в русском языке:

«Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято из нашей Церкви, которая уже почти тысячу лет его произносит, <...> и знает, зачем произносит»⁵.

Однако, предлагая понимать слово «просвещение» исключительно в «духовном, литургическом значении» [Воропаев: 83], Гоголь в тех же «Выбранных местах из переписки с друзьями» (как и ранее в художественных произведениях) использует его и в западноевропейском смысле, давая такому просвещению разные, далеко не всегда негативные оценки, что свидетельствует, по мнению Л. А. Сугай, о том, что Гоголь «ни в коей мере не отворачивался от идей европейского просветительства» [Сугай: 56].

У А. С. Пушкина «просвещение» также отсылает к обеим традициям и имеет разные коннотации. С одной стороны, поэт «просвещение связывал с монашеством» [Воропаев: 83], а также с умягчением нравов, и тогда давал ему высокую оценку. С другой же — со стремлением насильно «улучшить» быт и бытие

⁵ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 8. С. 285.

людей, «как тиранию, как культурную агрессию» [Сугай: 56]. К такого рода «полупросвещению» и «полунауке» [Тарасов, 2001: 175] он относился критически⁶:

«Где капля блага, там на страже
Иль просвещенье, иль тиран»⁷.

Разные смыслы слова «просвещение» — как и стоящие за ними просветительские традиции — сливаются воедино в толковании В. И. Даля:

«Просвещать, просветить кого, даровать свет умственный, научный и нравственный, поучать истинам и добру; образовать ум и сердце. Ты просветил и наставил нас, Богочеловече! Просвещенный человек, современный образованием, книжный, читающий, с понятиями об истине, доблести и долге»⁸.

Важно подчеркнуть, что Даль соблюдает определенную иерархию: в первую очередь он приводит в пример духовное значение «просвещения» («Ты просветил и наставил нас, Богочеловече!»), и только потом уже светское («человек, современный образованием»). Такая иерархия характерна для большинства писателей и мыслителей 1830-х гг., полагавших, что научное просвещение не самоценно — оно должно служить просвещению нравственному и духовному (см. подробнее: [Сытина, 2019: 106–114]). Доктор медицины, философ и педагог И. М. Ястребцев, на опыты которого над «*трезвением мысли*» (*Одоевский*: 177) В. Ф. Одоевский особо ссылаясь в Эпilogue «Русских ночей», писал на этот счет:

«Философское знание <...> в том, чтоб сознать свою слабость, или, лучше сказать, свое ничтожество, и убедиться в необходимости Творца, в присутствии провидения <...>. Ничто так громко

⁶ Нужно заметить, что для русской культуры вообще характерно настороженное отношение к нововведениям. Как это емко сформулировал вообще-то прогрессистски настроенный М. Е. Салтыков-Щедрин, «просвещение следует внедрять с умеренностью, по возможности избегая кровопролития» (Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. М.: Дет. лит., 2002. С. 234).

⁷ Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 2. С. 37.

⁸ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля [Электронный ресурс]. URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=34568> (10.10.2024).

не избличает нашего праха и ничтожества, как жалкое прославление успехов разума <...> мы не знаем, сколько мы не знаем»⁹.

Вопросы о научном прогрессе и преобразованиях, как и в целом о соотношении России и Европы, о самоопределении и выработке единой национальной идеи, горячо занимали правительство Российской империи. Тем важнее они были «посреди всеобщего падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, <...> повсеместного распространения разрушительных начал <...>»¹⁰. Официальной доктриной в 1830-е гг. стала знаменитая триада министра просвещения С. С. Уварова («Самодержавие. Православие. Народность»), который ратовал за сохранение народности и традиций при неизменном движении вперед. Нужно, чтобы народное воспитание, как подчеркивал министр просвещения, «соответствовало нашему порядку вещей» и не было чуждо «европейского духа»¹¹ (курсив мой. — Ю. С.).

В 1840-е гг. с расколом русского образованного общества на западников и славянофилов поляризуется понимание как путей просвещения, так и самой его сути. Исследователи многократно обращались к этой проблематике в полемике западников и славянофилов, по-разному оценивая степень негативизма славянофилов по отношению к мировоззрению эпохи Просвещения. Л. Н. Беленчук так обобщает взгляды А. С. Хомякова на этот счет:

«...двигателем западного просвещения является личность, удовлетворение утилитарно-эгоистическим потребностям которой становится конечной задачей стремления человека. Средство — борьба, орудие — наука. Восточное же просвещение стремилось овладеть законами человеческого духа, положить предел развитию личного эгоизма и построить жизнь человека по закону любви. Цель его — обожение человека, где движущая сила — любовь, а средство — религиозно-нравственное возрастание» [Беленчук].

Пафос «Русских ночей» оказался чужд и западникам, и славянофилам. Исследователи раз за разом цитируют слова Одоевского из письма к А. С. Хомякову:

⁹ Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1837. № 28. С. 267.

¹⁰ Уваров С. С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения // Православие. Самодержавие. Народность. М.: Эксмо, 2016. С. 215.

¹¹ Там же.

«Странная моя судьба, для вас я западный прогрессист, для Петербурга — отъявленный старовер-мистик; это меня радует, ибо служит признаком, что я именно на том узком пути, который один ведет к истине»¹².

В советское время ученые подчеркивали интерес Одоевского к научным открытиям и техническому прогрессу [Виргинский]. И. М. Михайловская в статье с характерным названием «В. Ф. Одоевский — представитель русского Просвещения» [Михайловская] представляет его адептом западноевропейского Просвещения на русской почве. Подобным образом оценивает взгляды писателя и Ю. В. Манн, когда, интерпретируя «Княжну Мими», пишет: «Понятия "закон", "правда", "совесть" фигурируют здесь как точки отсчета, что свидетельствует о теснейшей связи с рационализмом и Просвещением. Об этой особенности и Одоевского и русского романтизма в целом уже не раз говорилось» [Манн: 368].

Однако «правда» и «совесть» в русской культуре имеют куда более глубокие корни, чем философия XVIII в.

Ученые справедливо отмечают почти профессиональный интерес Одоевского к успехам науки и техники¹³. О важности научно-технического просвещения и о пагубности насмешек над ним Одоевский писал как в художественных произведениях («Петербургские письма», «Хорошее жалованье, приличная квартира, стол, освещение, отопление (домашняя драма)», «Черная перчатка» (см.: [Сытина, 2019: 87–90, 189–196, 233–237])), так и в публицистике¹⁴. В 1836 г. в пушкинском «Современнике» появилась статья Одоевского «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе», где писатель резко выступил против нового «чудовищного» рода литературы, основанного на «презрении к просвещению»¹⁵, которая тормозит внедрение

¹² Одоевский В. Ф. Записки для моего праправнука. М.: Русский мир, 2006. С. 431.

¹³ См. перечень и краткий обзор трудов Одоевского в области естественных наук и технических изобретений: [Виргинский].

¹⁴ Показательна переписка Одоевского с А. С. Хомяковым, в которой первый ратует за развитие наук и светского народного образования. См.: Одоевский В. Ф. Записки для моего праправнука. С. 428–432.

¹⁵ Одоевский В. Ф. О литературе и искусстве. М.: Современник, 1982. С. 42.

полезных нововведений в сельское хозяйство и служит оправданию эгоизма и лени.

В то же время у Одоевского было немало вопросов к современной ему науке. О. Г. Егоров структурирует критические высказывания писателя на этот счет и замечает: «Задолго до открытия квантовой механики Одоевский увидел невозможность описания объективного познавательного акта без включения в него личности наблюдающего и особенностей приборов и измерительных процедур <...> за 84 года до исторического открытия Нильса Бора Одоевский предвосхитил в художественной форме принцип дополнительности» [Егоров: 119–120].

Признавая важность научных открытий и технических изобретений, Одоевский отнюдь не отводил им ключевого места в жизни человека и общества. Сегодня многократно аргументировано, что «просветительская критика метафизики встречает в "Русских ночах" решительный отпор» [Гаврюшин: 493], как и в целом рациональный взгляд на человека и общество [Сытина, 2022]. Сравнивая взгляды Одоевского и Ф. М. Достоевского, Б. Н. Тарасов приходит к выводу, что с точки зрения обоих писателей, «политическое, экономическое, культурное, научное развитие и успехи каждой нации получают реальное содержание и подлинное значение при единении людей во имя общего духовного и нравственного идеала в "законе любви", а не для спасения "животишек" и господства жизнеощущения "после меня хоть потоп" в "законе Я"» [Тарасов, 2019: 157].

Критика Одоевским позитивизма и рационализма отзовется в трудах А. Ф. Лосева, который «сознательно опирался на опыт Одоевского, видел в нем единомышленника в борьбе против голого эмпиризма» [Тахо-Годи: 115]. Стремление Одоевского к целостному знанию, синтезирующему веру, науку и искусство, по-своему отзовется в философии русских космистов [Гачева], Вл. С. Соловьева и Н. О. Лосского [Горина: 20].

В черновиках к «Русским ночам» есть набросок плана, в котором Одоевский выводит на сцену самого себя и определяет собственную позицию как «русский скептицизм» [Сакулин; т. 1, ч. 2: 220]. Интересное понимание «русского скептицизма» предлагает В. М. Маркович, видя в нем «парадоксальное сочетание критицизма и энтузиазма», в котором соединяется

критический взгляд и на романтическую эстетику, и на рационализм Просвещения. По мнению ученого, «Одоевский вообще не предлагает определенных решений; для него важнее трезвое и зоркое видение действительной истины — именно оно пробуждает энергию исканий, которую Одоевский ценит превыше всего. Крайности энтузиазма и сомнения сходятся в идее и пафосе поиска; поиск, бесконечно расширяющий горизонты мысли, как раз и составляет существо "русского скептицизма"» [Маркович: 24].

Основной текст «Русских ночей» действительно так и заканчивается «путешествием», герои не приходят ни к каким окончательным выводам и не предлагают определенной программы. Но за «ночами» следует Эпилог, в котором «энергия исканий» во многом сменяется «энергией ответов». Далее мы проследим развитие «просветительской» темы в романе, обратимся к рассуждениям Одоевского и его героев о различных путях просвещения и познания, а затем перейдем к Эпилогу и тому пути, которое намечает в нем писатель для всего человечества.

«Русские ночи» открываются картиной пышного бала. Утомленный танцами и светскими разговорами Ростислав с наслаждением вдыхает морозный воздух, струящийся из окна. Созерцание бушующей на улице «темной бездонной пучины» метели наводит героя на размышления о благах просвещения и достижениях цивилизации, которые позволили перенести на холодный север «все удобства, все прихоти восточного неба» (Одоевский: 9). Ростислав с восхищением думает о гениальных изобретателях, открывающих новые законы природы и созидающих небывалые вещи вопреки насмешкам своих соплеменников. Но уже на второй странице романа в размышления молодого энтузиаста закрадываются сомнения:

«Просвещение! Наш XIX век называют просвещенным; но в самом ли деле мы счастливее того рыбака, который некогда, может быть, на этом самом месте, где теперь пестреет газовая толпа, расстилал свои сети?» (Одоевский: 10).

И сразу же разрастаются вопросы о роли наук и прогресса, о природе творчества и гениальности, о трагической судьбе первооткрывателей, о месте личности в истории, о смысле жизни, о неизбежной вражде людей и народов друг с другом.

Размышления Ростислава строятся на контрастах: герой перебирает и отвергает различные радикальные точки зрения. О просвещении он думает так:

«Ты говоришь мне о пользе просвещения? Но твои руки окровавлены.

Ты говоришь мне о вреде просвещения? Но ты косноязычен, твои мысли не вяжутся одна с другою, — природа темна для тебя, — ты сам не понимаешь себя!» (Одоевский: 11).

Ростислав отмечает прежние пути просвещения и проторенные дороги, но с сомнением думает о будущем, не в силах предложить альтернативного вектора движения. Единственный «ответ» на мучительные вопросы героя, данный в «Ночи первой», — ирония «здорового смысла», который подсказывает, что когда до ужина «танцевальные мученики затевают еще контраданс» (Одоевский: 12), а на улице двадцать градусов мороза, то нужно скорее садиться в карету и ехать к приятелю, не тратя времени на философствования. Когда друзья приезжают к Фаусту в поисках ужина и ответов на вопросы о путях просвещения, тот прогоняет непрошенных гостей, заявляя, что ужина у него нет, а «что же касается до просвещения», то он собирается ложиться спать и гасит свечи (Одоевский: 13).

Имя «Фауст» актуализирует западноевропейский контекст, проблематику познания, искушения разумом и безверием, придает повествованию легкий мистический флер. Взгляд Фауста из «Русских ночей» на науки во многом созвучен суждениям героя Гёте в начале трагедии. Но на этом их общность заканчивается¹⁶. Герой Одоевского хотя и называет себя «эпикурейцем», но это «эпикурейство» особого рода: он ищет, «где находится наибольшая сумма наслаждений для человека» (Одоевский: 100), однако не только (и даже не столько) в материальном мире, сколько в духовном. Люцифер для Фауста Одоевского — исключительно отрицательная фигура, с которым он не желает иметь ничего общего. Именно «отец лжи», по его мнению, пустил бродить по свету такие «бессмысленные слова», как

¹⁶ Как аргументированно пишет В. М. Жирмунский, на Одоевского «влияет по преимуществу образ Гёте как поэта-философа, а не конкретное содержание его произведений» [Жирмунский: 194].

«факт, чистый опыт, положительные знания, точные науки, и проч. т. п.»¹⁷ (*Одоевский*: 144).

Горячие инвективы в адрес науки и ее «материального» безумия, убивающего и искажающего жизнь, переполняют «Ночь вторую». Размышляя над вопросами Ростислава из «Ночи первой», Фауст предлагает собеседникам познакомиться с рукописью своих умерших друзей, которые искали ответы и в жизни, и в философии, но даже Шеллинг не смог удовлетворить их¹⁸. Слепленные достижениями прогресса «правдоискатели» на какое-то время успокоились и пришли к выводу, что промышленный «XIX век понял, в чем состоит задача, заданная ему провидением» (*Одоевский*: 19). Но ослепление «правдоискателей» продолжалось недолго, и «вопросы их разрослись еще сильнее, как росток, попавший в плодоносную землю» (*Одоевский*: 19). Только расти ему предстояло не под свободным небом, а в «теплице»¹⁹ науки, с жестким рациональным каркасом

¹⁷ О неясном смысле других философских терминов («единство», «предмет») Фауст размышляет в «Ночи девятой». Что касается Люцифера, то для Одоевского не характерно свойственное многим романтикам «заигрывание» с нечистой силой, «отец лжи» и его свита неизменно имеют в творчестве писателя отрицательные коннотации. Показательно, что именно «светоносный» Люцифер в черновиках драматических сцен «Сегелиель, или Дон Кихот XIX столетия» ошибочно воспринимается людьми как подлинный «просветитель» (см.: [Сытина, 2021]).

¹⁸ Распространена точка зрения, согласно которой «Русские ночи» — «сложное сочетание мистического масонства и учения Шеллинга, которым был так очарован Одоевский» [Николюкин: 104]. Однако в «философии тождества» с ее безличным и условным Богом Одоевскому, как и другим любомудрам, скоро стало тесно, о чем красноречиво свидетельствует отчаяние «правдоискателей». Редактируя текст романа в 1860-е гг., Одоевский пояснит: «Эпоха, изображенная в "Русских ночах" — есть тот момент XIX в., когда Шеллингова философия перестала удовлетворять искателей истины и они разбрелись в разные стороны» (*Одоевский*: 15). Путешествуя по Европе в 1842 г., Одоевский посетил Шеллинга и вкратце записал свою беседу с немецким философом. Из сделанных записей следует, что в центре разговора были вопросы религии и молитвенной практики. Главный же вывод Одоевский сделал такой: «Шеллинг стар, а то, верно бы, перешел в православную церковь» (*Одоевский* В. Ф. О литературе и искусстве. С. 140).

¹⁹ Образ теплицы или стеклянной банки, в которую заключено живое существо или растение, не раз появляется в русской литературе (ср. протест героев Достоевского против «хрустальных замков» в духе Н. Г. Чернышевского (см.: [Захаров, 2013: 190]), метафорический образ теплицы в сказке-притче В. Н. Гаршина «*Attalea princeps*»), у Одоевского

и неизбежным потолком, в который обречено уткнуться всякое вопрошание. Фауст так рассуждает на этот счет:

«Думали, что можно исправить человека, как растение, пересадя его в теплицу; кажется, разочли очень верно все законы природы, <...> но забыли одно: силу любви, двигающей горами; пока растение в теплице — оно, кажется, излечилось, исправилось; едва попало на прежнюю почву, все труды над ним потеряны, ибо живой жизни ему не дали. Так не говорите же, господа, что довольно знать на сем свете, не заботясь о том, каким путем пришло это знание» (Одоевский: 102–103).

Путь познания — краеугольный камень философии Одоевского. В фантастическом «Импровизаторе» («Ночь седьмая») герой получает сверхспособности («*все видеть, все знать, все понимать*») (Одоевский: 92) безо всякого труда, прибегая к помощи таинственного «доктора» Сегелиеля. Приобретенные несправедливым путем, таланты оказываются для него непосильными и ведут героя к гибели (см. подробнее: [Сытина, 2019: 50–55]). Человеку, по словам Фауста, прежде всего, необходимо «запастись добрыми, хорошо вытертыми, ахроматическими очками, при употреблении которых предметы не помрачатся земными, радужными, фантастическими красками» (Одоевский: 178). В мире уже существуют законы, нужно открывать их, а не придумывать и не навязывать, как то делают рационалисты. В «Ночи девятой» Фауст сравнивает мыслителей со странниками, которые пришли в чужую землю и теперь должны изучить ее и понять, по каким законам живут в ней люди, и здесь вернее поможет интуитивная догадка и «искренность воли» (Одоевский: 133), чем поспешные умозаключения и системы.

Разрушительное действие философии Просвещения на душу отдельного человека, а гипотетически — и на человечество в целом, Одоевский показывает в «Ночи четвертой», где Фауст зачитывает друзьям «отрывки, найденные в бумагах одного молодого человека, недавно умершего», физическая причина смерти которого была «неизъяснима» (см. подробнее: [Сытина, 2024b]). «Авторству» Экономиста принадлежит ряд

он ранее был представлен в сказке «Жизнь и похождения одного из здешних обывателей в стеклянной банке, или Новый Жоко», опубликованной в составе «Пёстрых сказок».

«отрывков», в том числе «Последнее самоубийство» — иллюстрация того,

«до чего могут довести простые опытные знания, не согретые верою в провидение и в совершенствование человека; как растеваются все силы ума, когда инстинкт сердца оставлен в забвении и не орошается живительною росой откровения; как мало даже одной любви к человечеству, когда эта любовь не истекает из горнего источника!» (Одоевский: 53).

Тема неизбежной гибели человечества (народа), избравшего рациональную стезю и вытеснившего из жизни все *беспольное* (искусство, религию, сострадание, любовь к ближнему), продолжается в «Ночи пятой» («Город без имени»), где писатель вновь показывает, что человек не может удовлетвориться одними земными благами, «он ищет чего-то, что не вносится в бухгалтерскую книгу» (Одоевский: 73).

Выходом из эмпирического тупика науки Одоевский полагал синтез рационального и интуитивного познания. Последнее писатель считал врожденной человеку нравственной силой и давал ему особое определение:

«Оно не есть следствие рассуждений, не есть следствие воспитания, — одним словом, не есть следствие разума. <...> Следственно, есть в человеке нечто такое, что не подходит ни под одно из школьных подразделений души, что не есть ни совесть, ни сердце, ни страсть, ни рассудок и что мы назовем условно, не зная лучшего выражения, нравственным инстинктом...» (Одоевский: 204).

Это убеждение Одоевский, по-видимому, во многом почерпнул из трудов Л. К. де Сен-Мартена, в свою очередь развивавшего философию Я. Бёме (см.: [Сакулин; т. 1, ч. 1: 405–406, 416–417]). Сен-Мартен подчеркивал, что «настоящую силу науки приобретут лишь в том случае, если они соединятся с высшим познанием, с царством высших истин» (цит. по: [Сакулин; т. 1, ч. 1: 411]). «Я был врагом науки <...> потому что я любил людей и видел, как наука на каждом шагу вводит их в заблуждение», — прямо писал французский мистик-философ (цит. по: [Сакулин; т. 1, ч. 1: 410]). Одоевский не шел в отрицании наук так далеко, однако вполне разделял общий христианский пафос слов Сен-Мартена: «Самая важная для человека наука — суметь освободиться от греха,

ибо тогда перед ним раскроется вся наука и весь свет. Одним из могущественных средств очищения является молитва» (цит. по: [Сакулин; т. 1, ч. 1: 406]).

Подробно круг мистического и теософского чтения Одоевского описывает Н. К. Гаврюшин, особенно останавливаясь на важности для писателя православной традиции. По мнению современного философа, «никакого принципиального барьера между восточно-православным "умным деланием" и метафизикой Шеллинга для Одоевского не существует»²⁰ [Гаврюшин: 508], в чем он близок к другим мыслителям своего времени, в частности, к И. В. Киреевскому [Гаврюшин: 511]. По замечанию Н. К. Гаврюшина, «Одоевский мало чем отличается и от Сен-Мартена, и от протоиерея Ф. А. Голубинского» [Гаврюшин: 506], когда сокрушается об утраченных человеком таинственном знании и живой связи с природой, которые он разорвал вследствие грехопадения и увлечения даром «запретного плода». Размышляя над «наукой инстинкта» Одоевского, Н. К. Гаврюшин указывает на ее теснейшую связь с евангельским заветом: «...не заботьтесь наперед, что вам говорить, и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, то и говорите» (Мк. 13: 11). Слова Христа предполагают «отрешение от собственного сознательного "я", указывают на ту же самую глубинную "науку инстинкта", которую отодвинуло в тень рационалистическое и чувственно-эмпирическое знание» [Гаврюшин: 506].

В. В. Зеньковский обратил внимание на то, что понимание Одоевским человеческой природы и путей познания во многом схоже с православным вероучением: «...формула Одоевского: "надо возвести ум до инстинкта" — близка и к тому церковному учению, которое ставит духовной жизни задачу "возвести ум в сердце"» [Зеньковский]²¹. Речь идет об исихастской традиции

²⁰ Во второй редакции «Русских ночей» Одоевский добавит примечание о том, что Фауст боится упреков в «мистицизме и в том, что он поддался влиянию не немецкого философа», а потому «прячет» ссылки на мистиков. По-видимому, Фауст «боялся» и открытых отсылок к православному святоотеческому учению. Для Одоевского характерно особо трепетное отношение к святыням своей души, так, в «задушевном» письме к Е. П. Ростопчиной он призывает графиню молиться тайно, «вошедши в клеть свою и заперев двери, как говорит Евангелие» (цит. по: [Турьян: 8]).

²¹ Далее В. В. Зеньковский пишет, что «у Одоевского нет здесь места для действия благодати, — он стоит на позиции натурализма в своей мистической гносеологии» [Зеньковский]. Такое суждение представляется

в православии. О непосредственном знакомстве Одоевского с трудами Симеона Нового Богослова, Григория Синаита, Никифора Монашествующего, Каллиста и Игнатия Ксанфопулов и других святых отцов и об их влиянии на него свидетельствует сам писатель в письме к Е. П. Ростопчиной, советуя графине читать «Добротолубие» (антологию учений святых отцов Православной церкви, собранных Паисием Величковским), в котором «много высокого, отрадного, поэтического — много такого, перед чем исчезнут все ребяческие мнения английских и французских так называемых философов» (цит. по: [Турьян: 9]).

В начале «Ночи второй» друзья обсуждают басню И. И. Хемницера «Метафизик». Как замечает Л. С. Выготский, у Одоевского оказывается, что она «вовсе не высмеивает мечтателей, как это сказал бы школьный учебник и как это делает автор». По мнению ученого, «толкование Ростислава и глубже, и интереснее, чем авторское»²² [Выготский: 339]. Для Фауста Хемницер «был в этой басне рабским отголоском нахальной философии своего времени», презиравшей все, выходящее за рамки «полезного» и рационального. На возражение Вячеслава о том, что «бесплодные философствования» — «пустошь в сравнении с хорошим бифштексом и бутылкой лафита» (*Одоевский*: 14), Фауст замечает:

«...ты совершенно прав — до тех пор, пока сидишь за столом; но, к сожалению, человеку так трудно все совершенное, что ему даже недостает способов совершенно оскотиться; кажется, он живьем предался чувственности, все забыто — опьянение полно, а грусть стучится к нему в сердце, грусть нежданная, непонятная; <...> и смущенный, стыдливый дух человека снова бьется о непостижимые двери райских селений» (*Одоевский*: 14).

спорным, его опровергает целый ряд высказываний писателя (в том числе, приведенных в настоящей статье), в частности его размышления о перестепенной важности молитвы: «Прибегайте к молитве, усмирив все страсти, отогнав все посторонние мысли, прибегайте к ней как младенец к груди матери, с самоотвержением, забвением всего и уверенностью, что одна молитва не пропадает, но растет и приносит плоды в невидимом человеку мире, но часто ощущаемом и в этой жизни» (цит. по: [Турьян: 9]).

²² Для Одоевского характерно критическое отношение к ходячей морали басен, он подвергает пересмотру и басню «Стрекоза и муравей» Ж. Лафонтена, см.: [Сытина, 2022: 201–203].

Размышляя о стремлении человека к истине, Фауст рассказывает друзьям «побасенку в роде Хемницера» о слепом, глухом и немом от рождения, которому однажды «добрый человек» подал золотую монету:

«...слепец <...> от радости принялся прыгать <...> он уронил монету! В отчаянии тщетно он шарил и в углу стены и вокруг себя по земле <...> вдруг он почувствовал, что монета покатилаь по нем и — укатилась под камни — на сей раз уже невозвратно: она была у него за пазухой!.. Кто мы, если не такие же глухие, немые и слепые от рождения? Кого мы спросим, где наша монета? Как пойдем, если кто нам и скажет, где она? Где наше слово? Где слух наш? Между тем усердно мы шарим вокруг себя на земле и забываем только одно: посмотреть у себя за пазухой...» (Одоевский: 15).

Образ слепца отсылает к Евангелию и исцелениям, которые дарует слепым Христос. Исцелив слепого от рождения, Он говорит фарисеям: «На суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы» (Ин. 9:39). Толкуя эти слова, Иоанн Златоуст замечает, что Спаситель говорит о «двух родах прозрения и слепоты: чувственном и духовном»²³, о них же говорит и Фауст, но не в этой «побасенке» (до прозрения слепцу пока далеко), а в целом «Русских ночей», раз за разом призывая друзей (и читателей) искать истину, прежде всего, в собственной душе, а потом уже «шарить» снаружи.

Размышляя над приведенными выше словами Христа о слепоте, А. П. Лопухин пишет, что фарисеи отвергают Христа, так как считают себя «достаточно просвещенными людьми» (курсив мой. — Ю. С.):

«Фарисеи гордятся своим познанием в законе или, как говорит апостол Павел, считают самих себя призванными учить невежд, так как в своем законе они видят непреложный, неизменный "образец ведения и истины" (Рим. 2:20). Таким людям, не чувствующим никакой потребности в духовном исцелении, конечно, помочь нельзя!»²⁴.

Подобными «слепцами», не замечающими собственной слепоты и мнящими себя учителями, считал Одоевский рационалистов

²³ Толкования на Евангелие от Иоанна 9:39 // Портал «Азбука веры» [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/biblia/in/?jn.9:39&r> (02.11.2024).

²⁴ Там же.

и материалистов, во многом именно к ним (Вячеславу и Виктору в романе) обращены ученые рассуждения Фауста о науках, «физиологические» примеры, апелляции к популярным экономическим теориям (Т. Р. Мальтуса и И. Бентама). Рационалисты «ищут» «золотую монету» вокруг себя и высмеивают тех, кто смотрит у себя «за пазухой» (заглядывает в собственную душу), и тем самым не только сами удаляются от истины, но и свращают других с правильного пути.

Фауст убежден в возможности «обретения» золотой монеты (безусловной истины):

«... потребность полного блаженства свидетельствует о существовании сего блаженства; потребность светлой истины свидетельствует о существовании сей истины, а равно и то, что темнота, заблуждения, сомнение противны природе человека» (*Одоевский*: 17).

Слово «блаженство» вновь отсылает к Евангелию — к Нагорной проповеди Христа: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф. 5: 6)²⁵.

В то же время, как уже было сказано, Одоевский признавал важность наук и технических изобретений, более того, он считал необходимым познакомиться с ними каждому образованному человеку, в том числе поэту, которому «необходимы физические науки; ему полезно иногда нисходить до внешней природы, хоть для того, чтоб уверяться в превосходстве своей внутренней» (*Одоевский*: 86). По емкой формулировке И. В. Гориной, «Одоевский предлагает, не теряя научного технологического пути прагматического мира, наполнить его поэтическим и музыкальным содержанием инстинктивного чутья гармонии и красоты» [Горина: 25]. Роль поэта тем важнее, чем дальше человечество от осознания пути подлинного просвещения:

«Великое дело понять свой инстинкт и чувствовать свой разум! в этом, может быть, вся задача человечества. Пока эта задача не для всех разрешена, пойдем отыскивать те указки, которые какая-то добрая нянюшка дала в руки нам <...>. Одна из таких указок называется у людей творчеством, вдохновением, если угодно, поэзией» (*Одоевский*: 177).

²⁵ На могиле Одоевского выгравированы другие слова Нагорной проповеди: «Блажені чистіи сердцемъ / яко тиі Бога узрѣтъ» (Мф. 5: 8).

В опубликованной посмертно статье «Русские ночи, или О необходимости новой науки и нового искусства», писавшейся в середине 1830-х гг., Одоевский прямо поставил вопрос «Что есть просвещение?» и выделил четыре составляющие, необходимые для гармоничной жизни как народа, так и отдельного человека: наука, искусство, любовь и вера. Последняя одухотворяет три остальные стихии:

«...без нее (веры. — Ю. С.) ни одно самое простое действие человека не может начаться — и наоборот, на конце ученых изысканий он находит нечто, чему он должен верить, в восторге вдохновения он находит Творца, в общей связи людей видит провидение. Оттого вера врождена человеку, и человек находит ее на всех ступенях совершенствования, особенно на последних» (*Одоевский*: 194).

Органическое единство этих стихий — залог гармонии человека и общества, но доминирование одного в ущерб другому губительно и ведет к неизбежной односторонности. Одоевский полагал, что и «одно материальное просвещение, образование одного рассудка, одного расчета, без всякого внимания к инстинктуальному, невольному побуждению сердца, словом, одна наука без чувства религиозной любви может достигнуть высшей степени развития» (*Одоевский*: 206). Но подобное одностороннее развитие наук и прогресса представлялось писателю губительным тупиком, в который человечество рискует загнать само себя, вытесняя из жизни собственно человеческое:

«...сохрани нас Бог сосредоточить все умственные, нравственные и физические силы на одно материальное направление <...>. Односторонность есть яд нынешних обществ и тайная причина всех жалоб, смут и недоумений; когда одна ветвь живет на счет целого дерева — дерево иссыхает» (*Одоевский*: 35).

В «Психологических заметках», опубликованных в 1843 г., Одоевский сделал осторожное предположение о провиденциальности развития человека в его отношении к собственным уму и инстинкту:

«...может быть, существует порядок, в коем постепенно должны были развиваться силы человека; до времен И. Христа инстинкт был совершенно забыт; его появление современно земному странствованию Спасителя. Сие направление отразилось

в изменении древних кровожадных и преступных систем, в возвышении искусства музыки на степень духовную и предпочтительно пред пластическими искусствами» (*Одоевский*: 204–205)²⁶.

Именно христианство, с точки зрения Одоевского, вернуло человеку утраченную связь с Богом и возродило в нем «нравственный инстинкт», померкший под засушливым «солнцем» разума. Именно христианство (его восточная ветвь) поможет человечеству и теперь, только оно в силах вывести из тьмы рационализма, просветить светом истины и отдельного человека, и человечество в целом. Такова центральная идея Эпилога «Русских ночей». «Дряхлая» Европа близка к гибели, главная причина которой — оскудение религиозного чувства: оно «было бы давно уже забыто, если б его внешний язык еще не остался для украшения, как готическая архитектура, или иероглифы на мебелиях, или для корыстных видов людей, которые пользуются этим языком, как новизною» (*Одоевский*: 147).

«Дряхлой» Европе Одоевский противопоставляет молодую Россию («мы новы и свежи» (*Одоевский*: 148)), подобно славянофилам призывая европейских мыслителей обратиться на Восток²⁷:

«Вы найдете у нас <...> законы, изобретенные не среди волнения страстей и не для удовлетворения минутной потребности, <...> вы найдете верование в возможность счастья не одного большого числа, но в счастье всех и каждого; <...> вы поймете, отчего ваш папизм клонится к протестантизму, а протестантизм к папизму, т. е. каждый к своему отрицанию, и вы поймете, отчего лучшие ваши умы, углубляясь в сокровищницу души человеческой, неожиданно для самих себя выносят из оной те верования, которые издавна сияют на славянских скрижалях, им неведомых»²⁸ (*Одоевский*: 182).

²⁶ Одоевский почитал музыку важнейшим из искусств, см.: [Горина], [Сытина, 2024a]. Позднее, прямо связывая просвещение с православной традицией, Одоевский писал о том, что для русского народа большое значение имеет церковное пение, и его изучение принципиально важно для просвещения современной России (см.: [Сытина, 2024a: 103]).

²⁷ По мнению Н. К. Гаврюшина, «славянский мессианизм» «Русских ночей» «вполне в духе современных Одоевскому концепций Хёне-Вронского, Адама Мицкевича, А. С. Хомякова» [Гаврюшин: 502].

²⁸ О близости немецких философов к православию размышлял не только Одоевский, см.: Шевырев С. П. Христианская философия. Беседы Баадера // Москвитянин. 1841. Ч. III. № 6. С. 378–437. См. так же: [Гаврюшин].

Важно, что действие романа происходит зимой. Темнота и мороз оказываются символами, отражающими состояние всего общества. За ними кроются тяготы земной жизни с ее материальными и метафизическими опасностями, которые леденят человеческий дух, сковывают ум и терзают сердце, и та мрачная бездна, выбраться из которой человек призван в своей земной жизни. В сказке Одоевского «Морозко» метафора холода-испытания обыгрывается буквально: только та героиня, которая смиренно выполняет наказания Мороза и не боится ознобить руки, получает награду. Как на смену ночи обязательно придет день, так и зима минует, мороз уступит место теплу и наступит весна, так и в области человеческого духа, верил Одоевский, наступит возрождение, придет расцвет. Русские «ночи» сменятся русскими «днями», ведь «девятнадцатый век принадлежит России!» (*Одоевский*: 149). Морозу и темноте в романе противопоставляются тепло и солнце. В конце «Ночи второй», прочитав тяжёлые раздумья о тупике, в который ведут рациональное познание и самодовольные заблуждения наук, о тщетной надежде умерших друзей найти истину и обрести покой, Фауст отрывается от рукописи и смотрит в окно:

«Но уже утро, господа. Посмотрите, какие роскошные, багряные полосы разрослись от не восшедшего еще солнца; посмотрите, как дым с белых кровлей клонится к земле, с каким трудом стелется по морозному воздуху, — а там... там, в недостижимой глубине неба — и свет, и тепло, будто жилище души, — и душа невольно тянется к этому символу вечного света...» (*Одоевский*: 27).

Утро наступает, солнце близко. Оно посылает в мир багряные лучи, но самого его пока не видно — как не видно истины, предчувствие которой явственно звучит в человеческом сердце. С трудом поднимающийся сквозь морозный воздух дым становится метафорой метаний вопрошающего духа, мучительно ищущего разрешения «проклятых» вопросов в земной юдоли и невольно, но неодолимо стремящегося вверх, в благую бесконечность неба, к Богу. Человеческие страсти, вопрошания, искания рассеиваются, словно дым, перед лицом Вечности — метафора, которую впоследствии на свой лад развернет И. С. Тургенев в романе «Дым».

Показательно, что в «Русских ночах» утверждение человека в его духовных исканиях, вера в возможность разрешения

мучительных вопросов, историософский национальный оптимизм появляются только в Эпиллоге (неслучайно время суток, в которое происходит эта последняя беседа, читателю неизвестно). Основной же текст «ночей» завершает голос из «неизмеримой бездны»: «Для меня нет полного выражения!» (Одоевский: 140). Пока царствует ночь и еще нет подлинного света, «неизмеримая бездна» рядом, от нее никуда не деться. Только в конце читатель наконец-то выходит из замкнутого круга девяти ночей, цикличность которых подчеркивает Ростислав в самом начале Эпиллога:

«...эти господа разными окольными дорогами дошли опять до того, с чего начали, то есть, до рокового вопроса о значении жизни» (Одоевский: 140).

Путешествие мечтателей так и окончилось путешествием. Не найдя спасительной гавани, они «состарились тою старостию, которая в XIX в. начинается с колыбели, — страданием» (Одоевский: 145). Страдание, согласно Одоевскому, оказывается неизбежным звеном в духовном поиске современного ему человека. «Несчастные» «правдоискатели» «готовы верить, что таков удел человечества» («Страшная, ледяная мысль! она преследует нас, она проникла в кровь нашу, она растет, она мужает вместе с нами! мы заражены! один гроб исцелит нашу заразу» (Одоевский: 149)), но сам Одоевский полагал иначе: «...говорить, что страдание есть необходимость, значит противоречить тому началу, которое в нашей душе произвело возможность вообразить существование нестрадания, откуда взялось оно?» (Одоевский: 235). Однако не для «правдоискателей» восходящая «заря какого-то непонятого солнца», вокруг них воеет «ветер полуночи» и царит цепенящий холод, «пустыня души человеческой» (Одоевский: 145–146).

Страдание (духовное, телесное, материальное) — одна из центральных тем в русской литературе второй половины XIX в., но если у героев Одоевского по преимуществу «книжные», философские страдания, связанные с поиском смысла жизни и умозрительной истины, то герои писателей следующего поколения (И. С. Тургенева, А. И. Герцена, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого) будут поверять истину в мире человеческих отношений, не только думать, но и действовать.

В личных заметках Одоевский пишет: «Помни, страдалец, — в каком бы ты бедствии ни был, — что у тебя есть благо, над которым никто не властен, <...>: внутренняя молитва» [Сакулин; т. 1, ч. 1: 458]. Подспудно эта мысль звучит и в речах Фауста, который, сохранив острый и ученый ум Фауста Гёте, подобрал в себя и верования Маргариты. Герой «Русских ночей» предупреждает об опасности слепоты своего немецкого тезки, говорит о губительности стремления любой ценой подарить людям счастье — даже стерев с лица земли невинных Филемона и Бавкиду вкупе с часовней. Фауст Одоевского последовательно выступает против насильственного «преобразования» и «просвещения», он явственно прозревает за шумом прогресса стук лопат лемуру и злую насмешку Мефистофеля. Героя Одоевского также мучит отчаяние вопрошающей души, но это отчаяние освящается светом божественной истины, пусть еще не вполне ясной его уму, но понятной сердцу. Радостные надежды Фауст возлагает на будущее поколение русских людей, которое освободится от заблуждений его ровесников, гибнущих под тяжестью неразрешимых вопросов и отравленных «ядом» «дряхлой» Европы. В «святом триединстве веры, науки и искусства» (Одоевский: 149) отыщут они спокойствие, гармонию и ключи к тайне жизни.

Для осознания истины, согласно Одоевскому, нужно преодолеть врожденную «слепоту», в чем может помочь не только (и не столько) знание, но и «безумие», умение услышать внутренний голос и довериться инстинктуальной силе, откровению свыше. В то же время Одоевский ратовал за развитие науки и техники, верил в то, что просвещение «земное», улучшая быт и облегчая бремя, которое несет человек под игом природы, ведет к просвещению духовному. Но сами по себе достижения человеческого ума, благодаря которым совершенствуется мир вещей, по мнению Одоевского, ничего не дают душе человека, не выводят его из лабиринта «вечных» вопросов, но только ослепляют призраком эфемерного превосходства, истончают духовные силы, приводят к духовному самоубийству.

Залог просвещения и обретения «блаженства» Одоевский видел в ощущении их возможности, в предчувствии существования истины, которую каждый человек должен найти сам. Просвещение начинается с отдельного человека, и уже просвещенные люди

образуют просвещенное общество — в соответствии с христианским учением о просвещении, но не наоборот, как то проповедовали французские просветители XVIII века: от общества в целом — к отдельному человеку (благополучие которого, впрочем, мало волновало философов).

Несомненно, что для Одоевского в слове «просвещение» мерцал как светский («свет разума»), так и духовный смысл («Свет Христов»). Это принципиально важно учитывать при интерпретации художественных произведений и публицистических высказываний писателя (как и русской классики в целом). Хочется надеяться, что этот смысл вернется в современные нам словари и будет безусловно учитываться при истолковании русской классической литературы, для которой принципиальное значение имеет православная традиция, согласно которой чудо, прежде всего, «случается не в эмпирическом, а в метафизическом мире» [Захаров, 2023: 56]. Так и согласно Одоевскому подлинное просвещение идет *изнутри*, через душу человека, превосходство же *внешнего* просвещения (наук, техники, законов) способно затмить истинный свет, и тогда вместо чаемого благополучия человек (народ) неизбежно попадет «во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 8:12).

Список литературы

1. Беленчук Л. Н. Западники и славянофилы о просвещении России как самостоятельной части европейской гуманитарной культуры // Родная Ладога [Электронный ресурс]. URL: <https://rodnayaladoga.ru/index.php/poeziya/739-tvoej-dushi-chudesnyj-svet#41> (31.10.2024).
2. Виргинский В. С. Владимир Федорович Одоевский: естественнонаучные взгляды (1804–1869). М.: Наука, 1975. 114 с. (Научно-биографическая серия.)
3. Воропаев В. А. Прелесть и просвещение у А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя // Русская речь. 2011. № 3. С. 80–83 [Электронный ресурс]. URL: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2011-3/80-83> (31.10.2024). EDN: NWAOWD
4. Выготский Л. С. Психология искусства. 3-е изд. М.: Искусство, 1986. 572 с.
5. Гаврюшин Н. К. Метафизика, историософия и религиозный идеал князя В. Ф. Одоевского // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2016–2017. М.: Модест Колеров, 2017. С. 486–512.
6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 699 с.
7. Гачева А. Г. Русский космизм в идеях и лицах. М.: Академический проект, 2019. 431 с. (Научно-популярная серия РФФИ.)

8. Горина И. В. Метафизика творчества жизни в философии князя В. Ф. Одоевского // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3 (35). С. 18–27 [Электронный ресурс]. URL: <https://philosophy.mgpu.ru/2020/09/09/metafizika-tvorchestva-zhizni-v-filosofii-knyazya-v-f-odoevskogo/> (31.10.2024). DOI: 10.25688/2078-9238.2020.35.3.02. EDN: LOCNHL
9. Даренский В. Ю. «...На развалинах дряхлой Европы»: Россия как метафизический топос и художественный символ в «Русских ночах» В. Ф. Одоевского // Литература и философия: от романтизма к XX веку: к 150-летию со дня смерти В. Ф. Одоевского. М.: Водолей, 2019. С. 294–306. (Сер.: Русская литература и философия: пути взаимодействия; вып. 3.)
10. Егоров О. Г. Гносеологическая проблематика в романе В. Ф. Одоевского «Русские ночи» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5): в 2 ч. Ч. I. С. 118–122 [Электронный ресурс]. URL: <https://philology-journal.ru/article/phil20100032/fulltext> (31.10.2024). EDN: MUUQVF
11. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. 288 с.
12. Есаулов И. А. Словесность русского XVIII века: между ratio Просвещения и православной традицией // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. Вып. 11. С. 7–26 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1430908318.pdf (31.10.2024). EDN: RTXMYT
13. Есаулов И. А. Парафраз и становление новой русской литературы (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 30–66 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1561976111.pdf (31.10.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6262. EDN: XDDAMV
14. Жирмунский В. М. Гёте в русской литературе. Л.: Худож. лит., 1987. 674 с.
15. Захаров В. Н. Поэтика хронотопа в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. Вып. 11. С. 180–201 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516399.pdf (31.10.2024). EDN: RTXNDJ
16. Захаров В. Н. Пасхальное измерение медицинской темы Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 3. С. 46–61 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1694502327.pdf (31.10.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2023.12764. EDN: NMSZOT
17. Зеньковский В. В., протоиерей. История русской философии. Часть II. XIX век [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Zenkovskij/istorija-russkoj-filosofii/2 (31.10.2024).
18. Манн Ю. В. Динамика русского романтизма. М.: Аспект Пресс, 1995. 384 с.
19. Маркович В. М. Тема искусства в русской прозе эпохи романтизма // Искусство и художник в русской прозе первой половины XIX века: сб. произведений. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. С. 5–42.
20. Михайловская И. М. В. Ф. Одоевский — представитель русского Просвещения // Русская литература. Л.: Наука, 1979. № 1. С. 14–25.

21. Моторин А. В. Государствообразующие предания о крещении Руси как источник народного просвещения // Вестник Новгородского государственного университета. 2016. № 3 (94). С. 86–90 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvoobrazuyuschie-predaniya-o-kreschenii-rusi-kak-istochnik-narodnogo-prosvescheniya/viewer> (31.10.2024). EDN: WAQUMJ
22. Николюкин А. Н. Архитектоника «Русских ночей» В. Ф. Одоевского // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2022. № 6. С. 100–108 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhitektonika-russkih-nochey-v-f-odoevskogo/viewer> (31.10.2024). DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-100-108. EDN: EAEAAAL
23. Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1913. Т. 1. Ч. 1. 616 с.; Ч. 2. 480 с.
24. Сугай Л. А. Культура и культурология — термины и понятия (русский, славянский и общеевропейский контекст). Banská Bystrica: UMB, Belianum, 2019. 182 с.
25. Сытина Ю. Н. Сочинения князя В. Ф. Одоевского в периодике 1830-х годов. М.: Индрик, 2019. 392 с.
26. Сытина Ю. Н. В поисках «положительно прекрасного» героя: князь Мышкин Ф. М. Достоевского и Сегелиель В. Ф. Одоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 173–193 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1612711387.pdf (31.10.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2021.8862. EDN: IVNHZA
27. Сытина Ю. Н. Творчество В. Ф. Одоевского в большом времени русской культуры. СПб.: Изд-во РХГА, 2022. 336 с.
28. Сытина Ю. Н. «Истина не передается!»: выражение, понимание и диалог в романе В. Ф. Одоевского «Русские ночи» // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 1. С. 96–118 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1708018635.pdf (31.10.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2024.13464. EDN: YXTVLM (a)
29. Сытина Ю. Н. «Ночь четвертая» или сочинения Экономиста: к вопросу о жанре и художественном единстве «Русских ночей» В. Ф. Одоевского // Литературоведческий журнал. 2024. № 4 (66). С. 9–28 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/noch-chetvertaya-ili-sochineniya-ekonomista-k-voprosu-o-zhanre-i-hudozhestvennom-edinstverusskih-nochey-v-f-odoevskogo/viewer> (31.10.2024). DOI: 10.31249/lit-zhur/2024.66.01 (b)
30. Тарасов Б. Н. Куда движется история? (Метаморфозы идей и людей в свете христианской традиции). СПб.: Алетейя, 2001. 348 с.
31. Тарасов Б. Н. Утопизм западного рационализма, позитивизма и утилитаризма в зеркале антропологической и историософской мысли Ф. М. Достоевского и В. Ф. Одоевского // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 135–163 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1561975982.pdf (31.10.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6302. EDN: SJDVLP

32. Тахо-Годи Е. А. Творчество А. Ф. Лосева и литературно-философские искания В. Ф. Одоевского // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 113–121 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorchestvo-a-f-loseva-i-literaturno-filosofskie-iskaniya-v-f-odoevskogo?ysclid=m4wvyfu4fk51651392> (31.10.2024). EDN: NCLKFX
33. Турьян М. А. Владимир Одоевский и Лермонтов: к истокам религиозных споров // Сборник статей к 60-летию В. Вацуро. "Im Werden Verlag". Некоммерческое электронное издание. Мюнхен, 2006. С. 1–13 [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/turjan_odoevsky_i_lermontov.pdf (31.10.2024).

References

1. Belenchuk L. N. Westernizers and Slavophiles on the Enlightenment of Russia as an Independent Part of European Humanitarian Culture. In: *Rodnaya Ladoga*. Available at: <https://rodnayaladoga.ru/index.php/poeziya/739-tvoej-dushi-chudesnyj-svet#41> (accessed on October 31, 2024). (In Russ.)
2. Virginskiy V. S. *Vladimir Fedorovich Odoevskiy: estestvennonauchnyye vzglyady (1804–1869)* [Vladimir Fyodorovich Odoevsky: Natural Scientific Views (1804–1869)]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 114 p. (Scientific and Biographical Series.) (In Russ.)
3. Voropaev V. A. Charm and Enlightenment in A. S. Pushkin and N. V. Gogol. In: *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2011, no. 3, pp. 80–83. Available at: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2011-3/80-83> (accessed on October 31, 2024). EDN: NWAOWD (In Russ.)
4. Vygotskiy L. S. *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of Art]. Moscow, Iskustvo Publ., 1986. 572 p. (In Russ.)
5. Gavryushin N. K. Metaphysics, Historiosophy and Religious Ideal of Prince V. F. Odoevsky. In: *Issledovaniya po istorii russkoy mysli. Ezhegodnik 2016–2017* [Studies in the History of Russian Thought. Yearbook 2016–2017]. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2017, pp. 486–512. (In Russ.)
6. Gadamer H.-G. *Istina i metod: osnovy filosofskoy germenевtiki* [Truth and Method: Foundations of Philosophical Hermeneutics]. Moscow, Progress Publ., 1988. 699 p. (In Russ.)
7. Gacheva A. G. *Russkiy kosmizm v ideyakh i litsakh* [Russian Cosmism in Ideas and Faces]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2019. 431 p. (Popular Science Series of the Russian Foundation for Basic Research.) (In Russ.)
8. Gorina I. V. Metaphysics of Creative Life in the Philosophy of V. F. Odoevsky. In: *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences], 2020, no. 3 (35), pp. 18–27. Available at: <https://philosophy.mgpu.ru/2020/09/09/metafizika-tvorchestva-zhizni-v-filosofii-knyazya-v-f-odoevskogo/> (accessed on October 31, 2024). DOI: 10.25688/2078-9238.2020.35.3.02. EDN: LOCNHL (In Russ.)
9. Darenskiy V. Yu. "...On the Ruins of Decrepit Europe": Russia as a Meta-Physical Topos and Artistic Symbol in V. F. Odoevsky's "Russian Nights". In: *Literatura i filozofiya: ot romantizma k XX veku: k 150-letiyu so dnya*

- smerti V. F. Odoevskogo [Literature and Philosophy: From Romanticism to the 20th Century: on the 150th Anniversary of the Death of V. F. Odoevsky]*. Moscow, Vodoley Publ., 2019, pp. 294–306. (Ser.: Russian Literature and Philosophy: Ways of Interaction; Issue 3.) (In Russ.)
10. Egorov O. G. Gnoseological Problematic in V. F. Odoevsky's Novel "Russian Nights". In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory and Practice]*. Tambov, Gramota Publ., 2010, no. 1 (5), part 1, pp. 118–122. Available at: <https://philology-journal.ru/article/phil20100032/fulltext> (accessed on October 31, 2024). EDN: MUUQVF (In Russ.)
 11. Esaulov I. A. *Kategoriya sobornosti v russkoy literature [The Category of Sobornost' in Russian Literature]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995. 288 p. (In Russ.)
 12. Esaulov I. A. The Russian Literature of the 18th Century: Between the Ratio of Enlightenment and the Orthodox Tradition. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrosavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013, issue 11, pp. 7–26. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1430908318.pdf (accessed on October 31, 2024). EDN: RTXMYT (In Russ.)
 13. Esaulov I. A. Paraphrasis and the Establishment of the New Russian Literature (to the Problem Statement). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2019, vol. 17, no. 2, pp. 30–66. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1561976111.pdf (accessed on October 31, 2024). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6262. EDN: XDDAMV (In Russ.)
 14. Zhirmunskiy V. M. *Gyote v russkoy literature [Goethe in the Russian Literature]*. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987. 674 p. (In Russ.)
 15. Zakharov V. N. The Poetics of the Chronotope in "Winter Notes on Summer Impressions" by Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrosavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013, issue 11, pp. 180–201. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516399.pdf (accessed on October 31, 2024). EDN: RTXNDJ (In Russ.)
 16. Zakharov V. N. The Easter Dimension of Dostoevsky's Medical Theme. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 46–61. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1694502327.pdf (accessed on October 31, 2024). DOI: 10.15393/j9.art.2023.12764. EDN: NMSZOT (In Russ.)
 17. Zen'kovskiy V. V., Archpriest. *Istoriya russkoy filosofii [History of Russian Philosophy]*. Part 2: the 19th Century. Available at: https://azbyka.ru/otchnik/Vasilij_Zenkovskij/istorija-russkoj-filosofii/2 (accessed on October 31, 2024). (In Russ.)
 18. Mann Yu. V. *Dinamika russkogo romantizma [Dynamics of Russian Romanticism]*. Moscow, Aspekt Press Publ., 1995. 384 p. (In Russ.)
 19. Markovich V. M. The Theme of Art in Russian Prose of the Romantic Era. In: *Iskusstvo i khudozhnik v russkoy proze pervoy poloviny XIX veka: sbornik proizvedeniy [Art and the Artist in Russian Prose of the First Half of the 19th Century: a Collection of Works]*. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1989, pp. 5–42. (In Russ.)

20. Mikhaylovskaya I. M. V. F. Odoevsky Is a Representative of the Russian Enlightenment. In: *Russkaya literatura*. Leningrad, Nauka Publ., 1979, no. 1, pp. 14–25. (In Russ.)
21. Motorin A. V. State-Forming Legends About the Baptism of Rus' as a Source for Public Education. In: *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 3 (94), pp. 86–90. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvooobrazuyuschie-predaniya-o-kreschenii-rusi-kak-istochnik-narodnogo-prosvescheniya/viewer> (accessed on October 31, 2024). EDN: WAQUMJ (In Russ.)
22. Nikolyukin A. N. The Architectonics of V. F. Odoevsky's "Russian Nights". In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9: Philology], 2022, no. 6, pp. 100–108. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhitektonika-russkih-nochey-v-f-odoevskogo/viewer> (accessed on October 31, 2024). DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-100-108. EDN: EAEEAL (In Russ.)
23. Sakulin P. N. *Iz istorii russkogo idealizma. Knyaz' V. F. Odoevskiy. Myslitel'. Pisatel'* [From the History of Russian Idealism. Prince V. F. Odoevsky. Thinker. Writer]. Moscow, Izdanie M. i S. Sabashnikovyykh Publ., 1913, vol. 1, part 1. 616 p.; part 2. 480 p. (In Russ.)
24. Sugay L. A. *Kul'tura i kul'turologiya — terminy i ponyatiya (russkiy, slavyanskiy i obshcheevropeyskiy kontekst)* [Culture and Cultural Studies — Terms and Concepts (Russian, Slavic and pan-European Context)]. Banská Bystrica, UMB Publ., Belianum Publ., 2019. 182 p. (In Russ.)
25. Sytina Yu. N. *Sochineniya knyazya V. F. Odoevskogo v periodike 1830-kh godov* [Works of Prince V. F. Odoevsky in the Periodicals of the 1830s]. Moscow, Indrik Publ., 2019. 392 p. (In Russ.)
26. Sytina Yu. N. In Search of a "Positively Excellent" Hero: Prince Myshkin by F. M. Dostoevsky and Segeliel by V. F. Odoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2021, vol. 19, no. 1, pp. 173–193. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1612711387.pdf (accessed on October 31, 2024). DOI: 10.15393/j9.art.2021.8862. EDN: IVNHZA (In Russ.)
27. Sytina Yu. N. *Tvorchestvo V. F. Odoevskogo v bol'shom vremeni russkoy kul'tury* [The Works of V. F. Odoevsky in the Great Time of Russian Culture]. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2022. 336 p. (In Russ.)
28. Sytina Yu. N. "The Truth Is Not Transmitted!": Expression, Understanding and Dialogue in V. F. Odoevsky's Novel "Russian Nights". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2024, vol. 22, no. 1, pp. 96–118. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1708018635.pdf (accessed on October 31, 2024). DOI: 10.15393/j9.art.2024.13464. EDN: YXTVLM (In Russ.) (a)
29. Sytina Yu. N. "The Fourth Night" or the Works of the Economist: to the Question of the Genre and Artistic Unity of V. F. Odoevsky's "Russian Nights". In: *Literaturovedcheskiy zhurnal* [The Journal of Literary History and Theory], 2024, no. 4 (66), pp. 9–28. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

- noch-chetvertaya-ili-sochineniya-ekonomista-k-voprosu-o-zhanre-i-hudozhestvennom-edinstve-russkih-nochey-v-f-odoevskogo/viewer (accessed on October 31, 2024). DOI: 10.31249/litzhur/2024.66.01 (In Russ.) (b)
30. Tarasov B. N. *Kuda dvizhetsya istoriya? (Metamorfozy idey i lyudey v svete khristianskoy traditsii)* [Where is History Heading? (Metamorphoses of Ideas and People in the Light of the Christian Tradition)]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001. 348 p. (In Russ.)
 31. Tarasov B. N. The Utopianism of Western Rationalism, Positivism, and Utilitarianism in the Mirror of an Anthropological and Historiosophic Thought of F. M. Dostoevsky and V. F. Odoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2019, vol. 17, no. 2, pp. 135–163. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1561975982.pdf (accessed on October 31, 2024). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6302. EDN: SJDVLP (In Russ.)
 32. Takho-Godi E. A. The Works of A. F. Losev and the Literary and Philosophical Searching of V. F. Odoevsky. In: *Literaturovedcheskiy zhurnal* [The Journal of Literary History and Theory], 2011, no. 28, pp. 113–121. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorchestvo-a-f-losev-a-i-literaturno-filosofskie-iskaniya-v-f-odoevskogo?ysclid=m4wvyfu4fk51651392> (accessed on October 31, 2024). EDN: NCLKFX (In Russ.)
 33. Tur'yan M. A. Vladimir Odoevsky and Lermontov: to the Origins of Religious Disputes. In: *Sbornik statey k 60-letiyu V. Vatsuro. "Im Werden Verlag". Nekommercheskoe elektronnoe izdanie* [Collection of Articles for the 60th Anniversary of V. Vatsuro. "Im Werden Verlag". Non-Commercial Electronic Publication]. Munich, 2006, pp. 1–13. Available at: https://imwerden.de/pdf/turjan_odoevsky_i_lermontov.pdf (accessed on October 31, 2024). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сытина Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Государственный университет просвещения (ул. Фридриха Энгельса, д. 21, стр. 3, г. Москва, Российская Федерация, 105005); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6334-4722>; e-mail: yulyasytina@yandex.ru.

Yuliya N. Sytina, PhD (Philology), Associate Professor of the Russian and Foreign Literature Department, State University of Education (ul. Fridrikha Engel'sa 21/3, Moscow, 105005, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6334-4722>; e-mail: yulyasytina@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 07.11.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.01.2025

Принята к публикации / Accepted 11.01.2025

Дата публикации / Date of publication 14.02.2025

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14682

EDN: WLSIUU

Деэстетизация слога и сакрализация слова в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди»

Г. В. Мосалева

*Удмуртский государственный университет
(г. Ижевск, Российская Федерация)*

e-mail: mosalevagv@yandex.ru

Аннотация. В статье предложено понимание первого романа Ф. М. Достоевского в контексте созданной писателем новой эстетики, суть которой выражается в намеренной деэстетизации повествования, создающей иллюзию безыскусности и косноязычия. Предметом художественной игры Достоевского в «Бедных людях» оказывается также изящная словесность в ее сентиментально-романтическом изводе, аксиология которого подвергается деканонизации. Застарелое «девичество», мечтательство главного героя романа, оторванное от коренных основ жизни, — такова авторская оценочная метафора некогда влиятельного стиля. Еще более низкая степень деградации романтического, подвергающаяся в романе Достоевского сатирическому изображению, — ратазьевская литература-«объяденье» — коммерческий продукт ловкого циника-литератора. Диалог Достоевского с Пушкиным и Гоголем ведется им в русле художественного соперничества. Автор соединяет в «Бедных людях» миры Гоголя и Пушкина, уравновешивая иллюзорное и реальное. Гуманно-филантропическая тенденция или социальная тема, которую прижизненная писателю критика видела в романе, у Достоевского трансформируется в проблематику метафизического порядка, что будет способствовать развитию христианского реализма в дальнейшем творчестве писателя. «Бедные люди» в контексте социалистических утопий предстают как их художественное отрицание: Рай на земле невозможен, а пути его обретения в человеческом сердце Достоевским еще только нащупываются. Возникает спасительная мысль: человек для человека является Светом.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, новая эстетика, диалог, деэстетизация, сакрализация, слог, стиль, онтология

Для цитирования: Мосалева Г. В. Деэстетизация слога и сакрализация слова в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди» // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 1. С. 113–138. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14682. EDN: WLSIUU

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14682

EDN: WLSIUY

De-aesthetization of the Syllable and Sacralization of the Word in F. M. Dostoevsky's Novel "Poor People"

Galina V. Mosaleva

*Udmurt State University
(Izhevsk, Russian Federation)*

e-mail: mosalevagv@yandex.ru

Abstract. The article offers an understanding of F. M. Dostoevsky's first novel in the context of a new aesthetic created by the writer, the essence of which is expressed in the deliberate de-aestheticization of the narrative, producing the illusion of artlessness and tongue-tie. The subject of Dostoevsky's artistic play in "Poor People" also turns out to be fine literature in its sentimental and romantic interpretation, the axiology of which is being decanonized. The long-standing "maidenhood," daydreaming that is divorced from the fundamental foundations of the life of the novel's main character are the author's evaluative metaphor of the once influential style. Rataziev's "delicious" literature, the commercial product of a clever cynical writer represents even greater degradation of the romantic, satirically depicted in Dostoevsky's novel. Dostoevsky conducts his dialogue with Pushkin and Gogol in the framework of artistic rivalry. The author combines the worlds of Gogol and Pushkin in "Poor Folk," balancing the illusory and the real. The humane and philanthropic tendency or the social theme, which the writer's lifetime critics saw in the novel, is transformed by Dostoevsky into a metaphysical issue, which will contribute to the development of Christian realism in the writer's future work. In the context of socialist utopias, "Poor folk" appear as their artistic negation: paradise on earth is impossible, and Dostoevsky is only searching for ways to find it in the human heart. A saving thought arises: man is the Light for man.

Keywords: F. M. Dostoevsky, new aesthetics, dialogue, de-aestheticization, sacralization, syllable, style, ontology

For citation: Mosaleva G. V. De-aesthetization of the Syllable and Sacralization of the Word in F. M. Dostoevsky's Novel "Poor People". In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 113–138. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14682. EDN: WLSIUY (In Russ.)

.....

Очинка пера. Новая эстетика Достоевского

«Очинка пера» Девушкиным, демонстрируемая им в письме от 8 апреля, является своеобразным символическим жестом, означающим начало литературного пути и проявляющим себя в дальнейшем как транспоэтический: он характерен для ранних повестей Достоевского. Этот «жест» Достоевский наследовал из гоголевской поэтики («очиняют перо» Башмачкин, Поприщин) и расширил его семантику. В «Слабом сердце» Достоевский развивает мотив «ускорения пера» как идею прогресса в художественном творчестве, сводящую с ума Васю Шумкова.

У Достоевского, как правило, любая идея или образ антонимичны. Помимо светлой идеи очинки пера, связанной с сочинительством, в поэтике раннего Достоевского содержится и противоположная ей идея. Кроме Девушкина, «чинят перо» и его антагонисты: чиновники-процентчики, имеющие отличную репутацию на службе: У Емельяна Ивановича — «перо <...> — чистый английский почерк», хоть он и «настоящим медведем смотрит» [Достоевский; т. 11: 71].

Роман «Бедные люди» при внимательном чтении открывается как произведение о литературе, о смысле художественного творчества, о соединении литературы и жизни. Роман предлагает *новую эстетику письма*, утверждающую себя в форме «демонстративной нелитературности "слога"» [Захаров, 1985: 124], слога не рационального, а простого и сердечного. Такая традиция связана с восточно-христианской (церковной) словесностью, а не с западно-европейской (светской) литературой. В «Бедных людях» словно развиваются несколько сюжетов, входящих в конфликт между собой: сюжет подлинной скорбной жизни и различные литературные сюжеты разных авторов и стилей. Настоящая жизнь без эстетического глянца воплощается в непосредственном повествовании, далеком от литературного вымысла. Жизнь у Достоевского тождественна *неловкому незавершенному письму*: «...Как ловко описано всё!» — характеризует Девушкин пушкинскую манеру в «Станционном смотрителе» [Достоевский; т. 1: 59].

Большинство критиков, начиная с Белинского, среди главных недостатков романа выделяли его «многословность,

растянутость»¹. Однако эти упреки Достоевский не принимал на свой счет:

«Роман находят растянутым, а в нем слова лишнего нет» [Достоевский; т. 28, кн. 1: 117–118].

Установка на неэстетизм повествования потребовала от начинающего писателя еще большего его усложнения. В результате чего литературная мистификация Достоевскому удается: часть критиков, комически обыгрывая название романа («бедные русские читатели!» [Достоевский; т. 1: 472]), приняла героя-неудачника за автора. Предметом иронии для О. И. Сенковского стала и сама фамилия героя, якобы скрывавшая «женское авторство»: «Бедный молодой человек!... (а я, признаться сначала думал, что автор "Бедных людей", не молодой человек, а молодая особа, и теперь еще не совсем уверен, что он не девушка, — чего прошу не принимать в укоризну — это своего рода похвала!)... бедный молодой человек!» [Замотин: 7–8].

Между тем «девичество» героя — сознательная установка автора. Девушкин предстает как своего рода безвольный мечтатель, «подкаблучник» (неслучайно тип Девушкина соотносится с Башмачкиным), поскольку мужское волевое начало олицетворяет Варенька. «Бедность» в сознании самого Девушкина тоже ассоциируется с «девичеством»:

«...у бедного человека <...> самый стыд, как и у вас, примером сказать, девический» [Достоевский; т. 1: 69].

Варенька в конце романа превращается в помещицу Варвару Алексеевну Быкову, но в своем последнем письме она просит Девушкина не забывать «своей» — именно «бедной Вареньки», той, которой она уже не будет, если иметь в виду безденежье и ее прежний социальный статус. Получается, что «бедность» в самооценке героини имеет в себе нечто неизмеримо ценное.

Повод заподозрить «женское авторство» романа давал критике и сам «чувствительный» стиль писем Девушкина с обилием уменьшительно-ласкательных словесных форм, по поводу которых среди других иронизировал и Н. В. Кукольник: «И уж в этом

¹ Белинский В. Г. «Бедные люди». Роман Федора Достоевского // Современник. 1848. Т. VII. Отд. III. С. 43.

романе уменьшительным нет никакой пощады. Это лексикон, справочное место уменьшительных» (цит. по: [Замотин: 7]).

Герой поверяет Вареньке, поначалу стесняясь и словно юродствуя, литературные мечты о выходе в свет книжки «Стихотворения Макара Девушкина». Он воображает, как люди, указывая на него, говорили бы:

«...вот де идет сочинитель литературы и *пиита* Девушкин...» (курсив мой. — Г. М.) [Достоевский; т. 1: 53].

Себя как поэта Девушкин называет «пиитой», употребляя устаревшую форму слова, имеющую окончание женского рода. Образ «сентиментально-романтической литературы», создаваемый Достоевским в «Бедных людях», носит «девический» характер и является олицетворением образа Девушкина. Стиль письма Девушкина «карамзинский», чувствительный, с обилием междометий «ах!», спровоцировавших в свое время появление литературных прозвищ Карамзина: Ахалкин, Сердечкин [Лотман: 209].

«Ах, маточка, маточка!»; «Ах, зачем» [Достоевский; т. 1: 107]; «Ах, Господи, Господи!», «Ах, родная моя...» [Достоевский; т. 1: 108].

Девушкин — целомудрен, но в доме его дразнят Ловеласом, когда находят черновое письмо к Вареньке, оброненное им, что обнаруживает «подпольные» мечты героя.

Жизнь и сердечные переживания воспитывают чувство слога Девушкина. Последнее, «слезное» письмо пишет уже и не он — *оно само пишется*:

«Ведь вот я теперь и не знаю, что это я пишу, никак не знаю, ничего не знаю, и не перечитываю, и слогу не выправляю, а пишу только бы писать, только бы вам написать побольше...» [Достоевский; т. 1: 108].

Получается, творчество — это некий таинственный процесс, где автору отведена роль скриптора, но не безучастного, а вовлеченного в процесс передачи письма не рационально, а интуитивно.

Косноязычное по форме повествование, предложенное Достоевским, призвано было оспорить установку литературы на элитарность и авторскую прагматику, создать впечатление

подлинной жизни. За имитацией косноязычия скрывалось литературное мастерство начинающего писателя. Первый роман Достоевского включает в себя пятьдесят пять писем: тридцать одно письмо принадлежит Макару Девушкину и двадцать четыре — Вареньке. Девушкин отправляет в иные дни по два или три письма. Читатель попеременно окунается то в мир непосредственной «нехудожественной» речи героя-чиновника, то в народно-поэтическую стихию письма Вареньки, что способствует ощущению стиливого равновесия. Передатчицей писем между Макаром Алексеевичем Девушкиным и Варварой Алексеевной Доброселовой является работница с иностранным именем *Тереза*.

Помимо нее, непосредственной участницей эпистолярного топоса является Федора — хозяйка снимаемой для Вареньки квартиры. Девушкин отзывается о Федоре по-разному, в зависимости от ее роли в тех или иных событиях его жизни. Имя Федоры, по наблюдению Т. И. Печерской, совпадает с именем Достоевского, она играет существенную роль в сюжете Вареньки и Девушкина, выступая сверхперсонажным образом [Печерская]. После отъезда Вареньки Девушкин поселяется в ее комнате, где в верхнем ящичке комода хранятся его письма. Поэтика «автобиографического» [Баршт] проявляется и в распространенности в романе имени «Федор» [Печерская], неоднократно варьирующегося в именах героев: в отчестве злодейки Анны *Федоровны*, в имени цензора *Федора Федоровича*.

В письмах Вареньки Девушкин отмечает ее «художественное мастерство»:

«... всё это вы очень хорошо описали. А вот у меня так нет таланту» [Достоевский; т. 1: 46].

Макар ожидает, что Варенька опишет прогулку на острова «настоящими стихами» [Достоевский; т. 1: 46], хотя сам обижается на юмор Вареньки в отношении поэтического пафоса своего первого письма:

«А насчет стишков скажу я вам, маточка, что неприлично мне на старости лет в составлении стихов упражняться. Стихи вздор! За стишки и в школах теперь ребяташек секут...» [Достоевский; т. 1: 20].

Вместе с тем Девушкин отстаивает и свое право переписывать:

«Что, грех переписывать, что ли?» [Достоевский; т. 1: 47]; «Ну, слогу нет...» [Достоевский; т. 1: 48].

Отсутствие слога позволяло Девушкину, по замечанию В. Н. Захарова, «говорить обо всем» [Захаров, 1985: 124] и не смущаться своим статусом дебютанта.

Круг чтения автора и героя

Эпиграфом к «Бедным людям» Достоевский берет фрагмент из «Живого мертвеца» В. Одоевского, серьезно повлиявшего на раннего Достоевского [Гонсалес]. Недовольство «сказочниками» озвучивается злым персонажем повести, *живым мертвецом* Василием Кузьмичом, виновником разрушения судеб многих героев. «Сказочниками» он называет авторов, разоблачающих таких, как он. *Страшные* фантастические сказки рассказывает хозяйка-старушка в квартире Девушкина. В результате рождается метафизическое повествование Достоевского, в котором реальность фантастичнее любого литературного жанра, в том числе и сказки.

Круг чтения Достоевского и Девушкина различен. В письмах времени работы над «Бедными людьми» Достоевский называет в качестве авторитетов для себя Гомера, Шиллера, Гофмана, Шекспира, Бальзака. Авторские литературные предпочтения в большей степени совпадают с предпочтениями Вареньки, знакомящей Девушкина со «Станционным смотрителем» Пушкина и «Шинелью» Гоголя.

В круг чтения Девушкина входят «Картина человека» А. Галича (1834), «Мальчик, наигрывающий разные штуки колокольчиками» Ф. Г. Дюкре-Дюминилля (в рус. пер. «Маленький звонарь», 1809), «Ивиковы журавли» — баллада Шиллера в переводе Жуковского (1813), то есть литература сентиментально-романтическая. Девушкин не различает вершинное от маргинального, массового чтения. У него отсутствует иерархия литературного вкуса. Он восхищается «творениями» из «Итальянских страстей» Ратазьева о графине Зинаиде, делает выписки из повести «Ермак и Зюлейка» (из времен Ивана Грозного),

из повести об Иване Прокофьевиче Желтопузе и Прокофии Ивановиче, в наивно-восторженном описании Девушкина предстающей как пародия на гоголевский «Миргород».

Литературным кумиром Девушкина выступает Ратазиев — «чиновник по литературной части», живущий в одном доме с главным героем и устраивающий «сочинительские вечера». Для Ратазиева — литература — чистая коммерция: за лист он берет по триста рублей; за анекдотец или из любопытного — по пятьсот; и по тысяче иной раз. За стишков тетрадочку — «семь тысяч просит» [Достоевский; т. 1: 51–52]. Ратазиев имеет «перо бойкое» и «слогу пропасть». Ратазиевская литература носит кулинарный — «объяденье» — и флористический характер:

«Прелесть такая, цветы, просто цветы; со всякой страницы букет вяжи!» [Достоевский; т. 1: 51].

Девушкин переписывает Ратазиеву «кое-что», отпуская ему сомнительные комплименты:

«...бесподобный писатель...», «Петля этот Ратазиев!» [Достоевский; т. 1: 51, 54].

«Чиновник по литературной части» олицетворяет собой тип ловкого «продажного писателя», для которого главное в сочинительстве — цена произведения. Девушкин же, с одной стороны, выступает против пошлости, чтобы наиважнейшей добродетелью гражданской считать, как Евстафий Иванович, умение «деньгу... зашибить» [Достоевский; т. 1: 47], а с другой — не прочь воспользоваться примером Ратазиева. В пору ученичества Девушкин мечтает переписывать «разные бумаги разным литераторам» [Достоевский; т. 1: 74], причем мечты Девушкина облакаются в конкретные цифры. В своих мечтах о сорока рублях Девушкин распределяет «незаработанное»:

«...двадцать пять отлагаю на вас, Варенька...» [Достоевский; т. 1: 74].

В письмах Достоевского этого времени постоянно упоминается о материальной стороне литературы. Однако вопрос о писательстве у Достоевского был связан не только с ней, но и с мыслью о предназначении, выборе своего пути.

Стремясь воспитать литературный вкус Девушкина, Варенька отправляет ему «Повести Белкина», а затем «Шинель». «Станционный смотритель» вызывает у героя восторг: «...словно сам написал»; «...это натурально! это живет!»; Самсон Вырин — «горемыка сердечный»; «...это вот всё около меня живет; вот хоть Тереза <...> наш бедный чиновник <...> Горшков» [Достоевский; т. 1: 59]. В «Бедных людях», по образному определению К. Мочульского, Достоевский противопоставляет «дух Пушкина» «духу Гоголя», «пушкинское сердце» — «мертвой гоголевской маске» [Мочульский]. Нам кажется, точнее говорить о соединении, причем, скорее всего, бессознательном для раннего Достоевского. Примечательно, что одним из знаковых поздних произведений Достоевского является его очерк «Пушкин» (1880) — свидетельство выбора писателем в конце пути «духа Пушкина».

Участвует в обсуждении «Станционного смотрителя» и Ратаяев:

«...это всё старое <...> теперь всё пошли книжки с картинками и с разными описаниями...» [Достоевский; т. 1: 60],

считая себя прогрессивнее Пушкина, но вынужденно признавая его значение и явно цитируя с чужого голоса:

«...Пушкин хорош <...> он святую Русь прославил...» [Достоевский; т. 1: 60].

Пушкинский сюжет о «бедной Дуне» преломляется и в сюжете «бедной Вареньки» Достоевского: она также покидает отца, выбирая замужество, что улучшает ее материальное положение и повышает социальный статус. В ситуации с Варенькой вполне может не сбыться и прогноз Девушкина, что ее «там в гроб сведут» [Достоевский; т. 1: 107], — так же, как не сбылось пророчество Самсона Вырина о гибели его «бедной овечки», где он проявляет себя как законник, не допускающий счастливого финала [Есаулов]. Жизненная ситуация с сестрой Достоевского, ее брак с Карепиным, разрешилась благополучно. Карепин, по воспоминаниям Андрея Михайловича, младшего брата Достоевского, был «добрейшим человеком» [Достоевский А. М.].

Достоевский в «Бедных людях», по мнению К. Мочульского, «соединяет жанр Гоголя с жанром Карамзина» [Мочульский].

В качестве «ближайшего источника» для «Бедных людей» обычно называют гоголевскую «Шинель» [Ветловская]. Действительно, влияние гоголевской «Шинели» на первый роман Достоевского очевидно, хоть Девушкин и ополчается на ее автора. Гоголь, вне его связи с какой-либо школой, — главный ориентир для начинающего Достоевского в литературе. Как писал И. И. Замотин, «Гоголь навсегда останется <...> отцом» Достоевского по творчеству [Замотин: 3]. Характер же отношения Достоевского к Гоголю критика определяла по-разному: то как подражание, то как соперничество, то как любовь-ненависть [Мочульский]. Помимо «Шинели», в «Бедных людях» есть аллюзии на другие произведения Гоголя:

«...его превосходительство мною довольны...»; «...после этого и жить себе смиренно нельзя, в уголочке своем <...>, чтобы и в твою конуру не пробрались да не подсмотрели...»; «...под самым носом твоим (курсив мой. — Г. М.) <...> испечет тебе пасквиль»; «...приятно видеть свою ногу в тонком щегольском сапоге...»; «...как Федор-то Федорович без внимания книжку такую пропустили...» [Достоевский; т. 1: 62]; «...боишься нос (курсив мой. — Г. М.) подчас показать...», «...и вот уж вся гражданская и семейная жизнь твоя по литературе ходит...» [Достоевский; т. 1: 63].

Как видим, в филиппике Девушкина присутствует не только «Шинель», но и «Нос» Гоголя.

Девушкин предлагает другой конец повести — моралистический, чтобы «зло было бы наказано, а добродетель восторжествовала бы, и канцеляристы-товарищи все бы ни с чем и остались» [Достоевский; т. 1: 63]. Жажда «счастливого конца», «торжества добродетели» свойственна искаженному (протестантскому) пониманию Евангелия, опровергаемому самим финалом «Бедных людей». «Шинель» представляется Девушкину «злонамеренной книжкой», на которую «надо жаловаться», так как в ней, по его мнению, все «неправдоподобно».

Наслушавшись литературных разговоров в «кружке Ратазьева», в письме от 26 июня Девушкин начинает и сам высказывать суждения о литературе:

«Глубокая вещь! <...> ...укрепляющая, поучающая <...>, картина и зеркало; <...> поучение к назидательности и документ» (курсив мой. — Г. М.) [Достоевский; т. 1: 51].

Достоевский, конечно же, был далек от такого позитивистского отношения к литературе.

В сюжете «Бедных людей» Варенька выступает для Девушкина учительницей литературы, помогая ему отличать подлинное от низкопробного: она отсылает ему обратно присланную им «пренегодную книжонку» и просит прислать ей «какие-нибудь книги», только «не от Ратазьева», не понимая, как Девушкину могут нравиться «такие пустяки».

Переписка для Девушкина — смысл существования, возможность сердечного общения с понимающим и сочувствующим человеком. Письмо для него тождественно жизни, оно имеет цель в самом себе, поскольку ни на что не претендует. Однако мечты Девушкина — жить с Варенькой «вдвоем согласно и счастливо» и «заниматься литературой» — эфемерны. Он уговаривает ее остаться, шантажирует, что утопитя в Неве, умрет [Достоевский; т. 1: 58]. Фраза Девушкина повторяет почти буквально строки Достоевского из письма к старшему брату Михаилу Достоевскому в начале сентября 1845 г.: «А не пристрою романа, так, может быть, и в Неву» [Достоевский; т. 28, кн. 1: 110], — являющиеся подтверждением особого статуса Вареньки как олицетворенной литературной мечты Девушкина.

Варенька же письму предпочитает шитье. Это настоящая работа для нее, по-своему творческая, она приносит независимость, дает шанс выжить и сохранить себя. Она пишет письма только тогда, когда нет работы или возможности работать (болезнь, несчастный случай).

Варенька вышивает ковер для продажи, кроит жилетку Девушкину, переменяет ленты на шляпке, предлагает Макару Алексеичу взамен старого вицмундира «в заплатках» «дешево» купить «форменный» (явная аллюзия на Плюшкина — героя первого тома «Мертвых душ»: «А, заплатанной, заплатанной! — воскликнул мужик») [Гоголь: 106].

Мечты Девушкина о высоком: о любви, о спасении ближнего — рушатся в одночасье после его собственного падения — запоя. Сюжет падения героя «Бедных людей» в дальнейшем получит развитие в романе «Преступление и наказание» в связи с Мармеладовым, пьянство которого является причиной бесчестия и испытаний Сонечки. И даже ощущая себя «преступником»,

попирающим Божий Закон, страдая, в том числе из-за участи Сонечки, Мармеладов не может освободиться от своей страсти. Точно так же ведет себя и Девушкин, являя своим примером духовную незрелость, инфантилизм, в дальнейшем проявляющийся у всех негативных героев Достоевского. Варенька ни в чем не упрекает Девушкина. Не дождавшись от него помощи, она сама дважды посылает ему тридцать копеек серебром — все, что у нее остается [Достоевский; т. 1: 75].

Возвращаясь к суждению К. Мочульского о том, что в «Бедных людях» Достоевский «соединяет жанр Гоголя с жанром Карамзина» [Мочульский], заметим, что в случае с Карамзиным Достоевский отталкивается в большей степени не от «Бедной Лизы», а от «Истории государства Российского», где история царствования Рюриковичей переплетается с историей страстей и падений человеческих.

Сентиментально-романтическая литература предстает в «Бедных людях» как предмет иронической стиливой игры с ее сюжетами, мотивами и образами. Самый низкий род литературы, сатирически пародируемый в первом романе Достоевского, — гедонистическая «литература-объяденье», состряпанная на чужой манер сочинителем-торгашом.

Высокий смысл литературы как жертвенного христианского служения только намечается в «Бедных людях», поскольку слог начинающего писателя еще «формируется». В дальнейшем Достоевский станет последовательным критиком натурализма и жизнеподобия в искусстве. Примером тому является хотя бы эпизод из романа «Идиот», связанный с восприятием князем Мышкиным картины Гольбейна «Мертвый Христос». Цель искусства, как понимал ее Достоевский, — не изменять Евангелию, за Крестной жертвой Христа провозвещать Его Воскресение.

Трансформация социальной темы: идеи счастья, добра и проблема зла

Название романа Достоевского «Бедные люди», казалось бы, выдвигает на первый план социальную проблематику. Именно так восприняла по большей части первый роман Достоевского современная ему критика. Апологеты натуральной школы приветствовали ее развитие в романе Достоевского; представители

консервативного крыла иронизировали: «Не так Колумб обрадовался Америке, как наша современная литература открытию той мысли, что канцелярский чиновник тоже человек»².

Истоки социальной проблематики С. П. Шевырев связал с филантропической тенденцией, забредшей в «нашу словесность из чужих»: «Литература западная — высочайшую христианскую добродетель — любовь к ближнему, умела превратить в филантропическую тенденцию»³. По мысли критика, такое превращение значит «на самую добродетель наложить моду»⁴. А. А. Григорьев увидел в авторе «Бедных людей» еще большего «оправдателя и восстановителя всякой мелочной личности, всякого микроскопического существования», чем даже адепты натуральной школы, писателя, вдавшегося в «сентиментальное поклонение добродетелям Макара Алексеевича Девушкина и Варвары Алексеевны Доброселовой» [Григорьев: 129].

Онтологическая глубина романа была воспринята значительно позднее. Одна из главных проблем «Бедных людей» — возможность достижения Рая на земле в контексте западных социалистических утопий. Эпитет «бедный» Достоевским отнесен не только к социально страждущим, низовым слоям общества, «безденежным» персонажам, но и ко всему бедному страждущему человечеству. Человек у Достоевского за редким исключением оказывается сам причиной своих бед.

Определенные «земные надежды» героев «Бедных людей» сбываются. Осуществляется материальная мечта Девушкина: он покупает «удивительные сапоги», как Башмачкин «шинель». И если в пору своей «бедности» он сравнивал себя с греческими мудрецами:

«И мудрецы греческие без сапог хаживали, так чего же нашему-то брату...» [Достоевский; т. 1: 81],

то теперь мудрости он предпочитает благополучие, приобретенное сочинительством, и даже становится апологетом ремесленничества:

² Шевырев С. П. «Петербургский сборник», изданный Н. Некрасовым // Москвитянин. 1846. № 2. С. 186–187.

³ Там же. С. 170.

⁴ Там же. С. 171.

«...все мы, родная моя, выходим немного сапожники» [Достоевский; т. 1: 89].

Сложнее с Раем внутри себя. Мечты об «отчетливой» жизни Девушкин разрушает своим «падением», никто, кроме него, не виноват в том положении, в котором он оказывается. От переживаний Макар Девушкин впадает в пьянство, полиция перевозит его на квартиру в нетрезвом виде. Однако он и в «падении» более сосредоточен на своей «амбиции», нежели на Вареньке, становясь косвенным виновником недостойного отношения к девушке сначала молодого офицера, а затем и его старика-дяди; окончательно запивает, сходится с подобным себе Емелей, некогда бывшим чиновником. С ролью «благодетеля» Девушкин явно не справляется. Если вначале он действительно помогает Вареньке: снимает квартиру, заботится, посылает подарки, — то вскоре ей приходится взять на себя весь груз материальных забот о спасении Девушкина. Неслучайно она дважды посылает ему тридцать серебряников, как предателю Иуде. Любое иллюзорное существование внутри себя обречено на катастрофу: жить, как в Раю, не получается.

Макару Девушкину сорок семь лет, на службе он с семнадцатилетнего возраста. Главный герой — дальний родственник Вареньки, настаивающий в письмах к ней на своем «отцовстве». «Макар» переводится как «блаженный», «счастливый». Значение имени героя оказывается созвучно одному из главных мотивов романа: поиску Рая, Счастья на земле. Письмо Девушкина от 11 сентября в полном смысле можно назвать *утопическим трактатом о счастье*. В нем Девушкин просит Вареньку «не разлучаться» с ним. Четырежды повторяется слово «счастлив»:

«...совершенно счастлив...»; «...буду вести себя хорошо и отчетливо...»; «...будем писать другу счастливые письма...»; «...будем жить вдвоем согласно и счастливо»; «Займемся литературою...» [Достоевский; т. 1: 94]; «...погода <...> замечательная...»; «...воздух стал посвежее немножко...»; «...купил удивительные сапоги»; «Прошелся по Невскому...»; «Пчелку» прочел [Достоевский; т. 1: 95]; «Впереди всё так светло, хорошо!»; «...на целый день счастлив» [Достоевский; т. 1: 96].

Девушкин заключает:

«Хорошо жить на свете, Варенька! Особенно в Петербурге» [Достоевский; т. 1: 96].

Преисполненный новыми надеждами, Девушкин обращается к Богу:

«...каялся <...>, чтобы простил мне Господь все грехи мои в это грустное время: ропот, либеральные мысли, дебош и азарт» [Достоевский; т. 1: 96].

Для Девушкина находится и дополнительная возможность заработка «у одного сочинителя», «по сорок копеек с листа» [Достоевский; т. 1: 99]. Он счастлив и ожидает, что его восприятие счастья разделит и Варенька.

Катастрофа настигает героев в состоянии благополучия: Девушкина — после подарка его превосходительством ста рублей и получения работы от Ратазьева по переписыванию, Горшкова — после оправдания и восстановления чести.

Вместо не-рая с Девушкиным и литературой Варенька выбирает не-рай с Быковым без литературы («...растолстею, как лепешка, <...> буду <...> как сыр в масле кататься» [Достоевский; т. 1: 101]). По словам Вареньки, замужество с Быковым — счастье:

«Конечно, я и теперь не в рай иду, но что же мне делать...?» [Достоевский; т. 1: 101].

В вопросе Вареньки звучит главная проблема: какой не-рай выбрать? И выбирает не-рай с Быковым, способный, прежде всего, «избавить <...> от позора», восстановить честь. Надежды Вареньки на доброту Быкова иллюзорны:

«Говорят, что Быков человек добрый...» [Достоевский; т. 1: 101].

При этом не называется источник этого сообщения. Это утверждение звучит сомнительно на фоне другого, сводящего на нет предыдущее: Быков «вчера побил приказчика дома, за что имел неприятности с полицией...» [Достоевский; т. 1: 103].

Быков хочет превратить Вареньку в помещицу, не похожую на «кухарку», но «серьги с жемчугом и изумрудами», которые он поначалу заказывает для нее, вскоре кажутся ему излишней тратой денег, и он отменяет свое приказание [Достоевский; т. 1: 104]. Эти поступки красноречиво говорят о нем как о человеке

крайностей, импульсивном и несдержанном, уверенном в своем праве карать и миловать. С появлением Быкова уют и порядок в квартире Федоры сменяются «беспорядком»:

«В доме у нас беспорядки ужасные»; «...Быков с нами не живет, так люди все разбегаются...» [Достоевский; т. 1: 103].

При Быкове вместо Федоры на первый выходит план мадам Шифон (явно «говорящая» фамилия, символизирующая торжество «галантерейного», материального отношения героев к жизни). Само повествование убыстряется. Варенька, подгоняемая в бытовых хлопотах Быковым, заставляет и Девушкина бегать по ее поручениям к мадам Шифон. Ей становится не до литературы и «прекрасных воспоминаний». Пространство писем Девушкина и Доброселовой наполняется словами из области шитья: канза (платок), блонды, вышивка крошь (цветные нити), не гладь, а тамбур (выпуклый шов). Варенька передает через Девушкина указания для мадам Шифон: «...листки на пелерине шить возвышенно, усики и шипы кордонне» (обычный шов). И рефреном многократно мелькает слово «фальбала» (оборка), являющаяся символом фантастически изощренного материального мира, вытесняющего мир духовный, теплый, сердечный. Неслучайно в «фальбале» Девушкин видит своего главного «врага»: «...всё фальбалу-то проклятую...» [Достоевский; т. 1: 104].

Фамилия Доброселовой прочитывается как намек на героиню сентиментально-романтической литературы: добрую неотмирную селянку. Ее счастливые воспоминания связаны с деревней, Раем ее детства. Отпадение от личного Рая происходит в городе Петербурге (Петербургская сторона, Васильевский остров), который нетерпим и для Быкова, поскольку здесь живет его «негодный племянник», а Вареньку Быков выбирает еще и орудием мести. В результате жизненных перипетий Варенька должна уехать с Быковым в деревню, словно вернуться в «детство». Однако степная деревня, куда ей предстоит отправиться, лишена идиллического пейзажа. Степь является символом открытого безмерного пространства, мира кочевников, где Быков будет «травить зайцев», а Вареньке предстоит войти

в чужой для нее мир, поэтому судьба ее так же загадочна и неоднозначна, как степь.

Несмотря на оправдание Горшкова и счастливое завершение его судебной истории, он внезапно («словно его громом убило!» [Достоевский; т. 1: 99]) умирает. Герой пережил смерть девятилетнего сына, клевету, бесчестие, лишился работы и средств к существованию, но не выдержал обрушившегося на него счастья. Безответность и кротость семейства Горшкова поражают Девушкина. Когда же «доброе имя» Горшкова восстанавливается, он, по наблюдению Девушкина, начинает вести себя горделиво: убирает руку Ратазьева со своего плеча.

В «Бедных людях» звучит мысль Достоевского о том, что на грешной земле невиновных нет. Эта мысль о трагизме человеческого существования, возможно, была воспринята Достоевским также через Карамзина. В наброске <Мысли об истинной свободе> 1826 г. Н. М. Карамзин писал:

«Либералисты! Чего вы хотите? Счастья людей? Но есть ли счастье там, где есть смерть, болезни, пороки, страсти? Основание гражданских обществ неизменно: можете низ поставить наверху, но будет всегда низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание. Для существа нравственного нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе, с помощью Божиею. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностию к провидению!»⁵.

От социального к сакральному

Первый роман Достоевского открывается эпиграфом из художественного произведения, последний — евангельским стихом. После каторги Евангелие станет для Достоевского мерой всех вещей, а его художественные произведения будут больше соответствовать статусу словесности, чем литературы. Неслучайно тексты Достоевского называют художественной Библией, творческой проповедью Православия. По определению В. Н. Захарова, «художественная антропология Достоевского —

⁵ Карамзин Н. М. <Мысли об истинной свободе> [Электронный ресурс]. URL: <http://karamzin.lit-info.ru/karamzin/publicistika/mysli-ob-istinnoj-svobode.htm> (14.03.2024).

христианская» [Захаров, 2013: 154]. В письмах Макара Девушкина ученый видит «духовное возрождение человека в слове и словом» [Захаров, 2013: 156].

Роман «Бедные люди» начинается с ситуации переезда и новоселья, причем не только реальных, но и в каком-то смысле метафизических. Варенька на время перемещается «в рай», а Девушкин — в трущобы, напоминающие преисподнюю, в комнатку у кухни, где душно, шумно, дымно, нечисто, хозяйка которой — «ведьма». Герои живут в историческом Петербурге XIX в., где от сути христианских отношений в обществе осталась одна оболочка, форма. Свой новый дом Девушкин сравнивает с Ноевым ковчегом. Этот образ ветхозаветного спасения праведников Девушкин воспринимает как знак беспорядка, хаоса, как пространство гибели всего человеческого. «Ноев ковчег» для героя — это место, где «порядку не спрашивают» [Достоевский; т. 1: 16], выступающее как Анти-ковчег. Свой дом Девушкин уподобляет и Содому — месту разврата, в котором вынуждена существовать «семейственность». Если из Sodoma праведный Ной с семейством спасается на святом Ковчеге, то Девушкин оказывается на Ковчеге нечестивом. И выхода из этого ада для героя, казалось бы, не существует. Но обратим внимание на такую деталь. Описывая мебель в своей комнатке, Девушкин упоминает об образе:

«Поставил я у себя кровать, стол, комод, стульев парочку, образ повесил» [Достоевский; т. 1: 16].

Образ Христа сопresentствует в страданиях и страстях Девушкина и всех обитателей изображаемых Достоевским трущоб. Он появляется вначале как невербальный иконический символ, но его значение не становится от этого меньше. В дальнейшем имя Христа не однажды упоминается в письмах героев, как принятая в христианском обществе форма общения:

«Ну, прощайте же, прощайте. Христос с вами, голубчик мой» [Достоевский; т. 1: 54].

Однако при всей формальности словесных формул в переписке Девушкина и Вареньки всегда присутствует Другой. Подлинность их общения подтверждается присутствием в диалоге Ты еси.

Подлинное спасительное Слово Христа противопоставлено «литературе», с которой и выясняет отношения «блаженный» герой. Личность Христа выражается в романе и метафорически, в связи с евангельским образом винограда: «Я есть лоза истинная» (Ин. 15:1). Четвертое письмо Девушкин начинает с реплики о винограде:

«Посылаю вам винограду немного <...>, доктор рекомендует для утоления жажды, так только единственно для жажды» [Достоевский; т. 1: 25].

Девушкин посылает виноград заболевшей Вареньке, но значение этого жеста превышает буквальное. Герои «Бедных людей» — больные, страдающие люди, нуждающиеся в Исцелителе. «Болезни» героев перемежаются со смертями. В романе многочисленны образы гроба, мотивы смерти и воскресения, соединяющие в себе трагическое и обыденное: «хорошенький гробик» девятилетнего сына Горшкова; воображаемый собственный гроб Девушкина, за которым идет старуха-пошлепница, провожая героя в последний путь; гроб матери Вареньки. Обилие слов с «гробовой семантикой» словно приуготовляет героев к Пасхе и пению праздничного тропаря: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав».

Время событий охватывает период от весны до осени, к сентябрю: от Пасхи к Воздвижению Креста Господня, отмечавшегося по старому стилю 14 сентября. Предпоследнее письмо Девушкина датируется 20 сентября — это поспразднество Креста Господня. Крест — один из главных символов христианства, означающий идею жертвенной Любви Спасителя. Филантропически-гуманистическому мировоззрению Достоевский противопоставляет православную идею жертвенной любви.

Храм для Девушкина — место встречи с Варенькой. Герои видятся в церкви, на всенощной и у обедни. Мысли о покаянии у Девушкина возникают, казалось бы, в связи с храмом («Мимо —ской церкви прошел, перекрестился, во всех грехах покался...» [Достоевский; т. 1: 77]), но они формальны, словно выставляются напоказ. Один из самых «презренных» персонажей, пьяница-отец Покровского обладает большей литургической чуткостью. В день рождения и во время отпевания сына он в храме, и его пребывание здесь искреннее.

Присутствует в романе и *мотив духовного воскресения*. Так, Девушкин воскресает через великодушный поступок его превосходительства — одаривание Девушкина ста рублями:

«...сами мне, соломе, пьянице, руку мою недостойную пожать изволили! Этим они меня самому себе возвратили. Этим поступком они мой дух воскресили...»; «потряс [руку], словно равне своей» [Достоевский; т. 1: 93].

Вместе с тем в одном из писем Девушкин сообщает, что и «его превосходительство изволили быть строгими» [Достоевский; т. 1: 105], то есть начальник показывается и великодушным, и гневным, что снимает идеализацию героя. Отец Покровского воскресает, благодаря помощи Вареньки в приобретении томиков Пушкина для подарка сыну.

Варенька более воцерковлена, чем Девушкин. Она заказывает обедни и панихиды по матери, присутствует в церкви на отпевании Петра, сострадает старику Покровскому в его горе. Ее благодарность имеет подлинно духовное измерение:

«Моя молитва будет вечно об вас»; «Вспоминайте о бедной вашей Вареньке...» [Достоевский; т. 1: 106].

Ее молитва, духовная жизнь связаны с памятью, воспоминаниями. Только после исчезновения Вареньки Девушкин в полной мере осознает ее духовное значение в своей жизни, и оно предельно высокое:

«Я вас, как свет Господень, любил...» [Достоевский; т. 1: 107].

Варенька оказывается источником небесного света и вдохновения Девушкина, неожиданно и бессознательно открывшего для себя закон духовной жизни: человек для человека должен быть «Светом Господним». По определению А. Ф. Лосева, «с именем мир и человек просветляется, осознается и получает самосознание» [Лосев]. Свет Господень — одно из имен Бога, благодаря которому для человека возможно божественное преображение. Отражением Света Господня становится не только Варенька для Девушкина, но и он сам для нее, и для отца Покровского его сын. Для Макара Алексеевича и для Горшкова — самых «отверженных» обществом героев — источником любви является Сам Господь. Оттого они и обретают высшие дары Бога человеку — смирение и кротость.

Бедных страдающих героев Достоевского сопровождают световые христианские образы. Умиравшего Петра Покровского провожают в вечную жизнь образы дневных лучей и находящейся у его изголовья лампадки как знаки присутствия Спасителя:

«...лучи бледного дня и <...> дрожащий свет лампадки, затепленной перед образом» (курсив мой. — Г. М.) [Достоевский; т. 1: 45].

Последнее желание героя — посмотреть на свет Божий, поднять оконные занавески. Пасхальностью отмечена и кончина Горшкова, неожиданно умирающего после своего счастливого оправдания, но духовно оживающего для Вечности. Перед смертью он непрерывно благодарит Бога: «Слава Богу! Слава Богу!..» — и плачет от радости. Он «странно» улыбается, «словно мертвый» [Достоевский; т. 1: 98]. Пасхальное измерение как свойство парадоксальной поэтики романов Достоевского, по мысли В. Н. Захарова, является основной характеристикой христианского реализма [Захаров, 2023: 46].

Исследователи «Бедных людей» отмечали обилие *птичьих образов* в романе [Яблоков]. На наш взгляд, они имеют непосредственное отношение к представлениям о божественной космологии Достоевского. Согласно им, люди — это птенчики, выпавшие из Гнезда-Рая. Снятая Девушкиным для Вареньки квартира видится ему «гнездышком»:

«У нас вам тепло, хорошо, — словно в гнездышке приютились» [Достоевский; т. 1: 58].

Герою хотелось бы, чтобы пребывание Вареньки в «гнездышке»-рае было вечным.

Детские представления Вареньки тоже сродни «райским»: в письме от 3 сентября она вспоминает свое «золотое детство», где кричат «веселые птицы» [Достоевский; т. 1: 84].

Девушкин задумывается над вопросом, сформулированным в отрыве от христианского мировосприятия:

«Отчего вы, Варенька, такая несчастная?»; «Отчего это так всё случается, что вот хороший-то человек в запустенье находится, а к другому кому счастье само напрашивается?»; «...зачем одному еще во чреве матери прокаркнула счастье *ворона-судьба*, а другой из воспитательного дома на свет Божий выходит? И ведь бывает

же так, что счастье-то часто Иванушке-дурачку достается» (курсив мой. — Г. М.) [Достоевский; т. 1: 86].

Девушкин подвергает ревизии аксиологию фольклорных представлений. «Счастье» ассоциируется у него с отрицательным в устном народном творчестве образом «вороны», а «юродство» Иванушки видится недостойным «доброты, красоты и учености» Вареньки [Достоевский; т. 1: 86].

Девушкин воспринимает Вареньку как неоперившегося «птенчика»:

«...птенчик мой...» [Достоевский; т. 1: 74].

Вместе с тем герой боится, что она из птенчика превратится в сильную самостоятельную птицу, страшая ее птицами-хищниками:

«...помоги я вам <...>, так вы тогда у меня улетите, как пташка из гнездышка, которую совы-то эти, хищные птицы заклевать собрались» [Достоевский; т. 1: 73].

Уход Вареньки не вписывается в придуманный им сюжет о беспомощной птичке, которая может опереться лишь на него.

Симпатию Девушкина вызывают беспомощные люди-птенчики:

«...мальчик, словно птенчик, из разбитого гнездышка выпавший» [Достоевский; т. 1: 87].

Тереза представляется ему «общипанным, чахлым цыпленком» [Достоевский; т. 1: 23]. Описывая атмосферу дома, Девушкин замечает, что *чижики* в нем «так и мрут. Мичман уж пятого покупает, — не живут в нашем воздухе, да и только» [Достоевский; т. 1: 22]. Себя Девушкин тоже сравнивает в зависимости от обстоятельств с разными птицами. При удачных обстоятельствах — с «ясным соколом»:

«Встал я сегодня таким ясным соколом <...>, птички чирикают <...>, всё в порядке, по-весеннему» [Достоевский; т. 1: 14];
«И в должность-то я пошел сегодня таким гоголем-щеголом...» [Достоевский; т. 1: 19].

Свое постоянное житье-бытье Девушкин уподобляет жизни глухаря:

«...я жил таким глухарем...» [Достоевский; т. 1: 16].

После пьяного дебоша сопоставляет себя то с медвежонком, то с воробьем: в присутствии сидел «таким медвежонком, таким воробьем ощипанным» [Достоевский; т. 1: 69]. Однако в глубине души Девушкин мечтает и сам быть «хищной птицей»:

«...зачем я не птица, не хищная птица!» [Достоевский; т. 1: 14].

«Птичьи фантазии» Девушкина разрушают его сослуживцы, приземляя его сравнением с «крысой»:

«Эта, дескать, крыса чиновник переписывает!» [Достоевский; т. 1: 47].

Переписка позволяет герою подняться над землей, восстановить в себе образ Божий, предстает как одно из условий физического и духовного выживания. К концу переписки область эмпирического общения между героями неудержимо сокращается. Единственной ценностью, над которой никто не властен, оказываются воспоминания и духовное общение — то, что нельзя запретить или устранить. Последнее, едва начатое Варенькой письмо, свидетельствует о незавершенности жизни как письма. Героиня призывает Девушкина «мысленно» «услышать» или «прочесть» все, что Варенька могла бы написать Девушкину. Выполнив свою миссию по формированию слога у Девушкина, героиня перешагивает «рамки» эпистолярного повествования и уходит из него, оставляя его наедине с Литературой.

Герой-повествователь в финале тоже меняет свой статус: он уже не просто титулярный советник, а сочинитель, длящий переписку ради сохранения хотя бы одной возможности одухотворенного общения:

«Ведь вот я теперь и не знаю, что это я пишу, никак не знаю, ничего не знаю, и не перечитываю, и слогу не выправляю, а пишу только бы писать, только бы вам написать побольше...» [Достоевский; т. 1: 108].

Литературная маска «неуча», самозванца на поприще сочинительства выполнила свое предназначение и уже неуместна. Она помогла начинающему Достоевскому обрести свой путь в литературе, устремленный к восстановлению диалога человека с Богом.

Список литературы

1. Баршт К. А. Достоевский: этимология повествования. СПб.: Нестор-История, 2019. 456 с.
2. Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди» [Электронный ресурс]. URL: <https://pushkinskiydom.ru/wp-content/uploads/2018/02/Vetlovskaya-V.-E.-Bednye-lyudi.pdf> (14.03.2024).
3. Гоголь Н. В. «Мертвые души» // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. М.: Изд-во Московской патриархии; Киев: [б. и.], 2009. Т. 5. 674 с.
4. Гонсалес А. А. «Живой мертвец» и «Двойник», или Еще раз о фантастике Достоевского (из наблюдений переводчика) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. Вып. 4. С. 170–183 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482757961.pdf (31.03.2024). EDN: XEGNRB
5. Григорьев А. А. Гоголь и его последняя книга // Возвращенная критика XIX века: антология. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 2009. С. 120–141.
6. Достоевский А. М. Воспоминания [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_a_m/text_1896_vospominania.shtml?ysclid=l-tufmkd7lo221199443 (01.03.2024).
7. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
8. Есаулов И. А. О Сокровенном смысле «Станционного смотрителя» А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 25–30 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457947949.pdf (28.03.2024). EDN: PIXFGR
9. Замотин И. И. Достоевский в русской критике. Варшава: Тип. Окр. штаба, 1913. Ч. 1: 1846–1881. 333 с.
10. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: типология и поэтика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 209 с.
11. Захаров В. Н. Художественная антропология Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. Вып. 11. С. 150–164 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431455945.pdf (31.03.2024).
12. Захаров В. Н. Пасхальное измерение медицинской темы Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 3. С. 46–61 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1694502327.pdf (28.03.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2023.12764. EDN: NMSZOT
13. Лосев А. Ф. Вещь и имя [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/losev_af/veshch_i_imya.html (28.03.2024).
14. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 338 с.
15. Мочульский К. Достоевский. Жизнь и творчество [Электронный ресурс]. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/bio/mochulskij-dostoevskij-zhizn-i-tvorchestvo/index.htm> (28.03.2024).
16. Печерская Т. И. Загадочная Федора (об одной из авторских проекций в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди») [Электронный ресурс]. URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=26&id=1> (21.03.2024).

17. Яблоков Е. А. Сын девушки, ставший словом (Мифопоэтические мотивы романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди») [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ejablokov.ru/article1.html> (21.03.2024).

References

1. Barsht K. A. *Dostoevskiy: etimologiya povestvovaniya* [Dostoevsky: The Etymology of the Narrative]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019. 456 p. (In Russ.)
2. Vetlovskaya V. E. *Roman F. M. Dostoevskogo "Bednye lyudi"* [F. M. Dostoevsky's Novel "Poor People"]. Available at: <https://pushkinskiydom.ru/wp-content/uploads/2018/02/Vetlovskaya-V.-E.-Bednye-lyudi.pdf> (accessed on March 14, 2024). (In Russ.)
3. Gogol' N. V. "Dead Souls". In: *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh* [Gogol N. V. The Complete Works and Letters: in 17 Vols]. Moscow, The Moscow Patriarchate Publ., Kiev, 2009, vol. 5. 674 p. (In Russ.)
4. Gonsales A. A. "The Living Corpse" and "The Double", or Once Again About the Fantastika of Dostoevsky (Based on the Observations of the Translator). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2016, issue 4, pp. 170–183. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482757961.pdf (accessed on March 31, 2024). EDN: XEGNRB (In Russ.)
5. Grigor'ev A. A. Gogol and His Last Book. In: *Vozvrashchyonnaya kritika XIX veka: antologiya* [Returned Criticism of the 19th Century: Anthology]. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 2009, pp. 120–141. (In Russ.)
6. Dostoevskiy A. M. *Vospominaniya* [Memoirs]. Available at: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_a_m/text_1896_vospominania.shtml?ysclid=ltufmkd7lo221199443 (accessed on March 1, 2024). (In Russ.)
7. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
8. Esaulov I. A. On the Sacred Meaning of "Station Master" by Alexander Pushkin. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, issue 10, pp. 25–30. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457947949.pdf (accessed on March 28, 2024). EDN: PIXFGR (In Russ.)
9. Zamotin I. I. *Dostoevskiy v russkoy kritike* [Dostoevsky in Russian Criticism]. Warsaw, tipografiya Okruzhnogo shtaba Publ., 1913, part 1: 1846–1881. 333 p. (In Russ.)
10. Zakharov V. N. *Sistema zhanrov Dostoevskogo: tipologiya i poetika* [Dostoevsky's Genre System: Typology and Poetics]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1985. 209 p. (In Russ.)
11. Zakharov V. N. Dostoevsky's Poetic Anthropology. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013, issue 11, pp. 150–164. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431455945.pdf (accessed on March 31, 2024). (In Russ.)

12. Zakharov V. N. The Easter Dimension of Dostoevsky's Medical Theme. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 46–61. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1694502327.pdf (accessed on March 28, 2024). DOI: 10.15393/j9.art.2023.12764. EDN: NMSZOT (In Russ.)
13. Losev A. F. *Veshch' i imya [The Thing and the Name]*. Available at: https://royal-lib.com/book/losev_af/veshch_i_imya.html (accessed on March 28, 2024). (In Russ.)
14. Lotman Yu. M. *Sotvorenie Karamzina [The Creation of Karamzin]*. Moscow, Kniga Publ., 1987. 338 p. (In Russ.)
15. Mochul'skiy K. *Dostoevskiy. Zhizn' i tvorchestvo [Dostoevsky. Life and Works]*. Available at: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/bio/mochulskij-dostoevskij-zhizn-i-tvorchestvo/index.htm> (accessed on March 28, 2024). (In Russ.)
16. Pecherskaya T. I. *Zagadochnaya Fedora (ob odnoy iz avtorskikh proektsiy v romane F. M. Dostoevskogo "Bednye lyudi") [The Mysterious Fedora (About One of the Author's Projections in the Novel by F. M. Dostoevsky "Poor People")]*. Available at: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=26&id=1> (accessed on March 21, 2024). (In Russ.)
17. Yablokov E. A. *Syn devushki, stavshiy slovom (Mifopoeticheskie motivy romana F. M. Dostoevskogo "Bednye lyudi") [The Girl's Son Who Became a Word (Mythopoetic Motifs of the Novel by F. M. Dostoevsky "Poor People")]*. Available at: <http://www.ejablokov.ru/article1.html> (accessed on March 21, 2024). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мосалева Галина Владимировна, **Galina V. Mosaleva**, PhD (Philology), Professor of the Department of History of Russian Literature and Literary Theory, Udmurt State University (ул. Университетская, д. 1, корп. 2, г. Ижевск, Российская Федерация, 426034); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5342-7305>; e-mail: mosalevagv@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 20.10.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 13.01.2025

Принята к публикации / Accepted 20.01.2025

Дата публикации / Date of publication 14.02.2025

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14782

EDN: XFZDAQ

Крымские мотивы в творчестве Ф. М. Достоевского

С. В. Капустина

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
(г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация)*

e-mail: Kapustina_S_V@mail.ru

Аннотация. Ф. М. Достоевский никогда не был в Крыму, но мотивы, связанные с полуостровом, были эксплицированы в его художественном и публицистическом наследии как итог вторичной рефлексии. Ориентируясь на идиллические образы Тавриды, запечатленные в поэзии А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова, журнальной литературе путешествий и полотнах русских художников-маринистов, Достоевский обогатил поэтику поздних произведений мотивом, сопологающим Южнобережье Крыма с раем на земле. В статье выдвинуто предположение, что фантазия героя «Кроткой» (1876) о благодном ожидании зова вечности на крымском юге созвучна мечте самого Достоевского. Уточняется, что внешнее сходство русского Причерноморья и европейского Средиземноморья могло позволить им стать обобщенным прототипом «счастливой земли» из «Сна смешного человека» (1877). При этом подчеркивается, что историческая роль Крыма, согласно убеждениям Достоевского, уникальна: ведь полуостров, ставший в 988 г. крещальной купелью Руси, в 1853–1856 гг. принял жребий «величайшего жертвенника» России. События Крымской кампании и обороны Севастополя глубоко переживались Достоевским. В редактируемом им еженедельнике «Гражданин» нередко появлялись заметки, посвященные севастопольским баталиям. Подвижничество русских сестер милосердия отозвалось в образах жертвенных и сочувствующих героинь романов «Бесы» (1871–1872) и «Подросток» (1875). Обращение Достоевского к крымским мотивам было сопряжено преимущественно с раскрытием смысловых граней доминантной для его творчества русской идеи.

Ключевые слова: Крым, мотив, Достоевский, Крымская война, Севастополь, рай на земле, Южнобережье, герой, характерология

Для цитирования: Капустина С. В. Крымские мотивы в творчестве Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 1. С. 139–164. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14782. EDN: XFZDAQ

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14782

EDN: XFZDAQ

Crimean Motifs in the Works of F. M. Dostoevsky

Svetlana V. Kapustina

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University
(Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation)*

e-mail: Kapustina_S_V@mail.ru

Abstract. The article states that F. M. Dostoevsky had never been to Crimea, yet the motifs associated with the peninsula were explicated in his artistic and journalistic heritage as a result of secondary reflection. Focusing on the idyllic images of Taurida captured in the poetry of A. S. Pushkin and N. A. Nekrasov, travel magazines and canvases by Russian marine artists F. M. Dostoevsky enriched the poetics of his later works with a comparison of the Southern Coast of Crimea with paradise on earth. The article suggests that the fantasy of the hero of “A Gentle Creature” (1876) about the blissful expectation of the call of eternity in the Crimean south is consonant with Dostoevsky’s own dream. It is specified that the external similarity of the Russian Black Sea region and the European Mediterranean could become a generalized prototype of the “happy land” from the “Dream of a Funny Man” (1877). At the same time, it is emphasized that, according to F. M. Dostoevsky, the historical role of Crimea is unique, because the peninsula, which became the baptismal font of Russia in 988, accepted the lot of Russia’s “great altar” in 1853–1856. The events of the Crimean campaign and the defense of Sevastopol were deeply felt by F. M. Dostoevsky. The weekly “Grazhdanin” (“The Citizen”), which he edited, often published notes on the battles of Sevastopol. It is proved that the asceticism of the Russian sisters of mercy was reflected in the images of self-sacrificing and empathetic heroines of the novels “Demons” (1871–1872) and “The Adolescent” (1875). Ultimately, the introduction of Crimean motifs into F. M. Dostoevsky’s texts contributed to the revelation of the semantic facets of the Russian idea, which is dominant in his work.

Keywords: Crimea, motif, Dostoevsky, Crimean war, Sevastopol, paradise on earth, Southern coast of Crimea, hero, characterology

For citation: Kapustina S. V. Crimean Motifs in the Works of F. M. Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 139–164. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14782. EDN: XFZDAQ (In Russ.)

Крымскими мотивами традиционно обогащалась сюжетная канва тех произведений, авторы которых хотя бы единожды осуществили таврический вояж. Известные писатели и поэты разных эпох (по меткому выражению А. П. Машенко, «от Пушкина до Прилепина» [Машенко]), используя палитру собственных впечатлений от пребывания в Крыму¹, художественно дополняли устойчивые представления о нем как о рае на земле и/или южном форпосте России. Мастерски задействовать крымские мотивы в характерологии литературных героев, а также эксплицировать новые смысловые преломления этих единиц в публицистике удалось и Ф. М. Достоевскому. Однако импульсом к выведению указанных сюжетных формул для него послужила не поездка на полуостров, которая так и осталась несбывшейся мечтой писателя, а феноменальная чуткость к «чужому слову» о Крыме.

Бесспорно, называть «чужим» для Достоевского пушкинское слово можно лишь в контексте обозначения вторичной рефлексии, поскольку — глобально — оно было для создателя «Бедных людей» и «Братьев Карамазовых» родным, национальным, пророческим. Именно Пушкин, воочию увидевший «земли полуденной волшебные края»² с борта корвета «Або», стал «литературным первооткрывателем» Тавриды не только для Достоевского³, но и для большинства ценителей русской

¹ Подробнее см.: [Кунцевская], [Люсый, 2000, 2003], [Минчик], [Шербатова], [Головачева] и мн. др.

² Строка из стихотворения Пушкина «Погасло дневное светило» (1820) (см.: [Пушкин; т. 2: 7]).

³ Похожая ситуация была и у Н. А. Некрасова, который, по романтическому изображению Тавриды в поэтических произведениях А. С. Пушкина, мемуарах М. Н. Волконской и публицистических материалах (в частности, в статье П. И. Бартенева «Пушкин в Южной России» («Русский архив», 1866) [Некрасов: 186]), воплотил крымские мотивы во второй части поэмы «Русские женщины» (1873) еще до поездки на полуостров (1876). Важно, что весьма достоверное описание Н. А. Некрасовым пушкинского Гурзуфа («Юрзуф живописен: в роскошных садах / Долины его потонули, / У ног его море, вдали Аюдаг... / Татарские хижины льнули / К подножию скал; виноград выбегал / На кручу лозой отягченной, / И тополь местами недвижно стоял / Зеленой и стройной колонной» [Некрасов: 167]) также могло оказать влияние на представление Достоевского о Крыме как о русском эдеме. Наряду с обвинениями автора «Русских женщин» в «мундирности мысли, слога, натуральности», создатель «Дневника Писателя» в главе «По поводу выставки» (1873) констатирует, что в этой поэме «есть несколько хорошего» [Достоевский; т. 21: 73].

поэзии. Л. А. Орехова подтверждает этот тезис на примере поэмы «Бахчисарайский фонтан», которая «в начале XIX века обеспечила своеобразное романтическое представление о Крыме» [Орехова, 2015: 258]. Ее точка зрения созвучна выводам Д. К. Первых о том, что «с выходом книги И. М. Муравьева-Апостола "Путешествие по Тавриде в 1820 году" и поэмы А. С. Пушкина "Бахчисарайский фонтан" крымская тема стремительно актуализируется для читателей столичных журналов» [Первых: 168]. Исследовательница утверждает, что перечисленные произведения не только привлекли внимание к «новому для российской публики экзотическому локусу» [Первых: 171], но и задали «крымский вектор» в журнальной литературе путешествий. Указанное направление, популяризированное «Северным архивом», «Вестником Европы», «Сыном Отечества», «Отечественными Записками», было поддержано и журналом «Гражданин». Примечательно, что активное развитие крымской тематики в этом еженедельнике⁴

Рискнем предположить, что позитивная характеристика Достоевского относится в том числе и к сюжетной линии «Русских женщин», связанной с южным путешествием Пушкина и Раевских.

⁴ На социально-политическую подоплеку развития крымской повестки в русской периодике последней трети XIX в. указывает в «Московских заметках», опубликованных во втором номере «Гражданина» от 8 января 1873 г., И. Ю. Некрасов, который был автором названного обозрения (см.: [Викторович: 250], [Отливанчик: 40–41]). Более 150 лет назад он писал о важности того, что сегодня назвали бы туристическим импортозамещением: «какъ важно сдѣлать "Крымъ, и именно Ялту, доступными для русскихъ людей, часто безъ толку сорящихъ деньги на за-границу"» (Москвичъ. Московскія замѣтки // Гражданинъ. 1873. № 2. 8 Января. С. 40). Залог решения этой проблемы — вовлеченность всех сознательных граждан в популяризацию и благоустройство Крыма, поэтому автор публикации, скрывающийся под псевдонимом Москвичъ, приводит столичный пример поддержки полуострова: «Въ Москвѣ основывается общество подъ названіемъ товарищества для улучшения удобствъ жизни въ Ялтѣ; оно имѣетъ цѣлью "удовлетворять потребностямъ прїѣзжающихъ для пользованія морскими купаньями, чтобы, по русской поговоркѣ, пользованіе это было дешево и сердито". Капиталь общества 500,000 р.; полное устройство помянутыхъ удобствъ предположено совершить въ 3 года; но и раньше этого срока русскіе люди могутъ пользоваться тѣми удобствами, которыя постепенно будутъ появляться. Судя по лицамъ учредителямъ товарищества, каковы гг. Губонинъ, Струве, кн. Воронцовъ, докторъ Боткинъ, адмиралъ Чихачевъ и т. д., можно заключить о солидности предпріятія» (Там же. С. 39–40). Далее ссылки на это издание

началось с первых выпусков, изданных под редакцией Достоевского. Так, во втором номере «Гражданина» от 8 января 1873 г. был размещен отзыв о книге Евгения Маркова «Очерки Крыма. Картины крымской жизни, природы и истории», которая, по слову безымянного рецензента, являлась «дословной перепечаткой статей, печатавшихся въ "Отечественныхъ Запискахъ" въ послѣдніе годы и въ "Вѣстникъ Европы" за настоящій годъ (подъ заглавіемъ "Пещерные города Крыма")» (Гр. 1873. № 2. 8 Января. С. 54).

Принадлежала ли эта заметка перу Достоевского? Степень вероятности положительного ответа на поставленный вопрос достаточно высока⁵. Однако даже при возможном отрицании необходимо учитывать то, что редактор-издатель Достоевский вряд ли допустил бы к печати библиографический обзор, предварительно не ознакомившись с содержанием рассматриваемой в нем книги. Косвенным аргументом в пользу прочтения Достоевским «Очерков Крыма...» Е. Л. Маркова, думается, можно считать, во-первых, их «географическое созвучие» с судьбами значимых для писателя людей. Полагаем, Достоевский не лишил бы себя возможности подробнее узнать о «Татарскомъ Невскомъ проспектѣ»⁶ и воспетых А. С. Пушкиным восточных реалиях Бахчисарая, о живописном Кастеле-Приморском, где Н. П. Сулова-Голубева хранила его исполненное признаний послание (см.: [Орехова, 2004]), о «живомъ родникѣ неподдѣльной красоты, неподдѣльной поэзіи»⁷ — Южнобережье, пейзажами которого в начале 1860 г. любовался его брат

приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Гр* и указанием года, номера, даты и страницы в круглых скобках. Тексты статей из еженедельника см. также: «Гражданин» Ф. М. Достоевского (1873–1874) // PHILOLOG.RU [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.petrus.ru/fmdost/grajdanin.html> (20.12.2024).

⁵ В Росписи содержания «Гражданина», подготовленной В. А. Викторovichем, данная рецензия не атрибутирована [Викторovich: 234].

⁶ [Марков Е. Л.] Очерки Крыма. Картины крымской жизни, природы и исторіи Евгенія Маркова. СПб.: Тип. К. Н. Плотникова, 1872. С. 41.

⁷ [Марков Е. Л.] Очерки Крыма. С. 338.

Андрей Михайлович Достоевский (см.: [Достоевский А. М.: 239])...⁸ Во-вторых, согласно авторскому замыслу, «Очерки...» были нацелены помочь «человѣку, не знающему Крыма», нарисовать «сколько нибудь выразительно тѣ особенности этой природы и жизни, которыхъ мы, русскіе, не найдемъ нигдѣ больше въ своемъ отечествѣ»,⁹ — и эта помощь могла стать важным «художническим дополнением» к мечте Достоевского о благостном ожидании зова вечности на черноморском побережье. Сокровенное стремление к обретению земного рая автор «Кроткой» (1876) воплотил в главном герое указанной повести, жаждавшем «окончить жизнь где-нибудь в Крыму, на Южном берегу, в горах и виноградниках, в своем имении <...> с идеалом в душе, с любимой у сердца женщиной, с семьей, если Бог пошлет, и — помогая окрестным поселянам» [Достоевский; т. 24: 16]. Стоит заметить, что «чудная и богатая природа южного берега Крыма» особенно выделяется и рецензентом «Очерков...». С указания на растущую популярность «путешествій по южному берегу Крыма» (Гр. 1873. № 2. 8 Января. С. 54) он начинает свой отзыв. Перечисляя основные содержательные блоки «Очерков...», он ставит на первую позицию повествование о Южнобережье:

«Въ этой книгѣ найдется и прекрасная картина природы южнаго берега Крыма, и интереснѣйшіе историческіе рассказы, и, наконецъ, очень любопытныя этнографическія и бытовья описанія этого совсѣмъ неизвѣстнаго нашей публикѣ, отдаленнаго отъ насъ края» (Гр. 1873. № 2. 8 Января. С. 54).

Любопытным представляется и то, что недостатки, отмеченные в журнальном отзыве на книгу Е. Л. Маркова, будто бы

⁸ В «Очерках Крыма...» были обозначены и те локусы, связь с которыми проявилась в судьбах ближайших родственников Ф. М. Достоевского после его смерти. Например, рисуя картину Фиолента, Е. Л. Марков пишет: «...обрывъ этотъ былъ когда-то заселенъ въ своей верхней части. Тутъ стоялъ каменный домикъ, гдѣ жилъ адмиралъ Лазаревъ...» (Марков Е. Л. Очерки Крыма. С. 117). Сын адмирала, Петр Михайлович Лазарев, станет приятелем сына писателя, Федора Федоровича Достоевского, во время пребывания последнего в Симферополе. Картины Южного берега Крыма, словесно выведенные Е. Л. Марковым, воочию увидит и вдова Ф. М. Достоевского на исходе своего земного пути.

⁹ [Марков Е. Л.] Очерки Крыма. С. [II].

нашли отражение в романе «Подросток» (1875). Анонимный создатель библиографического обзора (предположительно — Ф. М. Достоевский) сокрушался:

«Жаль только, что авторъ, печатая "Очерки" отдѣльнымъ изданіемъ, не выбросилъ, или по крайней мѣрѣ не сократилъ помѣщеннаго въ началѣ книги довольно длиннаго и скучноватаго описанія ѣзды на почтовыхъ по среднимъ и южнымъ нашимъ дорогамъ, съ пресловутыми перекладными и ямщиками...» (Гр. 1873. № 2. 8 Января. С. 54).

Замечание весьма объективно: Е. Л. Марков действительно очень детально описывает дорогу в Крым, двигаясь по которой на почтовых, «приходится столько же плавать и страдать, сколько путешествовать»¹⁰. Полагаем, что композиция «Очерков...» адаптирует к крымскому локусу мотив преодоления: райские картины благодатной земли открываются только после путевых испытаний. Аналогичный мотив будто бы представлен и в четверостишии из домашнего альбома, купленного Аркадием Долгоруким на аукционе:

«...Я в путь далекий отправляюсь,
С Москвой надолго расстаюсь,
Надолго с милыми прощаюсь
И в Крым на почтовых несусь» [Достоевский; т. 13: 38].

Герой романа «Подросток» воспринимает эти пронизанные наивным путевым романтизмом строки снисходительно — как «стишки», записанные в «самой дрянной вещи в мире — альбомчике», похожем на те, которые «заводились в старину у только что вышедших из института девиц» [Достоевский; т. 13: 38]. Однако именно они «уцелели-таки в <...> памяти» Аркадия [Достоевский; т. 13: 38] и, возможно, стали своеобразным символическим эпиграфом к «далекому пути» его *самовыделки*. «Проба» на аукционе воспринималась Подростком как «первое бревно того корабля, на котором Колумб поехал открывать Америку» [Достоевский; т. 13: 36], и, следовательно, была исходной точкой предстоящих испытаний. Москву в его жизни сменил Петербург, поэтому со столицей, основанной однофамильцем, юноша действительно расстался надолго.

¹⁰ [Марков Е. Л.] Очерки Крыма. С. 1.

Обратимость и временность его желания «порвать со всеми» [Достоевский; т. 13: 36], а также возвращение к «малой церкви» после добровольной попытки отречения предугадываются в третьей строке четверостишия (*надолго*, но не навсегда!). На положительный же исход всего непростого и «далекого пути» Подростка будто бы указывает финальная поэтическая строка. Езда на почтовых в Крым, соотносимая с мотивом преодоления испытаний перед обретением рая на земле, словно предвещает преобразование Аркадия, его прозрение к благообразию после кружения в вихре беспорядка¹¹.

Можно предположить, что авторская ассоциация Крыма с русским эдемом передается в романе «Подросток» и через воспоминание Аркадия о художественном оформлении купленного альбома. В одно предложение с текстом «стишков» герой, будто бы между прочим, включает такую характеристику:

«Гушью и красками нарисованы были храмы на горе, амурь, пруд с плавающими лебедями...» [Достоевский; т. 13: 38].

Для него подобные иллюстрации — маркер наивности и романтизма, присущих составителю альбома, но для Достоевского рисунки в рукописи — одна из граней целостной смыслопередачи, символическое пояснение к тексту. Именно поэтому далеко не случайным представляется отмеченное в романе альбомное «соседство» поэтических строк о езде на почтовых в Крым и любительского рисунка, на котором характерный для полуострова горный пейзаж сочетается с изображением храмов — врат рая на земле.

Следует заметить, что такая символическая картина могла возникнуть в воображении православного романиста в том числе под влиянием «Очерков...» Е. Л. Маркова. Именно в этой книге даны подробные словесные зарисовки¹² древних

¹¹ О важном концептуальном значении феномена «беспорядок» в романе «Подросток» см.: [Капустина, 2021, 2022].

¹² В рецензируемом издании «Очерков...» не предусматривалось иллюстраций, что открывало перед читателями, не видевшими Крыма воочию, свободу домысливания предложенных зарисовок. Впервые с изображениями достопримечательностей полуострова (257 картин и рисунков) эта книга вышла лишь, по слову Е. Л. Маркова, «справивъ

христианских святынь полуострова, к расположению которых применима упрощенная Подростком интерпретационная схема «храмы на горе»¹³. Хотя, безусловно, представление Достоевского о благодатном полуострове могло формироваться не только по «чужому слову» о нем, но и по крымским сюжетам, воплощенным на полотнах известных маринистов.

В статье «По поводу выставки» «Дневника Писателя» 1873 г. Достоевский, впечатленный картинами русских художников, впоследствии представленными на Венской всемирной выставке, утверждал:

«Я, конечно, не говорю, что в Европе не поймут наших, например, пейзажистов: виды Крыма, Кавказа, даже наших степей будут, конечно, и там любопытны. Но зато наш русский, по преимуществу национальный, пейзаж, то есть северной и средней полосы нашей Европейской России, я думаю, тоже не произведет в Вене большого эффекта» [Достоевский; т. 21: 70].

Цитируемое предположение нашло противоречивый отклик в трудах современных исследователей. Например, М. В. Михновец, анализируя «кавказский текст» в творчестве Достоевского, приходит к выводу, что для писателя «Крым, Кавказ, степи — безусловно "наши", т. е. административно закреплены за территориями Российского государства. Но, исходя из контекста всего высказывания, видно, что в картине мира писателя эти регионы не являются русскими, "нашими"» [Михновец; 230]. Полагаем, такое инерционно-категоричное «отсечение» Тавриды от России на ментальной карте Достоевского абсолютно безосновательно. «Увиденное» исследовательницей писательское восприятие Крыма — крещальной купели Руси и русского поля брани с европейскими серебряную свадьбу своего рода съ читающею публикою», т. е. в 1897 г. ([Марков Е. Л.] Очерки Крыма. Картины крымской жизни, истории и природы Евгения Маркова. 4-е изд. Съ 257 картинами и рисунками. СПб.; М.: Тов-во М. О. Вольф, 1911. С. XI).

¹³ Например, с ней согласуется описание Е. Л. Марковым Успенского скита в воспелом Пушкиным Бахчисарае: «Скалы таяли въ золотомъ свѣтѣ, даль голубѣла и алѣла; <...> зеленый садъ приблизившагося монастыря охватилъ насъ запахомъ каштановыхъ почекъ и цвѣтущаго персика...» ([Марков Е. Л.] Очерки Крыма. С. 56).

«отступниками Креста» — как «не русского, не "нашего"», только лишь формально закрепленного за Россией, отсутствует как в цитируемых строках «Дневника...», так и в наследии Достоевского в целом. В приведенном же фрагменте из статьи «По поводу выставки» констатируется, что виды русского Крыма, которые, действительно, отличаются от стереотипных картин средней полосы России, могут заинтересовать европейцев, скорее всего потому, что в них есть сходство с морскими пейзажами, например, Греции или Италии.

Справедливость этой трактовки доказывается обращением к тем «видам Крыма», которыми в 1873 г. в Петербурге любовался Достоевский, а после в Вене — европейский зритель. Так, согласно Указателю Русского отдела Венской всемирной выставки 1873 г., в экспозиции «Современные произведения искусства» были представлены работы двух известных крымских маринистов — И. К. Айвазовского и его ученика Л. Ф. Лагорио¹⁴. Из четырех полотен поименованных живописцев только на двух запечатлены виды Крыма: «Тихое море» И. К. Айвазовского и «Морской вид» Л. Ф. Лагорио. Две же другие картины старшего художника при поверхностном взгляде также можно ошибочно принять за воплощение крымских сюжетов, но на первой изображен разгул стихии близ неаполитанского побережья («Буря у Везувия»), а на второй — ночная нега Средиземноморья («Ночь у острова Капри»). Возможно, сходство морских пейзажей Крыма и Италии, подчеркнутое единством манеры письма И. К. Айвазовского, и побудило Достоевского к заключению о том, что виды русского Крыма, в отличие от пейзажей северной и средней полосы России, будут интересны и европейцу. Скорее всего, визуальная близость русского и европейского побережий помогла оформиться и собирательному образу рая, весьма любопытно представленному Достоевским в «Сне смешного человека»:

¹⁴ Указатель Русского отдела Венской всемирной выставки 1873 г. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1873. С. 158, 160.

«Я стоял, кажется, на одном из тех островов, которые составляют на нашей земле Греческий архипелаг, или где-нибудь на прибрежье материка, прилегающего к этому архипелагу. <...> Ласковое изумрудное море тихо плескало о берега и лобызало их с любовью...» [Достоевский; т. 25: 112].

На первый взгляд, в этом описании присутствует конкретика: обозначен Греческий архипелаг, воплощенный на значимой для Достоевского картине «Асис и Галатей» («Золотой век») Клода Лоррена¹⁵. В альтернативной же части характеристики представлена максимально пространный локация, ведь «прибрежьем материка, прилегающего к этому архипелагу», можно назвать не только Грецию, но и, например, взморье Балканского или Крымского полуостровов, понтийские берега расколотой Византии. Следовательно, создавая пейзаж «счастливой земли», Достоевский интермедially ориентировался, прежде всего, на «Греческий архипелаг» Лоррена, хотя вполне допускал и иные «земные прототипы» рая, воплощенные, в том числе, на полотнах крымских маринистов. Причерноморская «натура», с которой последние писали свои пейзажи, как отмечалось ранее, отзывалась в мечте Достоевского (и его героя) о завершении земного пути на Южном берегу Крыма. Однако в сюжетах корифея крымской маринистики И. К. Айвазовского писатель находил технические и концептуальные несовершенства.

Вдохновленный мастерством светопередачи Лоррена, феодосийский певец моря, по мнению писателя, будто бы доводил ласкающую лучезарность «Золотого века» до слепящей солнечными потоками «золоченой картины» [Достоевский; т. 19: 163]. В статье «Выставка в Академии художеств за 1860–1861 год», опубликованной в журнале «Время», Достоевский¹⁶ рассуждал о «занимательности <...> композиций» И. К. Айвазовского, заключающейся в «сказочном характере»

¹⁵ Утверждение основано на соположении сна Смешного человека, в котором представлен только Греческий архипелаг без интермедially привязки, со снами о рае Ставрогина и Версилова, в которых прямо указана параллель Греческого архипелага с конкретным полотном Клода Лоррена.

¹⁶ По атрибуции О. фон Шульца и Л. П. Гроссмана, именно Ф. М. Достоевский был автором (маловероятнее — соавтором) статьи (см.: [Акелькина: 72], [Редакционный архив: 405]).

его полотен, в том, что художник употребляет «краски, во-первых, обыкновенные, а потом, вдобавок к ним, <пускает> там и сям эффекты — тоже с естественным источником, но преувеличенные до последней степени, до той точки, где начинается уже карикатура» [Достоевский; т. 19: 161–162]. В качестве примеров пейзажных гипербола И. К. Айвазовского Достоевский приводил три картины: «Буря под Евпаторией», «Овцы, загоняемые вьюгой в море» и «Партенит на южном берегу Крыма». И если преувеличение в изображении крымской природы на первом полотне писатель оправдывал неистовством стихии («В его буре есть упоение, есть та вечная красота, которая поражает зрителя в живой, настоящей буре» [Достоевский; т. 19: 163]), то в чрезмерной соляности двух других произведений И. К. Айвазовского Достоевский видел весомый недостаток:

«Идет большое стадо белых курчавых овец; на них светит солнце так ярко, что смотреть больно, как на всякий белый предмет, в упор освещенный солнцем»; «Бывает мгновение, когда вечернее солнце золотит предметы, на которые светит. Г-н Айвазовский берет это мгновение и пишет золоченую картину, как "Партенит на южном берегу Крыма": в ней корабль, стоящий на якоре под берегом, освещен солнцем так, что правый борт его весь из розового золота» [Достоевский; т. 19: 162, 163].

Критикой изобразительной манеры профессора-мариниста Достоевский будто подчеркивал несоответствие между искаженным художническими эффектами образом Крыма и собственным представлением об этом райском уголке России, природное совершенство которого следовало бы по-лорреновски живописать, а не по-айвазовски дописывать.

Однако, даже при внешнем соответствии архетипичному образу парадиза и российского Причерноморья, и европейского Средиземноморья, у этих земель, по Достоевскому, были исторически и экзистенциально разные роли. Русскому полуострову было предуготовано противостоять натиску Европы, восставшей «за турка на Христа» [Достоевский; т. 2: 405], — и этим противостоянием духовно сплотить соотечественников, укрепить их веру и национальное самосознание. Важно,

что мотив, связанный с восприятием Крыма (особенно — Южнобережья) как райской земли, наиболее явственно воплощался в текстах классика 1870-х гг., а мотив возрождения русской идеи, эксплицируемый через указание на верное служение Отечеству его южного форпоста (особенно — Севастополя), развивался в произведениях Достоевского с начала Крымской кампании (1853–1856).

В апреле 1854 г. семипалатинский солдат Ф. М. Достоевский, который, по словам В. Н. Захарова, уже «принял каторгу как очистительное страдание, сопричастное Голгофе и воскрешению Христа» [Захаров], написал стихотворение «На европейские события в 1854 году», ставшее первой частью его поэтической триады¹⁷. Следует непременно учитывать, что ее создатель уже «был заживо погребен в Мертвом Доме, узнал народ, проникся Образом и Словом Христа, принял Благою Весть, воскрес из мертвых, стал новым человеком...» [Захаров], поэтому и его произведения семипалатинского периода проникнуты пасхальным чувством. Достоевский, переживший свою «Сибирскую Пасху» [Захаров], в трех стихотворениях о событиях Крымской войны призывал к воскресению и европейских вероотступников, поправших Христа ради политических амбиций.

Л. И. Сараскина справедливо назвала «Сибирскую Пасху» Достоевского «Крымским циклом» [Сараскина: 133]. Правоте исследовательницы отнюдь не противоречит то, что ни в одной из частей триады Достоевского нет ни прямого упоминания Крыма, ни связанных с ним топонимов. Поэт воспевает духовную мощь и подвижничество России, хотя каждый вдумчиво читающий его строки понимает, что именно в Крыму совершился тот «кровавый посев», плод которого православная держава «пожала доблестным мечом», что она встречает мир, «утучнив кровию святою» прежде всего поля причерноморского полуострова, принявшего на себя основные удары европейского оружия [Достоевский; т. 2: 409].

¹⁷ Эту триаду составляют стихотворения Достоевского «На европейские события в 1854 году», «На первое июля 1855 года» и «На коронацию и заключение мира».

Анализ «Крымского цикла» традиционно (см.: [Зябрева, 2012, 2017], [Сараскина] и др.) начинается с указания на стереотип, «будто целью написания этих стихотворений было стремление опального Достоевского заявить о своих "верноподданических чувствах" и благодаря этому вернуться в литературу» [Зябрева, 2012: 52], — а также последующего опровержения этого обвинения строками из (не предназначавшихся для публики) писем Ф. М. Достоевского А. Н. Майкову 1856 г. Однако главным доказательством искренности молодого литератора стало то, что свои сибирские впечатления о героическом Крыме и стоящем на страже России Севастополе он впоследствии облек в форму узнаваемых мотивов, историко-софски обогативших содержание как его публицистических текстов, так и романов «Великого пятикнижия».

В частности, упрек Достоевского, адресованный английским и французским «отступникам Креста» — «Тянуться ль вам в одно с богатырями!» [Достоевский; т. 2: 405, 403], — будто бы получил развернутый комментарий в его творчестве. Феномен «богатырство» последователь А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя понимал как исключительное свойство русского национального характера: называя свой народ «богатырем», Достоевский подчеркивал, что «верные сыны Святой Руси сильны тем, что носят Бога в сердце своем» [Капустина, 2014: 240]. Крымская кампания также продемонстрировала, что *«богатырство»* — это не только явление исторического прошлого России, но и её спасение в настоящем, а также залог великого будущего» [Капустина, 2014: 239]. Отвечая на брошенный «гасителями божественного света» [Достоевский; т. 2: 405] «экзистенциальный вызов России» [Сараскина: 119], последователи «великого, целомудренного и смиренного христианского богатыря Ильи Муромца, подвижника за правду, освободителя бедных и слабых, смиренного и непревозносящегося, верного и сердцем чистого» [Достоевский; т. 25: 69], проявляли на крымском поле брани пращурами завещанную — истинно православную — силу.

Достоевский же, по его собственному признанию в письме генерал-адъютанту Э. И. Тотлебену от 24 марта 1856 г., «с самым бескорыстным и восторженным чувством следил <...> всё

это последнее время за подвигом» своего адресата — современного ему богатыря, который в единстве с соотечественниками «в эпоху несчастья покрыл грозную оборону Севастополя вечной, неувядаемой славой» [Достоевский; т. 28, кн. 1: 226]. На страницах редактируемого им еженедельника «Гражданин» Достоевский часто возвращался к событиям обороны Севастополя. В № 17 от 23 апреля 1873 г. он поместил перепечатку статьи из газеты «Русский Инвалид» под названием «Отношения императора Николая Павловича к Севастополю». В преамбуле этого текста есть строки, под которыми, думается, подписался бы каждый патриот России:

«На ряду съ куликовской битвой, спасеніемъ Москвы въ 1612 году, Полтавой, Бородинымъ, она (оборона Севастополя. — С. К.) будетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе воспитывать и укрѣплять духъ русскаго народа» (Гр. 1873. № 17. 23 Апрѣля. С. 513).

В повествовательном же ее фокусе, как явствует из заголовка, были исполненные отеческой заботы, упования на Всевышнего и боления за новых богатырей русского народа послания государя к главнокомандующим Южной и Крымской армиями князю Меншикову и князю Горчакову. Переписку прервала смерть императора Николая Павловича, последовавшая после потрясения от «неудачи евпаторійской рекогносцировки, которую Онъ предвидѣлъ». Однако «вдохновенный Имъ, Севастополь еще болѣе полугода отбивался отъ ожесточеннаго напора могущественныхъ враговъ, и среди неумолчнаго грома, обагрямый потоками крови, продолжалъ стоять въ дыму и пламени, какъ величайшій жертвенникъ, по истинѣ достойный и Царя, и Россіи!» (Гр. 1873. № 17. 23 Апрѣля. С. 518).

«Величайший жертвенник» Крымской войны стал не только символом верной воинской службы государю и Отечеству, но и примером православного служения братьям во Христе. В «Гражданине», редактируемом Достоевским, не единожды помещались материалы о подвижничестве русских женщин в Севастополе. Впервые упоминание о сестрах милосердия, по христианскому чувству принявших на себя заботу о больных и раненых героях Крымской кампании, появилось в третьем номере издания за 1873 г.

Издатель журнала князь В. П. Мещерский (см.: [Викторovich: 235]), опубликовавший под псевдонимом *Русскій*, сообщал о смерти великой княгини Елены Павловны, прожившей в России полвека, наполненных «великаго смысла служеніемъ своему новому отечеству». Самым «высоко-христіанскимъ и глубоко-патріотическимъ» начинанием почившей благотворительницы публицист называл «учрежденіе сестеръ милосердія во время Крымской войны». Великая княгиня готовила воспитанниц к самоотверженному служению, «какъ мать и какъ сестра, и послѣ всѣхъ этихъ чудныхъ минутъ и заботъ возъмѣла утѣшеніе увидѣть какъ на бастіонахъ Севастополя и у овра севастопольцевъ-героевъ показали себя эти ангелы любви, посланные Ею къ солдатамъ и морякамъ!» (Гр. 1873. № 3. 15 Января. С. 55, 56).

Ко дню памяти великой княгини Елены Павловны в 1874 г. на страницах «Гражданина» была размещена статья о ее горячем участии в судьбе России. Отмечалось, что благое дело, начатое великой княгиней, продолжалось и после Крымской войны:

«Крестовоздвиженскія сестры работаютъ на такомъ полѣ, которое всегда обильно, никогда не выпаживается. Это поле болѣзни и смерти, поле нужды, горя и бѣдствія, наконецъ — когда Богу угодно будетъ — поле военной брани» (Гр. 1874. № 2. 14 Января. С. 40).

В этом же выпуске публиковалась повесть Н. И. Соловьева «Севастопольскіе подвижницы». Картинами из жизни «бѣлыхъ капюшоновъ, мелькавшихъ между солдатскими шинелями», бесстрашно идущих «прямо въ огонь», а после без сна и отдыха спасающих раненых воинов в нещадно бомбардируемых врагом перевязочных пунктах, ее автор запечатлел колоссальную «силу женскаго сочувствія и самопожертвованія» (Гр. 1874. № 2. 14 Января. С. 52, 50, 55).

Достоевский, впечатленный духовной крепостью «соучастницъ севастопольской кампаніи» (Гр. 1874. № 2. 14 Января. С. 52), как литератор почтил «живымъ словомъ память

чествуемыхъ всюю Россіей событій»¹⁸. Он раскрыл суть русского характера, в том числе через введение в поэтику романов «Великого пятикнижия» крымских (севастопольских) мотивов.

Например, в седьмой главе третьей части «Бесов», посвященной последнему странствованию Степана Трофимовича, изображена его *спутница в Спасов* — книгоноша Софья Матвеевна Улитина, — биография которой тесно связана с севастопольскими событиями. Примечательно, что, отвечая на вопрос Варвары Петровны «сама ты что за птица?», Софья Матвеевна «рассказала ей кое-как <...> о себе, начиная с Севастополя» [Достоевский; т. 10: 502]. Такое начало самоаттестации Улитиной выделяет те ключевые события, которые сформировали ее православное восприятие мира и человека. Супруг книгоноши — «подпоручик за выслугу из фельдфебелей, был убит в Севастополе» [Достоевский; т. 10: 488]. Вдова героя «после мужа, оставшись всего восемнадцати лет, находилась некоторое время в Севастополе «в сестрах»» [Достоевский; т. 10: 488]. Примкнув, по слову публициста под псевдонимом *Русский* (В. П. Мещерский), к «ангеламъ любви» (*Гр.* 1873. № 3. 15 Января. С. 56), заботящимся о севастопольских страждущих, она осталась верна выбранному служению и после: неслучайно умирающий Степан Трофимович почувствовал в ней «*C''était plus qu'un ange*», т. е. больше, чем ангела [Достоевский; т. 10: 500].

С благородными деяниями Сердобольных вдов, помогающих севастопольским героям наравне с Крестовоздвиженскими сестрами милосердия, соотносится и забота Варвары Петровны об отходящем в мир иной Верховенском. Эта параллель особенно подчеркивается тем, что и ее биография косвенно связана с Крымской кампанией: муж Ставрогиной был «старцем легкомысленным, скончавшимся от расстройства в желудке, по дороге в Крым, куда он спешил по назначению в действующую армию» «в пятьдесят пятом году, весной,

¹⁸ Цитируется строка из статьи журнала «Гражданин» «По поводу объѣда севастопольцевъ» (*Гр.* 1874. № 8. 25 Февраля. С. 219; подпись: А. <А. В. Фрейганг> [Викторович: 294, 401]), лейтмотивом которой является призыв к сохранению памяти о подвигах павших при обороне Севастополя героев.

в мае месяце»¹⁹ [Достоевский; т. 10: 17]. Вдова генерала Ставрогина, обнаружив бедственное положение Степана Трофимовича, «не ложилась спать всю ночь» [Достоевский; т. 10: 504]. Понимая необходимость духовного спасения умирающего друга и «чрезвычайно» боясь его «отказа» от исповеди и причастия, наутро она все же «послала за священником» [Достоевский; т. 10: 504]. По смерти Верховенского Варвара Петровна позвала Софью Матвеевну и предложила (приказала) «поселиться навеки в Скворешниках» [Достоевский; т. 10: 507]. Это решение героини будто бы также вдохновлено представлением Достоевского о соборном служении общин Крестовоздвиженских сестер милосердия, Сердобольных вдов и просто сочувствующих страждущим женщин, которое продолжилось и после завершения Крымской кампании («...я сама буду с тобой ходить продавать Евангелие» [Достоевский; т. 10: 507]).

Среди женских воплощений Достоевским других «ангелов любви», заботящихся об исцелении ближних не столько от физических, сколько от духовных недугов, нужно выделить и Софью Андреевну Долгорукую, судьба которой также могла бы быть связанной с Севастополем. Подросток назовет свою мать «ангелом небесным» [Достоевский; т. 13: 433], Версильов скажет, что его гражданская жена — «последний ангел» [Достоевский; т. 13: 409], у которого он всегда находит (и будет находить) прощение и утешение. Она станет *неминуемой* [Достоевский; т. 13: 409] для того, кого жертвенно, самоотреченно и сострадательно любит. О. А. Богданова делает по этому поводу любопытное замечание: «...именно "Соня" пожертвовала своими "весельем" и жизненным "порядком" из сострадания к лишенному всех этих благ человеку» [Богданова: 359]. Думается, героиня, безгранично заботясь о Версильове, отправилась бы за ним и в огонь севастопольских батальи, однако он «в войну с Европой поступил опять в военную службу, но в Крым не попал и всё

¹⁹ Степан Трофимович, пребывая в болезненном воодушевлении, пытался возвысить «легкомысленного старца» до воина, «сраженного в Севастополе пулей» [Достоевский; т. 10: 494], но романтизированная характеристика генерала Верховенским все же вызывает меньше доверия, нежели слова хроникера о нем.

время в деле не был» [Достоевский; т. 13: 65]. Г. А. Зябрева, вспоминая об этом эпизоде биографии героя, утверждает, что он был «не допущен автором к боевым действиям» [Зябрева, 2018: 11]. Возможно, такой формулировкой исследовательница подчеркнула позицию Достоевского, согласно которой, «легкомысленным старцам» и русским европейцам «без всякой религии» не место среди тех, для кого севастопольский «подвиг свят» [Достоевский; т. 2: 405], кто за Христа с радостью готов положить жизнь на «величайший жертвенник» России (*Гр.* 1873. № 17. 23 Апрель. С. 518).

Крымские мотивы, связанные с севастопольскими событиями, были использованы Достоевским и в контексте повествования о предназначении России («Дневник Писателя», 1876–1877), и как «мерило героизма» в характере конкретного персонажа (сожаление провокатора Игната Лебядкина («Бесы») о непричастности к народному подвигу), и как «сюжетные импульсы» (аналогия Порфирия Петровича («Преступление и Наказание») между выжидательной тактикой европейцев в Альминском сражении и методом следователя при поимке преступника)²⁰. В основном, крымские мотивы, отсылающие к героическому прошлому южного форпоста России, являются «смысловыми атомами» магистральной для творчества Достоевского русской идеи, сквозь призму которой автор выстраивает характерологию персонажей. Однако в единичных случаях этот принцип нарушается — и упоминание героями боев в Севастополе сопоставляется только с развитием конкретных сюжетных линий.

Таким образом, мотивная организация художественных и публицистических произведений Достоевского включает «крымские конструкторы». Условно можно выделить два вектора их смыслового развертывания: 1) Крым (преимущественно — Южнобережье) — щедро одаренная природой земля, романтические пейзажи которой близки архетипическим картинам рая; 2) Крым (преимущественно — Севастополь) — «величайший жертвенник» России, принявший на себя жестокий удар отринувших Христа европейцев. При внешнем сходстве с иными приморскими берегами, визуальными напоминающими

²⁰ Подробнее см.: [Зябрева, 2018: 10–11], [Сараскина: 125–126].

парадиз, Крым всегда выделялся Достоевским как символ духовного единства и патриотического воодушевления России; как земля, освященная подвигами севастопольских богатырей, которые не на жизнь, а на смерть стояли за Христа и Отечество.

Список литературы

1. Акелькина Е. А. Ф. М. Достоевский — художественный критик (проблема академической традиции в статье «Выставка в Академии художеств за 1860–61 год») // Вестник Омского университета. 2007. № 4 (46). С. 72–75 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/f-m-dostoevskiy-hudozhestvennyy-kritik-problema-akademicheskoy-traditsii-v-statii-vystavka-v-akademii-hudozhestv-za-1860-61-god/viewer> (20.12.2024). EDN: KYRPWV
2. Богданова О. А. Проблема красоты и женские характеры в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 338–364. DOI: 10.22455/978-5-9208-0677-2-338-364. EDN: UJYOZZ
3. Викторovich В. А. Ф. М. Достоевский — редактор «Гражданина» (1873–1874). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. 426 с. [Электронный ресурс]. URL: http://elibrary.karelia.ru/docs/viktorovich/Dostoevskiy_redaktor_Grazhdanina_1873_1874/total.pdf (20.12.2024).
4. Головачева А. Г. А. П. Чехов и Крым. 2-е изд., испр. и доп. М.: ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2022. 200 с.
5. Достоевский А. М. Воспоминания. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 393 с.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
7. Захаров В. Н. Сибирская Пасха Достоевского // Берега. 2021. № 44 (2) [Электронный ресурс]. URL: <https://журнальныймир.рф/content/sibirskaya-pasha-dostoevskogo> (20.12.2024).
8. Зябрева Г. А. Историософия Ф. М. Достоевского: крымский след // Вопросы русской литературы. 2012. № 21 (78). С. 50–59 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriosofiya-f-m-dostoevskogo-krymskiy-sled/viewer> (20.12.2024).
9. Зябрева Г. А. Крым в судьбе Ф. М. и А. Г. Достоевских // Культура народов Причерноморья с древнейших времен до наших дней: сб. мат-лов конф. ХLI Междунар. науч. чтений (Симферополь, 23–24 ноября 2016 г.). Симферополь: Крым. федер. ун-т им. В. И. Вернадского, 2017. С. 46–48 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29927431_25131966.pdf (20.12.2024). EDN: ZEXLMJ
10. Зябрева Г. А. Концепт «Крым» в творческом сознании Ф. М. Достоевского // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2018. Т. 4 (70). № 3. С. 3–13

- [Электронный ресурс]. URL: <https://sn-philol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2019/02/001zyabreva.pdf> (20.12.2024). EDN: IIQKOA
11. Капустина С. В. Феномен богатырства в трактовке Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. Вып. 12. С. 233–242 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429618551.pdf (20.12.2024). EDN: TKQMJN
 12. Капустина С. В. Концепт «беспорядок» в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 3 (15). С. 76–97 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/2021-3/04_Kapustina_76-97.pdf (20.12.2024). DOI: 10.22455/2541-7894-2021-3-76-97. EDN: JZYVVG
 13. Капустина С. В. Концепт «беспорядок» в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 381–402. DOI: 10.22455/978-5-9208-0677-2-381-402. EDN: QNAEBG
 14. Кунцевская Г. Н. Благословенная Таврида: Крым глазами великих русских писателей. М.: Новости, 2011. 391 с. (Сер.: Крым в русской литературе; т. 1.) EDN: QWUEZH
 15. Люсый А. П. Пушкин. Таврида. Киммерия. М.: Языки рус. культуры, 2000. 245 с.
 16. Люсый А. П. Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003. 314 с. (Сер.: Крымский текст.)
 17. Мащенко А. П. Крымское измерение русской литературы: от Пушкина до Прилепина // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 70–92 [Электронный ресурс]. URL: <https://sn-philol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2019/05/70-92.pdf> (20.12.2024). EDN: QLHJLJ
 18. Минчик С. С. Грибоедов и Крым. Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. 276 с. EDN: UVKUAN
 19. Михновец М. В. Кавказ Ф. М. Достоевского // Геополитическая карта и картина мира Ф. М. Достоевского / под ред. Е. Г. Новиковой, А. И. Щербинина. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2021. С. 227–235 [Электронный ресурс]. URL: https://www.rfbr.ru/view_book/3161/ (20.12.2024). EDN: LNISCE
 20. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. / под ред. М. Б. Храпченко. Л.: Наука, 1982. Т. 4: Поэмы 1855–1877 гг. 655 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian-literature.org/tom/419911> (20.12.2024).
 21. Орехова Л. А. «Кастель-Приморский»: истории и судьбы в архивных документах. Продолжение // Историческое наследие Крыма. Симферополь: Новая эра, 2004. № 3–4. С. 48–62.
 22. Орехова Л. А. «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина в литературе путешествий по Крыму: проблемы интерпретации // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 258–265 [Электронный ресурс].

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bahchisarayskiy-fontan-a-s-pushkina-v-literature-puteshestviy-po-krymu-problemy-interpretatsii/viewer> (20.12.2024). EDN: VPZVTX

23. Отливанчик А. В. Редакторские вставки Достоевского в статьях, опубликованных в «Гражданине» (1873–1874 гг.) // Неизвестный Достоевский. 2016. Т. 3. № 2. С. 31–44 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1476449620.pdf (20.12.2024). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2701. EDN: WHRTNL
24. Первых Д. К. Крымская тема в редакционной политике журнала «Отечественные записки»: 1824–1825 // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2021. Т. 7 (73). № 3. С. 168–182 [Электронный ресурс]. URL: https://sn-philol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2021/10/UZ-FN-2021-3_Pervih.pdf (20.12.2024). EDN: GDMIGG
25. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.
26. Редакционный архив журналов Ф. М. и М. М. Достоевских «Время» и «Эпоха»: коллективная монография / отв. ред. и сост. Л. В. Алексеева. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 560 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rfbr.ru/view_book/3143/ (20.12.2024). EDN: QSKJGG
27. Сараскина Л. И. «Надо сказать правду»: Ф. М. Достоевский и его современники в споре об итогах Крымской кампании // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 1 (21). С. 96–140 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/2023-1/04_Saraskina_96-140.pdf (20.12.2024). DOI: 10.22455/2619-0311-2023-1-96-140. EDN: VRYNXI
28. Щербакова М. И. Севастопольские рассказы Л. Н. Толстого: духовные смыслы Крымской войны // Studia Litterarum. 2022. Т. 7. № 2. С. 162–173 [Электронный ресурс]. URL: https://studlit.ru/images/2022-7-2/10_Shcherbakova_162-173.pdf?ysclid=m6kwf2i3kb907965131 (20.12.2024). DOI: 10.22455/2500-4247-2022-7-2-162-173. EDN: FYDPOG

References

1. Akel’kina E. A. F. M. Dostoevsky — Art Critic (the Problem of Academic Tradition in the Article “The Exhibition in Academy of Arts for 1860–61”). In: *Vestnik Omskogo universiteta [Herald of Omsk University]*, 2007, no. 4 (46), pp. 72–75. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/f-m-dostoevskiy-hudozhestvennyy-kritik-problema-akademicheskoy-traditsii-v-statii-vys-tavka-v-akademii-hudozhestv-za-1860-61-god/viewer> (accessed on December 20, 2024). EDN: KYRPWV (In Russ.)
2. Bogdanova O. A. The Problem of Beauty and Female Characters in Dostoevsky’s Novel “The Adolescent”. In: *Roman F. M. Dostoevskogo “Podrostok”: sovremennoe sostoyanie izucheniya [F. M. Dostoevsky’s Novel “The Adolescent”: the Current State of Study]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2022, pp. 338–364. DOI: 10.22455/978-5-9208-0677-2-338-364. EDN: UJYOZZ (In Russ.)

3. Viktorovich V. A. *F. M. Dostoevskiy — redaktor "Grazhdanina" (1873–1874)* [*F. M. Dostoevsky as the Editor of "Grazhdanin" ("The Citizen") (1873–1874)*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2019. 426 p. Available at: http://elibrary.karelia.ru/docs/viktorovich/Dostoevskiy_redaktor_Grazhdanina_1873_1874/total.pdf (accessed on December 20, 2024). (In Russ.)
4. Golovacheva A. G. *A. P. Chekhov i Krym* [*A. P. Chekhov and the Crimea*]. Moscow, A. A. Bakhrushin State Central Theatre Museum Publ., 2022. 200 p. (In Russ.)
5. Dostoevskiy A. M. *Vospominaniya* [*Memoirs*]. St. Petersburg, Andreev i synov'ya Publ., 1992. 393 p. (In Russ.)
6. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
7. Zakharov V. N. Dostoevsky's Siberian Easter. In: *Berega* [*Shores*], 2021, no. 44 (2). Available at: <https://журнальныймир.рф/content/sibirskaya-pasha-dostoevskogo> (accessed on December 20, 2024). (In Russ.)
8. Zyabreva G. A. F. M. Dostoevsky's Historiosophy: the Crimean Trace. In: *Voprosy russkoy literatury* [*Questions of Russian Literature*], 2012, no. 21 (78), pp. 50–59. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriosofiya-f-m-dostoevskogo-krymskiy-sled/viewer> (accessed on December 20, 2024). (In Russ.)
9. Zyabreva G. A. Crimea in the Fate of F. M. and A. G. Dostoevskys. In: *Kul'tura narodov Prichernomor'ya s drevneyshikh vremen do nashikh dney: sbornik materialov konferentsii XLI Mezhdunarodnykh nauchnykh chteniy (Simferopol', 23–24 noyabrya 2016 goda)* [*The Culture of the Peoples of the Black Sea Region from Ancient Times to the Present Day: Collection of Conference Materials. The 41st International Scientific Readings (Simferopol, November 23–24, 2016)*]. Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University Publ., 2017, pp. 46–48. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29927431_25131966.pdf (accessed on December 20, 2024). EDN: ZEXLMJ (In Russ.)
10. Zyabreva G. A. The Concept of "Crimea" in the Creative Conscience of Dostoevsky. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [*Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*], 2018, vol. 4 (70), no. 3, pp. 3–13. Available at: <https://sn-philol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2019/02/001zyabreva.pdf> (accessed on December 20, 2024). EDN: IIQKOA (In Russ.)
11. Kapustina S. V. The Phenomenon of "Bogatyrstvo" in N. V. Gogol's and F. M. Dostoevsky's Interpretation. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2014, vol. 12, pp. 233–242. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429618551.pdf (accessed on December 20, 2024). EDN: TKQMJN (In Russ.)
12. Kapustina S. V. The Concept of "Besporyadok" ("Disorder") in Dostoevsky's Novel "The Adolescent". In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal* [*Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*], 2021, no. 3 (15), pp. 76–97. Available at: https://dostmirkult.ru/images/2021-3/04_

- Kapustina_76-97.pdf (accessed on December 20, 2024). DOI: 10.22455/2541-7894-2021-3-76-97. EDN: JZYYVG (In Russ.)
13. Kapustina S. V. The Concept of “Besporjadok” (“Disorder”) in Dostoevsky’s Novel “The Adolescent”. In: *Roman F. M. Dostoevskogo “Podrostok”: sovremennoe sostoyanie izucheniya* [F. M. Dostoevsky’s Novel “The Adolescent”: the Current State of Study]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2022, pp. 381–402. DOI: 10.22455/978-5-9208-0677-2-381-402. EDN: QNAEBG (In Russ.)
 14. Kuntsevskaya G. N. *Blagoslovennaya Tavrida: Krym glazami velikikh russkikh pisateley* [Blessed Taurida: Crimea by Sight of the Great Russian Writers]. Moscow, Novosti Publ., 2011. 391 p. (Ser.: Crimea in Russian Literature; vol. 1.) EDN: QWUEZH (In Russ.)
 15. Lyussy A. P. *Pushkin. Tavrida. Kimmeriya* [Pushkin. Taurida. Cimmeria]. Moscow, Yazyki russkoy kul’tury Publ., 2000. 245 p. (In Russ.)
 16. Lyussy A. P. *Krymskiy tekst v russkoy literature* [The Crimean Text in Russian Literature]. St. Petersburg, Aletyeya Publ., 2003. 314 p. (Ser.: Crimean Text.) (In Russ.)
 17. Mashchenko A. P. The Crimean Dimension of Russian Literature: from Pushkin to Prilepin. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federal’nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences], 2019, vol. 5 (71), no. 1, pp. 70–92. Available at: <https://sn-philol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2019/05/70-92.pdf> (accessed on December 20, 2024). EDN: QLHJLJ (In Russ.)
 18. Minchik S. S. *Griboedov i Krym* [Griboyedov and the Crimea]. Simferopol, Business-Inform Publ., 2011. 276 p. EDN: UBKUAN (In Russ.)
 19. Mikhnovets M. V. Caucasus by F. M. Dostoevsky. In: *Geopoliticheskaya karta i kartina mira F. M. Dostoevskogo* [F. M. Dostoevsky’s Geopolitical Map and Worldview]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2021, pp. 227–235. Available at: https://www.rfbr.ru/view_book/3161/ (accessed on December 20, 2024). EDN: LNISCE (In Russ.)
 20. Nekrasov N. A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 15 tomakh* [The Complete Works and Letters: in 15 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, vol. 4: Poems of 1855–1877. 655 p. Available at: <https://russian-literature.org/tom/419911> (accessed on December 20, 2024). (In Russ.)
 21. Orekhova L. A. “Castel-Primorsky”: Stories and Destinies in Archival Documents. In: *Istoricheskoe nasledie Kryma* [Historical Heritage of Crimea]. Simferopol, Novaya era Publ., 2004, no. 3–4, pp. 48–62. (In Russ.)
 22. Orekhova L. A. “The Bakhchisarai Fountain” by A. S. Pushkin in the Literature of Travelling Around the Crimea: Problems of Interpretation. In: *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial’no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Pskov State University. Series: Social and Humanitarian Sciences], 2015, no. 1, pp. 258–265. Available at: <https://>

- cyberleninka.ru/article/n/bahchisarayskiy-fontan-a-s-pushkina-v-literature-puteshestviy-po-krymu-problemy-interpretatsii/viewer (accessed on December 20, 2024). EDN: VPZVTX (In Russ.)
23. Otlivanchik A. V. Dostoevsky's Editorial Insertions into the Articles Published in "Grazhdanin" (1873–1874). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2016, vol. 3, no. 2, pp. 31–44. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1476449620.pdf (accessed on December 20, 2024). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2701. EDN: WHRTNL (In Russ.)
 24. Pervykh D. K. The Crimean Theme in the Editorial Policy of the Journal "Otechestvennye zapiski": 1824–1825. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences]*, 2021, vol. 7 (73), no. 3, pp. 168–182. Available at: https://sn-philol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2021/10/UZ-FN-2021-3_Pervih.pdf (accessed on December 20, 2024). EDN: GDMIGG (In Russ.)
 25. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 tomakh [The Complete Works: in 10 Vols.]*. Leningrad, Nauka Publ., 1977–1979. (In Russ.)
 26. Alekseeva L. V. *Redaktsionnyy arkhiv zhurnalov brat'ev F. M. i M. M. Dostoevskikh "Vremya" i "Epokha" [The Editorial Archive of the Journals "Vremya" and "Epokha" of the Brothers Dostoevsky]*. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2021. 560 p. Available at: https://www.rfbr.ru/view_book/3143/ (accessed on December 20, 2024). EDN: QSKJJG (In Russ.)
 27. Saraskina L. I. "One Must Tell the Truth:" Fyodor Dostoevsky and His Contemporaries in the Debate About the Results of the Crimean Campaign. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal]*, 2023, no. 1 (21), pp. 96–140. Available at: https://dostmirkult.ru/images/2023-1/04_Saraskina_96-140.pdf (accessed on December 20, 2024). DOI: 10.22455/2619-0311-2023-1-96-140. EDN: VRYNXI (In Russ.)
 28. Shcherbakova M. I. Leo Tolstoy's Sevastopol Stories: Spiritual Meanings of the Crimean War. In: *Studia Litterarum*, 2022, vol. 7, no. 2, pp. 162–173. Available at: https://studlit.ru/images/2022-7-2/10_Shcherbakova_162-173.pdf?ysclid=m6kwf2i3kb907965131 (accessed on December 20, 2024). DOI: 10.22455/2500-4247-2022-7-2-162-173. EDN: FYDPOG (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Капустина Светлана Владимировна - **Svetlana V. Kapustina**, PhD (Philology), кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи, Институт филологии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (пр. Вернадского, 4, Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация, 295007); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0608-5258>; e-mail: Kapustina_S_V@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 26.12.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 31.01.2025

Принята к публикации / Accepted 01.02.2025

Дата публикации / Date of publication 14.02.2025

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14663

EDN: MRIIGP

Поэтика сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина «Чижиково горе»

М. А. Алякринская

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Северо-Западный институт управления
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

e-mail: alyakrinskaya-ma@ranepa.ru

Аннотация. В статье рассмотрена сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина «Чижиково горе». Интерпретируя это произведение, исследователи не учитывали значимые обстоятельства: во-первых, любовно-семейную проблематику сказки, не характерную для творчества Салтыкова-Щедрина (более того, неоднократно критикуемую им самим как «устаревшую»), и, во-вторых, публикацию сказки в рождественском номере «Русских ведомостей», дающую основание рассматривать ее текст в традициях «рождественского рассказа». Любовно-семейная тема и особенности поэтики «Чижикова горя» позволяют предположить, что сказка обладает элементами интертекстуальности: отсылает читателя, с одной стороны, к традиции популярного в 1870–1880-е гг. натуралистического романа, а с другой — к рождественским текстам Ч. Диккенса. М. Е. Салтыков скептически относился к писателям-натуралистам: критикуя их творчество, он противопоставлял им Ч. Диккенса и Н. В. Гоголя. Это противопоставление нашло отражение в структуре «Чижикова горя», где первая часть содержит элементы пародии на поэтику натуралистического романа (в варианте Э. Золя), а вторая заставляет вспомнить сюжетную модель «Рождественской песни» Ч. Диккенса (трансформация «героя-мизантропа», проходящего путь, основные вехи которого «вина — исправление — искупление»). Анализ поэтики «Чижикова горя» позволяет понять авторский концепт сказки: критически сопоставляя «приземленность» писателей-натуралистов и «идеализм» Ч. Диккенса и Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыков-Щедрин подчеркивает важность идеальной составляющей в частной жизни человека. Проблема любви и брака решается в «Чижиковом горе» в ключе рождественской (пасхальной) традиции: возвышенная любовь воскрешает мертвую душу героя, а в открытом финале сказки единственно счастливым вариантом разрешения конфликта является обретение героями христианских ценностей — прощения и любви. За литературным контекстом, иронией и сатирой в сказке скрыт столь характерный для национального сознания нравственный абсолютизм, и этот абсолютизм был личностной позицией М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Ключевые слова: М. Е. Салтыков-Щедрин, сказка, французский натурализм, Э. Золя, рождественский рассказ, пасхальный рассказ, Н. В. Гоголь, Ч. Диккенс, Рождественская песнь в прозе

Для цитирования: Алякринская М. А. Поэтика сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина «Чижиково горе» // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 1. С. 165–187. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14663. EDN: MRIIGP

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14663

EDN: MRIIGP

Poetics of “Chizhikov’s Grief”, a Fairy Tale by M. E. Saltykov-Shchedrin

Marina A. Alyakrinskaya

Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration,

Northwestern Institute of Management

(St. Petersburg, Russian Federation)

e-mail: alyakrinskaya-ma@ranepa.ru

Abstract. The article examines the fairy tale by M. E. Saltykov-Shchedrin “Chizhikov’s Grief.” Up until now, researchers have not taken into account certain significant circumstances when interpreting “Chizhikov’s Grief.” First of all, it is the unusual love and family theme of the tale, which is not characteristic of Saltykov-Shchedrin’s work (moreover, it was repeatedly criticized by him as ‘outdated’); and, secondly, the publication of the tale in the Christmas issue of “*Russkie Vedomosti*,” which provides reason to consider its text within the “Christmas story” tradition. The theme of love and family and the peculiarities of the poetics of “Chizhikov’s Grief” suggest that the fairy tale contains elements of intertextuality: it “refers” the reader, on the one hand, to the tradition of the naturalistic novel popular in the 1870s — 1880s, and on the other hand — to the Christmas stories by Ch. Dickens. M. E. Saltykov was critical of naturalist writers, opposing them to Ch. Dickens and N. V. Gogol. This contradiction is reflected in the structure of “Chizhikov’s Grief,” where the first part of the tale contains elements of parody of the naturalistic novel’s poetics (i.e., in E. Zola’s work), and the second part resembles the plot model of Dickens’s “Christmas Carol” (the transformation of the “misanthropic hero” who travels the path with “guilt-correction-redemption” as the key milestones). Analyzing the poetics of “Chizhikov’s Grief” allows to understand the author’s concept of the fairy tale: critically comparing the “earthiness” of the naturalist writers and the “idealism” of Ch. Dickens and N. V. Gogol, M. E. Saltykov-Shchedrin emphasizes the importance of the ideal component of private life. The problem of love and marriage is resolved in “Chizhikov’s Grief” in the style of the Christmas (Easter) tradition: sublime love revives the dead soul of the hero, while in the tale’s open ending the only positive variant of conflict resolution is the heroes’ acquisition of Christian values: forgiveness and love. Thus, behind the numerous literary contexts, irony and satire, the tale conceals a moral absolute that’s distinctive to the national consciousness; and this absolute was the personal position of M. E. Saltykov-Shchedrin.

Keywords: Mikhail Saltykov-Shchedrin, fairy tale, French naturalism, Emile Zola, Christmas Story, Easter Story, Nikolai Gogol, Charles Dickens, A Christmas Carol

For citation: Alyakrinskaya M. A. Poetics of “Chizhikov’s Grief”, a Fairy Tale by M. E. Saltykov-Shchedrin. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 165–187. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14663. EDN: MRIIGP (In Russ.)

Сказку М. Е. Салтыкова-Щедрина «Чижиково горе», написанную в декабре 1884 г., традиционно рассматривают как сатиру на «буржуазно-дворянскую семью» [Бушмин, Баскаков: 232] — канарейка Прозерпиночка, как принято считать, завершает «в творчестве Салтыкова галерею образов легкомысленных и бездушных "куколок"» [Баскаков: 463]. По мнению С. А. Макашина, сказка непосредственно связана с биографией М. Е. Салтыкова: когда писатель создавал ее, он «думал о "горе" своей семейной жизни» [Макашин: 407].

Поскольку «Чижиково горе» появилось после длительного молчания М. Е. Салтыкова-Щедрина, связанного с закрытием «Отечественных записок», сказка трактовалась как некая «ломка в пределах жанра» [Бушмин, Баскаков: 231], то есть отход от принципов социальной сатиры под давлением цензуры. Сам писатель, раздосадованный доходящими до него негативными отзывами о «Чижиковом горе», поспешил признать сказку неудачной:

«А Феоктистов по поводу "Чижикова горя" говорит, что скучнее и инсипиднее ничего он не знает, даже дочитать не мог. Выходит, что ежели я цензурно пишу, то никуда не гожусь; ежели нецензурно, то меня имеют в виду... Но я чувствую, что два-три "Чижиковых горя" — и репутация моих сказок будет значительно подорвана. Феоктистов, может быть, правду сказал, что партикулярные дела совсем для меня не подходят» [Салтыков-Щедрин; т. 20: 122].

Однако отсутствие острого социального критицизма — не основание считать произведение художественно слабым, и сегодня существует необходимость непредвзятого, аутентичного прочтения «Чижикова горя», тем более что при интерпретации сказки исследователи до сих пор не учитывали ряда обстоятельств.

Во-первых, сказка была опубликована 25 декабря 1884 г., в самый праздник Рождества. Оговаривая возможную публикацию, М. Е. Салтыков писал редактору «Русских ведомостей» В. М. Соболевскому:

«Но, разумеется, ежели Вы <...> выпустите особый Рождественский №, то можно и всю сказку целиком напечатать» [Салтыков-Щедрин; т. 20: 113].

И хотя сюжетное время в «Чижиковом горе» не отнесено непосредственно к Рождеству или Святкам¹, сама дата выхода в свет позволяет причислить сказку к так называемым рождественским историям — текстам, обладающим набором характерных мотивов, среди которых выделяется мотив чуда как «явления необыкновенного, неординарного, резко нарушающего привычное, будничное течение жизни и меняющего жизнь человека в лучшую сторону» [Душечкина: 148].

Во-вторых, «Чижиково горе», написанное на «партикулярную» тему, стало, как представляется, своеобразным экспериментом, о котором сатирик писал Н. К. Михайловскому незадолго до появления сказки:

«Скучно мне до зарезу, и совсем не пишется. Надо новую жилу найти, а не то совсем бросить» [Салтыков-Щедрин; т. 20: 103].

Очевидно, что в качестве авторской «новой жилы» в сказке выступил любовно-семейный сюжет, который писатель, с его теорией общественного романа, ранее неоднократно высмеивал как устаревший². Логично предположить, что, обращаясь к табуированной прежде тематике любовного романа, М. Е. Салтыков в «Чижиковом горе» воспроизвел его схемы не «всерьез», а отстраненно, используя отчужденное от собственного стиля «чужое слово».

¹ Как отметила Н. Н. Старыгина, приуроченность действия к Рождеству или Святкам — не обязательное условие жанровой атрибуции святочного рассказа во второй половине XIX в., неизменным жанровым фактором остается лишь «нравственно-христианская направленность» текста [Старыгина: 123–124].

² Особенно в «Благонамеренной повести» [Салтыков-Щедрин; т. 11: 506–518]. См. также оценку сатириком романа «Анна Каренина» [Салтыков-Щедрин; т. 18, кн. 2: 180].

Оба указанных обстоятельства дают основание рассматривать «Чижиково горе» как сказку с элементами интертекстуальности: сохраняющую, с одной стороны, память о законах рождественского жанра (и художественном мире его «автора» в европейской литературе — Ч. Диккенса), а с другой — включающую в себя (путем пародирования) культурный контекст французского «реалистического» (натуралистического) романа 1870–1880-х гг. Думается, что «литературностью» «Чижикова горя» объясняются сложности интерпретации этого произведения. Задача настоящей статьи — реконструировать авторский концепт сказки, а также попытаться решить вопрос о степени ее автобиографизма.

С самого начала необходимо отметить одну особенность «Чижикова горя»: сказка распадается на «два фельетона», на что указал сам писатель в письме В. М. Соболевскому³. Значимо и то, что части сказки друг другу противоречат, и ввиду этого в настоящей статье, как правило, оговаривается, о каком разделе текста — первом или втором — идет речь.

Как уже отмечалось, при рассмотрении «Чижикова горя» исследователи апеллировали прежде всего к образу героини, постулируя тезис, что «в центре сказки — канарейка» [Баскаков: 463]. С этим нельзя согласиться. Поскольку сюжетная линия связана с идеей брака, в центре повествования находятся два персонажа: он и она, чижик и канарейка. При этом сюжет относительно небольшой сказки можно, при желании, представить как романный: здесь есть рассказ о жизни героев до встречи и их взаимоотношениях до брака, о мучительных для чижика шести месяцах супружества, во многом «за кадром» остается повествование (оно дано лишь намеками) о страсти героини (канарейки) к не названному в тексте, но подразумеваемому «третьему» («улану»), о ее разрыве с мужем, о его метаниях и страданиях — наконец, о ее возвращении в семью после полугодового отсутствия и дальнейшей совместной жизни. Перечисленные сюжетные мотивы (брак по расчету,

³ «Ежели для одного фельетона будет велика, то можно и на два разделить; в таком случае первый фельетон можно кончить на третьем полулисте (1-я стр. в конце, абзац: "И вот он женился", — с этого начать второй фельетон)» [Салтыков-Щедрин; т. 20: 113].

адюльтер, возвращение к нелюбимому мужу) напоминают романы второй половины XIX в. — от «Мадам Бовари» Г. Флобера до «Анны Карениной» Л. Н. Толстого — и, думается, это не случайно. Сказка, как уже упоминалось, не могла не быть некой «отсылкой» к любовному тексту времени, а текстом этим был в первую очередь французский натуралистический роман, обсуждавшийся в 1870–1880-е гг. на страницах российских журналов.

Характерными чертами натуралистического романа (в варианте Э. Золя), как отмечают исследователи, был «физиологический подход к обрисовке поведения персонажей», «научность как отказ от авторских оценок» [Клеман: 47, 61], «статичность» и «дескриптивность», «отстраненность автора, слабый сюжет» [Вихорева: 43]. Сам Золя разъяснял, что в новом направлении «создание произведения сводится всего лишь к отбору сцен, к определенному их сочетанию и соответствующему развитию действия» [Золя: 438]. М. Е. Салтыков-Щедрин, включивший в цикл «За рубежом» пародию на натуралистический роман, указывал на сосредоточенность этой разновидности жанра на «подробностях», «не имеющих ничего общего ни с предметом повествования, ни с его обстановкой <...> ни для чего не нужных, ничего не характеризующих и даже не любопытных самих по себе» [Салтыков-Щедрин; т. 14: 155].

Элементы поэтики натуралистического романа: дескриптивность, статичность и «подробности» — можно обнаружить в «Чижиковом горе». Дескриптивность здесь преобладает над нарративом⁴: текст начинается с *описания свадьбы* как ключевого события, затем даны *развернутые «интимные истории»* молодых, далее следует рассказ о героях *в период помолвки*: потерявшем голову чижике и невесте, которая делалась «все развязнее и развязнее» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 122]; фиксация *событий брачной ночи* (в которую чижик оказывается несостоятельным супругом из-за провокации «братцев» невесты и их приятелей), за этим следует часть, обозначенная как *«майорский мартиролог»*, с описанием легкомысленного поведения супруги-канарейки, завершающаяся ее исчезновением из дома; далее — рассказ о *страданиях чижика* и — наконец — поражающий лаконизмом событийный финал:

⁴ Неслучайно Е. М. Феоктистову, начальнику Управления по делам печати, сказка показалась «скучной».

«И вдруг, в один теплый майский вечер, она (здесь и далее в цитате курсив М. Е. Салтыкова-Щедрина. — М. А.) воротилась. Воротилась худая, больная, истрепанная и как будто *не в себе*. <...> Насилу чижик ее узнал.

— Вот и я пришла! — сказала она.

— Живи! — ответил ей чижик.

Только и разговору промеж них было» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 130].

Описания гасят фабульность сказки, порождая иллюзию «романа без действия», который и выдвигал Золя в качестве образца нового искусства: «События романа развертываются день за днем, и писатель повествует о них спокойно, не прибегая ни к каким неожиданностям, <...> и когда вы заканчиваете роман, то вам кажется, что вы просто возвращаетесь после прогулки по улице к себе домой» [Золя: 438–439]. «Затормаживанию» действия способствует обилие «подробностей». «Чижиково горе» «перегружено» персонажами, большинство из которых только упоминаются: *ученый снегирь, зяблик, соловей, ястреб, глухой тетерев, ворона-вещунья, кукушка, синичка, горихвостка, пеночка, трясогузка, павлин-губернатор, дрозд-ростовщик, чечеточка-девушка для прислуг, хищная сова, вдова-перепелочка, «кровожадный бурундук», «аблакат Бала-лайкин», гимназисты, уланы-юнкера, «родители», «дочки», кузина мамыши-канарейки и ее дочка Милочка с мужем, интендантские писаря* — и это не считая лиц, которых с большим или меньшим успехом можно отнести к участникам действия.

Нарочито подробно, «научно» описана в сказке «среда»: портрет канарейки дополняется характеристикой всего ее семейства: «папаши», «мамаши», сестры «Галочки» и двух братьев — старшего (юнкера уланского полка) и младшего (гимназиста), причем о последних сообщаются малозначащие детали — о нежелании гимназиста изучать греческий язык или о том, что юнкер «никак не мог сдать экзамен из Закона Божия» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 120] и т. д. Обращает внимание и физиологическая окраска в обрисовке персонажей. Чижик любит рассуждать на низменные, «плотские» темы: о том, что он «природную слабость в свое время в совершенстве выполнил-с»; что «излишеств допускать не следует, но в препорцию

отчего же себе удовольствие не предоставить!»; а «удовольствие» «дорогого не стоит: спою песню — вот и прав-с!» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 118]. Даже желание жениться герой объясняет биологически:

«Что такое бессемейный чиж? <...> медицинский термин, и больше ничего-с!» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 118–119].

О героине автор также сообщает натуралистические «подробности»: еще до знакомства с чижиком она «под предлогом уроков пения, к соловью летала, а потом будто бы жировое яичко снесла» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 123].

Тем не менее, пародийно воспроизводя художественные приемы «психологов»⁵, Салтыков не отказывался в «Чижиковом горе» от права писателя «вводить за собой читателя всюду» [Салтыков-Щедрин; т. 9: 439] и от самого понятия идеала.

Вообще у Салтыкова были сложные отношения с натурализмом: первоначально позитивно относившийся к «французским реалистам», особенно к Золя, сатирик, прочитав роман братьев Гонкур «Манетт Соломон», возненавидел литературу нового направления. Резко отзываясь о «психологах» в письме П. В. Анненкову [Салтыков-Щедрин; т. 18, кн. 2: 233–234], Салтыков противопоставлял им Диккенса; позже, в письме И. Д. Гальперину-Каминскому [Салтыков-Щедрин; т. 20: 390] — Гоголя, и неудивительно, что отсылки к этим авторам мы также встречаем в «Чижиковом горе».

Что касается Гоголя, то о нем напоминает первая часть сказки, написанная в традициях «гоголевской школы». Особенно это касается характеристики главного героя, образ которого соотносим с целым рядом персонажей русской литературы. Вначале о чижике говорится как о малом, имеющем такие «характеристические особенности», как «неприхотливость, аккуратность и домовитость» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 117], что вызывает в памяти образ Молчалина, существующего под «сению» умеренности и аккуратности, на которой «зиждется человеческое

⁵ Термин, который употреблял М. Е. Салтыков, говоря о писателях-натуралистах.

благополучие» [Салтыков-Щедрин; т. 12: 9]. С Молчалиным чижика роднит и такая особенность речи, как употребление постфикса с («словоерса»), сопровождающая речевой портрет героя всю первую половину сказки. Но аккуратности и домовитости не был лишен и Павел Иванович Чичиков, и чижик в целом ряде черт ассоциируется также с этим гоголевским персонажем. Чичикова он напоминает похожестью на «приятное и опрятное общее место» [Белый: 88], родом занятий (в рукописном варианте сказки чижик, как и Чичиков, служил по таможенному ведомству), наличием «копилки» («шкатулки»), состоянии которой герой сказки «от природы имел потребность» знать во всякое время «в точности» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 127] и предпринимательской жилкой — чижик, как и гоголевский герой, склонен «попользоваться» от казенного пирога, он «скопил капиталец» «нелицеприятными действиями» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 117].

В целом биография чижика, рассказанная в первой половине сказки, рисует его типичным чиновником, «майором», сосредоточенным на собственном благополучии и образовавшем «ум и сердце» в интендантском ведомстве. В Крымскую кампанию герой «для лошадей сено со всячинкой заготовлял» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 122], поступая подобно описанным М. Е. Салтыковым-Щедриним подрядчикам, которые в «горькую годину» в жизни страны находили возможным поставлять ополченцам «сапоги с картонными подметками, <...> снабжали солдат кремневыми ружьями, в которых, вместо кремня, была вставлена выкрашенная чурочка, и т. д.», но «сами себя не считали злодеями», ибо действовали «простоудушно» [Салтыков-Щедрин; т. 11: 434–435]. Так же «простоудушен» и чижик: идеалы его не идут далее утопии «семейного очага», воплощенной в символах самовара, халата и двуспальной кровати; его культурный уровень ограничен интендантскими анекдотами и рассказами игривого содержания:

«Когда я в интендантском ведомстве служил, так одна трясогюзочка была-с. Ну, такая, доложу вам, — отдай всё, да и мало! И тоже на первых порах: "Хи-хи" да "ха-ха!" Я ей говорю: "Познакомимтесь, мамзель!", а она: "Ах, нет, вы противный!" <...> Туда-сюда... настиг-с! И что же-с: впоследствии даже хвалила!» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 118].

Помимо литературных ассоциаций, с чижигом первой части сказки связан мотив куклы, появляющийся буквально с первых строк:

«Канарейку за чижику замуж выдали и свадьбу на славу справили. В магазине "Забавы и дела" купили новенькую кирку...» (курсив мой. — М. А.) [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 116].

Салтыков всегда иносказателен, поэтому вместо православной церкви у него лютеранская кирка, где венчали новобрачных, но если кирка игрушечная, приобретенная в магазине «Забавы и дела», то, следовательно, и все, что происходит в сказке за этим, происходит как бы в декорациях театра кукол, а загадочный «покупатель кирки» не кто иной, как сказочник, который в прологе расставляет фигуры, чтобы начать действие.

Напомню, что мотив куклы В. В. Гиппиус характеризовал как мотив «омертвения или механизации» [Гиппиус: 303]. В плане механизации сам образ чижа (птицы) ассоциировался у автора сказки с повторяющейся бесцельной работой: тасканием игрушечного ведерка — этому фокусу обучали понятливых чижей российские умельцы⁶. Еще в 1864 г. Салтыков использовал образ «таскания ведерка» для характеристики деятельности публицистов «Эпохи», которая представлялась сатирику бессмысленной:

«Вы напоминаете тех ученых чижигов, которые из крохотных колодчиков вытаскивают миниатюрненькие ведёрки с водой, вытаскивают и опять погружают, и опять вытаскивают...» [Салтыков-Щедрин; т. 6: 521].

⁶ Об этом пишет И. Т. Кокорев в очерке «Мелкая промышленность в Москве»: «...Глава семейства трет табак, чинит сапожное старье, делает картонные домики для чижигов и обучает понятливую птичку поднимать ведерку с водой» (Кокорев И. Т. Очерки и рассказы. Ч. 1–3. М.: Унив. тип., 1858. Ч. 1: [Очерки Москвы]. С. 90). Любопытно, что в цикле «Сказки», везде, где появляется чижиж, есть и таскание ведра: «Особенный это был чижиж, умный: и ведерко таскать умел, и спеть, по нужде, за канарейку мог» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 51]; «Вон чижиж: только и науки у него, что ведерко с водой таскать умеет, а какие деньги за этакого-то платят» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 75]. В «Чижиговом горе» чижиж «охотно выставлял на вид, что солидным своим положением в обществе обязан единственно самому себе. Даже ведерко с водой он выучился таскать самоучкою» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 117].

Кроме того, мотив куклы проявляется подчеркиванием автоматизма жестов героя:

«Ах, как вы уморительно ножкой шаркаете! Шаркните еще, еще... вот так! Ха-ха!» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 121]⁷.

В «Чижиковом горе» мотив куклы исследователи традиционно связывали с канарейкой, хотя Салтыков, щедрый на употребление слова «куколка» в отношении героинь своих циклов, Прозерпиночку так не именует: «куклой бесчувственной» называет жену чижик; автором же для обрисовки ее характера использовано слово «канарейка». Прозерпиночка — воспитанница своей матери, которая «как смолоду канарейкой была, так и под старость канарейкой осталась»:

«Прыгала с жердочки на жердочку, высматривала, нет ли где кавалеров, и с благодарностью вспоминала, как она, будучи предводительшею, писанные пряники ела, а павлин-губернатор, завидев ее, хвост распускал» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 119].

Во многих чертах канарейка схожа с представительницами типа «женщин-куколок» у сатирика: она так же, как Ольга Персианова («Господа ташкентцы») или Натали Неугодова («Круглый год»), «выкормлена» в «специально устроенном садке» [Салтыков-Щедрин; т. 10: 82]; так же склонна порхать по жизни, любыми способами вытягивая деньги из ближних, чтобы тратить их на себя и свои удовольствия, и так же отличается полной неспособностью к эмпатии.

Итак, в первой половине сказки, судя по описанию героев, и чижик, и Прозерпиночка — больше куклы, чем «люди», и, как куклы, несмотря на кажущиеся различия, имеют немало общих черт. Главнейшая из них — отсутствие «чувств» и, соответственно, идеализма, восприятие мира исключительно в его прагматике. Брак для героев — не что иное, как деловая сделка; в этом смысле показателен их первый разговор до свадьбы, когда «родители с намерением оставили их вдвоем» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 121]:

⁷ В абзаце, который сатирик вычеркнул из окончательного варианта, чижик, как автомат, топал ногой при исполнении песни «Жил-был у бабушки серенький козлик»: «А нуте, еще раз, топните, майор, ножкой еще! вот так! жить так!» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 463].

«— Вы скупой? — спросила его Прозерпиночка.

— Я не скуп, а бережлив-с, — ответил чижик. — Я так полагаю: зачем деньги зря бросать, коли можно своими средствами обойтись? Но для вас, чтобы вам удовольствие сделать, я и бережливость свою готов оставить-с. <...>

— <...> Что же вы дома едите? гадость какую-нибудь?

— Сам я ем пищу, Богом предназначенную. Простую, но здоровую. А для вас я канареечное семя предоставлю-с.

— Ах, нет, я салат больше люблю!

— И салатцу достать не диковинка-с. Слетаю утречком в огород и нащиплю по секрету-с. Другому бы это больших денег стоило, а я для вас и задаром спворю!

— Ну, а какой же вы мне подарок сделаете? Недавно вот из Парижа новые фасоны манжеток прислали... подарите-ка! а?

— С превеликим моим удовольствием-с. Сегодня же пауку закажу, чтобы завтра чуть свет были готовы.

— Да, но ведь такие манжетки дороги...

— Не извольте беспокоиться-с! Придет ко мне ужо паук за деньгами, а я его съем-с. Вот мы и будем квиты.

— Ха-ха! какой вы уморительный!» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 121–122].

Казалось бы, характеры чижика и канарейки, обрисованные так определенно, должны, как и положено по законам реализма, быть психологически выдержанными, но проблема в том, что оба героя в первой части сказки совсем не похожи на самих себя во второй, с ними (особенно с чижиком) происходят существенные метаморфозы. Чижик, способный первоначально лишь анекдоты да пошлые истории рассказывать, после свадьбы вдруг начинает изъясняться высоким стилем и даже цитировать П. Корнеля. Меняется и авторская интонация, благодаря которой из сатирического модуса герой перемещается чуть ли не в элегический и, наряду со скупым, недалеким, вороватым и пошло-циническим «чижиком первым», в сказке парадоксальным образом возникает тонко чувствующий лирико-романтический «чижик второй»⁸:

⁸ Совершающееся после венчания преобразование героя столь стремительно, что походит на волшебство: показателен в этом смысле его монолог после брачной ночи, в котором попытка самооправдания представлена в разных культурных дискурсах. Первоначальная речь соответствует

Чижик до свадьбы («чижик первый»)	Чижик после свадьбы («чижик второй»)
<p>«В наружности его <...> не замечалось ничего обольстительного или блестящего; напротив, вся его фигура поражала несомненно будничностью и заурядностью (здесь и далее в цитате курсив мой. — М. А.) Даже воробы смеялись, как он, желая сказать девице комплимент, потряхивал фалдочками и пушал глаза враскос. Да и комплименты выходили у него неинтересные: либо интендантский анекдот расскажет, либо похвастанется, что, как бы дешево ни просил с него извозчик, он ему всегда пятакком меньше дает, а ежели время терпит, то и пешком дойдет. — И вот, благодарение Богу, — обыкновенно заканчивал он, — не только себя могу прокормить, но и семью-с.</p> <p>Родителям такие речи очень нравились, и они так усердно ловили его в свои силки, что однажды чуть было совсем не удавили. Но дочки-девицы называли его "<i>интендантскою холерою</i>" и при появлении его мгновенно разлетались, хотя маменьки и приказывали им: "Рестё!"» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 117–118]</p>	<p>«Хорошо ему было! дивно! Теплая ночь благоухала; звезды в темной синеве неба, как алмазы, играли; а он, чижик, весь горел! Восторг катился по жилам его, дивный, опьяняющий восторг! Не то петь ему хотелось, не то рыдать, но в то же время какая-то чуткая деликатность заставляла его сдерживать свои порывы» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 123].</p> <p>«Между тем наступила осень; птицы усиленно захлопотали около гнезд; он один ничего не предпринимал, не решаясь, лететь ли на теплые воды, или остаться на родине. Полились дожди, задули холодные ветры; роща обнажилась и тоскливо шумела; ночи сделались долгие, темные. А он целые ночи напролет, голодный и холодный, просиживал, не смыкаячи очей, у входа своего неухиченного дупла и ждал» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 128]</p>

уровню и типу мышления «чижика первого» («Кабы я был этому делу причинен, — говорил он себе, — ну, тогда точно! Хоть голову с меня снимите, ежели я виноват, — слова не скажу! А то никакой с моей стороны причины нет — и на-тко что сделалось!») [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 124]. Но затем происходит «переключение регистра», и перед читателем неожиданно предстает «чижик второй», изъясняющийся в принципиально иной культурной системе: «Есть факты, относительно которых закон причинности не допускается. Они должны быть осуществлены — неупустительно, и никакая логомахия не воссоздаст того, что должно было быть и чего не было. Нет для него оправданий! Нет! <...> Он должен был отразить нападение пьяной ватаги; он должен был сделать свое гнездо неприступным, должен был грудью защищать свое право на осуществление "долга", вступить, во имя долга, в кровавый бой... Qu'il mourût!» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 124].

Аналогичные изменения (хотя и не столь радикальные) происходят с канарейкой. Несмотря на то, что героиню сказки многое роднит с типом «женщин-куколок», между нею и ими есть существенная разница. Мир кукол у Салтыков-Щедрин — это мертвое царство, где «все в какой-то отупелой безнадежности застыло и онемело» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 95], поэтому все героини-«куколки» статичны, они «куколки» «на сколько угодно лет» [Салтыков-Щедрин; т. 13: 484]. Прозерпиночка же, пережив адюльтер, приведший к потере статуса и денег, меняется: чижик с трудом узнает красавицу-канарейку в дрожащей «не то от холода, не то от стыда» супруге [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 130].

Трансформацию, происходящую с героями, можно объяснить двояко: законами рождественской сказки, первооткрывателем которой в европейских литературах во многом стал Ч. Диккенс, и полемикой сатирика с «психологами» (натуралистами), противопоставлявшими себя писателям-«идеалистам» (хотя оба эти фактора, по сути, взаимосвязаны). Диккенс в «рождественских повестях» был великим идеалистом, рассказывая о чуде нравственного подвига и нравственного перерождения человека. И во второй части «Чижикова горя» совершается аналогичное диккенсовскому⁹ чудо перерождения (а точнее, рождения): чижик и канарейка, эти куклы, эти «мертвые души», чудесным образом оживают. Чижик оживляется любовью (причем, ввиду отсутствия супружеских отношений, любовью чисто платонической), а канарейка — стыдом. Что-то вроде стыда испытывает и чижик, впервые после бегства жены вспоминающий о многочисленных холостяцких интригах:

«...Например, трясогузочка-с. <...> Жениться бы ему на ней, а он, вместо того, с шестерыми ребятами ее бросил! Или опять: заехал он раз к перепелочке-вдове, которая постоялый двор при дороге держала и просом да гречневой крупой поторговывала. <...> И тут бы ему жениться следовало, а он пообещал — и был таков!» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 128].

⁹ Чудо перерождения можно считать и «гоголевским», неслучайно в русской критике «рождественские повести» Ч. Диккенса сопоставлялись с «Мертвыми душами» Н. В. Гоголя [Катарский: 143].

И если «чижик первый» гордился подобными победами, то «чижик второй» отвергает саму мысль о них:

«Не о трясогузках и перепелках он должен думать — нет, не о них! Отныне ему предстоит одно: изнывать от боли и ждать. Ждать свою бесценную желтенькую барышню, свою Богом данную жену!» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 129].

Повторяющийся в сказке мотив «Богом данной жены» свидетельствует о том, что авторская концепция связана не только с любовью, но и с идеей христианского брака — таинства, символически уподобляемого союзу Христа и Церкви и имеющего целью в том числе духовное возвышение супругов. И хотя отношения «молодых» описаны в сказке с большой долей иронии¹⁰, нельзя отрицать, что герой на протяжении развертывания сюжета все больше проявляет способность к христианской любви, которая «долготерпит» и «все переносит»: он и смешон, и трагичен, уговаривая «открыться» ему как «отцу» или «брату» исчезающую по ночам супругу.

Исследователи творчества Диккенса указывают на связь «Рождественской песни в прозе» с библейскими темами, сюжетами и образами [Михновец], полагая, что христианская тема в повести дает основание рассматривать ее как аллегорию христианской концепции искупления. М. Бондаренко одной из основных моделей диккенсовского рождественского сюжета видит модель трансформации «героя-мизантропа», основные вехи пути которого «вина — исправление — искупление» [Бондаренко: 14]. Тема «искупления» звучит и в «Чижиковом горе». Неслучайно в сказке появляется определение «майорский мартиролог» — в результате нравственных страданий герой лишается внешних статусных атрибутов, символически «обнажается»: от «аккуратно застегнутого, чистенького и сытенького чижика не осталось и следа; даже шпоры — и те неизвестно куда девались» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 130].

Светлого диккенсовского оптимизма у Салтыкова нет, вслед за «оживлением» и «искуплением» «воскрешения» героев не происходит. Сказка завершается открытым финалом: чижик

¹⁰ Эти отношения напоминают отношения Фанни Доррит и Спарклера в романе Ч. Диккенса «Крошка Доррит». М. Е. Салтыков хорошо помнил этих героев Диккенса, он даже пародировал манеру речи Спарклера (см.: Рейфман: 643).

и канарейка либо «ждут чуда, которое растворит их сердца и наполнит их ликованиями прощения и любви» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 130], либо «сознают себя окончательно раздавленными и угрюмо ропщут», обвиняя друг друга в жизненном крахе [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 130]. Советское литературоведение полагало, что второй вариант, как более реалистичный, является единственно верным, и, соответственно, трактовало «Чижиково горе» как «очень грустную сказку» [Макашин: 407]. Однако амбивалентность концовки предполагает «самостоятельный выбор рецептивной позиции» [Агратин]. Кроме того, возможность «прощения и любви» изначально заложена в произведении законами рождественского жанра. Более того, рождественская повесть-сказка Диккенса, как известно, на русской почве трансформировалась в пасхальный рассказ, призванный «напомнить читателю евангельские истины» и связанный с «праздниками всего Пасхального цикла от Великого поста до Троицы и Духова дня» [Захаров: 256]. Знаменательно, что сюжетное действие в «Чижиковом горе», длящееся около года, завершается в «теплом мае», весна же в древнерусской богословской традиции (в «Слове преп. Кирилла Туровского на вторую неделю по Пасхе») аллегорически соотносится «с верой Христовой, крещением возрождающей человеческую природу» (цит. по: [Завельская: 134]). И весенний — пасхальный — контекст также указывает на «ликования прощения и любви» как возможный (пусть даже в идеале) духовный путь героев.

Исследователи творчества Диккенса (см., напр.: [Корзина]) обращают внимание на жанровые особенности «Рождественской песни в прозе», представляющей собой святочный гимн (Christmas Carol) и повесть одновременно. У Салтыкова в «Чижиковом горе» тоже как бы совмещены два жанра: роман и сказка. И если «прозаическая» концовка коррелирует с романом в его натуралистическом приземленном варианте, то вторая — оптимистичная — соответствует сказочному началу, являясь, как и у Диккенса, авторским символом веры, вносящим в финал «Чижикова горя» ощутимую долю оптимизма.

Последний вопрос: имеет ли сказка автобиографическое звучание? Представляется, что ввиду ее «литературности» неправомерно проводить прямые параллели между героями и реальными людьми (например, между канарейкой и Елизаветой Аполлоновной¹¹), однако более сложные соответствия между сказкой и биографией писателя, возможно, существуют. Сказка уникальна тем, что являет собой редкий в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина текст, где он высказался на тему любви (ибо был, как сказано в «Круглом годе» устами автобиографического героя, «тоже не чужд соловьев и роз» [Салтыков-Щедрин; т. 13: 468]) и сделал это характерным для своей поэтики способом: через аллегорию.

Здесь надо обратить внимание на необычное — знаково-символическое — имя героини: Прозерпина (Персефона). Это имя, согласно «Реальному словарю классических древностей», издаваемому в одно время с появлением сказки, принадлежит «грозной повелительнице теней», владычествующей над душами умерших [Любкер: 1011]; в мистериях Деметры Прозерпина (Персефона) являлась «символом бессмертия души» — хлебного зерна, которое, «будучи опущено в мрак земли, вырастает для новой жизни» [Любкер: 1012]. Мифологический образ прозрачно поясняет аллегорию сказки: Прозерпиночка получает власть над «мертвой» душой героя, но, утаскивая эту душу в загробный мир (символический «ад»), она одновременно способствует прорастанию в ней ростков новой жизни.

Символика «Чижикова горя» отчасти приоткрывает тайну противоречивого, по мнению ряда биографов, отношения

¹¹ Такие параллели прослеживаются у С. А. Макашина: «В образе легкомысленной и бездушной "красавицы канарейки" присутствуют черты все тех же "куколок" салтыковской сатиры, присущие характеру и поведению Елизаветы Аполлоновны. Схожи с семейной биографией писателя и некоторые сюжетные элементы сказки. Такова, например, история сближения и свадьбы канарейки и чижа: "Страсть к красавице канарейке до такой степени овладела всеми его помыслами, что он, вопреки своей обычной осмотрительности, пренебрег даже справиться, что за птица была его невеста и есть ли за нею какое-нибудь приданое" <...> (о том, что его невеста — бесприданница, Салтыков узнал уже после того, как сделал предложение и оно было принято)» [Макашин: 407].

М. Е. Салтыкова к жене¹². Надо заметить, что советские исследователи (да и современники писателя) исходили из стереотипа жены как «соратницы». Так, С. А. Макашин с неудовольствием писал, что Елизавета Аполлоновна была лишена «каких-либо идейных устремлений», принадлежала к типу «безыдейной, сексуальной и всецело погруженной в "мелочи жизни" женственности» [Макашин: 406]. Действительно, известно, что некоторые качества супруги раздражали Михаила Евграфовича, но он (лучше многих своих поклонников) понимал, что любят все-таки не за «идейные устремления». Представляется, в «Чижиковом горе» есть единственное место, соотносимое с биографией автора: М. Е. Салтыков, несомненно, имел в виду не чижика первой части сказки (душевно черствого и недалекого), а себя, заметив, что накануне свадьбы «он очень многое и очень тонко понимал. Но в то же время он ясно видел, что попался и что судьба его решена бесповоротно и навсегда. Почему навсегда? — он не мог себе дать в этом отчета, а только одно твердил: "Бесповоротно! навсегда!"» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 123].

Таким образом, «Чижиково горе» — сложная сказка, в которой за многочисленными литературными контекстами высказаны взгляды М. Е. Салтыкова-Щедрина на проблему любви и брака. Рассматривая тему семьи, сатирик пародийно сопоставляет художественные концепции и взгляды натуралистов и «идеалистов», откровенно становясь на точку зрения последних. Л. Полонский писал, что Диккенс в «Рождественской песне» поставил лицом к лицу мир «грез, упований, веры в доброе, потребности в идеале» с «типом жесточайшего эгоизма, холодного расчета, <...> полного отрицания всякого идеала и всякой нужды в идеале вообще» [Полонский: 371]. В принципе, то же самое сделал и Салтыков-Щедрин в своей рождественской сказке, где, как и у Диккенса, жизненный прагматизм и эгоизм

¹² Хорошо известны оценки взаимоотношений супругов Салтыковых, данные С. А. Унковской («Михаил Евграфович постоянно сердился на нее, кричал, обвинял в невнимании к себе, но вместе с тем сильно любил ее, не мог без нее жить, требовал, чтобы она всегда была при нем» [Унковская: 106]) и другими биографами.

героев становится причиной их безотрадного существования, из которого возможен единственный выход: в мир христианских ценностей. У Салтыкова, безусловно, больше, чем у Диккенса, прозаичности во взгляде на мир, но обоих писателей можно отнести к категории «идеалистов»: «поэтической вене» в творчестве Диккенса [Полонский: 372] соответствует постоянная потребность Салтыкова вознести сердце горе (*sursum corda*).

Неудивительно, что авторская концепция любви и брака в «Чижиково горе» близка христианской традиции; за иронией и сатирой в сказке спрятан столь характерный для национального сознания нравственный абсолют. И, несомненно, этот абсолют отличал также и личностную позицию писателя, исповедовавшего, несмотря на пугавшую современников суровость и резкость, веру в любовь «навсегда».

Список литературы

1. Агратин А. Е. Феномен открытого финала с точки зрения исторической нарратологии // *Narratorium*. 2022. № 1 (16) [Электронный ресурс]. URL: <https://narratorium.ru/2022/12/12/феномен-открытого-финала-с-точки-зрен/> (10.12.2024). EDN: WJWSPM
2. Баскаков В. Н. Комментарии: М. Е. Салтыков-Щедрин. Сказки // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 16. Кн. 1. С. 462–463.
3. Белый А. Мастерство Гоголя: исследование. М.: ОГИЗ; Л.: ГИХЛ, 1934. 324 с.
4. Бондаренко М. И. Традиции «Рождественских повестей» Диккенса в русском святочном рассказе 1840–1890-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Коломна, 2006. 25 с. EDN: ZNRCRP
5. Бушмин А. С., Баскаков В. Н. «Сказки» Салтыкова-Щедрина. Становление жанра. Творческая история. Восприятие // Салтыков-Щедрин М. Е. Сказки. Л.: Наука, 1988. С. 223–244.
6. Вихорева Н. Н. Традиции классического французского натурализма в русской литературе конца XIX — начала XX в. // *Мировая литература в контексте культуры*. 2006. № 1. С. 42–46 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-klassicheskogo-frantsuzskogo-naturalizma-v-russkoy-literature-kontsa-xix-nachala-xx-v/viewer> (10.12.2024). EDN: QJILBJ
7. Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. М.; Л.: Наука, 1966. 348 с.
8. Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра / Санкт-Петербург. гос. ун-т. СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. 256 с.

9. Завельская Д. А. Мотив чуда в изображении христианского праздника русской литературной традицией // Вестник славянских культур. 2019. Т. 51. С. 125–140 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-sk.ru/assets/files/12-Zavelskaya.pdf> (10.12.2024). EDN: DTHBDL
10. Захаров В. Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 3. С. 249–261 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2403> (10.12.2024). EDN: RUYJWR
11. Золя Э. Собр. соч.: в 26 т. М.: Гослитиздат, 1966. Т. 25. 767 с.
12. Катарский И. М. Диккенс в России. Середина XIX в. М.: Наука, 1966. 428 с.
13. Клеман М. К. Эмиль Зола: сб. ст. Л.: Гослитиздат, 1934. 304 с.
14. Корзина Н. А. “A Christmas Carol in prose” Ч. Диккенса как Christmas Carol // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 1. С. 68–74 [Электронный ресурс]. URL: https://eprints.tversu.ru/id/eprint/5036/1/Вестник_ТвГУ_Серия_Филология_2015._1._С._68-74.pdf (10.12.2024). EDN: TTVPFZ
15. Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей по Любкеру. СПб.: О-во классич. филологии и педагогики Ф. Гельбке, Л. Георгиевского [и др.], 1885. [2], IV, 1552 с.
16. Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Последние годы, 1875–1889: биография. М.: Худож. лит., 1989. 526 с.
17. Михновец Н. Г. «Рождественская песнь в прозе» Ч. Диккенса как произведение-посредник и тип культуры // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. Вып. 8. С. 127–146 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2598> (10.12.2024). EDN: RUYMGF
18. Полонский Л. А. Сказки Диккенса // Полонский Л. А. На досуге. СПб.: Типо-лит. Р. Голике, 1884. Т. 1. С. 347–384.
19. Рейфман П. С. Комментарии: М. Е. Салтыков-Щедрин. Критика и публицистика. 1856–1864 // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1966. Т. 5. С. 641–644.
20. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1965–1977.
21. Старыгина Н. Н. Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1992. Вып. 2. С. 113–127 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2365> (10.12.2024). EDN: SFOGB
22. Унковская С. А. Мои воспоминания о М. Е. Салтыкове-Щедрине // М. Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra: личность и творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / Русская христианская гуманитарная акад.; [сост., вступ. ст., коммент.: С. Ф. Дмитренко]. СПб.: РХГА, 2013. Кн. 1. С. 104–111.

References

1. Agratin A. E. The Phenomenon of an Open Ending from the Point of View of Historical Narratology. In: *Narratorium*, 2022, no. 1 (16). Available at: <https://narratorium.ru/2022/12/12/феномен-открытого-финала-с-точки-зрения/> (accessed on December 12, 2024). EDN: WJWSPM (In Russ.)
2. Baskakov V. N. Comments: M. E. Saltykov-Shchedrin. Fairy Tales. In: *Saltykov-Shchedrin M. E. Sobranie sochineniy: v 20 tomakh* [Saltykov-Shchedrin M. E. *Collected Works: in 20 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1974, vol. 16, book 1, pp. 462–463. (In Russ.)
3. Belyy A. *Masterstvo Gogolya: issledovanie* [Gogol’s *Mastery: Research*]. Moscow, Ob’edinenie gosudarstvennykh knizhno-zhurnal’nykh izdatel’stv Publ., Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel’svo khudozhestvennoy literatury Publ., 1934. 324 p. (In Russ.)
4. Bondarenko M. I. *Traditsii “Rozhdestvenskikh povestey” Dikkensa v russkom svyatochnom rasskaze 1840–1890-kh gg.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Traditions of Dickens’s “Christmas Short Novels” in Russian Christmas Story of the 1840s — 1890s. *PhD. philol. sci. diss. abstract*]. Kolomna, 2006. 25 p. EDN: ZNRCRP (In Russ.)
5. Bushmin A. S., Baskakov V. N. “Fairy Tales” by Saltykov-Shchedrin. Formation of the Genre. Creative History. Perception. In: *Saltykov-Shchedrin M. E. Skazki* [Saltykov-Shchedrin M. E. *Fairy Tales*]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, pp. 223–244. (In Russ.)
6. Vikhoreva N. N. Traditions of Classical French Naturalism in Russian Literature of the Late 19th — Early 20th Centuries. In: *Mirovaya literatura v kontekste kul’tury* [World Literature in the Context of Culture], 2006, no. 1, pp. 42–46. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-klassicheskogo-frantsuzskogo-naturalizma-v-russkoy-literature-kontsa-xix-nachala-xx-v/viewer> (accessed on December 12, 2024). EDN: QJILBJ (In Russ.)
7. Gippius V. V. *Ot Pushkina do Bloka* [From Pushkin to Blok]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. 348 p. (In Russ.)
8. Dushechkina E. V. *Russkii svyatochnyy rasskaz: stanovlenie zhanra* [Russian Christmas Story: the Formation of the Genre]. St. Petersburg, Language Center of Saint Petersburg State University Publ., 1995. 256 p. (In Russ.)
9. Zavel’skaya D. A. The Motif of the Miracle in the Christian Holiday’s Imagery of Russian Literary Tradition. In: *Vestnik slavyanskikh kul’tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2019, vol. 51, pp. 125–140. Available at: <http://vestnik-sk.ru/assets/files/12-Zavelskaya.pdf> (accessed on December 12, 2024). EDN: DTHBDL (In Russ.)
10. Zakharov V. N. Easter Story as a Russian Literary Genre. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrosavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, issue 3, pp. 249–261. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2403> (accessed on December 12, 2024). EDN: RUYJWR (In Russ.)
11. Zolya E. *Sobranie sochineniy: v 26 tomakh* [Collected Works: in 26 Vols]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1966, vol. 25. 767 p. (In Russ.)

12. Katarskiy I. M. *Dikens v Rossii. Seredina XIX v. [Dickens in Russia. Mid-19th Century]*. Moscow, Nauka Publ., 1966. 428 p. (In Russ.)
13. Kleman M. K. *Emil' Zola: sbornik statey [Emil Zola: Collection of Articles]*. Leningrad, Goslitizdat Publ., 1934. 304 p. (In Russ.)
14. Korzina N. A. "A Christmas Carol in Prose" by C. Dickens as Christmas Carol. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya [Vestnik TvGU. Series: Philology]*, 2015, no. 1, pp. 68–74. Available at: https://eprints.tversu.ru/id/eprint/5036/1/Вестник_ТвГУ_Серия_Филология_2015_1_С_68-74.pdf (accessed on December 12, 2024). EDN: TTVPFZ (In Russ.)
15. Lyubker F. *Real'nyy slovar' klassicheskikh drevnostey po Lyubkeru [The Real Dictionary of Classical Antiquities by Lubker]*. St. Petersburg, Obshchestvo klassicheskoy filologii i pedagogiki Publ., 1885. [2], IV, 1552 p. (In Russ.)
16. Makashin S. A. *Saltykov-Shchedrin. Poslednie gody, 1875–1889: biografiya [Saltykov-Shchedrin. The Last Years, 1875–1889: Biography]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. 526 p. (In Russ.)
17. Mikhnovets N. G. "A Christmas Carol" by Charles Dickens as a Mediator Work and Type of Culture. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrosavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2008, issue 8, pp. 127–146. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2598> (accessed on December 12, 2024). EDN: RUYMGF (In Russ.)
18. Polonskiy L. A. Fairy Tales by Dickens. In: *Polonskiy L. A. Na dosuge [Polonsky L. A. At Leisure]*. St. Petersburg, Tipolitoografiya R. Golike Publ., 1884, pp. 347–384. (In Russ.)
19. Reyfman P. S. Comments: M. E. Saltykov-Shchedrin. Criticism and Journalism. 1856–1864. In: *Saltykov-Shchedrin M. E. Sobranie sochineniy: v 20 tomakh [Saltykov-Shchedrin M. E. Collected Works: in 20 Vols]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1966, vol. 5, pp. 641–644. (In Russ.)
20. Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochineniy: v 20 tomakh [Collected Works: in 20 Vols]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1965–1977. (In Russ.)
21. Starygina N. N. Christmas Story as a Genre. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrosavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1992, issue 2, pp. 113–127. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2365> (accessed on December 12, 2024). EDN: SFOGB (In Russ.)
22. Unkovskaya S. A. My Memories of M. E. Saltykov-Shchedrin. In: *M. E. Saltykov-Shchedrin: pro et contra: lichnost' i tvorchestvo M. E. Saltykova-Shchedrina v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley: antologiya [M. E. Saltykov-Shchedrin: Pro et Contra: Personality and Works of M. E. Saltykov-Shchedrin in the Assessment of Russian Thinkers and Researchers: an Anthology]*. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2013, book 1, pp. 104–111. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Алякринская Марина Андреевна, Marina A. Alyakrinskaya, PhD (Философия), Associate Professor of the Department of the Journalism and Media Communications, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Northwestern Institute of Management (Sredniy prospekt Vasil'evskogo ostrova 57/43, St. Petersburg, 199178, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6581-2988>; e-mail: alyakrinskaya-ma@ranepa.ru.

Поступила в редакцию / Received 20.12.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.01.2025

Принята к публикации / Accepted 16.01.2025

Дата публикации / Date of publication 14.02.2025

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.13842

EDN: VMRRLE

Поэтика рассказа Л. Н. Толстого «Много ли человеку земли нужно»

Д. Л. Куликова

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького,
Российская академия наук
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: dasha0kulikova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена система персонажей рассказа Л. Н. Толстого «Много ли человеку земли нужно», проанализированы трансформации сказочных образов, пространство, время, аудиовизуальные детали. С опорой на архивные материалы (автограф и авторизованные копии рукописей рассказа) прослежено поэтапное введение автором основных мотивов и образов. Так, история второстепенного персонажа — мужика Семена — появляется только в третьей редакции рассказа. Именно этот антагонист утверждает образ Пахома как отрицательного протагониста. Рассказ совмещает в себе поэтику сказки и реалистического произведения. Свойственная фольклору статичность образа главного героя в кульминационной сцене «обхода земли» дополнена изображением его психологического состояния. Этот эпизод наделен также чертами онейрического текста, то есть описания сна. Духовное заблуждение Пахома, преследующего ложную цель завладеть как можно большим наделом земли, особенно проявляется в финале рассказа — в искаженном восприятии им пространства и времени. Результаты исследования важны для утверждения значения «народных рассказов» Толстого как уникального эксперимента, имеющего не только нравственную, но и эстетическую ценность.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, хронотоп, время, художественное пространство, поэтика, народные рассказы, система образов, онейрический текст, фольклоризм, психологизм

Для цитирования: Куликова Д. Л. Поэтика рассказа Л. Н. Толстого «Много ли человеку земли нужно» // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 1. С. 188–206. DOI: 10.15393/j9.art.2025.13842. EDN: VMRRLE

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.13842

EDN: VMRRLE

Poetics of L. N. Tolstoy's Story “How Much Land Does a Man Need”

Daria L. Kulikova

*A. M. Gorky Institute of World Literature
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: dasha0kulikova@yandex.ru

Abstract. The article examines the character system in Leo Tolstoy's short story “How much land does a man need?”, analyzing the transformations of fairy-tale images, space, time, and audiovisual details. Based on archival materials (autograph and authorized copies of the story's manuscripts), the author traces the gradual introduction of the main motives and images. Thus, the story of a minor character, Semyon the peasant, appears only in the third edition of the story. It is this antagonist who establishes the image of Pahom as a negative protagonist. The story combines the poetics of a fairy tale and that of a realistic work. The main character's static nature in the climactic scene of “circumambulation of the earth,” characteristic of folklore, is complemented by the image of his psychological state. This episode is also endowed with the features of an oneiric text, that is, a description of a dream. The spiritual delusion of Pakhom, who pursues the false goal of seizing as much land as possible, is especially evident in the finale of the story — in his distorted perception of space. The results of the study confirm the significance of Tolstoy's “folk stories” as a unique experiment that has not only moral, but also aesthetic value.

Keywords: L. N. Tolstoy, chronotope, time, artistic space, poetics, folk stories, image system, oneiric text, folklorism, psychologism

For citation: Kulikova D. L. Poetics of L. N. Tolstoy's Story “How Much Land Does a Man Need”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 188–206. DOI: 10.15393/j9.art.2025.13842. EDN: VMRRLE (In Russ.)

На настоящий момент не существует исследования, в котором было бы представлено целостное рассмотрение поэтики рассказа Л. Н. Толстого «Много ли человеку земли нужно» (1886). Народным рассказам Толстого и его творчеству 1880–1890-х гг. посвящено немало исследований. Среди новейших следует отметить статьи Н. И. Городиловой [Городилова, 2023а, 2023б], И. И. Сизовой [Сизова], которые демонстрируют,

что именно текстологический анализ позднего творчества Толстого позволяет увидеть многоуровневую работу над стилем и сюжетом рассказов, написанных для народного чтения. Прослеживание творческой истории народных рассказов Толстого убеждает в необходимости внимательного изучения формальной стороны этих текстов.

Работы, обращенные непосредственно к анализу рассказа «Много ли земли человеку нужно», можно поделить на три тематических группы: посвященные языку и стилю; посвященные духовно-этической проблематике; касающиеся поэтики рассказа. Сказовая манера Толстого рассматривается как на микроуровне использования отдельных языковых единиц [Шаповалова], так и на уровне поэтики антропонимов [Масолова, 2017] и колоративов [Масолова, 2016, 2019]. Анализ отдельных языковых аспектов рассказа способствует прояснению смысловых акцентов произведения, но не позволяет составить общего представления о его поэтике. Ряд исследований посвящен этическим и духовным проблемам рассказа [Сарбаш], [Балдин], [Полнова], однако ярко выраженный дидактизм не дает простора для интерпретаций: на примере Пахома Толстой критикует стяжательство и жадность. Наряду с нравственной проблематикой рассматривается и этнографическая сторона произведения, а именно отражение в нем быта и обычаев башкир [Абдрафикова, Хуббитдинова], [Сарбаш]. Только некоторые авторы затрагивают проблему поэтики рассказа [Балдин], [Полнова], но во всех известных нам работах «Много ли человеку земли нужно» находится на периферии исследования и рассматривается лишь в ряду прочих народных рассказов, но при этом при описании обхода земли не затрагивается ни онейропоэтика, ни использование звуковых деталей, ни трансформация фольклорных сказочных персонажей (мужик и черт). Приведенный обзор литературы убеждает, что анализ таких уровней произведения, как пространство и время, зрительные и слуховые детали, онейрический текст, позволит сделать выводы о сложности формальной организации рассказа, вступающей в противоречие с тем антиэстетизмом, который Толстой манифестирует в 1880-х гг.

В поэтике рассказа ясно выражены фольклорные мотивы: это и сказочное утроение (трижды Пахома «соблазняет» новая земля), и сказовая манера, и сказочная фантастика. Черт и мужик также кажутся типичными героями народных сказок, однако психологическая оформленность образа Пахома спорит с фольклорной условностью — как минимум ему дано собственное имя. Как отметила Е. А. Масолова, именем собственным Толстой наделяет только двух персонажей: Пахома, главного героя, и второстепенного персонажа Семена, с которым Пахом заводит судебное разбирательство [Масолова, 2017: 122]. Отметим, что даже жена Пахома, как следует из первой редакции, представленной в автографе рассказа¹, игравшая более значительную роль в сюжете, была и осталась безымянной, получив только одним родственного статуса. Если сюжет про украденные липки появился только в третьей редакции², то имя собственное Семену присвоено еще позже — в авторизованной копии рассказа³. Этот факт заставляет с особым вниманием отнестись к фигуре Семена, который, будучи бессловесной жертвой собственнической агрессии Пахома, лишь по счастливому стечению обстоятельств и благодаря правому суду избежал наказания за проступок, которого не совершал. Пахом подает в суд на Семена за десяток липок, срезанных «на лыки». Контраст между незначительностью материального урона и гневом Пахома, который жаждет отомстить «обидчику», указывает на то, что перед нами отрицательный протагонист, пороки (точнее, один порок — стяжательство) которого приводят к трагической развязке. Построение текста как сказочного обещает, как ожидается, протагониста положительного, однако Толстой разрушает это клише. Пахом — объект авторского осуждения, его судьба должна стать нравственным уроком, а пороки крестьянина призывают читателя задуматься о правильности своих духовных установок. Образ Пахома гетерогенен: он и персонаж сказки,

¹ Толстой Л. Н. Много ли человеку земли нужно // Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого (ОР ГМТ). Ф. 1 (Л. Н. Толстого). КП 4502. № 4318. Оп. 1. Л. 3.

² Там же. Оп. 3. Л. 5.

³ Там же. Оп. 4. Л. 4.

попавший в силки, расставленные нечистой силой, и персонаж притчи, переживающий экзистенциальную схватку с природой и судьбой и в результате погибающий. Вместе с тем Пахомом живет в мире не только сказочном, но и конкретно-историческом, Толстой отражает реальный быт и психологию крестьянина. Азарт черта, который захотел сбить крестьянина с пути, начался со спора двух сестер — городской и деревенской. Толстой показывает в том числе и растущий контраст уровня жизни крестьян в городе и деревне, на что указывает М. Манголд, описывая проблематизацию земельного вопроса в литературе конца XIX в. [Mangold: 75]. Крестьянская реформа 1861 г. существенно изменила уклад хозяйствования, поставила крестьян в новые условия, выдвинула перед ними новые трудности. Сюжет из рассказа «Много ли человеку...» о «потравах» помещичьего поля был в действительности распространенной проблемой, которая решалась зачастую за счет и без того бедного крестьянского сословия: «Поддерживая требования помещиков, воронежское губернское по крестьянским делам присутствие приняло специальное постановление, определявшее таксу за поправку помещичьих угодий» [Фурсов: 27]. Сюжет о переселении Пахома на «новые места» связан с другим историческим процессом: нехватка земли в центральной России, невозможность крестьянам прокормиться на наделной земле вынуждала их переселяться в менее населенные регионы. Приобретение земель у кочевых народов — также историческая деталь, отражающая трагический процесс распада векового уклада жизни башкир.

Особое и сюжетное, и символическое значение имеет в рассказе образ земли. Она как пространство наполовину реальна, наполовину виртуальна — это пространство фантазий Пахома, порожденных дьявольским соблазном. Земельный надел — земля-матушка, защита и опора мужика, дающая Пахому уверенность в собственных силах, а его жене — возможность найти аргумент в споре с горожанкой-сестрой. Земля и источник «греха», эмоционального дискомфорта: притеснения приказчика провоцировали конфликты Пахома с семьей:

«Расплачивается Пахом и домашних ругает и бьет. И много греха от этого приказчика принял за лето Пахом»⁴.

«Грех» здесь, с точки зрения Пахома, вызван нехваткой земли, хотя весь дальнейший сюжет, напротив, будет убеждать, в «греховности» владения землей. Собственнические инстинкты, которые Толстой обличает в рассказе, подталкивали Пахома всю жизнь «забрать» больше земли «в вечность». Необходимо обратить внимание, что повесть «Холстомер», которая до-рабатывалась как раз в 1885–1886 гг., примерно в то же время, когда был написан и рассказ «Много ли человеку...», содержит схожую писательскую оценку: Холстомер думает, что стремление завладеть землей отличает людей от коней, и симпатии автора в этой ситуации не на стороне первых. Амбивалентный смысловой заряд, который приобретает образ земли, вероятнее всего, связан с интересом Толстого в этот период к джорджизму. Джорджизм отрицает право частной собственности на землю, так как земля принадлежит всему человечеству.

Увеличение земельного надела — единственная перспектива, которая вдохновляет Пахома: во-первых, она дает возможность обогащения, расширения хозяйства («заведу заведенье»), во-вторых, сулит удовлетворение эго — долгожданную свободу от нежеланного сотрудничества с мужиками и купцами («никому кланяться не буду»). Однако тема гордыни и тщеславия Пахома возникает не только здесь, но и в финале, когда не жадность, не опасение потерять свою тысячу рублей и погубить «дело», а единственно страх, что его «дураком назовут», помешал прекратить убийственную гонку.

Примечательна трансформация образа черта. Представление о черте как о существе, живущем рядом с человеком («чорт за печкой сидел, все слышал» — 68), вполне соответствует известным народным суевериям. При этом обратим внимание на суждение исследовательницы славянской демонологии Е. Е. Левкиевской: «...черт в народных поверьях — это самостоятельный персонаж, не имеющий ничего общего с дьяволом

⁴Толстой Л. Н. Много ли человеку земли нужно // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Серия первая: произведения. М.: Госиздат, 1937. Т. 25: произведения 1880-х гг. С. 68. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

или Сатаной — образами, пришедшими в славянскую культуру из библейских текстов вместе с христианством»⁵. Толстому, несомненно, был знаком сборник сказок Афанасьева, в котором приведена сказка «Кузнец и черт». В этом фольклорном сюжете черт мало соотносим с inferнальными силами, которые охотятся за бессмертной душой человека: черт сотрудничает с кузнецом, а после его смерти хочет такой же договор заключить с его сыном, но долго терпит от него побои, в конце концов не выдерживает и идет на решительную авантюру, чтобы склонить упряма на свою сторону. Как это отражено и у Н. В. Гоголя в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» (1830), черт беззащитен перед физической силой, в его власти колдовство (оборотничество, обман, мнимые чудеса) и прочие хитрости. Сюжет о «споре» также кажется узнаваемым, в том числе по пушкинской «Сказке о попе и о работнике его Балде» (1831), где фигурируют бес и бесенок. «В них [бесах], безусловно, нет ничего от дьявола — ведь в ином случае поп просто не мог бы поддерживать с ними какие-либо деловые отношения...» [Ухова: 120]. Отчасти Толстой воспроизводит пушкинский сюжет в сказке «Как чертенок краюшку выкупал» (1886), где нравственный упадок, «оскотинивание» мужика происходит благодаря изобилию, имеющему свои корни в дьявольских проделках. Как и в «Много ли человеку...», народная демонология выступает тут элементом символического кода, знакомого читателю. Представляется, что черт у Толстого («присутствие» которого в тексте по мере работы писателя сокращается) в народном рассказе в большей степени связан с проповедническим потенциалом произведения, чем с фольклорными источниками. Черт начинает, по сути, односторонний спор с Пахомом, череду соблазнов земель, каждый из которых Пахом не выдерживает, даже и не думая остеречься от приобретения новых наделов. Магический элемент превращения черта в «соблазнителя» (староста, мужик из-за Волги, купец, мотивировавшие приобретение земли), который явно был отмечен в первой редакции⁶, в финальной редакции редуцировался,

⁵ Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. М., 2010. С. 432.

⁶ Толстой Л. Н. Много ли человеку земли нужно // ОР ГМТ. Ф. 1 (Л. Н. Толстого). КП 4502. № 4318. Оп. 1. Л. 2. В автографе дьявол «нанялся»

что тем не менее не мешает увидеть зловещее дьявольское вмешательство в каждый этап судьбы героя. Страшный и вещий сон, в котором Пахом видит непосредственно дьявола, не заставляет героя задуматься: духовное спасение невозможно, потому что гибель predetermined порочностью героя. Черт Толстого больше напоминает гофмановских inferнальных злодеев, которые подталкивают грешников к страшному падению, чем фольклорного беса.

Если Пахом как персонаж притчи статичен — он не изменяет своих функций, от начала и до конца оставаясь хозяйственным мужичком, стремящимся к богатству и независимости, — то пространство значительно меняется как в течение последнего дня пахомовой жизни, так и по мере движения сюжета рассказа.

Обратимся к пространственно-временной организации рассказа. По мнению А. Балдина, «антитезой "добро-зло" в народных рассказах Толстого как бы задаются определенные пространственные рамки: зло посредством внешних обстоятельств постепенно сужает пространство окружающего мира вокруг человека, а добро расширяет» [Балдин: 19]. Это меткое наблюдение подтверждается изображением пространства в рассказе, которое иллюстрирует нравственную концепцию Толстого. Чем больший надел земли приобретает Пахом, тем больше он заблуждается, думая, что избавился от «тесноты».

Пространство рассказа одновременно и реалистичное, и условно-сказочное. Бытовые исторические детали, указание на географически достоверные точки, совпадающие с фактами биографии Толстого, который неоднократно предпринимал путешествия на кумыс в башкирские степи Самарской губернии, намекают на изображение пространства исторического. В то же время ряд черт топоса указывает на его сказочность. По мнению Д. С. Лихачева, «одна из основных черт внутреннего мира русской сказки — это малое сопротивление в ней материальной среды, "сверхпроводимость" ее пространства»

старостой к помещице, «подбил» ее к продаже земли; пришел к Пахому в виде мужика, чтобы рассказать о жизни на новых местах; обратился в купца и пришел к Пахому с рассказом о землях башкир.

[Лихачев: 287]. Пахом совершает далекое путешествие, когда планирует переезд на новые земли:

«Собрался на лето, пошел. До Самары плыл по Волге вниз на пароходе, потом пеший верст четыреста прошел. Дошел до места» (70).

Притом это путешествие, кажется, дается ему легко, а его длительность, хоть и обозначенная Толстым, за счет краткости этого отрывка текста кажется небольшой. Поездка к башкирам, фактически долгая, в тексте также показана без подробностей, которые бы снизили темп повествования:

«Ехали, ехали, верст пятьсот отъехали. На седьмые сутки приехали на башкирскую кочевку» (72).

Контраст с тем, как каждый шаг, каждая пройденная верста будут дорого даваться герою в финальной главе, заставляет обратить внимание на разницу податливого и «сверхпроводимого», по словам Лихачева, сказочного пространства первых глав и реалистичного, материального и непроницаемого пространства финальной главы.

Кульминацией событий рассказа, несомненно, является день обхода земли (8 и 9 главы) — день, который обещал принести Пахому небывалое обогащение, а в итоге привел его к гибели. Изменение характера пространства сопровождается также и визуальным его оформлением: невидимая и условная земля в начале противопоставляется красоте, зримости и реальности степи, завораживающей героя. Впервые в рассказе в относительно развернутом виде появляется пейзаж (до этого «видимой» была только первая «в вечную» купленная Пахомова земля, которая в его глазах стала «совсем другая»), простор степи противопоставляется «тесноте», которая досаждала Пахому всю жизнь. Е. А. Масолова отождествляет тенденцию к редукции пейзажа и вообще визуальных деталей с отражением психологии крестьянина: «Будучи предельно лаконичным при изображении народной жизни, в которой все привычно для аперсонифицированного автора и его героя, Толстой "апсихологичен" и использует минимум колоративов: мужики в "народных рассказах" <...> почти не обращают внимания на реалии быта и явления природы» [Масолова, 2016: 77].

Это положение исследовательницы кажется закономерным, но не объясняет пейзажных деталей, появляющихся именно в финальном эпизоде и, очевидно, имеющих определенное художественное назначение:

«Разгорелись глаза у Пахома: земля вся ковыльная, ровная как ладонь, черная как мак, а где лощинка — так разнотравье, трава по груди» (76).

Степь с ее красотой, которой так хочет завладеть крестьянин, превращается в его метафизического противника, заманивает его и не дает вернуться на место ко времени. Полагаем, что именно с этим противостоянием связаны изменения, внесенные в описание процесса обхода земли Толстым. Первоначально Пахома сопровождали башкирские молодцы, которым он велел ставить вехи, отмечающие границы его новых владений (эта версия отражена в ранних редакциях рукописей, в таком виде она вошла в первые издания — в «Русском богатстве» и в сборнике «Посредника» «Три сказки»). Толстой оставляет Пахома наедине с соблазном земли, чтобы его «схватке» с природой (а в конечном счете — с собственной жадностью) не мешали «посторонние» персонажи. Нам представляется, что Толстой не случайно «убирает» из финальных глав и жену Пахома. Одиночество Пахома в кульминационный момент его жизни подчеркивает, что семья теряет для героя свою ценность в сравнении с ценностью владения землей⁷.

Вертикальная организация пространства в кульминационном эпизоде связана с образом высокой травы — Пахому в траве еще жарче и труднее идти — и образом солнца — пассивное в начале обхода, оно обретает едва ли не субъектность под конец дня, когда именно его движение оказывается мерилom истекающего времени. Горизонтально пространство ограничено начальной точкой (местом, с которого начал свой обход Пахом) и теми вехами, которые он ставит, отмечая «приобретаемую»

⁷ Впрочем, эта авторская правка может быть в том числе следствием других изменений в тексте рассказа: упомянутое выше сокращение мистического компонента привело к тому, что из финала было вымарано появление черта в обличье башкирского старшины. Он обращался к жене Пахома, чтобы подвести итог ее хвастовству в споре с сестрой, тем самым обнажая мораль сюжета. Исключение из эпизода одного элемента (черта) сделало возможным исключение и его адресата (жены Пахома).

землю. Не удивительно, что сюжет этого рассказа Я. И. Перельман легко превратил в геометрическую задачу для школьников. В сборнике «Занимательная геометрия на вольном воздухе и дома» (1925) мы находим анализ пространственных расчетов Пахома, который хочет обойти как можно больший участок земли: «Итак, вторая сторона имела в длину около 13 вер. Как видим, Пахом (или Л. Н. Толстой) ошибся, считая вторую сторону короче первой»⁸. Автор задачника считает, что нашел ошибку героя или автора, в то время как никакой ошибки там нет: Пахом действительно должен был «взять» вторую сторону короче, но жадность не дала ему поступить рационально, поэтому он потратил время на «захватывание» сырой лощины, где должен был уродиться хороший лен, чем обрек себя на гибель.

Последние шаги Пахома, бегущего к холму, происходят уже в искаженном пространстве — на его «телескопичность» указывает Дж. К. Мёрфи в своей работе [Murphy: 229]. Столкновение с простором степи и властью «кровавого» солнца выводит Пахома из плоскости житейских и хозяйственных забот, которым была посвящена его жизнь. Однако герою суждено понять, что это земля овладеет им, а не наоборот, только перед смертью, когда перед ним распахнулись масштабы космоса: «В рассказе рисуется космического плана картина: огромное степное пространство, солнце, совершающее свое природное движение, мудрые философы-башкиры на холме (шихане) и внизу Пахом, обегаящий землю, желающий во что бы то ни стало получить ее "навсегда"» [Сарбаш: 208]. Мы видим, что игра с пространством как художественной категорией позволяет автору поместить своего героя в сюрреалистический мир дьявольской манипуляции. Пахом не в состоянии победить в этой схватке с природой:

«Шел, шел — все еще далеко; побежал рысью» (77).

Главу 7, в которой изложен страшный вещий сон Пахома перед важным днем, можно считать одним из примеров онейрического текста. Воспроизведение в литературе сна характеризуется изображением специфического хронотопа и определенного круга

⁸Перельман Я. И. Занимательная геометрия на вольном воздухе и дома. Л.: Время, 1925. С. 228.

мотивов. По мнению В. В. Савельевой, «три момента» «определяют всю дальнейшую поэтику сновидений в мире Толстого»: «...связь сновидения с темой смерти, чувственная природа онейрических образов и слоистый характер сновидений героев (сочетание снов, состоящих из мыслей; снов, рожденных хаосом чувств; снов, в которых главенствуют телесные, зрительные и слуховые ощущения)» [Савельева: 139]. Связь сна Пахома со смертью очевидна — это буквально предсказание гибели. Значение звуковых и зрительных ощущений тоже весьма велико. Герой слышит смех и выходит из кибитки, чтобы узнать, кто смеется, и видит дьявола, несколько раз на его глазах меняющего свой облик, а потом видит и свое мертвое тело. Примечательно в этом случае единство пространства сна и реальности: Пахом не перемещается в новое место, во сне он в той же кибитке кочевников, в которой лег спать, а физические характеристики пространства не изменяются по сравнению с действительными. Свойства сна растягивать пространство и замедлять/ускорять время реализуются позднее в действительности, в кульминационной сцене. Невозможность преодолеть внезапную непроницаемость пространства мотивирована логикой сна, изменяющего свойства хронотопа. Это позволяет нам говорить о том, что сцена обхода поля в рассказе наделена свойствами сна. Такое использование онейропоэтики делает выразительным то ощущение ужаса, в которое приходит Пахом, осознающий, что не успеет добежать до шихана. Ночной кошмар Пахома с точки зрения пространства и времени больше похож на реальность, чем «кошмарная» действительность.

Художественное время в рассказе подчинено повествовательной стратегии: годы жизни героя рассказаны в нескольких главах, это условно-сказочное время, которое в фольклорном произведении протекает незаметно для читателя. При этом описание обхода земли дает конкретный временной промежуток — часы с восхода до заката солнца. Мучительное движение в пространстве и попытка обогнать время имеют, очевидно, символично-нравственное значение: «...земная жизнь может превратиться в страшную душевную муку, в тягостное и безвыходное существование, если человек сбился с истинного пути. Время в таком случае катастрофически замедляется,

а пространство сужается» [Балдин: 20]. Гари Р. Джан видит в сцене обхода земли метафору человеческой жизни: в старости, перед смертью, время человека ускоряется, так что он не успевает сделать то, что запланировал, в то время как в юности кажется, что времени на все хватит [Jahn: 449].

В сцене с обходом земли обращает на себя внимание следующая деталь: направление движения героя. Пахом выступает «на восход солнца», и это уточнение позволит сделать так, чтобы герой возвращался, сделав круг, видя перед собой заход светила. Так, точка зрения Пахома включается в ряд визуальных деталей, создающих эффект напряженного тревожного ожидания развязки. Движение солнца, размеренное и адекватное внутреннему времени героя в первой половине дня обхода земли, во второй половине ускоряется, а скорость усталого и напуганного Пахома, напротив, падает. Вместе с этим происходит и раздвоение времени: внутреннее время Пахома становится медленным в противовес быстрому внешнему времени. Эффект ретардации достигается в том числе за счет «телесных» деталей — бесплотный и условный притчевосказочный Пахом превращается в живого человека, который испытывает муки и телесные, и душевные:

«Идет Пахом прямо на шихан, и тяжело уж ему стало. Разопрел и ноги босиком изрезал и отбил, да и подкашиваться стали... Бежит Пахом, рубаха и портки от пота к телу липнут, во рту пересохло. В груди как мехи кузнечные⁹ раздуваются, а в сердце молотком бьет, и ноги как не свои — подламываются. Жутко стало Пахому, думает: "Как бы не помереть с натуги"» (77).

Борьба со временем для Пахома заканчивается трагически.

Особое значение в толстовском психологизме имеют слуховые и зрительные ощущения героя. В рассказе много раз используется слово «видит», и это не только дань фольклоризму: зрение мотивирует решения, которые принимает Пахом. Он видит степь первый раз — и это подстегивает его идти как можно дальше и захватывать «большую палестину», потому

⁹ Введение сразу двух выразительных средств (кузнечные мехи и молоток), ассоциативно связанных с кузнечным ремеслом, может быть генетически связано с традиционным сказочным сюжетом, где черт вступает в спор именно с кузнецом.

что овладеть он может всем, что «глазом окинет». Он видит, как близко солнце к земле, видит деньги и лисью шапку и торопится добежать. В кульминационный момент Толстой добавляет ложный финал: с точки зрения Пахома солнце уже село и все кончено, но не с точки зрения башкир на шихане. Такое различие дополнительно подчеркивает мировоззренческую дистанцию этих героев. Подобно тому, как, отмеряя степь, герой не способен верно оценить дистанцию, так и в жизни он не видит по-настоящему важного ориентира, к которому следовало бы стремиться.

Слуховое восприятие героя занимает заметное место в кульминационной сцене рассказа. Условность сказового повествования не дает обилия звуковых деталей в первых главах рассказа, но с момента прибытия Пахома к башкирам в восприятии героя появляются звуки — иноязычная речь, эмоциональные восклицания башкир. Пахом, слепнувший от пота, бегущий к месту из последних сил, слышит, как «гайкают» на него башкирцы, от этого «разгорается сердце» героя — прямое возбуждающее воздействие звука голосов башкирцев на Пахома видится психологически достоверной деталью, обогатившей кульминационный эпизод. Отчасти эти голоса не дают ему прервать свой мучительный путь, чтобы спасти себя. «Телесность» психологизма Толстого в данном случае помогает увидеть отказ от фольклорной жанровой модели в пользу реалистического изображения.

Наряду с использованием фольклорных мотивов (спор мужика с чертом, фольклорное утроение, условность времени и пространства) Толстой насыщает рассказ социально-историческими реалиями. В истории Пахома отражается процесс переселения крестьян в поисках больших земельных наделов, рост разницы в уровне жизни горожан и сельских жителей, споры помещиков и мужиков за землю в пореформенной России, захват земель кочевых народов и разрушение уклада их жизни. Нравственное заблуждение героя, гонка за все большим земельным владением, в конечном итоге не избавляет его от «тесноты», а, напротив, сужает пространство до пределов могилы, в которую Пахома закапывает его работник. Меняется характер пространства и времени — первым пяти

главам соответствуют сказочное проницаемое пространство (переселения происходят как будто бы очень легко, не встречая преград на пути) и условное фольклорное время (в котором годы текут так же незаметно), а кульминация судьбы Пахома, обход земли, оформлена уже другим хронотопом. Время и пространство искажаются, становятся смежными с онейрическим пространством страшного вещего сна Пахома. Особенностью психологизма рассказа является включение слуховых и зрительных деталей в кульминационную сцену.

Морально-этическое содержание рассказа «Много ли человеку земли нужно» не раз становилось предметом осмысления, настоящая же работа сосредоточилась на рассмотрении не содержательной стороны произведения, а формальной. Сложность художественной организации текста рассказа убеждает в том, что мастерство Толстого-художника отражается в рассказах для народного чтения вопреки манифестации антиэстетизма в этот период творчества. Результаты настоящего исследования значимы для понимания эстетической ценности «народных рассказов» Толстого, они доказывают, что это уникальный творческий эксперимент писателя. В рассказах для народного чтения принято видеть проповеднический потенциал, но их художественное богатство зачастую оказывается обделено читательским и исследовательским вниманием.

Список литературы

1. Абдрафикова Г. Х., Хуббитдинова Н. А. Лев Толстой и Башкирия: взгляд русского писателя на башкирский народ // *Материалы Толстовских чтений 2018 года в Государственном музее Л. Н. Толстого. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 150–155* [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_41785743_70980660.pdf (10.11.2024). EDN: FEQCCJ
2. Балдин А. А. Чем люди живы (некоторые особенности проблематики и поэтики народных рассказов Л. Н. Толстого) // *Дергачевские чтения-2000: русская литература: национальное развитие и региональные особенности: мат-лы Междунар. науч. конф.: в 2 ч. (Екатеринбург, 10–11 октября 2000 г.). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. Ч. 1. С. 17–22* [Электронный ресурс]. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/49878/1/dc-2000-1-005.pdf> (10.11.2024).
3. Городилова Н. И. Дружеская цензура в творческой истории рассказа Л. Н. Толстого «Свечка» // *Studia Litterarum. 2023. Т. 8. № 4. С. 370–387* [Электронный ресурс]. URL: https://studlit.ru/images/2023-8-4/18_Gorodilova_370-387.pdf (10.11.2024). DOI: 10.22455/2500-4247-2023-8-4-370-387. EDN: EHNATH (a)

4. Городилова Н. И. Рассказ Л. Н. Толстого «Свечка»: от замысла к художественному воплощению // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 4. С. 155–177 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1700745924.pdf (10.11.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2023.13063. EDN: HRJWXQ (b)
5. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М.: Наука, 1979. 360 с.
6. Масолова Е. А. Колоративы в «народных рассказах» «Чем люди живы», «Где любовь, там и Бог», «Много ли человеку земли нужно»: дискурсивные стратегии Л. Н. Толстого // Русская классика: проблемы понимания и языкового своеобразия: сб. науч. ст. по итогам XV Барышниковских чтений — Всерос. науч. конф. (Липецк, 15–16 ноября 2016 г.). Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2016. С. 76–81. EDN: XCFNJR
7. Масолова Е. А. Антропонимы и евангельский текст в рассказах Л. Н. Толстого «Чем люди живы», «Где любовь, там и Бог», «Много ли человеку земли нужно» // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. № 3. С. 109–126 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1506099039.pdf (10.11.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2017.4341. EDN: ZGSSOD
8. Масолова Е. А. Семантика и функции колоративов в поздней художественной прозе Толстого // Культура и текст. 2019. № 2 (37). С. 26–41 [Электронный ресурс]. URL: <https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2019/06/a3.pdf> (10.11.2024). EDN: ZSHZJR
9. Полнова К. К. Народные рассказы Л. Н. Толстого как отражение нравственных взглядов писателя // Манускрипт. Тамбов: Изд-во Грамота, 2016. № 12-2 (74). С. 127–130 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narodnye-rasskazy-l-n-tolstogo-kak-otrazhenie-nravstvennyh-vzglyadov-pisatelya> (10.11.2024). EDN: YHFМHT
10. Савельева В. В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей. Алматы: Жазушы, 2013. 520 с.
11. Сарбаш Л. Н. Инонациональное в творчестве Л. Н. Толстого: некоторые аспекты творческой рецепции Поволжья // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 204–211 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inonatsionalnoe-v-tvorchestve-l-n-tolstogo-nekotorye-aspekty-tvorcheskoy-retseptsii-povolzhya> (10.11.2024). EDN: PXLРQJ
12. Сизова И. И. Рукописный этап в истории создания рассказа Л. Н. Толстого «Два старика» (1885–1886): вопросы текстологии и поэтики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 2. С. 268–280 [Электронный ресурс]. URL: <https://philology-journal.ru/en/article/phil20220062/fulltext> (10.11.2024). DOI: 10.30853/phil20220062. EDN: DHKNDS
13. Ухова И. В. Демонологические литературные персонажи: черт // Славянский сборник: мат-лы XIII Всероссийских (с междунар. участием) славянских чтений (Орел, 31 мая 2018 г.). Орел: Орлов. гос. ин-т культуры, 2018. Вып. 13. С. 120–126 [Электронный ресурс]. URL: <https://>

- elibrary.ru/download/elibrary_36597565_40733926.pdf (10.11.2024). EDN: VOPSWO
14. Фурсов В. Н. Реформа 1861 года и социальная психология крестьян // Евразийский форум. 2009. № 1 (1). С. 24–30 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-1861-goda-i-sotsialnaya-psihologiya-krestyan/viewer> (10.11.2024)
 15. Шаповалова Т. Е. Слово «только» в народном рассказе Льва Толстого «Много ли человеку земли нужно» // Шаповалова Т. Е. Этюды о времени: избр. ст. М.: МГОУ, 2022. С. 287–289 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49353368_87082497.pdf (10.11.2024). EDN: BIRXXW
 16. Jahn G. R. Tolstoy's Vision of the Power of Death and "How Much Land Does a Man Need?" // The Slavic and East European Journal. 1978. Vol. 22. No. 4. Pp. 442–453. DOI: 10.2307/307667
 17. Mangold M. Space and Storytelling in Late Imperial Russia: Tolstoy, Chekhov, and the Question of Property // The Russian Review. 2017. Vol. 76. Pp. 72–94. DOI: 10.1111/russ.12120
 18. Murphy J. C. Strange Capabilities: Grace, Space, and Modernism in the Short Fiction of Flannery O'Connor and Leo Tolstoy // Literature and Belief. 2004. Vol. 24 (1, 2). Pp. 217–238.

References

1. Abdrafikova G. Kh., Khubbitdinova N. A. Leo Tolstoy and Bashkiria: the Russian Writer's Notion of the Bashkirs. In: *Materialy Tolstovskikh chteniy 2018 goda v Gosudarstvennom muzee L. N. Tolstogo* [Materials of the Tolstoy Readings of 2018 in the State Museum of L. N. Tolstoy]. Moscow, RG-Press Publ., 2019, pp. 150–155. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_41785743_70980660.pdf (accessed on November 10, 2024). EDN: FEQCCJ (In Russ.)
2. Baldin A. A. What Men Live by (Some Features of the Problematics and Poetics of L. N. Tolstoy's Folk Stories). In: *Dergachyovskie chteniya-2000: russkaya literatura: natsional'noe razvitie i regional'nye osobennosti: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii: v 2 chastyakh* [Dergachev Readings-2000: Russian Literature: National Development and Regional Specificities: Proceedings of the International Scientific Conference: in 2 Parts]. Ekaterinburg, Ural State University Publ., 2001, part 1, pp. 17–22. Available at: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/49878/1/dc-2000-1-005.pdf> (accessed on November 10, 2024). (In Russ.)
3. Gorodilova N. I. Friendly Censorship in the Creative History of Leo Tolstoy's Short Story "Candle". In: *Studia Litterarum*, 2023, vol. 8, no. 4, pp. 370–387. Available at: https://studlit.ru/images/2023-8-4/18_Gorodilova_370-387.pdf. DOI: 10.22455/2500-4247-2023-8-4-370-387. EDN: EHNATH (In Russ.) (a)
4. Gorodilova N. I. "Candle", a Short Story by L. N. Tolstoy: from Conception to Artistic Embodiment. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2023, vol. 21, no. 4, pp. 155–177. Available at: <https://>

- poetica.pro/files/redaktor_pdf/1700745924.pdf (accessed on November 10, 2024). DOI: 10.15393/j9.art.2023.13063. EDN: HRJWXQ (In Russ.) (b)
5. Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoy literatury* [*The Poetics of Old Russian Literature*]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 360 p. (In Russ.)
 6. Masolova E. A. Coloratives in the “Folk Stories” “What Men Live by”, “Where Love Is, There God Is Also”, “How Much Land Does a Man Need?”: Discursive Strategies of L. N. Tolstoy. In: *Russkaya klassika: problemy ponimaniya i yazykovogo svoebraziya: sbornik nauchnykh statey po itogam XV Baryshnikovskikh chteniy — Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. (Lipetsk, 15–16 noyabrya 2016 g)* [*Russian Classics: Problems of Understanding and Linguistic Identity: a Collection of Scientific Articles Based on the Results of the 15th Baryshnikovsky Readings — All-Russian Scientific Conference. (Lipetsk, November 15–16, 2016)*]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University Named After P. P. Semenov-Tyan-Shansky Publ., 2016, pp. 76–81. EDN: XCFNJR (In Russ.)
 7. Masolova E. A. Anthroponyms and Evangelical Text in Tolstoy's Stories “What Men Live by”, “Where Love Is, There God Is Also”, “How Much Land Does a Man Need?”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2017, vol. 15, no. 3, pp. 109–126. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1506099039.pdf (accessed on November 10, 2024). DOI: 10.15393/j9.art.2017.4341. EDN: ZGSSOD (In Russ.)
 8. Masolova E. A. Semantics and Functions of Color Terms in Leo Tolstoy's Late Fiction. In: *Kul'tura i tekst* [*Culture and Text*], 2019, no. 2 (37), pp. 26–41. Available at: <https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2019/06/a3.pdf> (accessed on November 10, 2024). EDN: ZSHZJR (In Russ.)
 9. Polnova K. K. Folk Stories by L. N. Tolstoy as Reflection of the Writer's Moral Views. In: *Manuskript* [*Manuscript*]. Tambov, Gramota Publ., 2016, no. 12-2 (74), pp. 127–130. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/narodnye-rasskazy-l-n-tolstogo-kak-otrazhenie-nravstvennyh-vzglyadov-pisatelya> (accessed on November 10, 2024). EDN: YHFMHT (In Russ.)
 10. Savelieva V. V. *Khudozhestvennaya gipnologiya i oneiro poetika russkikh pisateley* [*Artistic Hypnology and Oneiro poetics of Russian Writers*]. Almaty, Zhazushy Publ., 2013. 520 p. (In Russ.)
 11. Sarbash L. N. Other Nationalities in the Works of Leo Tolstoy: Some Aspects of the Creative Reception of the Volga Region. In: *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [*Bulletin of the Chuvash University. Humanities*], 2013, no. 1, pp. 204–211. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/inonatsionalnoe-v-tvorchestve-l-n-tolstogo-nekotorye-aspekty-tvorcheskoy-retseptsii-povolzhya> (accessed on November 10, 2024). EDN: PXLQJ (In Russ.)
 12. Sizova I. I. Manuscript Stage in the History of Creation of L. N. Tolstoy's Short Story “Two Old Men” (1885–1886): Issues of Textual Studies and Poetics. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [*Philology. Theory and Practice*], 2022, vol. 15, issue 2, pp. 268–280. Available at: <https://philology-journal.ru/en/article/phil20220062/fulltext> (accessed on November 10, 2024). DOI: 10.30853/phil20220062. EDN: DHKNDS (In Russ.)

13. Ukhova I. V. Demonic Literary Characters: Chort. In: *Slavyanskiy sbornik: materialy XIII Vserossiyskikh (s mezhdunarodnym uchastiem) slavyanskikh chteniy (Orel, 31 maya 2018 g.)* [Slavic Collection: Materials of the 13th All-Russian (with International Participation) Slavic Readings. Oryol, May 31, 2018]. Oryol, Oryol State Institute of Culture Publ., 2018, issue 13, pp. 120–126. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_36597565_40733926.pdf (accessed on November 10, 2024). EDN: VOPSWO (In Russ.)
14. Fursov V. N. Reform of 1861 and the Social Psychology of Peasants. In: *Evrasiyskiy forum* [Eurasian Forum], 2009, no. 1 (1), pp. 24–30. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-1861-goda-i-sotsialnaya-psihologiya-krestyan?ysclid=m4jr8qszac851023216> (accessed on November 10, 2024). (In Russ.)
15. Shapovalova T. E. The Word “Only” in the Folk Story by Leo Tolstoy “How Much Land Does a Man Need?”. In: *Shapovalova T. E. Etyudy o vremeni: izbrannye stat'i* [Shapovalova T. E. Etudes About Time: Selected Articles]. Moscow, Moscow State Regional University Publ., 2022, pp. 287–289. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_49353368_87082497.pdf (accessed on November 10, 2024). EDN: BIRXXW (In Russ.)
16. Jahn G. R. Tolstoy’s Vision of the Power of Death and “How Much Land Does a Man Need?”. In: *The Slavic and East European Journal*, 1978, vol. 22, no. 4, pp. 442–453. DOI: 10.2307/307667 (In English)
17. Mangold M. Space and Storytelling in Late Imperial Russia: Tolstoy, Chekhov, and the Question of Property. In: *The Russian Review*, 2017, vol. 76, pp. 72–94. DOI: 10.1111/russ.12120 (In English)
18. Murphy J. C. Strange Capabilities: Grace, Space, and Modernism in the Short Fiction of Flannery O’Connor and Leo Tolstoy. In: *Literature and Belief*, 2004, vol. 24 (1, 2), pp. 217–238. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Куликова Дарья Леонидовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук (Поварская ул., 25а, г. Москва, Российская Федерация, 121069); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1435-7409>; e-mail: dasha0kulikova@yandex.ru.

Daria L. Kulikova, PhD (Philology), Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (ul. Povarskaya 25a, Moscow, 121069, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1435-7409>; e-mail: dasha0kulikova@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 10.10.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 12.10.2024

Принята к публикации / Accepted 15.12.2024

Дата публикации / Date of publication 21.02.2025

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14822

EDN: WPNRGS

Чтение сакрального текста в поздних произведениях Л. Н. Толстого

Н. Г. Михновец

*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

e-mail: mikhnovets@yandex.ru

Аннотация. Чтение сакрального текста рассмотрено в статье как формализованное действие (чтение дьячка в острожной церкви в романе «Воскресение»), как событие, коренным образом изменяющее жизнь героев (Чуев и Пелагеюшкин в повести «Фальшивый купон»), как процесс постепенного приближения героев к высшим истинам (Нехлюдов в финальной части романа «Воскресение», Светлогуб и старик-беспоповец в рассказе «Божеское и человеческое»). Традиционный вид чтения, характеризующийся постижением сакрального слова чтением и слушателем, представлен в рассказе «Где любовь, там и Бог» и в повести «Фальшивый купон». В первом произведении этот вид чтения задан претекстом — рассказом пастора, протестанта-евангелиста Р. Сайленса «Отец Мартин». В свете житийной традиции Толстым освещены принятие евангельских истин и душевный переворот в Пелагеюшкине, герои повести «Фальшивый купон». В связи с традиционным видом чтения Толстой сделал акцент на читателе (слушателе) из простонародья. «Личностный» вид чтения соотношен с героями-посредниками (Кизеветером, миссионером-англичанином в «Воскресении», стариком-беспоповцем в «Воскресении» и в «Божеском и человеческом»), отсылающими слушателей к сакральному тексту и трактующими его по-своему. Толстой показывает, что такой, проповеднический, подход к сакральному тексту ведет к дальнейшему разобщению людей. Понимание же сакрального текста, преодолевающее в человеке искушение сугубо личной интерпретации, преобразует не только самого героя-чтеца, но и предопределяет возможность благотворного влияния слов Писания на окружающих. Другой вариант «личностного» вида чтения изображен в финальной сцене романа «Воскресение» и в рассказе «Божеское и человеческое»: рационально мыслящие герои (Нехлюдов, Светлогуб), у которых не было доверия к сакральному тексту, самостоятельно приходят к его пониманию и переживанию. В процессе чтения трансформируется характер интерпретации ими сакрального текста (скепсис сменяется согласием), постепенно минимизируется разница между традиционным видом чтения и «личностным».

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, литература, философия, религия, тип религиозности, сакральный текст, Евангелие, чтение, понимание, интерпретация

Для цитирования: Михновец Н. Г. Чтение сакрального текста в поздних произведениях Л. Н. Толстого // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 1. С. 207–226. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14822. EDN: WPNRGS

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14822

EDN: WPNRGS

The Reading of the Sacred Text in the Later Works of Leo Tolstoy

Nadezhda G. Mikhnovets

*Herzen State Pedagogical University of Russia
(St. Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: mikhnovets@yandex.ru

Abstract. The reading of the sacred text is considered in the article as a formalized action (reading the sexton in the prison church in the novel “Resurrection,”) as an event that radically changes the lives of the characters (Chuev and Pelageyushkin in the story “The Fake Coupon,”) as a process of gradual approach of the characters to higher truths (Nekhludoff in the final part of the novel “Resurrection,” Svetlogub and the old man-bespopovets in the story “Divine and Human.”) The traditional form of reading, characterized by the comprehension of the sacred word by the reader and listener, is presented in the story “Where Love Is, God Is” and in the story “The Fake Coupon.” In the first work, this type of reading is given by the pretext — the story of the pastor, Protestant Evangelist R. Silence, “Father Martin.” In the light of the hagiographic tradition, Tolstoy highlights the acceptance of evangelical truths and the spiritual upheaval in Pelageyushkin, the hero of the story “The Fake Coupon.” Due to the traditional reading mode, Tolstoy emphasized the reader (listener) from the common people. The “personal” type of reading is correlated with intermediary characters (Kieseweter, the English missionary in *The Resurrection*, the old man in *The Resurrection* and in *The Divine and the Human*), who refer listeners to the sacred text and interpret it in their own way. Tolstoy shows that such a preachy approach to the sacred text leads to further separation of people. Understanding of the sacred text, which transcends the temptation of a purely personal interpretation in a person, transforms not only the hero-reader himself, but also determines the possibility of a beneficial effect of the words of Scripture on others. Another variant of the “personal” type of reading is depicted in the final scene of the novel “Resurrection” and in the story “The Divine and the Human:” rational characters (Nekhludoff, Svetlogub), who had no trust in the sacred text, independently come to understand and experience it. In the process of reading, the nature of their interpretation of the sacred text is transformed (skepticism is replaced by agreement), and the difference between traditional and “personal” reading is gradually minimized.

Keywords: L. N. Tolstoy, literature, philosophy, religion, type of religiosity, sacred text, Gospel, reading, understanding, interpretation

For citation: Mikhnovets N. G. The Reading of the Sacred Text in the Later Works of Leo Tolstoy. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 207–226. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14822. EDN: WPNRGS (In Russ.)

Протоиерей Георгий Ореханов в книге с броским названием «Лев Толстой. "Пророк без чести": хроника катастрофы» пишет о сложившемся к концу XIX столетия противостоянии между религиозностью «традиционно христианской и церковной» и — «нового типа». Начало истории последней было положено еще в XVI–XVII вв., а продолжение поддержано эпохой Просвещения. «Религиозности нового типа», по его мнению, присущи отрицание чуда и догмы, признание исключительной «власти разума», а также «*новые религиозные формы*»¹ [Ореханов: 17, 50], так в ходе исторического развития заявляет себя «претензия на новое понимание сакрального» [Ореханов: 50]. Заметим, что саму тенденцию модернизации православный священник воспринял критически.

Одним из факторов, характеризующих культурную ситуацию рубежа XIX–XX вв., является изменяющийся характер чтения сакрального текста. Продолжает расширяться и укрепляться давняя традиция чтения на основе выборки², настойчиво заявляет о себе тенденция к обновлению традиционных трактовок. Однако главное заключается в том, что на первый план выходит читатель, взыскующий истины, интерпретирующий этот текст и прокладывающий к ней индивидуальный путь на основе собственного понимания.

Знаменательно появление в 1974 г. книги «Молитвенное чтение Священного Писания» Э. Бьянки, современного итальянского церковного деятеля, проповедника и богослова. Как

¹ Здесь и далее в цитатах, кроме специально оговоренных случаев, курсив источника.

² Факт выделения части сакрального текста из целого имеет в европейской культуре большую историю, начало которой положено еще в XII в. Выборка, чем бы ни была обусловлена ее необходимость в конкретной культуре, не предполагает глубины проникновения в сакральный текст и «усвоения всего изложенного в нем учения» [Амесс: 143].

полагает архимандрит Иосиф (Пустоутов), Э. Бьянки ратует за «возвращение к традиционному чтению и восприятию Священного Писания через святоотеческую традицию, через громадный духовный опыт монашества, опыт, накопленный Церковью Христовой за две тысячи лет ее земного бытия» [Иосиф (Пустоутов), архимандрит: 3]. Подчеркнем, что Бьянки делает акцент на «возвращении».

Толстой мыслил в другой перспективе: необходимо *согласовать* религию и современного человека, это предопределяет «основание новой религии, *соответствующей развитию человечества*³, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, <...> дающей блаженство на земле». Эту программную дневниковую запись от 4 марта 1855 г. он завершает словами: «Действовать *сознательно* к соединению людей с религией, вот основание мысли, которая, надеюсь, увлечет меня» [Толстой; т. 47: 37, 38].

Толстой прокладывал свой путь к сакральному тексту; в его духовный опыт входило многолетнее и глубокое чтение Библии, при этом Ветхий Завет не был ему интересен. По мнению писателя, относящемуся к началу 1880-х гг., не всякое слово в Новом Завете истинно, и поэтому Церковь должна «отказаться от некоторых книг. Таковы — вполне Апокалипсис и отчасти Деяния Апостолов» [Толстой; т. 24: 17]. В Новом Завете писатель, как известно, выделил четыре Евангелия, а из них как важнейший текст — Нагорную проповедь (см. об этом: [Толстой; т. 66: 66–68]). Е. Г. Новикова справедливо утверждает: «Принципиальный отказ Толстого от акта воскресения Иисуса Христа обусловил его восприятие Евангелия как "великих правил" нравственности, которые могут стать опорой для нравственного воскресения человека; ключевая роль в этом принадлежит Нагорной проповеди» [Новикова, 2020: 62].

Именно и только в евангельских книгах нужно, по убеждению Толстого, «отыскивать самые главные основы учения, не сообразуясь ни с каким учением других книг» [Толстой; т. 24: 17]. Толстой находит в Евангелии понятное ему, то, что ложится на уже имеющийся у него жизненный опыт и отвечает его разуму. Его чтение отличается неприятием религиозной

³ Курсив мой. — Н. М.

мистики и обусловлено поиском ответов на исходные вопросы «что такое я, что такое Бог», а также «единой основы всего откровения» [Толстой; т. 24: 17].

Толстой создал фундаментальный для его дальнейшего творчества труд, названный «Соединение и перевод четырех Евангелий». Он шел к познанию истины аналитическим путем (выборка и систематизация), а его работа на пути приближения к архаическому тексту имела филологический характер (читал по-гречески, переводил с опорой на «лексиконы», учитывал опыт существующих переводов [Толстой; т. 24: 18]).

Обратимся к размышлениям религиозного философа С. Н. Булгакова о существенном расхождении «в отношении к Слову Божию со стороны науки и веры»: одной присущ «метод неверия», а второй — «метод благоговения». «Слова и письма, начертанные на человеческом языке», являются для любого исследователя лишь «литературно-историческим памятником». Верующее же сознание обращено к их божественному содержанию: «Слова эти *предложены* Духом Святым в Слово Божие, они имеют религиозно-символическую природу, т. е. им присуща религиозная реальность». Евангелие имеет «литургическое, богослужebное употребление: оно читается в храме или же в уединенной молитвенной тиши как Слово Божие» [Булгаков: 97].

Ни тот, ни другой метод не характеризуют толстовское чтение. В целом у Толстого выработался индивидуальный, морально-нравственный подход к сакральному тексту.

Поздний Толстой был внимателен как к традиционному, так и к новому типам религиозности и к разным формам ее проявления — в частности, его живой интерес вызывали многочисленные факты чтения и толкований Библии современниками. Всё это предопределило изображение сцен чтения сакральных текстов в его поздних художественных произведениях⁴.

⁴ На устойчивости мотива чтения Евангелия в художественных произведениях Толстого ранее заострили внимание Е. А. Полтавец [Полтавец: 60–61] и Е. В. Петровская [Петровская: 28]. Сцену чтения Евангелия в финале романа «Воскресение» литературоведы привлекали в ходе сопоставительного анализа со сценами из произведений Достоевского [Новикова, 1999: 174–186], [Пращерук, Кошелева]. Е. А. Масолова охарактеризовала некоторые особенности чтения Евангелия Нехлюдовым [Масолова, 2015b: 30–32].

В круг чтения толстовских героев входят разные книги Нового Завета. Вместе с тем писатель отдает предпочтение ситуациям, когда изначально связь человека с Богом была либо ослаблена, либо прервана. Восстановлению этой связи, как убежден Толстой, способствует чтение Евангелия.

Пристальное внимание к акту чтения сакрального текста в качестве предмета изображения⁵ появилось у Толстого-писателя, по всей видимости, в 1885 г. после ознакомления с анонимным рассказом «Дядя Мартын». Этот русский текст был переделкой французского рассказа «Отец Мартин» (“Le père Martin”, 1882), авторство которого принадлежало пастору, протестанту-евангелисту Рубену Сайленсу. Толстой, не знавший про это, доработал русский анонимный текст-переделку, в результате чего появился назидательный рассказ «Где любовь, там и Бог», адресованный читателю из народа и опубликованный в 1886 г. в издательстве «Посредник»⁶.

Евангельское слово в этом толстовском рассказе либо обширно и точно цитируется, либо пересказывается близко к тексту. Русский анонимный текст-переделка и стоящий за ним французский текст предопределили освещение Толстым истории и процесса чтения Евангелия простолудином сапожником Мартыном Авдеичем — в переходах от одного этапа к другому, вплоть до созерцания Спасителя в разных образах.

Это единственный случай, когда толстовское изображение чтения как события и процесса может быть соотнесено с теми особенностями традиционного чтения сакрального текста, о которых позднее, через сто с лишним лет, напишет Э. Бьянки. Он охарактеризует чтение сакрального текста глубоко верующим человеком как последовательное, внимательное и усердное, вдумчивое и медленное. Читатель следует по пути приближения к высоким смыслам истины, раз за разом «пережевывая»

⁵ Болгарская исследовательница Д. Чавдарова опубликовала в 1997 г. обобщающий труд «Ното Legens в русской литературе XIX века», где оговорила случаи чтения Библии [Чавдарова: 103–105]. О. Д. Кошелева и Н. В. Пращерук пришли к выводу о существовании в романном творчестве Ф. М. Достоевского метасюжета чтения вслух Священного Писания, они же представили свод работ современных достоевсковедов, проанализировавших сцены чтения сакральных текстов [Кошелева, Пращерук].

⁶ История создания и публикаций этого произведения описана А. И. Никифоровым [Толстой; т. 25: 681–686].

и «перемалывая» текст. Это особый способ чтения, при котором особую роль обретает память. Читателю, опирающемуся на нее, необходимо «вновь и вновь возвращаться к тексту, находить его главную тему, перебирать слова и запечатлевать их глубоко в сердце» [Бьянки: 36]. Богослов полагает, что «постижение текста существенно зависит от понимания Библии изнутри, от познания Библии через саму Библию...» [Бьянки: 35]. Затем для верующего открываются следующие ступени: медитация, молитва и созерцание Бога [Бьянки: 36, 37, 42].

В рассказе «Где любовь, там и Бог» и повести «Фальшивый купон» (1904) обширно цитируемое авторитетное Слово звучит и воздействует на героев-чтецов, героев-слушателей напрямую; роль же читающего для других (Марии Семеновны, портного, Ивана Чуева) сведена к минимуму; указаны лишь отдельные особенности восприятия простым мужиком Степаном Пелагеюшкиным сакрального текста (соотнесение с опытом собственной жизни, ориентация на «общий смысл» учения и уход от того, что «не подтверждало его», относилось к собственному «непониманию» [Толстой; т. 36: 38]). В этом произведении Толстой отмечает характер влияния Слова на разных слушателей: портной «прочел пять глав Матвея, стали толковать. Все слушали, но принял только один Иван Чуев. И так принял, что стал во всем жить по-Божьему. И в семье его так жить стали» [Толстой; т. 36: 27].

В повести «Фальшивый купон», в отличие от рассказа «Где любовь, там и Бог», событие преобразования героя — Степана Пелагеюшкина — под воздействием Евангелия восходит к другим историко-культурным основаниям: оно вписывается в хорошо известную Толстому традицию житийного сюжета⁷, построенного по модели *грех — преступление — преобразование*. В «кризисных житиях» чудо раскаяния, внезапный «переворот» совершается силой Божественного вмешательства (хотя и при посредничестве увещательного слова праведника и примера праведности)» [Гродецкая: 165]. Убедительность события для толстовского читателя поддерживается многовековой житийной традицией. Вместе с тем подчеркнем: художественные

⁷ На эту традицию как значимую для раскрытия темы исследования мое внимание обратила Л. Е. Кочешкова.

решения в изображении сцен чтения в этих двух произведениях в целом отвечают традиционной религиозности.

«Воскресение» — последний роман Толстого, создававшийся в конце XIX столетия и идущий в русле «религиозного кризиса русского общества» [Ореханов: 77, 78]. В нем писатель ставит сущностные вопросы жизни, вглядывается в современного человека, вопрошающего, в чем смысл жизни, и взыскующего обрести Бога⁸. То же относится и к позднему толстовскому рассказу «Божеское и человеческое».

В финале романа «Воскресение» и в рассказе «Божеское и человеческое» (1906) предстает другой, «личностный», вид чтения сакрального текста, который предопределен возросшей ролью личности читателя и его предыдущим интеллектуальным, психологическим, социальным опытом. В эпизодах и сценах романа описаны публичное чтение вслух или цитирование по памяти, а также чтение в одиночку и про себя, в рассказе же представлена только последняя разновидность (в одиночку и про себя). В эпизодах и сценах чтения участвуют герои-читатели, герои-посредники, слушатели⁹.

⁸ К примеру, в аспекте духовных исканий современная исследовательница М. А. Воскресенская рассматривает философию и литературу Серебряного века [Воскресенская].

⁹ В целом в этих произведениях сложилась поэтика изображения сцен чтения сакрального текста. Автор выбирает и мотивирует, кто именно из героев произведения выступит в качестве читателя сакрального текста, указывает или нет на конкретное место в Библии, определяет значение чтения сакрального текста в духовной жизни героя. Герой читает про себя и (или) вслух, читает для себя в одиночку или для слушателя (слушателей). Если чтение адресовано другим, то персонаж становится посредником. В той или иной мере он включается в интерпретацию прочитанного, занимая определенную позицию — от нейтральной до проповеднической. Автор передает степень психологического напряжения, испытываемого одним или несколькими персонажами (чтецом и слушателями). Герой читает громко или тихо, интонируя или нет, в сакральном или мирском пространстве. Пространству может быть уделено особое внимание, его образ моделируется в плане объема, цветописы, светописы и др. Повествователь характеризует те или иные особенности чтения (разовое или постоянное и т. д.). В композиционном плане чтение сакрального текста может лечь в основу эпизода или отдельной сцены, получить статус особого события в художественном целом произведения. Чтение текста изображается как событие (в плане проблематики и поэтики) и как процесс. В последнем случае сакральный текст обязательно цитируется — выборочно, точно или неточно.

В роман «Воскресение» с самого начала введена тема посредника между сакральным словом и слушателями. Чтение Молитвослова обрамляет московскую сцену богослужения в острожной церкви. Дьячок читает «несколько стихов из Деяний Апостолов» так, что его слушателям «ничего нельзя было понять» [Толстой; т. 32: 135]. Романист подчеркивает исключительно формальный характер представленной части богослужения, косвенно распространяя это качество и на читаемую часть из Нового Завета.

Однако в дальнейшем тема посредника усложняется. В петербургском высшем свете слушают проповедника Кизеветера. В финальной части произведения эта тема активизирована в двух сценах: на пароме и в тюрьме. Здесь появляются персонажи, цитирующие новозаветный текст. Во всех случаях акцент поставлен не на самом сакральном слове и его безусловном принятии, а на его *интерпретации* тем или иным человеком.

В сцене на пароме старик-беспоповец выступает и как посредник между словом Писания и слушателями-попутчиками, и как проповедник. Он то и дело апеллирует к евангельскому тексту, однако каждый раз цитирует его неточно. Беспоповцу важнее всего высказать собственное выстраданное знание о современной жизни, и он наполняет Слово злободневным для себя содержанием.

Факт чтения современным человеком Евангелия высоко оценивался поздним Толстым. Вместе с тем писателя настораживало не только стремление современников толковать сакральный текст на свой лад, но и обосновывать Евангелием свою непримиримую позицию в борьбе с существующим в социуме злом. Все это в целом, по его убеждению, вело к дальнейшему разобщению людей.

В толстовских романах складывается устойчивая ситуация: в жизни главного героя, испытывающего глубокий духовный кризис, происходит судьбоносная встреча (князь Андрей Болконский беседует с Пьером Безуховым на пароме, Пьер общается с Платоном Каратаевым и т. д.). В таком контексте можно было бы с уверенностью предположить, что встреча на пароме со случайным попутчиком сыграет важнейшую роль

в истории духовных исканий Нехлюдова, однако ожидаемое толстовским читателем не состоялось¹⁰: автор «Воскресения» перенес кульминацию на сцену чтения героем Евангелия наедине с самим собой. Толстой ранее, в 1878 г., отметил в записной книжке:

«С Богом нельзя иметь дело, вмешивая посредника и зрителя, только с глаза на глаз начинаются настоящие отношения; только когда никто другой не знает и не слышит, Бог *слышит тебя*» [Толстой; т. 48: 187].

В финальной части романа «Воскресение» и в позднем толстовском рассказе «Божеское и человеческое» акцент сделан на уединенном чтении Евангелия, определившем процесс духовного преобразования героев, — начало ему положено в финале романа, а продолжение следует в рассказе.

В изображении события и процесса чтения Нехлюдовым и Светлогубом есть общее и отличное. В этих произведениях Евангелие начинают читать те герои, чья связь с Богом ранее была прервана. Толстой-художник концентрирует внимание на факторах, являющихся залогом «встречи» современного неверующего человека с сакральным словом. Сапожник Мартын Авдеич («Где любовь, там и Бог») сразу с доверием относится к новозаветному тексту, живительное Слово воздействует на него и изменяет его жизнь. Иван Чуев («Фальшивый купон») тотчас «принял» высокие истины. Однако у Нехлюдова и Светлогуба, весьма далеких от народной жизни, нет почвы для подобной реакции. Неслучайно к чтению Евангелия каждый из них обращается лишь из прагматического интереса.

Чтение сакрального текста, как и в случае с литературным текстом, предвосхищено ожиданием, заданным жизненным

¹⁰ Именно эта ситуация объясняет разноречивую в оценке персонажа в исследовательской литературе. Одни исследователи считают, что этот образ не играет существенной роли в завершении романа ([Жданов: 371–375], [Ломунов: 121], [Масолова, 2015b: 430–431]), а другие придерживаются противоположного мнения ([Тарасов: 28], [Густафсон: 217], [Плюханова: 851]). Поляризация исследовательских точек зрения закономерна: с одной стороны, встреча со стариком стала важным импульсом к чтению Евангелия, однако, с другой стороны, с образом беспоповца в финал романа «Воскресение» вошли и другие смыслы, не все из них были близки Толстому.

опытом. В рассказе «Божеское и человеческое» о Светлогубе, начавшем чтение, сказано:

«Всё это было то самое, чего он ожидал: какая-то запутанная, ни на что ненужная бессмыслица!» [Толстой; т. 42: 202].

При этом повествователь подчеркнул: до тюремного заключения молодой человек ни разу не читал Евангелие как книгу, т. е. полностью.

Процесс выборочного чтения Евангелия Нехлюдовым включает в себя несколько этапов. К первому этапу относятся начало чтения и отличающая этот процесс динамика переходов от доверия к сакральному тексту — к его скептическому восприятию и наоборот.

Нехлюдов начинает чтение с 1–6-го стихов 18-й главы Евангелия от Матфея, пропуская их через себя. Особенно выделяет 4-й стих («Итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном»), вспоминая при этом о ситуациях из собственной жизни, когда «умалял себя» [Толстой; т. 32: 440]. Происходит, как и в случае чтения любого литературного текста (см. об этом: [Изер: 221–222]), активизация читательской памяти, а также идентификация с прочитанным.

Толстой вводит и в роман, и в рассказ тему труднодостижимых мест сакрального текста для рационально мыслящего человека. В рассказе «Божеское и человеческое» скепсис со стороны молодого человека, читающего первые главы Евангелия от Матфея, нарастает: стихи о родословии Иисуса Христа отнесены к «бессмыслице», одно из искушений Христа, поставленного «на крыле храма» дьяволом (Мф. 4:5–6), иронически низведено до предложения исполнить «гимнастическое упражнение с крыши» [Толстой; т. 42: 202].

Автор каждый раз отмечает, с каким именно фрагментом текста связаны преодоление героями скепсиса и раздражения, восстановление доверия, готовность сделать усилие и включиться в процесс постижения смысла читаемого. Уже на первом этапе чтения Нехлюдов подспудно стал вникать в сакральный текст и в ходе этого мыслительного процесса постепенно перешел от интеллектуального восприятия в область переживаний.

Затем следует второй этап. Изменение в восприятии и понимании Нехлюдовым стихов Евангелия происходит к 33-му стиху:

«Не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя?»¹¹ (Мф. 18:33).

Состоялось событие открытия Истины, внутренние суждения героя разом вышли наружу («вдруг вслух вскрикнул»), и давний, многолетний распад на внешнюю жизнь и никогда не затухающую внутреннюю был преодолен.

Нехлюдов понимает, что искомый им ответ лежит в высшей сфере. На ужас, который он сполна узрел в тюрьмах и острогах, есть ответ — «тот самый, который дал Христос Петру»:

«...прощать всегда, всех, бесконечное число раз прощать» [Толстой; т. 32: 442].

И в этот момент Нехлюдову открывается простота в той ее глубине, в какой у человека возникает уверенность в возможности «практического разрешения вопроса» [Толстой; т. 32: 442]. Толстовский герой впервые начинает видеть жизнь современников в новом свете: «общество и порядок» существуют не благодаря наказаниям, а вопреки им, ибо «люди всё-таки жалеют и любят друг друга» [Толстой; т. 32: 443].

Нехлюдов, духовно прозревающий, в процессе чтения Евангелия возвращается к началу текста, а затем — на этом новом, только что обретенном духовном основании — выходит к качественно иному пониманию Нагорной проповеди («он нынче в первый раз увидал в этой проповеди <...> простые, ясные и практически исполнимые заповеди...») [Толстой; т. 32: 443]. В рассказе «Божеское и человеческое» представление этого этапа в чтении почти повторено.

На следующем этапе происходит существенный сдвиг в духовной жизни Нехлюдова. В следовании заповедям-«правилам» Нехлюдову видится «единственный разумный смысл человеческой жизни» [Толстой; т. 32: 444]. Теперь герой, как губка, «впитывал в себя то нужное, важное и радостное, что

¹¹ В рассказе «Божеское и человеческое» подобное изменение связано с чтением стихов из Евангелия от Луки (Лк. 9:23–25).

открывалось ему в этой книге» [Толстой; т. 32: 444]. Душа вбирает в себя высшие смыслы, они ей понятны.

По Толстому, происходит возвращение человека к самому себе:

«И всё, что он читал, казалось ему знакомо, казалось, подтверждало, приводило в сознание то, что он знал уже давно, прежде, но не сознавал вполне и не верил» [Толстой; т. 32: 444].

В процессе чтения Евангелия и благодаря этому чтению знание, изначально заключенное в глубинах души Нехлюдова, впервые проступает в сфере его сознательной жизни — и неверие сменяется верой.

Звучит внутренний голос самого героя, подводящий итог в событии чтения Евангелия неточной цитатой из него:

«Ищите Царства Божия и правды Его, а остальное приложится вам» [Толстой; т. 32: 444].

Герой начинает преодолевать сосредоточенность на собственной жизни, ощущая себя частью «мы». Согласно контексту финальной сцены «Воскресения» Нехлюдов обретает просветленную Евангелием веру в возможность изменений в социальной жизни, действенная сила которых заключается в умалении собственной личности, в прощении, милосердии и любви людей друг к другу.

Нехлюдов еще только вступил на религиозный путь, событие выхода героя за пределы собственного я лишь намечено романистом, его восприятие Евангелия «нравственно-центрированное» (выражение Г. Ореханова [Ореханов: 99]). Все это объясняет, почему история чтения Евангелия, намеченная в финальной сцене «Воскресения», будет продолжена в рассказе «Божеское и человеческое». Светлогуб — изначально лишь в силу обстоятельств одиночного заточения, но затем и по собственному желанию — постепенно, день за днем, погружается в медленное и вдумчивое чтение. Теперь он переосмысляет путь жизни людей и начинает верить в возможность самому жить иначе.

Чтение наполняет новым содержанием его жизнь, он восходит к духовному переживанию Евангелия, и это преображает его. На Светлогуба, которого везут на казнь, смотрит из окна тюремной камеры старик-беспопеец (этот персонаж

появился здесь из финальной части «Воскресения») — и описание молодого человека глазами этого случайного свидетеля исполнено евангельской образностью. Старик узрел выходящего из тюрьмы «юношу с светлыми очами», в «белой руке» которого было Евангелие, затем увидел, что «колесница с сидевшим в ней светлым, как ангел, юношей <...> выехала за ворота» [Толстой; т. 42: 209]. Главный герой позднего рассказа (в отличие от Нехлюдова) озарен высшим светом, он вступил в жизнь вечную, его жизнь после смерти продолжена в других людях.

Тема чтения сакрального текста тесно связана в толстовских произведениях с темой тюрьмы. Всех героев, цитирующих или читающих сакральный текст (кроме англичанина-миссионера и дьячка), объединяет ситуация кризиса, обусловленная уже свершенным ими прежде преступлением (преступлением) или морально-нравственных обязательств, или того или иного устава, закона Российской империи. Движение героев-читателей (как крестьянина, так и дворянина) к постижению высших смыслов Евангелия предстает как духовное преодоление оков.

Итак, тема чтения сакрального текста становится константной в творчестве позднего Толстого. Эпизоды и сцены чтения в «Воскресении», «Фальшивом купоне», «Божеском и человеческом» соотносятся друг с другом в свете проблемы разрыва между современной жизнью и заповедями Христа. По Толстому, путь к преодолению этого разрыва невозможен без обращения современного человека к Евангелию.

Чтение сакрального текста изображено Толстым как формализованное действие, как событие и как процесс. В первом случае чтение происходит в церкви, во втором — чтецы и слушатели из народа разом и доверительно принимают евангельские истины, в третьем — на первый план выходят относящиеся к господскому классу герои, которые самостоятельно прокладывают свой путь к пониманию.

Чтение как событие опирается на традиционный тип чтения, а чтение как процесс, включающий интерпретацию, предполагает «личностный» вид чтения. Очевидно, что в большей степени писатель доверяет уединенному постижению сакрального текста (при этом характер интерпретации меняется

от скепсиса к принятию) и настороженно относится к посредническому, таящему в себе, по его мнению, опасность дальнейшего разобщения людей, ибо значимость собственной интерпретации остается высокой.

Главное, по Толстому, заключается в *понимании* евангельского текста. В целом же для него важны как традиционный, так и «личный» виды чтения. Писатель замечает, что в «личном» чтении не только появляются новые особенности, но и возрождаются традиционные.

Напомним, протоиерей Георгий Ореханов, имея в виду жизнь и творческое наследие позднего Толстого, критически отнесся к тенденции «нового понимания веры и религиозности». Позиция священника понятна. Если же рассуждать исходя из мирских представлений, то нельзя не согласиться с Н. А. Бердяевым, который указал на парадокс: «Л. Толстому суждено сыграть большую роль в религиозном возрождении России и всего мира», он «заставил христианский мир задуматься над своей нехристианской, полной лжи и лицемерия жизнью. Он — страшный враг христианства и предтеча христианского возрождения» [Бердяев: 465, 466].

Допустимо сказать, что толстовские герои-читатели Евангелия в чем-то предвосхищают время «бедной веры» XX столетия, т. е. «веры в Бога, лишенной признаков конкретного вероисповедания, отвлеченной от исторических, национальных, церковных традиций; веры без храма, догм и обрядов» [Эпштейн: 267]. Однако ограничить этих героев только такой перспективой вряд ли возможно: они еще не имели опыта грядущей широко-масштабной эпохи атеизма.

Чуев и Пелагеюшкин, Нехлюдов и Светлогуб остаются в памяти русской литературы как читающие Евангелие, а старик-беспопoveц — как преодолевший (от романа «Воскресение к рассказу «Божеское и человеческое») тяготение к Апокалипсису и направивший свой духовный взор к Евангелию. Каждый из них по-своему меняется, а Чуев, Пелагеюшкин и Светлогуб духовно преображаются.

Список литературы

1. Амесс Ж. Схоластическая модель чтения // История чтения в западном мире от Античности до наших дней / сост. Кавалло Г., Шартье Р. М.: Фаир, 2008. С. 138–160. (Сер.: Библиотечный бестселлер.)
2. Бердяев Н. А. Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. М.: Искусство, 1994. Т. 2. С. 461–483.
3. Булгаков С. Н. Первообраз и образ: в 2 т. М.: Искусство; СПб.: Инапресс, 1999. Т. 1: Свет не вечерний. 416 с.
4. Бьянки Э. Молитвенное чтение Священного Писания. Молитва Слову / пер. с ит. Ю. А. Гинзбург. М.: Путь, 2003. 79 с.
5. Воскресенская М. А. Специфика религиозного мирозерцания российской культурной элиты конца XIX — начала XX века // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. СПб., 2008. № 11 (78). С. 34–41 [Электронный ресурс]. URL: [https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/11\(78\)/voskresenskaya_11_78_34_41.pdf](https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/11(78)/voskresenskaya_11_78_34_41.pdf) (10.11.2024). EDN: JVYXOD
6. Гродецкая А. Г. Ответы предания: жития святых в духовном поиске Льва Толстого. СПб.: Наука, 2000. 264 с.
7. Густафсон Р. Ф. Обитатель и чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого. СПб.: Акад. проект, 2003. 480 с. (Сер.: Современная западная русистика.)
8. Жданов В. А. Творческая история романа Л. Н. Толстого «Воскресение». Материалы и наблюдения. М.: Сов. писатель, 1960. 450 с.
9. Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория: антология / сост., пер., примеч. И. В. Кабановой. М.: Флинта, 2004. С. 201–224.
10. Иосиф (Пусуготов), архимандрит. Предисловие // Бьянки Э. Молитвенное чтение Священного Писания. Молитва Слову / пер. с ит. Ю. А. Гинзбург. М.: Путь, 2003. С. 3–4.
11. Кошелева О. Д., Пращерук Н. В. О метасюжете чтения вслух в романах Достоевского // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27. № 2. С. 102–109 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestial/article/view/5198> (10.11.2024). DOI: 10.15826/izv1.2021.27.2.034. EDN: SYFVPE
12. Ломунов К. Н. Над страницами «Воскресения». М.: Современник, 1979. 384 с.
13. Масолова Е. А. Дискурсивные стратегии автора в романе Толстого «Воскресение» // Материалы Толстовских чтений 2014 г. в Государственном музее Л. Н. Толстого. М.: Оригинал-макет, 2015. С. 25–32. (а)
14. Масолова Е. А. Евангельский текст в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. Вып. 13. С. 421–435 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1456398186.pdf (10.11.2024). EDN: VJUJTV (b)

15. Новикова Е. Г. Софийность русской прозы второй половины XIX в.: евангельский текст и художественный контекст. Томск: Томск. гос. ун-т, 1999. 254 с.
16. Новикова Е. Г. Евангельский текст в русской литературе последней трети XIX в. Томск: Томск. гос. ун-т, 2020. 96 с.
17. Ореханов Г., протоиерей. Лев Толстой. «Пророк без чести»: хроника катастрофы. М.: Воскресение: Эксмо, 2016. 608 с.
18. Петровская Е. В. Что читают герои Л. Н. Толстого? (Книги и чтение в «Войне и мире») // Лев Толстой и мировая литература: мат-лы III Междунар. науч. конф. Тула: Ясная Поляна, 2005. С. 21–32. EDN: RYWJXJ
19. Плюханова М. Б. Творчество Толстого: лекция в духе Ю. М. Лотмана // Л. Н. Толстой: pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб.: РХГИ, 2000. С. 822–857. (Сер.: Русский путь.)
20. Полтавец Е. А. Семантика книги в «Войне и мире» Л. Н. Толстого // Яснополянский сборник: 2016. Тула: Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2017. С. 56–65.
21. Пращерук Н. В., Кошелева О. Д. О двух эпизодах чтения евангельского текста в романах «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского и «Воскресение» Л. Н. Толстого // Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский — о судьбах мира и человечества поверх барьеров времени: сб. науч. ст. по итогам XVII Барышниковских чтений. Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С. 44–50. EDN: ZGLCVI
22. Тарасов А. Б. Праведники и подвижники и тема воскресения в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Филологические науки. 2001. № 5. С. 21–29.
23. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.; Л.: Худож. лит., 1928–1958.
24. Чавдарова Д. Номо Legens в русской литературе XIX века. Шумен (Болгария): Аксиос, 1997. 142 с.
25. Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое лит. обозрение, 2017. 616 с.

References

1. Amess Zh. The Scholastic Model of Reading. In: *Istoriya chteniya v zapadnom mire ot Antichnosti do nashikh dney* [The History of Reading in the Western World from Antiquity to the Present Day]. Moscow, Fair Publ., 2008, pp. 138–160. (Ser.: Library Bestseller.) (In Russ.)
2. Berdyaev N. A. The Old and New Testaments in the Religious Consciousness of Leo Tolstoy. In: *Berdyaev N. A. Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva: v 2 tomakh* [Berdyaev N. A. Philosophy of Works, Culture and Art: in 2 Vols]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994, vol. 2, pp. 461–483. (In Russ.)
3. Bulgakov S. N. *Pervoobraz i obraz: v 2 tomakh* [Prototype and Image: in 2 Vols]. Moscow, Iskusstvo Publ., St. Petersburg, Inapress Publ., 1999, vol. 1. 416 p. (In Russ.)

4. B'yanki E. *Molitvennoe chtenie Svyashchennogo Pisaniya. Molitva Slovu* [*Prayer Reading of the Holy Scriptures. Prayer to the Word*]. Moscow, Put' Publ., 2003. 79 p. (In Russ.)
5. Voskresenskaya M. A. Specific Character of the Religious Outlook of the Russian Cultural Elite at the Turn of the 20th Century. In: *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena* [*Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*]. St. Petersburg, 2008, no. 11 (78), pp. 34–41. Available at: [https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/11\(78\)/voskresenskaya_11_78_34_41.pdf](https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/11(78)/voskresenskaya_11_78_34_41.pdf) (accessed on November 10, 2024). EDN: JVYXOD (In Russ.)
6. Grodet'skaya A. G. *Otvety predaniya: zhitiya svyatykh v dukhovnom poiske L'va Tolstogo* [*Answers of Tradition: Lives of the Saints in Tolstoy's Spiritual Search*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000. 264 p. (In Russ.)
7. Gustafson R. F. *Obitatel' i chuzhak. Teologiya i khudozhestvennoe tvorchestvo L'va Tolstogo* [*Resident and Stranger. A Study in Fiction and Theology of Leo Tolstoy*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2003. 480 p. (Ser.: Modern Western Russian Studies.) (In Russ.)
8. Zhdanov V. A. *Tvorcheskaya istoriya romana L. N. Tolstogo "Voskresenie". Materialy i nablyudeniya* [*The Creative History of the Novel "Resurrection" by L. N. Tolstoy. Materials and Observations*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1960. 450 p. (In Russ.)
9. Izer V. The Reading Process: a Phenomenological Approach. In: *Sovremennaya literaturnaya teoriya: antologiya* [*Modern Literary Theory: an Anthology*]. Moscow, Flinta Publ., 2004, pp. 201–224. (In Russ.)
10. Joseph (Pustoutov), Archimandrite. The Preface. In: B'yanki E. *Molitvennoe chtenie Svyashchennogo Pisaniya. Molitva Slovu* [*Bianchi E. Prayer Reading of the Holy Scriptures. Prayer to the Word*]. Moscow, Put' Publ., 2003, pp. 3–4. (In Russ.)
11. Kosheleva O. D., Prashcheruk N. V. On the Metaplot of Reading Aloud in the Novels by F. M. Dostoevsky. In: *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [*Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1: Issues in Education, Science and Culture*], 2021, vol. 27, no. 2, pp. 102–109. Available at: <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia1/article/view/5198> (accessed on November 10, 2024). DOI: 10.15826/izv1.2021.27.2.034. EDN: SYFVPE (In Russ.)
12. Lomunov K. N. *Nad stranitsami "Voskreseniya"* [*Over the Pages of "Resurrection"*]. Moscow, Sovremennik Publ., 1979. 384 p. (In Russ.)
13. Masolova E. A. Discursive Strategies of the Author in Tolstoy's Novel "Resurrection". In: *Materialy Tolstovskikh chteniy 2014 g. v Gosudarstvennom muzee L. N. Tolstogo* [*Materials of the Tolstoy Readings in 2014 at the Leo Tolstoy State Museum*]. Moscow, Original-maket Publ., 2015, pp. 25–32. (In Russ.) (a)
14. Masolova E. A. Evangelic Verses in L. Tolstoy's Novel "Resurrection". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2015, issue 13, pp. 421–435.

- Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1456398186.pdf (accessed on November 10, 2024). EDN: VJUJTV (In Russ.) (b)
15. Novikova E. G. *Sofiynost' russkoy prozy vtoroy poloviny XIX v.: evangel'skiy tekst i khudozhestvennyy kontekst* ["Sophiynost'" of the Russian Prose in the Second Half of the 19th Century: the Gospel Text and Artistic Context]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 1999. 254 p. (In Russ.)
 16. Novikova E. G. *Evangel'skiy tekst v russkoy literature posledney treti XIX v.* [The Gospel Text in Russian Literature of the Last Third of the 19th Century]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2020. 96 p. (In Russ.)
 17. Orekhanov G., Archpriest. *Lev Tolstoy. "Prorok bez chesti": khronika katastrofy* [Leo Tolstoy. "A Prophet Without Honor": a Chronicle of the Disaster]. Moscow, Voskresenie Publ., Eksmo Publ., 2016. 608 p. (In Russ.)
 18. Petrovskaya E. V. What Do L. N. Tolstoy's Characters Read? (Books and Reading in "War and Peace"). In: *Lev Tolstoy i mirovaya literatura: materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Leo Tolstoy and World Literature: Proceedings of the 3d International Scientific Conference]. Tula, Yasnaya Polyana Publ., 2005, pp. 21–32. EDN: RYWJXJ (In Russ.)
 19. Plyukhanova M. B. Tolstoy's Works: as the Lecture of Yu. M. Lotman. In: *L. N. Tolstoy: Pro et Contra. Lichnost' i tvorchestvo L'va Tolstogo v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley: antologiya* [L. N. Tolstoy: Pro et Contra. The Personality and Works of Leo Tolstoy in the Assessment of Russian Thinkers and Researchers: Anthology]. St. Petersburg, Russian Christian Humanities Institute Publ., 2000, pp. 822–857. (Ser.: The Russian Way.) (In Russ.)
 20. Poltavets E. A. Semantics of the Book in "War and Peace" by L. N. Tolstoy. In: *Yasnopolyanskiy sbornik: 2016* [Yasnaya Polyana Collection: 2016]. Tula, Museum-Estate of L. N. Tolstoy "Yasnaya Polyana" Publ., 2017, pp. 56–65. (In Russ.)
 21. Prashcheruk N. V., Kosheleva O. D. About Two Episodes of Gospel Reading in the Novels "Crime and Punishment" by F. M. Dostoevsky and "Resurrection" by L. N. Tolstoy. In: *L. N. Tolstoy i F. M. Dostoevskiy o sud'bah mira i chelovechestva poverkh bar'erov vremeni: sbornik nauchnykh statey po itogam XVII Baryshnikovskikh chteniy* [L. N. Tolstoy and F. M. Dostoevsky on the Fate of the World and Humanity Beyond the Barriers of Time: a Collection of Scientific Articles Based on the Results of the 17th Baryshnikov Readings]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University Named After P. P. Semenov-Tyan-Shansky Publ., 2021, pp. 44–50. EDN: ZGLCBI (In Russ.)
 22. Tarasov A. B. The Righteous and the Ascetics and the Theme of the Resurrection in Leo Tolstoy's Novel "Resurrection". In: *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2001, no. 5, pp. 21–29. (In Russ.)
 23. Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 tomakh* [The Complete Works: in 90 Vols]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1928–1958. (In Russ.)

24. Chavdarova D. *Homo Legens v russkoy literature XIX veka* [*Homo Legens in Russian Literature of the 19th Century*]. Shumen (Bulgaria), Aksios Publ., 1997. 142 p. (In Russ.)
25. Epshteyn M. N. *Proektivnyy slovar' gumanitarnykh nauk* [*Projective Dictionary of the Humanities*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 616 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Михновец Надежда Геннадьевна, Nadezhda G. Mikhnovets, PhD (Филология), Associate Professor, Professor, Head of the Department of Russian Literature, Herzen State Pedagogical University of Russia (nab. reki Moyki 48, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0674-1964>; e-mail: mikhnovets@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 12.11.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.01.2025

Принята к публикации / Accepted 16.01.2025

Дата публикации / Date of publication 14.02.2025

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14602

EDN: LWVKYZ

Концепция Шекспира в литературно-критическом творчестве Ю. Н. Говорухи-Отрока

Д. Н. Жаткин ¹✉, В. В. Сердечная ²

¹ Пензенский государственный технологический университет
(г. Пенза, Российская Федерация)

e-mail: ivb40@yandex.ru ✉

² Кубанский государственный университет
(г. Краснодар, Российская Федерация)

e-mail: rintra@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализированы шекспироведческие работы Ю. Н. Говорухи-Отрока (1850–1896), недооцененного литературного и театрального критика конца XIX в. Исследованы принципы обращения Говорухи-Отрока к шекспировскому наследию, определены мировоззренческие установки его критики, выделены основные тезисы его оценки Шекспира в контексте европейской и мировой литературы, а также осмыслена его трактовка «Гамлета» как трагедии христианской эры. Говоруха-Отрок характеризовал Шекспира как представителя благородной европейской культуры, вдохновленной католичеством; в современности он видел результаты упадка этой культуры. Критик утверждал, что Шекспир изобрел новый, христианский вид трагедии: на смену неوبرимому року выходит конфликт скептицизма и веры, что делает героя, ранее зависимого от обстоятельств, самостоятельным и активным. Важной характеристикой творчества Шекспира для критика стал высокий христианский пессимизм, провоцирующий бесконечный поиск идеала, — противопоставленный пессимизму отчаяния Байрона и бытовому пессимизму Чехова. «Гамлет» для Говорухи-Отрока является ярчайшим примером христианской трагедии: критик оценивает ключевую роль появления привидения, рассматривает Гамлета как деятельного и совестливого героя, истинного философа, искренне любящего Офелию и чистосердечно отсылающего ее в монастырь по причине заботы о ней. Трактовка Говорухи-Отрока представляет оригинальный взгляд на творчество Шекспира с позиций христианской критики.

Ключевые слова: Шекспир, Говоруха-Отрок, шекспиризм, трагедии, рецепция, литературная критика, шекспироведение, Гамлет, Офелия, христианский пессимизм

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 24-18-00040 «Эволюция русского

поэтического перевода в контексте идейных концепций литературных журналов второй половины XIX века», <https://rscf.ru/project/24-18-00040/>).

Для цитирования: Жаткин Д. Н., Сердечная В. В. Концепция Шекспира в литературно-критическом творчестве Ю. Н. Говорухи-Отрока // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 1. С. 227–250. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14602. EDN: LWVKYZ

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14602

EDN: LWVKYZ

The Concept of Shakespeare's Works in the Critical Literary Studies by Yu. N. Govorukha-Otrok

Dmitry N. Zhatkin ^{1✉}, Vera V. Serdechnaia ²

¹ *Penza State Technological University
(Penza, Russian Federation)*

e-mail: ivb40@yandex.ru [✉]

² *Kuban State University
(Krasnodar, Russian Federation)*

e-mail: rintra@yandex.ru

Abstract. The authors analyze the Shakespeare studies by Yu. N. Govorukha-Otrok (1850–1896), an underrated literary and theater critic of the late 19th century. The article examines the principles of Govorukha-Otrok's approach to Shakespeare's legacy, defines the ideological principles of his criticism, highlights the main theses of his assessment of Shakespeare in the context of European and world literature, and recognizes his interpretation of Hamlet as a tragedy of the Christian era. Govorukha-Otrok characterized Shakespeare as a representative of the noble European culture inspired by Catholicism; he saw the consequences of this culture's decline in modern times. The critic claimed that Shakespeare invented a new, Christian type of tragedy: the invincible fate is replaced by a conflict between skepticism and faith, which makes the hero, previously dependent on circumstances, independent and active. An important characteristic of Shakespeare's work for the critic was the high Christian pessimism that provokes an endless search for the ideal, the type of pessimism opposed to Byron's pessimism of despair and Chekhov's everyday pessimism. For Govorukha-Otrok, Hamlet is the most striking example of Christian tragedy: the critic evaluates the key role of the appearance of the ghost, examines Hamlet as an active and conscientious character, a true philosopher who sincerely loves Ophelia and sends her to a monastery in all earnest because of his

concern for her. Govorukha-Otrok's interpretation presents an original view of Shakespeare's work from the standpoint of Christian criticism.

Keywords: Shakespeare, Govorukha-Otrok, Shakespeareanism, tragedies, reception, literary criticism, Shakespeare studies, Hamlet, Ophelia, Christian pessimism

Acknowledgments. The research was carried with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 24-18-00040 "The Evolution of Russian Poetic Translation in the Context of Ideological Concepts of Literary Magazines of the Second Half of the 19th Century", <https://rscf.ru/project/24-18-00040/>).

For citation: Zhatkin D. N., Serdechnaia V. V. The Concept of Shakespeare's Works in the Critical Literary Studies by Yu. N. Govorukha-Otrok. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 227–250. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14602. EDN: LWVKYZ (In Russ.)

Юрий Николаевич Говоруха-Отрок (1850–1896), недооцененный критик и мыслитель конца XIX в., неслучайно стал одним из героев книги В. В. Розанова «Литературные изгнанники»¹. Проведя по политическому обвинению три года в одиночном заключении, а затем десять лет «на положении поднадзорного с видом на жительство вместо паспорта» [Иванова, 2012: 16], Говоруха-Отрок всю жизнь зарабатывал литературным трудом и оставил огромное, все еще не вполне упорядоченное наследие: кроме трех брошюр литературной критики, он автор более чем тысячи литературно-критических и культуроведческих статей² в периодической печати.

Как бывший политический заключенный, он был вынужден печататься под псевдонимами [Захарова, 2021: 8]. Его архив утрачен [Иванова, 2012: 12]; распространенные сведения о его биографии (такие как учеба в Харьковском университете или жертвование родовым имением на нужды революционного движения) оказываются неточными [Иванова, 2012: 9–12]. Даже год и день рождения указывается в разных источниках

¹ Розанов В. В. Литературные изгнанники. СПб.: Тип. Т-ва А. С. Суворина, 1913. Т. 1: с портретом. С. 437–531.

² Каплин А. Д., Гончарова О. А. Комментарии // Говоруха-Отрок Ю. Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея / сост. А. Д. Каплина, предисл., примеч. А. Д. Каплина, О. А. Гончаровой. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2015. С. 737. (Сер.: Рус. цивилизация.)

вразной³: по наиболее вероятным данным, содержащимся в материалах следствия по «процессу 193-х», точная дата его рождения — 29 января 1850 г. [Иванова, 2012: 9].

Перейдя из стана «либералов» в лагерь славянофилов, Говоруха-Отрок оказался своим среди чужих во всех идеологических группировках и по понятным причинам, как ярый антиреволюционер, был забыт в советские годы.

Наследие Говорухи-Отрока, лишь эпизодически появлявшееся в печати в советское⁴ и позднесоветское время [Иванова, 1989], стали собирать в начале XXI в.: так, в Белгороде в 2005 г. вышел том его трудов, заявленный как начало собрания сочинений [Говорухо-Отрок, 2005]; спустя семь лет в санкт-петербургском издательстве «Росток» издан двухтомник, являющийся на данный момент наиболее представительным собранием его текстов, но далеко не исчерпывающий объем его публикаций [Говоруха-Отрок, 2012]; затем напечатан еще один сборник статей, преимущественно на темы православия⁵.

Научное осмысление публицистического и художественного творчества Говорухи-Отрока началось только в наши дни: в 2006 г. на его родине была проведена профильная конференция [Ю. Н. Говорухо-Отрок...], его наследие описывается как в статьях, так и в монографических и диссертационных исследованиях. Так, предметом изучения стали консервативная природа взглядов Говорухи-Отрока [Смолина] и динамика его революционных мнений [Кравцова, 2019b], аспекты биографии [Хатунцев] и истории семьи⁶, место художественного творчества автора в литературно-идеологических битвах эпохи [Прокопенко, 2006], особенности его христианского мышления [Гончарова], [Прокопенко, 2007]

³ Встречаются: 25 января (6 февраля) 1851 г., 29 января 1852 г., 26 января 1854 г. и т. д.

⁴ Говоруху-Отрока цитирует Л. С. Выготский в приложении к одной из своих работ, см.: Выготский Л. С. Трагедия о Гамлете, принце Датском, У. Шекспира (Приложение) // Выготский Л. С. Психология искусства. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1968. С. 541–543.

⁵ Говоруха-Отрок Ю. Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2015. 768 с.

⁶ Прокопенко З. Т., Крупенков А. Н. Дворянский род Говорухо-Отроков из слободы Таврово: из истории культурного наследия Белгородчины. Белгород: Издат. отдел Белгородской и Старооскольской епархии, 2007. 77 с.

и философская природа литературной критики [Зверева], творческая самобытность его критического наследия на примере полемики с Вл. С. Соловьевым [Кравцова, 2019а], [Захарова, 2021, 2024] и Н. Н. Страховым [Мотовникова], [Дикарева]. Предметом исследования стала и литературная критика Говорухи-Отрока: опубликованы работы о его видении творчества М. Ю. Лермонтова [Телегина], В. М. Гаршина [Егоров], В. Г. Короленко [Кулакова].

Вместе с тем значительным объектом внимания Говорухи-Отрока, как литературного и театрального критика, являлось творчество Шекспира и особенности трактовки шекспировского наследия на театральных подмостках России; однако этот аспект до сих пор не стал предметом научной рефлексии⁷.

Шекспироведение Говорухи-Отрока — существенная часть его критического наследия, хотя он и остался исследователем, не реализовавшим многое из возможного; так, в частности, по замечанию В. В. Розанова, «необходимость писать еженедельно, крайнее утомление сил к месяцам летнего отдыха — все это год за годом отодвигало выполнение долго лелеянного им плана — написать полный и обширный разбор "Гамлета", любимейшего его произведения в европейской литературе»⁸.

Как писал Розанов о Говорухе-Отроке, «этот приземистый, темноволосый, типично *русский* человек — был сам Гамлет, точнее — та трансформация этого вековечного и универсального типа, которая для русской действительности была отненена и обрисована такими верными и тонкими штрихами Тургеневым»⁹; особенностью автора, также отмеченной Розановым, был «*индивидуализм*, эта еще гамлетовская черта»¹⁰. Теоретик народничества Н. К. Михайловский насмешливо называл

⁷ Также отметим, что Говорухе-Отроку принадлежит забытый ныне пересказ для детей шекспировского «Короля Лира», см.: Г. О. [Говоруха-Отрок Ю. Н.]. История о британском короле Лире и о трех его дочерях // Родник: ежемесячный иллюстрированный журнал для детей. 1883. № 1. С. 1–20.

⁸ Розанов В. В. Литературные изгнанники. С. 459.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 463.

героев рассказов Говорухи-Отрока «гамлетизированными поросятами»¹¹, подчеркивая их нерешительность и вялость.

Несмотря на то, что мечта написать большой шекспироведческий труд не осуществилась, в наследии Говорухи-Отрока немало материалов, на основании которых можно воссоздать его уникальный взгляд на творчество английского драматурга. К ним прежде всего относятся статьи из газеты «Московские Ведомости», касающиеся «Гамлета», в частности, республикованные в двухтомнике 2012 г.¹² Однако множество важных замечаний и наблюдений о Шекспире рассыпаны в статьях на другие темы, а также в газетных материалах, в которых Говоруха-Отрок выступал и как театральный критик¹³.

Подход Говорухи-Отрока к творчеству Шекспира обусловлен особенностями его духовного пути, его эстетическими и идеологическими представлениями: консервативной позицией, которую можно обозначить как «поздняя фаза славянофильства» [Иванова, 2012: 59], с его верой в праведность православного христианства, в особый путь русского духа, в чудо как таковое. Розанов отмечает, что мировоззренческой подоплекой работ Говорухи-Отрока было «некоторое ощущение вечности, в противоположность временному»¹⁴. Это утверждение вечных истин и вечных образов стало для него и принципом оценки творчества Шекспира.

Для мировоззрения Говорухи-Отрока, по точному выражению Е. В. Ивановой, был характерен «высокий христианский пессимизм»; познав, что мир лежит во тьме, упования

¹¹ Михайловский Н. К. Сочинения. СПб.: Типо-литография Б. М. Вольфа, 1897. Т. 5. Стлб. 678–704.

¹² Говоруха-Отрок Ю. Н. Гамлет [Мнение Брандеса о «Гамлете»; Нечто о ведьмах и привидениях (По поводу статьи Н. Иванцова «Основной принцип красоты»); Офелия (По поводу статьи Н. Иванцова «Основной принцип красоты»)] (см.: [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 685–727]).

¹³ См., в частности: Николаев Ю. [Говоруха-Отрок Ю. Н.] Маджи в роли Гамлета // Московские Ведомости. 1892. № 84. 25 марта. С. 4–5; Николаев Ю. [Говоруха-Отрок Ю. Н.] Театр Корша: бенефис г. Трубецкого. «Гамлет» Шекспира // Московские Ведомости. 1895. № 284. 15 октября. С. 3; Говоруха-Отрок Ю. Н. > Томмазо Сальвини в шекспировских ролях. Король Лир // Южный край. 1885. № 1490. 25 апреля (7 мая). С. 1–3 и мн. др.

¹⁴ Розанов В. В. Литературные изгнанники. С. 462.

он связывал только с самыми высокими ценностями [Иванова, 2012: 67]: «человек существует не для счастья <...> жизнь его есть подвиг страдания и искупления»¹⁵. Этот «высокий пессимизм» он увидит и в Шекспире.

В восприятии Говорухи-Отрока Шекспир — один из великих представителей мировой литературы, и даже не столько западной (которую в целом критик оценивал скептически), сколько всемирной. Имя Шекспира встречается у него в ряде перечней, чаще всего в сочетании с Пушкиным, Гоголем, Данте, Гете — этот «канон» литературы составляет для него некое единое целое истинного искусства.

Так, например, в книге «Последние произведения графа Толстого» (1890)¹⁶ он отмечает:

«И Пушкин, и Гоголь, и Шекспир, и Сервантес <...> одинаково все *реалисты*...» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 84].

Называя реалистами столь различных авторов, критик поясняет, что реалисты «воспроизводят жизнь в глубокой ее правде, то есть в образах своих показывают нам не то, что *бывает*, не то, что случается, а то, что *пребывает*, что есть, необходимо должно быть» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 84]. Как видим, автор воспринимает реализм не как миметическое отражение «случайных» состояний реальности, но как воссоздание ее бытийного содержания: настоящий реализм «верен не обыденной житейской действительности, а *общему смыслу действительности*» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 85]¹⁷.

¹⁵ Николаев Ю. [Говоруха-Отрок Ю. Н.] В чем сущность нашей культуры? И. И. Иванов. «Новая культурная сила». «Русская мысль». Ноябрь // Московские Ведомости. 1893. № 339. 9 декабря. С. 3.

¹⁶ Говоруха-Отрок Ю. Н. Последние произведения графа Л. Н. Толстого (см.: [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 81–122]). Первоначально опубликовано в 1890 г. в качестве трех самостоятельных статей в «Московских Ведомостях» (№ 34. 3 февраля. С. 3–4; № 94. 7 апреля. С. 2–4; № 108. 21 апреля. С. 3–4), затем объединено в книгу: Николаев Ю. [Говоруха-Отрок Ю. Н.]. Последние произведения графа Л. Н. Толстого. М.: Унив. тип., 1890. II, 83 с.

¹⁷ Это замечание Говорухи-Отрока, привлекающее к понятию реализма определенный идеал, интересным образом коррелирует с более поздними поисками в теоретической концептуализации социалистического реализма как творческого метода. Так, А. А. Жданов в своем докладе на первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г. сводил воедино концепции реализма и дидактики, формулируя задачу искусства так:

Говоруха-Отрок отмечает умение Шекспира (как и Гоголя) увидеть в реальности «то, что *пребывает* и должно быть необходимо» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 85], субстанцию реальности, которая обретает характеристики вневременности: Шекспир, «как и всякий великий художник, *останавливает мгновение* — и останавливает его навеки» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 85].

При этом важной чертой шекспировского творчества становится акцентировка народного взгляда, помогающего достичь точности писателю-историку:

«...изображение исторических лиц удавалось лишь тем художникам, которые проникались народным воззрением на эти лица — воззрением простодушных летописцев, хроникеров <...> в этом духе созданы гениальнейшие произведения Шекспира, Вальтер Скотта» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 674]¹⁸.

Вслед за Гегелем, который в своих лекциях по эстетике относил творения Шекспира к романтической форме искусства, то есть к творчеству духовному, христианской природы¹⁹, и предшествуя словам Н. К. Бокадорова, писавшего, что Шекспиром был изобретен христианский театр, «светлая радостная легенда»²⁰, Говоруха-Отрок замечает:

«...Шекспиром была создана трагедия христианской эры, сменившая трагедию античную...» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 88].

«...изобразить действительность в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения должны сочетаться с задачей идейной перedelки и воспитания...» (Речь секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова // Первый всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М.: Худож. лит., 1934. С. 4).

¹⁸ Говоруха-Отрок Ю. Н. Несколько мыслей о религиозной живописи (см.: [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 663–682]). Первая публ.: Николаев Ю. [Говоруха-Отрок Ю. Н.]. Несколько мыслей о религиозной живописи // Русское обозрение. 1894. Т. 25. Февраль. С. 668–684.

¹⁹ См.: Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. М.: Искусство, 1968–1973.

²⁰ Бокадоров Н. К. История западно-европейской литературы XVI–XVII вв. Сервантес и Шекспир. Лекции, читанные в осенний семестр 1912 г. Изд-е слушательниц Киев. Высш. жен. курсов. Киев: Тип. 1-й Киев. артели печатного дела, 1913. С. 285.

То есть им «была освобождена воля человеческая, скованная древним *Роком*», и «центр тяжести трагедии был перенесен в другое место <...> трагедия христианской эры имеет в основании своем борьбу духа человеческого с плотью — борьбу, очищающую этот дух ото всего условного, случайного, земного» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 88–89]. Пример Шекспира, в частности, является для Говорухи-Отрока основанием для суровой критики «Власти тьмы» Л. Н. Толстого, где для него «и драмы никакой нет», «все условно, временно, случайно» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 88, 92].

Говоруха-Отрок видит у Шекспира и грубости, однако они со временем становятся естественной добычей истории и забываются, в частности, исчезая из театральной практики:

«...грубые сцены, как, например, сцена вырывания глаз у Глостера, *сами собой* выпадают из созданий Шекспира...» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 95].

По шекспировскому вопросу, будучи здесь солидарен с более поздними размышлениями Н. К. Бокадорова²¹, П. П. Гнедича²², С. Д. Кржижановского²³ и Ю. И. Айхенвальда²⁴, Говоруха-Отрок также не видит возможным и даже нужным искать точных биографических ответов, о чем пишет в критическом этюде «Очерки современной беллетристики. В. Г. Короленко» (1890–1893)²⁵:

²¹ Бокадоров Н. К. История западно-европейской литературы XVI–XVII вв... С. 480.

²² Гнедич П. Марк Твен, Сатана и Шекспир // Ежегодник императорских театров. 1912. Вып. III. С. 15; Гнедич П. П. «Гамлет» и «Юлий Цезарь». По поводу их постановок на частных сценах // Ежедневник Петроградских государственных академических театров. 1922. № 5. 15 октября. С. 12.

²³ Кржижановский С. Д. О стиле и сюжете шекспировской комедии (доклад), 1935 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 39.

²⁴ Айхенвальд Ю. Общий юбилей. (Шекспир и Сервантес). 1916 г. // Айхенвальд Ю. Похвала праздности: сб. ст. М.: Костры, 1922. С. 138–139.

²⁵ Говоруха-Отрок Ю. Н. Очерки современной беллетристики. В. Г. Короленко: критический этюд (см.: [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 146–265]). Ранний вариант в виде рецензии на книгу В. Г. Короленко «Очерки и рассказы» (4-е изд. М., 1890) публиковался в 1890 г. в «Московских Ведомостях» (№ 215. 6 августа. С. 3–4; № 216. 7 августа. С. 2–3; № 223. 14 августа. С. 2–3; № 224. 15 августа. С. 3–4). Полный текст увидел свет в 1893 г. в «Русском

«В созданиях Шекспира мы не найдем черт для восстановления его "ежедневной" личности...» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 149].

Однако при этом он уточняет, что понятие о личности автора мы получаем:

«...его поэтическая личность, *преображенная* личность со всею ясностью и полнотою отразилась в его созданиях» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 149],

а преобразенная личность — это «когда дух берет перевес над плотью» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 149]. Путь к выражению этой поэтической (а не биографической) составляющей личности и есть для Говорухи-Отрока стезя истинного художника:

«В созданиях Гомера, Шекспира, Пушкина мы почти вовсе не замечаем отражения их личности ежедневной, житейской, и вот почему на эти создания справедливо указывают как на недостижимый образец *объективного* творчества...» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 150].

Вновь объективным, или реальным, является надвременное и надличное.

Само отсутствие подробного описательного психологизма у Шекспира (в отличие от психологизма Достоевского и Толстого) Говоруха-Отрок считает достоинством, о чем рассуждает в 1893 г. в рецензии на «Рассказ неизвестного человека» А. П. Чехова²⁶:

«...и Толстой, и Достоевский *описывают* состояние души, а не показывают его в самом действии, в самом изображении, как делают то, например, Пушкин и Шекспир» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 2: 635].

обозрении» и отд. изданием: Николаев Ю. [Говоруха-Отрок Ю. Н.]. В. Г. Короленко: критический очерк // Русское обозрение. 1893. Т. 19. Январь. С. 273–312; Февраль. С. 828–859; Т. 20. Апрель. С. 901–941; Николаев Ю. [Говоруха-Отрок Ю. Н.]. Очерки современной беллетристики. В. Г. Короленко: критический этюд. М.: Унив. тип., 1893. IV, 112 с.

²⁶ Говоруха-Отрок Ю. Н. Нигилизм. А. Чехов. «Рассказ неизвестного человека» (см.: [Говоруха-Отрок, 2012; т. 2: 632–640]). Первая публ.: Николаев Ю. [Говоруха-Отрок Ю. Н.]. Нигилизм (А. Чехов. «Рассказ неизвестного человека»). «Русская мысль», март) // Московские Ведомости. 1893. № 83. 25 марта. С. 3–4.

Однако в статье «Драма Метерлинка» (1895)²⁷ Говоруха-Отрок, напротив, объединяет Шекспира и Толстого, отмечая, что «и Шекспир, и Толстой ничего *не говорят* нам о причинах самоубийства, но они поэзией и правдой изображения заставляют нас пережить весь душевный процесс несчастных самоубийц» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 2: 776] — в отличие от *рассуждающего* Метерлинка («Тайны души»).

Говоруха-Отрок включает Шекспира в зону влияния католической идеи (противопоставленной православной):

«Католическая идея, которая все же есть идея христианская, хотя и искаженная, раскрывалась во всем великом, что создала Европа с самого начала своей истории <...> Она раскрылась в Данте и Сервантесе, <...> в Шекспире и Ньюtone...» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 2: 707]²⁸.

Без христианской идеи, то есть ощущения бессмертия и великой цели мироздания, идеи загробного суда и воздаяния, пишет критик, «нам непонятны сделаются образы Рафаэля <...>, Данта, Шекспира, Сервантеса» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 2: 714]²⁹. Однако эта католическая идея, уже несшая в себе дисгармонию и неполноту [Говоруха-Отрок, 2012; т. 2: 707], была отринута современностью вместе с исторической Европой, Европой «великих духовных подъемов, великой борьбы, Европой Шекспиров и Дантов» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 2: 717].

²⁷ Говоруха-Отрок Ю. Н. Драма Метерлинка (см.: [Говоруха-Отрок, 2012; т. 2: 771–778]). Первая публ.: Николаев Ю. [Говоруха-Отрок Ю. Н.]. Драма Метерлинка // Московские Ведомости. 1895. № 135. 18 мая. С. 3.

²⁸ Говоруха-Отрок Ю. Н. Православие и католицизм. По поводу № 3 философско-литературного сборника «Свое слово», издаваемого проф. А. А. Козловым (см.: [Говоруха-Отрок, 2012; т. 2: 698–709]). Первая публ.: Николаев Ю. [Говоруха-Отрок Ю. Н.]. Православие и католицизм (По поводу № 3 философско-литературного сборника «Свое слово», издаваемого проф. А. А. Козловым. Киев, 1890 г.) // Московские Ведомости. 1891. № 95. 6 апреля. С. 3–4.

²⁹ Говоруха-Отрок Ю. Н. Идеалы и европейское просвещение. По поводу книги П. Е. Астафьева «Итоги века» (см.: [Говоруха-Отрок, 2012; т. 2: 709–718]). Первая публ.: Николаев Ю. [Говоруха-Отрок Ю. Н.]. Идеалы и европейское разложение (По поводу книги П. Е. Астафьева «Итоги века». М., 1891) // Московские Ведомости. 1891. № 121. 4 мая. С. 3–4.

В статье «Нечто о современных европейских настроениях» (1891)³⁰ Говоруха-Отрок замечает, что Шекспир играет особую роль в становлении идеологии Европы:

«Старая Европа имела свое "слово", произнесенное Шекспиром с новой силою, заключившее собою трагическую борьбу веры с скептицизмом» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 605],

и это «старое слово» создало, по мнению критика, всю великую литературу Запада:

«Оно создало Дантов, Шекспиров, Сервантесов, <...> оно создало великих королей и великих подвижников — и вот <...> оно отвергнуто современной Европой» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 606].

Критик свидетельствует об упадке современной культуры, отошедшей от своего христианского истока.

Шекспир для Говорухи-Отрока есть один из носителей высокой скорби, присущей христианству как таковому: он говорит «о высоком воззрении христианского пессимизма, отразившемся в области поэзии в творениях Шекспира, в иных созданиях Пушкина» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 499]³¹. Высокий христианский пессимизм несет вдохновение:

«На крыльях <...> этого пессимизма они подымались в самые высшие области искусства, стремясь отыскать идеальное в реальном, бесконечное в конкретном, а в этом и заключается высшая задача искусства» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 2: 591]³².

³⁰ Говоруха-Отрок Ю. Н. Нечто о современных европейских настроениях (см.: [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 598–615]). Первая публ.: Елагин Ю. [Говоруха-Отрок Ю. Н.]. Нечто о современных европейских настроениях // Русский Вестник. 1891. Т. 214. Июнь. С. 271–286.

³¹ Говоруха-Отрок Ю. Н. М. Ю. Лермонтов (см.: [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 498–514]). Первая публ.: Елагин Ю. [Говоруха-Отрок Ю. Н.]. М. Ю. Лермонтов // Русский Вестник. 1891. Т. 215. Август. С. 285–299.

³² Говоруха-Отрок Ю. Н. Очерки современной беллетристики. Г. Чехов. По поводу его нового рассказа. А. Чехов. «Скучная история» (см.: [Говоруха-Отрок, 2012; т. 2: 584–604]). Первая публ.: Николаев Ю. [Говоруха-Отрок Ю. Н.]. Очерки современной беллетристики (Г. Чехов. По поводу его нового рассказа. А. Чехов. «Скучная история»). «Северный Вестник», ноябрь // Московские Ведомости. 1889. № 345. 14 декабря. С. 4–6.

Говоруха-Отрок вводит различие между этим высоким пессимизмом, который, видя зло, «не признает зло законом жизни и не верует в него», — и пессимизмом отчаяния, «с такою силой провозглашенным Байроном», без Бога, «отринутую новую Европой» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 500, 501]. Критик называет этот второй вид пессимизма философским, или трагическим, относя к его сторонникам Байрона, Шопенгауэра и Л. Н. Толстого [Говоруха-Отрок, 2012; т. 2: 591]. Он также выделяет третий вид пессимизма, «*ходячий пессимизм*», или пессимизм толпы; такую характеристику он придает творчеству А. П. Чехова [Говоруха-Отрок, 2012; т. 2: 591–592].

Виды пессимизма и схожи, и различны:

«Кто хоть сколько-нибудь изучал создания Шекспира, тот, конечно, согласится, что они проникнуты тем же глубоким философским пессимизмом, каким проникнуты и произведения Шопенгауэра, но вряд ли можно найти у Шекспира воззрение на человека как на механическую куклу, как на игрушку обстоятельств» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 708]³³.

Различие коренится в том, что у Шекспира, по мнению критика, как у глубоко христианского писателя, герои не лишены свободной воли, не являются жертвами обстоятельств — они сами вольны сделать выбор.

Пьесы Шекспира становятся для критика показательным примером в контексте массовой культуры: он опечален тем, что «толпу одинаково восхищают и "Гамлет" Шекспира, и — какая-нибудь трескучая мелодрама» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 562]³⁴. Он делает вывод о том, что нечувствительный к поэзии человек смотрит на Шекспира, «как дикарь, который

³³ Говоруха-Отрок Ю. Н. Гамлет [Мнение Брандеса о «Гамлете»; Нечто о ведьмах и привидениях (по поводу статьи Н. Иванцова «Основной принцип красоты»); Офелия (по поводу статьи Н. Иванцова «Основной принцип красоты»)] (см.: [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 686–727]). Цитируемая статья впервые опубликована: Николаев Ю. [Говоруха-Отрок Ю. Н.]. Нечто о ведьмах и привидениях (по поводу статьи Н. Иванцова «Основной принцип красоты». «Вопросы философии и психологии», книга 3-я, май — июнь) // Московские Ведомости. 1896. № 176. 29 июня. С. 3; № 181. 4 июля. С. 3; № 188. 11 июля. С. 3.

³⁴ Говоруха-Отрок Ю. Н. Поэзия Фета <Из «Русского вестника»> (см.: [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 554–578]). Первая публ.: Елагин Ю. [Говоруха-Отрок Ю. Н.]. Поэзия Фета // Русский Вестник. 1893. Т. 226. Май. С. 306–326.

одинаково восхищается и блестящей побрякушкой, ничего не стоящей, и драгоценным алмазом» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 563]. Однако же Шекспир среди других может научить хорошему вкусу:

«...долго и упорно приходится очищать и образовывать свой вкус на произведениях великих поэтов, на произведениях Пушкина и Шекспира, Гёте и Шиллера...» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 2: 234]³⁵.

«Гамлет» является центральным текстом Шекспира для Говорухи-Отрока. Он неоднократно цитирует его в статьях на самые разнообразные темы; так и не написав об этой трагедии Шекспира отдельной работы, критик оставил несколько статей, касающихся тематики «Гамлета» и образов главных героев³⁶.

В этих статьях Говоруха-Отрок выстраивает систему критических оценок, отталкиваясь от чужих воззрений — в частности, от мнений Г. Брандеса³⁷ и Н. А. Иванцова³⁸, от распространившейся «точки зрения чистого эмпиризма и чистого утилитаризма», а также от неадекватных, по его мнению, театральных интерпретаций образа как «психопата» или «ничтожного, вульгарного, нервно-развинченного молодого человека» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 703, 704].

Загадка «Гамлета» как величайшего творения Шекспира для Говорухи-Отрока состоит не в глубине психологического анализа, не в трогательности или драматизме, но в том, что в этой трагедии «поставлены вековые вопросы, вечно тревожащие человечество, тревожащие всех, и философов,

³⁵ Говоруха-Отрок Ю. Н. Кто побеждает? По поводу статьи Н. М. Горбова «Школы С. А. Рачинского» (см.: [Говоруха-Отрок, 2012; т. 2: 226–235]). Первая публ.: Николаев Ю. [Говоруха-Отрок Ю. Н.]. Кто побеждает? (По поводу статьи Н. М. Горбова «Школы С. А. Рачинского». «Русское обозрение». Апрель) // Московские Ведомости. 1891. № 109. 20 апреля. С. 4–5.

³⁶ См. примеч. 33.

³⁷ Брандес Г. Гамлет / пер. с датского В. М. С<паской> // Русская мысль. 1895. Кн. VIII. Отд. II. С. 112–137; Кн. IX. Отд. II. С. 66–89. Эта резонансная публикация работы Брандеса стала также основой для первых шекспироведческих трудов Льва Шестова: Шестов Л. Шекспир и его критик Брандес. СПб.: Тип. А. М. Менделевича, 1898. 282 с.

³⁸ Иванцов Н. А. Основной принцип красоты // Вопросы философии и психологии. 1896. Кн. 3 (33). Май — июнь. С. 337–373.

и простых людей, — вопросы о жизни и смерти, о смысле мира и о смысле человеческого бытия» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 711]. К этим вопросам критик относит проблемы вековечной скорби, вечного зла, царящего в мире, «бремени жизни» и усталости от нее. Герой Шекспира задает только главные вопросы, они для него составляют «сущность его жизни», и он философ «всем своим существом» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 712]. Гамлет есть «философ в истинном и глубоком смысле этого слова. Загадка бытия для него не теоретическая задача, требующая разрешения, а вопрос жизни и смерти» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 694]³⁹. При этом Гамлет не чужд житейской жизни и социальных связей: «у него есть друг Горацио <...>, он любит чистую и прекрасную девушку — Офелию» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 712].

Говоруха-Отрок видит в образе Гамлета важнейший конфликт, характерный для героя христианской драмы: борьбу скептицизма и веры; убрать из трагедии Шекспира этот важнейший конфликт — и «от нее остается лишь мелодрама» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 695]. Для Говорухи-Отрока Шекспир здесь соединяется с Достоевским:

«Гамлет — великий скептик, который не верит в свой собственный скептицизм и не хочет в него верить, скептик, принимающий Бога, но не принимающий Его мира», — и примечание автора: «Слова Ивана Карамазова» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 712].

Итак, вот квинтэссенция христианской трагедии для критика:

«Борьба глубокого, *страдающего* скептицизма с верой — вот в чем смысл великой трагедии, вот в чем заключается идея ее» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 712],

остальное не более чем «художественный фон для этого главного» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 713]. Критик приходит к выводу, что глубокая вера Гамлета в конце концов побеждает в этой схватке [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 722].

³⁹ См. примеч. 33. Цитируемая статья впервые опубликована: Николаев Ю. [Говоруха-Отрок Ю. Н.]. Мнение Брандеса о Гамлете (Георг Брандес. «Гамлет»). Перевод с датского. «Русская мысль». Сентябрь // Московские Ведомости. 1895. № 268. 28 сентября. С. 3–4; № 274. 5 октября. С. 3.

Завязкой трагедии, то есть таким событием, «вследствие которого свободно развивается все действие и раскрывается вполне характер героя ее» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 694], Говоруха-Отрок называет явление привидения; и попытки материалистической трактовки трагедии, попытки сыграть ее «без привидения» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 704] видятся ему надругательством над Шекспиром. Привидение, отмечает критик, в трагедии «является необходимым и реальным лицом» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 719]. Монолог Гамлета проникнут не только «бесконечною <...> скорбью» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 698], но и «верой в бытие таинственных, нездешних миров» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 694]. И Гамлет, и Горацио «видят привидение и не сомневаются в его действительном бытии» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 719]; видение — тоже сторона веры.

Говоруха-Отрок возражает упрекам в бездеятельности Гамлета. Он пишет:

«Причина колебаний Гамлета не в недостатке мужества, не в рефлексии <...>, а в чуткой его совести» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 693],

герой «не только не слаб волей, а являет собою образец высочайшего мужества» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 717]. Он отмечает, что герой «ни на одну минуту не сомневается в своей *обязанности* раскрыть преступление и наказать короля» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 716–717], удерживает его лишь «отсутствие полной уверенности в виновности короля» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 718]. И когда после постановки Гамлет обретает доказательство, то «действует быстро и решительно, не думая ни о каких практических соображениях» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 720].

Для Говорухи-Отрока герои Шекспира являют единство характера. Так, Гамлет, отмечает критик, «ни при каком угодно стечении обстоятельств *не мог бы* стать тираном», в отличие от Макбета, в душе которого «были все задатки тирана» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 708]. Так, Лир «является одним и тем же: благородным, справедливым, величавым и мудрым королем», и он «остается тем же самым до конца» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 709].

Отдельно Говоруха-Отрок говорит об Офелии. Он спорит со взглядом на нее как на героиню изменчивую и пустую, образную параллель Гертруде. Он видит в ней «девушку меланхолическую, задумчивую, сосредоточенную в самой себе, но искреннюю, полную доверия и потребности любить» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 700], однако в ней есть «нечто загадочное и неясное, что ставит Офелию на особое место» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 727]⁴⁰ — по сравнению с Дездемоной и Джульеттой.

Говоруха-Отрок считает, что для Гамлета образ Офелии, «чистый и непорочный, становится между ним и «тяжкой борьбой его души»» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 699] и что «он не перестает любить ее ни на минуту» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 701], однако чувствуя тяжесть ответственности, «он уже не может и не смеет связывать ничью судьбу со своею, тем более судьбу любимой девушки» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 701]. И потому сцена с Офелией — «сцена безнадежного прощания» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 702], причем реплику про монастырь Говоруха-Отрок прочитывает совершенно в христианском духе, безо всякой иронии: Гамлет «хочет поставить между жизнью и ею, которую он любит, <...> святые стены монастыря» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 703].

Офелия же относится к Гамлету «как к бесконечно любимому, но безумному человеку» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 700]. Она становится орудием старших, когда идет к принцу по их совету, но, по мнению критика, делает это лишь из наивности:

«Бедная девушка уверена, что все они желают добра Гамлету <...> и что их цель, для его же пользы, открыть причину этого безумия» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 701].

И причину судьбы ее он видит в особенной чувствительности ее души:

«Она углублена в самое себя; она слагает в своем сердце все впечатления жизни и, не выдержав напора этих ужасающих впечатлений, сходит с ума» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 727].

⁴⁰ См. примеч. 33. Цитируемая статья впервые опубли.: Николаев Ю. [Говоруха-Отрок Ю.Н.]. Офелия (По поводу статьи Н. Иванцова «Основной принцип красоты». «Вопросы философии и психологии», книга 3-я, май–июнь) // Московские Ведомости. 1896. № 195. 18 июля. С. 3.

Выходя в область оценки воздействия Шекспира на общество, Говоруха-Отрок высказывает мнение, позже развитое в статьях Ю. И. Айхенвальда и П. П. Гнедича, о необычайной русскости шекспировского гения и о влиянии гамлетизма на современность. Так, он пишет:

«Коснулось нас и веяние гигантского, страстного и беспокойного духа Шекспира. Нам близки его герои с их борьбой и страданиями, с их страстями и высоким примирением...» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 314]⁴¹.

Он также отмечает, что Гамлет «столь родствен нашей, русской душе»:

«над нами долго властвовал этот мрачный и колоссальный образ Датского принца, — этот образ скептика, не верящего в свой скептицизм, высящийся над миром, и как бы освещенный зловещим заревом разгорающегося пожара, который, распространяясь в своем страшном стихийном стремлении по лицу Европы, испепелит все, что там было святого и великого...» [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 520, 315].

Таким образом, Говоруха-Отрок в своих статьях представил образец христианской трактовки Шекспира. Он рассматривает его как «реалиста» — в авторской трактовке этого термина, как писателя, отражающего вечные и неизменные характеристики реальности, — то есть бытийные константы. Он утверждает, что Шекспир изобрел трагедию христианской эры: если в античности судьбу трагического героя определял Рок, то христианская трагедия являет конфликт скептицизма и веры, плоти и духа. Творчество Шекспира для критика исполнено высокого пессимизма, который способен дать вдохновение для поиска идеала; Говоруха-Отрок противопоставляет этому высокому христианскому пессимизму пессимизм отчаяния (Байрон, Шопенгауэр) и бытовой пессимизм (Чехов). Особенную роль в творчестве Шекспира для критика играет трагедия «Гамлет», с наибольшей силой воплотившая

⁴¹ Говоруха-Отрок Ю. Н. Тургенев. Критический этюд (см.: [Говоруха-Отрок, 2012; т. 1: 268–434]). Этюд печатался в октябре — декабре 1893 г. в «Московских Ведомостях», после чего вышел отдельным изданием: Николаев Ю. [Говоруха-Отрок Ю. Н.]. Тургенев: критический этюд. М.: Унив. тип., 1894. 263 с.

основной конфликт христианской драмы: борьбу глубокого скептицизма и глубокой веры. В контексте христианского прочтения трагедии Говоруха-Отрок настаивает на реальности явления привидения (как проявление чудесного); на том, что Гамлет вовсе не бездеятелен, но совестлив; на том, что принц искренне любит Офелию и посылает ее в монастырь, чтобы спастись от угроз мира; сама же Офелия, по мнению критика, — искренняя и тонкая натура, и ее сумасшествие обусловлено впечатлительностью ее души. Таким образом, в конце XIX в. Говоруха-Отрок создает в своих статьях оригинальную трактовку творчества Шекспира в контексте христианской критики.

Список литературы

1. Говоруха-Отрок Ю. Н. Во что веровали русские писатели? Литературная критика и религиозно-философская публицистика: в 2 т. / подгот. изд. А. П. Дмитриева, Е. В. Ивановой. СПб.: Росток, 2012.
2. Говоруха-Отрок Ю. Н. Собр. соч. Белгород: Изд-во Шаповалова, 2005. Т. 1. 511 с.
3. Гончарова О. А. Русская литература в свете христианских ценностей: Ю. Н. Говоруха-Отрок — критик. Харьков: Майдан, 2006. 163 с. EDN: QULOXF
4. Дикарева О. В. Эпистолярный разговор Н. Н. Страхова и Ю. Н. Говорухи-Отрока (к архиву 1890-х годов) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 1. С. 96–104 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_65468142_82398202.pdf (16.12.2024). DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-8. EDN: FOCPCD
5. Егоров Б. Ф. Ю. Н. Говоруха-Отрок и В. М. Гаршин // Русская литература. СПб.: Наука, 2007. № 1. С. 165–173 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/RusLiteratura/Русская%20литература%202007%20n1.pdf> (16.12.2024). EDN: KVBWPF
6. Захарова Е. М. «Что значит быть самим собою?»: писатель и публицист Ю. Н. Говоруха-Отрок // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 1 (68). С. 7–18 [Электронный ресурс]. URL: https://eprints.tversu.ru/id/eprint/10458/1/Филология%20№1_с_титлом%20%281%29-7-18.pdf (16.12.2024). DOI: 10.26456/vtfilol/2021.1.007. EDN: ZABBNR
7. Захарова Е. М. О сущности поэтического творчества в понимании Вл. Соловьева и Ю. Н. Говорухи-Отрока // Филология: научные исследования. 2024. № 9. С. 115–121 [Электронный ресурс]. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/o-su-schnosti-poeticheskogo-tvorchestva-v-](https://cyberleninka.ru/article/n/o-su-schnosti-poeticheskogo-tvorchestva-v)

- ponimanii-vl-solovieva-i-yu-n-govoruhi-otroka/viewer (16.12.2024). DOI: 10.7256/2454-0749.2024.9.44038. EDN: BBRFKB
8. Зверева Ю. В. Философская критика 90-х годов XIX века (на материале статей Ю. Н. Говорухи-Отрока и А. Л. Вольнского): дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. 171 с. EDN: NNXVHN
 9. Иванова Е. В. Забытое имя. Статья о Ю. Н. Говорухе-Отроке и публикация отрывка из его рецензии «Взгляд на русскую литературу от Пушкина до Гаршина» // Литературная учеба. 1989. № 3. С. 113–118. EDN: VULNSB
 10. Иванова Е. В. Ю. Н. Говоруха-Отрок: судьба и идеи // Говоруха-Отрок Ю. Н. Во что веровали русские писатели? Литературная критика и религиозно-философская публицистика / подгот. изд. А. П. Дмитриева, Е. В. Ивановой. СПб.: Росток, 2012. Т. 1. С. 5–73.
 11. Кравцова А. В. Национальный вопрос и идея всемирного единства в полемике Ю. Н. Говорухи-Отрока и В. С. Соловьева (1890–1896 гг.) // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 6. С. 113–117 [Электронный ресурс]. URL: <https://manuscript-journal.ru/article/mns20190272/fulltext> (16.12.2024). DOI: 10.30853/manuscript.2019.6.22. EDN: CBBLEJ (a)
 12. Кравцова А. В. Ю. Н. Говоруха-Отрок: революционное наследие монархиста // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (60). С. 16–25 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41393677_30354592.pdf (16.12.2024). DOI: 10.26105/SSPU.2019.60.3.002. EDN: LOFQLF (b)
 13. Кулакова И. И. Критический этюд Ю. Н. Говорухо-Отрока «В. Г. Короленко» // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 6. № 12 (83). С. 22–30 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriticheskiy-etyud-yu-n-govoruh-o-otroka-v-g-korolenko/viewer> (16.12.2024). EDN: MTXURX
 14. Мотовникова Е. Н. Зеркала сочувствия: мышление и личность Н. Н. Страхова в истолкованиях Ф. Э. Шперка и Ю. Н. Говорухи-Отрока // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2 (32). С. 136–144 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zerkala-sochuvstviya-myshlenie-i-lichnost-n-n-strahova-v-istolkovaniyah-f-e-shperka-i-yu-n-govoruhi-otroka/viewer> (16.12.2024). EDN: UFFCPR
 15. Прокопенко З. Т. Беллетристика Ю. Н. Говорухо-Отрока // Белгородчина: прошлое, настоящее и будущее: мат-лы региональной науч.-практ. конф. Белгород: Студия-Дизайн, 2006. С. 71–76.
 16. Прокопенко З. Т. Христианские идеалы и русская действительность в творчестве Ю. Н. Говорухо-Отрока. Белгород: Константа, 2007. 383 с.
 17. Смолина (Кокшенева) К. А. Ю. Н. Говоруха-Отрок и задачи консервативной литературной критики // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 176–210. EDN: QQTAJT

18. Телегина С. М. О русском начале в творчестве М. Ю. Лермонтова (по материалам отечественной философской экзегезы) // Русско-византийский вестник. 2019. № 1 (2). С. 289–321 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_37290430_18619820.pdf (16.12.2024). DOI: 10.24411/2588-0276-2019-10016. EDN: VMKLG1
19. Хатунцев С. В. Жизненный путь и идейная эволюция Ю. Н. Говорухо-Отрока // Христианское чтение. 2014. № 5. С. 99–111 [Электронный ресурс]. URL: <https://scientific-journals-spbda.ru/f/2014-05-06.pdf> (16.12.2024). EDN: TKVLOT
20. Ю. Н. Говорухо-Отрок — писатель, критик, публицист: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 22–23 марта 2006 г.). Белгород: БелГУ, 2006. 82 с. EDN: QSYMJZ

References

1. Govorukha-Otrok Yu. N. *Vo chto verovali russkie pisateli? Literaturnaya kritika i religiozno-filosofskaya publitsistika: v 2 tomakh* [What Did Russian Writers Believe in? Literary Criticism and Religious and Philosophical Journalism: in 2 Vols]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2012. (In Russ.)
2. Govorukho-Otrok Yu. N. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Belgorod, Izdatel'stvo Shapovalova Publ., 2005, vol. 1. 511 p. (In Russ.)
3. Goncharova O. A. *Russkaya literatura v svete khristianskikh tsennostey: Yu. N. Govorukha-Otrok — kritik* [Russian Literature in Light of Christian Values: Yu. N. Govorukha-Otrok as Critic]. Kharkov, Maydan Publ., 2006. 163 p. EDN: QULOXF (In Russ.)
4. Dikareva O. V. The Epistolary Conversation of Nikolai N. Strakhov and Yury N. Govorukha-Otrok (to the Archive of the 1890s). In: *Nauchnyy rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya* [Research Result. Social Studies and Humanities], 2024, vol. 10, no. 1, pp. 96–104. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_65468142_82398202.pdf (accessed on December 16, 2024). DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-8. EDN: FOCPDC (In Russ.)
5. Egorov B. F. Yu. N. Govorukha-Otrok and V. M. Garshin. In: *Russkaya literatura*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, no. 1, pp. 165–173. Available at: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/RusLiteratura/Russkaya%20literatura%202007%20n1.pdf> (accessed on December 16, 2024). EDN: KVBWPF (In Russ.)
6. Zakharova E. M. “What Does It Mean to Be Yourself?": Writer and Publicist Yu. N. Govorukho-Otrok. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Herald of Tver State University. Series: Philology], 2021, no. 1 (68), pp. 7–18. Available at: https://eprints.tversu.ru/id/eprint/10458/1/Филология%20№1_с_титолом%20%281%29-7-18.pdf (accessed on December 16, 2024). DOI: 10.26456/vtfilol/2021.1.007. EDN: ZABBNR (In Russ.)

7. Zakharova E. M. On the Essence of Poetic Creativity in the Understanding of Vl. Solovyov and Yu. N. Govorukha-Otrok. In: *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Research], 2024, no. 9, pp. 115–121. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-suschnosti-poeticheskogo-tvorchestva-v-ponimanii-vl-solovieva-i-yu-n-govoruhi-otroka/viewer> (accessed on December 16, 2024). DOI: 10.7256/2454-0749.2024.9.44038. EDN: BBRFKB (In Russ.)
8. Zvereva Yu. V. *Filosofskaya kritika 90-kh godov XIX veka (na materiale statey Yu. N. Govorukhi-Otroka i A. L. Volynskogo): dis. ... kand. filol. nauk* [Philosophical Criticism of the 90s of the 19th Century (Based on Articles by Yu. N. Govorukha-Otrok and A. L. Volynsky). Ph.D. philol. sci. diss.]. Perm, 2006. 171 p. EDN: NNXVHH (In Russ.)
9. Ivanova E. V. A Forgotten Name. An Article About Yu. N. Govorukha-Otrok and the Publication of an Excerpt from His Review “A View of Russian Literature from Pushkin to Garshin”. In: *Literaturnaya ucheba* [Literary Studies], 1989, no. 3, pp. 113–118. EDN: VULNSB (In Russ.)
10. Ivanova E. V. Yu. N. Govorukha-Otrok: Fate and Ideas. In: *Govorukha-Otrok Yu. N. Vo chto verovali russkie pisateli? Literaturnaya kritika i religiozno-filosofskaya publitsistika: v 2 tomakh* [Govorukha-Otrok Yu. N. What Did Russian Writers Believe in? Literary Criticism and Religious and Philosophical Journalism: in 2 Vols]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2012, vol. 1, pp. 5–73. (In Russ.)
11. Kravtsova A. V. The National Issue and the Idea of Universal Unity in the Polemics of Yu. N. Govorukha-Otrok with V. S. Solovyov (1890–1896). In: *Manuskript*, 2019, vol. 12, no. 6, pp. 113–117. Available at: <https://manuskript-journal.ru/article/mns20190272/fulltext> (accessed on December 16, 2024). DOI: 10.30853/manuskript.2019.6.22. EDN: CBBLEJ (In Russ.) (a)
12. Kravtsova A. V. Yu. N. Govorukha-Otrok: Revolutionary Heritage of the Monarchist. In: *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Surgut State Pedagogical University], 2019, no. 3 (60), pp. 16–25. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41393677_30354592.pdf (accessed on December 16, 2024). DOI: 10.26105/SSPU.2019.60.3.002. EDN: LOFQLF (In Russ.) (b)
13. Kulakova I. I. Critical Sketch of Yu. N. Govorukho-Otrok “V. G. Korolenko”. In: *Nauchnye vedomosti. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific Bulletin. Series: Humanities], 2010, issue 6, no. 12 (83), pp. 22–30. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriticheskiy-etyud-yu-n-govoruko-otroka-v-g-korolenko/viewer> (accessed on December 16, 2024). EDN: MTXURX (In Russ.)
14. Motovnikova E. N. Mirrors of Empathy: Nikolai Strakhov’s Thinking and Personality Interpreted by Feodor Shperk and Yuri Govorukha-Otrok. In: *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal’nem Vostoke* [Humanities Research in the Russian Far East], 2015, no. 2 (32), pp. 136–144. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zerkala-sochuvstviya-myshlenie-i-lichnost-n-n-strahova-v-istolkovaniyah-f-e-shperka-i-yu-n-govoruhi-otroka/viewer> (accessed on December 16, 2024). EDN: UFFCPR (In Russ.)

15. Prokopenko Z. T. Fiction of Yu. N. Govorukho-Otrok. In: *Belgorodchina: proshloe, nastoyashchee i budushchee: materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Belgorod Region: Past, Present and Future: Materials of the Regional Scientific and Practical Conference]. Belgorod, Studiya-Dizayn Publ., 2006, pp. 71–76. (In Russ.)
16. Prokopenko Z. T. *Khristianskie idealy i russkaya deystvitel'nost' v tvorchestve Yu. N. Govorukho-Otroka* [Christian Ideals and Russian Reality in the Works of Yu. N. Govorukho-Otrok]. Belgorod, Konstanta Publ., 2007. 383 p. (In Russ.)
17. Smolina (Koksheneva) K. A. Yu. N. Govorukha-Otrok and the Tasks of Conservative Literary Criticism. In: *Rossiyskiy konservatizm v literature i obshchestvennoy mysli XIX veka* [Russian Conservatism in Literature and Social Thought of the 19th Century]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2003, pp. 176–210. EDN: QQTAJT (In Russ.)
18. Telegina S. M. On the Russian Origin in the Works of M. Yu. Lermontov (Based on Materials of National Philosophical Exegesis). In: *Russko-vizantiyskiy vestnik* [Russian-Byzantine Herald], 2019, no. 1 (2), pp. 289–321. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_37290430_18619820.pdf (accessed on December 16, 2024). DOI: 10.24411/2588-0276-2019-10016. EDN: VMKLG I (In Russ.)
19. Khatuntsev S. V. The Course of Life and Evolution of the Ideas of Yuri N. Govorukha-Otrok. In: *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading], 2014, no. 5, pp. 99–111. Available at: <https://scientific-journals-spbda.ru/f/2014-05-06.pdf> (accessed on December 16, 2024). EDN: TKVLOT (In Russ.)
20. *Yu. N. Govorukho-Otrok — pisatel', kritik, publitsist: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Belgorod, 22–23 marta 2006 g.)* [Yu. N. Govorukho-Otrok as a Writer, Critic, Publicist: Materials of the International Scientific and Practical Conference (Belgorod, March 22–23, 2006)]. Belgorod, Belgorod State University Publ., 2006. 82 p. EDN: QSYMJZ (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Жаткин Дмитрий Николаевич, Dmitry N. Zhatkin, PhD (Philology), доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения, Пензенский государственный технологический университет (проезд Байдукова / ул. Гагарина, 1а/11, г. Пенза, Российская Федерация, 440039); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4768-3518>; e-mail: ivb40@yandex.ru.

Сердечная Вера Владимировна, Vera V. Serdechnaia, PhD (Philology), доктор филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения, Кубанский государственный университет (ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар, Российская Федерация, 350040); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8718-3556>; e-mail: rindra@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 16.12.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 30.01.2025

Принята к публикации / Accepted 31.01.2025

Дата публикации / Date of publication 14.02.2025

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14702

EDN: LULVGE

Библейская мифопоэтика в литературном сценарии «Первороссияне» О. Ф. Берггольц

Н. А. Прозорова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом),

Российская академия наук

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e-mail: arhivistka@mail.ru

Аннотация. Историю создания рабочими-питерцами первой российской земледельческой коммуны на Алтае, впервые творчески освоенную в поэме «Первороссийк» (1950), Берггольц переосмыслила в сценарии «Первороссияне» (1965), наполнив текст библейской символикой, мифопоэтическими образами и новыми персонажами. Место, которое рабочие-переселенцы выбирают для создания коммуны, определено в тексте как «легендарная долина» с растущими на ней «библейскими кедрами», которые в Псалтири ассоциируются с праведниками. Библейские аллюзии прослеживаются в образе дяди Леши-пушкаря, провожающего в путь коммунаров-переселенцев: по описанию рабочий-пушкарь напоминает Бога воинств Саваофа, посылающего в мир Своих небесных посланников. Одержимые идеей социальной справедливости, первороссияне погибают за нее как мученики: сценарий пронизывает метафора костра, устанавливающая связь с фигурой старовера протопопа Аввакума. В «иконописном лице» Ефимии — дочери противоборствующего первороссиянам старообрядца Феодосия — как в зеркале отражается духовный облик коммунаров. Идея коммуны как идеала общественного устройства осмыслена Берггольц в китежском концепте. Питерские рабочие, рисующие чертеж будущего поселка — Первороссийска, видят его «сквозь воду». Подожженный казаками Первороссийск представляется коммунару Василию Гремякину погружающимся в водоем, подобно тому как мифический Китеж-град уходит под воды Светлояр-озера. Текст иллюстрирует совмещение религиозно-мифологического сознания автора с коммунистическим мировоззрением. Берггольц выстраивает национальную картину мира в фокусе христианского мироведения и советской модели социальной справедливости. Анализ проводился с привлечением дневниковых записей Берггольц и стенограммы заседания по обсуждению сценария на киностудии «Ленфильм». Информативные записи Берггольц периода работы над сценарием и стенограмма, содержащая полемику о библейских аллюзиях в тексте, позволили точнее расставить акценты в интерпретации произведения.

Ключевые слова: О. Ф. Берггольц, литературный сценарий, Первороссияне, поэтика заглавия, коммуна, поэтика пространства, библейский кедр, Саваоф, Ефимия, семантика имени, китежский концепт, Аввакум

Для цитирования: Прозорова Н. А. Библейская мифопоэтика в литературном сценарии «Первороссияне» О. Ф. Берггольц // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 1. С. 251–271. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14702. EDN: LULVGE

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14702

EDN: LULVGE

Biblical Mythopoetics in the Screenplay “The First Russians” by O. F. Bergholz

Natalya A. Prozorova

*Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),
Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: arhivistka@mail.ru

Abstract. In the screenplay “The First Russians” (“Pervorossiyanе,” 1965), Bergholz reinterpreted the history of the creation of the first Russian agricultural commune in Altai by St. Petersburg workers, which she first creatively mastered in the poem “Pervorossiysk” (1950). She filled the text with biblical symbols, mythopoetic images and new characters. The place where the relocated workers choose to create a commune is described in the text as a “legendary valley” with “biblical cedars” which in the Psalter are associated with the righteous. Biblical allusions can be traced in the image of Uncle Lesha the cannon founder, who escorted the migrant communards on their way: according to the description, the worker resembles the god of Hosts (Sabaoth), who sends his heavenly messengers into the world. Obsessed with the idea of social justice, the First Russians die as martyrs for it: the scenario is permeated by the metaphor of the bonfire, which establishes a connection with the figure of the Old Believer Protopope Avvakum. The spiritual make-up of the communards is reflected as in a mirror in the “iconographic face” of Efimiya, the daughter of the Old Believer Theodosius, who opposes the First Russians. The idea of the commune as an ideal social structure is comprehended by Bergholz through the Kitezh concept. St. Petersburg workers, drawing a plan of the future settlement of Novorossiysk, see it “through the water.” Novorossiysk, set on fire by the Cossacks, appears to the communitard Vasily Gremyakin submerging into a reservoir, just as the mythical Kitezh-grad descends into the waters of Svetloyar Lake. The text illustrates the integration of the author’s religious and

mythological consciousness with the communist worldview. Bergholz builds a national image of the world built around the Christian worldview and the Soviet model of social justice. The analysis is carried out using Bergholz's diary entries and the transcript of the script discussion meeting at the "Lenfilm" Studio. Bergholz's informative notes from the period of her work on the script and a transcript containing a polemic about biblical allusions in the text allowed to place more precise accents in the interpretation of the work.

Keywords: O. F. Bergholz, screenplay, The First Russians, Pervorossiyanе, poetics of the title, commune, poetics of space, biblical cedar, Sabaoth, Efimiya, name semantics, Kitezhsy concept, Avvakum

For citation: Prozorova N. A. Biblical Mythopoetics in the Screenplay "The First Russians" by O. F. Bergholz. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 251–271. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14702. EDN: LULVGE (In Russ.)

Исследование библейской символики и мифопоэтических образов особенно актуально при анализе русской литературы советской эпохи (см., например, работы: [Заваркина], [Мартьянова], [Спиридонова], [Габдуллина, Изранова]).

Творчество О. Ф. Берггольц в проекции этих проблем изучено лишь отчасти: исследованы библейский эпиграф к поэме «Твой путь» [Прозорова, 2022: 217–222], стихотворение «Отрывок» («Достигшей немого отчаянья...») с упоминанием иконы «Благое молчание» [Прозорова, 2023: 211–214], иконический экфрасис в повести «Дневные звезды» [Прозорова, 2024: 191–193].

Литературный сценарий «Первороссияне» (1965) — последнее крупное прозаическое произведение О. Ф. Берггольц — представляет в этом отношении исключительный интерес. Однако филологический анализ данного художественного текста в контексте библейской символики до настоящего времени сделан не был.

Одноименный сценарию фильм был снят режиссерами-постановщиками А. Г. Ивановым и Е. Л. Шифферсом в 1967 г., в главной роли коммунара Василия Гремякина снялся Вл. Заманский.

Религиозный компонент фильма рассматривался в статье, посвященной экранизации «Первороссиян» [Зверева], но литературный сценарий как первооснова будущей картины

не был принят во внимание. В связи с этим исследовательница ошибочно полагает, что фильм снят «по поэме "Первороссийск"» [Зверева: 406], и пишет, что кинолента «Первороссияне» — это «воспроизведенная средствами кино поэма, понимаемая исключительно в религиозно-мистериальном аспекте» [Зверева: 403].

Между тем поэма «Первороссийск» (1950)¹ и литературный сценарий «Первороссияне» (1965)² представляют собой два разножанровых художественных произведения — поэтическое и прозаическое, посвященные одной теме, но с разным ее творческим осмыслением. В сценарии, написанном через пятнадцать лет после поэмы, в другой общественно-политической ситуации, судьба первороссиян была актуализирована Берггольц иначе³. Там появились новые действующие лица и сцены, которых не было в поэме. Автор ввела в повествование немало библейских аллюзий и сделала отсылки к национальному символу — легендарному граду Китежу, создав тем самым в сценарии новую художественно-образную систему, принципиально отличную от поэмы «Первороссийск».

Литературный сценарий Берггольц был по-своему интерпретирован постановщиками фильма «Первороссияне». Сохранив общую концепцию темы, они значительно отклонились от исходного литературного текста и создали новый культурный артефакт — произведение киноискусства. В результате режиссерской разработки сценария в фильм не вошли многие картины из первоначального текста, ряд сцен был дан с иными смысловыми акцентами. В киноленте отсутствует китежский концепт и среди действующих лиц нет значимого персонажа

¹ Впервые: Берггольц О. Первороссийск: поэма // Знамя. 1950. № 11. С. 3–40; отд. изд.: Берггольц О. Первороссийск: поэма. М.: Правда, 1951. 48 с. (Сер.: Биб-ка «Огонек».)

² Впервые: Берггольц О. Первороссияне // Литературная Россия. 1965. № 46. 12 ноября. С. 6–9; № 47. 19 ноября. С. 6–9; № 48. 26 ноября. С. 6–9.

³ Напомним, что первая редакция поэмы содержала сцену беседы Ленина со Сталиным, позднее исключенную автором из текста. Ср.: Берггольц О. Первороссийск: поэма // Знамя. 1950. № 11. С. 12–13; Берггольц О. Соч.: в 2 т. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 1. С. 173–221. В сценарии, написанном на излете оттепели, когда Берггольц уже знала о репрессиях, которым подвергались первые коммунары в сталинскую эпоху, опыт первороссиян был переосмыслен (см. об этом далее).

сценария дяди Леши-пушкаря. Итак, образная система, присущая исключительно литературному сценарию Берггольц, заслуживает отдельного рассмотрения.

Кроме того, в этом последнем крупном прозаическом произведении, занимающем в творческой биографии поэтессы знаковое место, отразилась сложная мировоззренческая картина Берггольц 1960-х гг. В связи с этим исследование литературного сценария «Первороссияне» представляется давно назревшей проблемой.

К анализу текста был привлечен архивный материал — стенографический отчет заседания Художественного совета Второго творческого объединения киностудии «Ленфильм» по обсуждению сценария О. Ф. Берггольц, состоявшегося 27 сентября 1965 г. Стенограмма содержит полемику участников заседания, вызванную их неоднозначной реакцией на библейские отсылки в тексте.

Замысел и поэтика заглавия

В конце 1930-х гг. Берггольц была воодушевлена героико-трагической историей создания в 1918 г. на Алтае рабочими Обуховского сталелитейного завода Петрограда сельскохозяйственной коммуны — Первого русского общества землеробов-коммунаров (сокращенно — Первороссийск). Рабочие-питерцы, вдохновленные призывами В. И. Ленина к массовому походу в деревню (подробнее см.: [Дымшиц]), выехали из Петрограда по железной дороге в Казахстан, добрались до Семипалатинска, затем переместились вверх по р. Иртышу и обосновались на левом берегу р. Бухтармы. Здесь, сплачивая вокруг себя сельскую бедноту, рабочие-переселенцы вели пропагандистскую работу по устройству нового общественно-хозяйственного уклада и пытались воплотить его в жизнь. Занимаясь земледелием в условиях сопротивления местного населения и не успев снять первый урожай, в сентябре 1919 г. во время наступления Белой гвардии они были разгромлены, а коммунары-активисты — убиты (подробнее см.: [Из истории организации первых коммун]).

Интерес к истории первых коммун проявился у Берггольц в драматический период ее биографии — в 1938–1939 гг., когда

она была репрессирована по «делу Авербаха» (1937–1938), а затем арестована по сфабрикованному обвинению в контрреволюционной деятельности и находилась в тюрьме (13 декабря 1938 г. — 3 июля 1939 г.). Об этом свидетельствует ее дневниковая запись:

«Коммуна пришла ко мне как раз в эти годы — 38–39-е, когда коммунаров и меня — гнали, и мне как раз в эти годы, по этим же мотивам "зарезали" сценарий о Первороссийске»⁴.

Из этой же записи следует, что поэтесса уже тогда подавала заявку на сценарий, которая не была поддержана.

После окончания войны Берггольц вернулась к задуманной теме. Она реализовала замысел в виде поэмы «Первороссийск» и в марте 1951 г. была награждена за нее Государственной (Сталинской) премией третьей степени в области литературы и искусства.

Тему коммуны как идеала общества, основанного на коммунистических принципах, Берггольц начала переосмыслять сразу же после выхода поэмы⁵. В конце 1955 г., уже имея немалый опыт сценарной работы, поэтесса вернулась к мысли воплотить тему в жанре сценария. Работа растянулась на десятилетие; сценарий был закончен в 1965 г. и опубликован под названием «Первороссияне».

Переосмысление идеи коммуны прежде всего отразилось в изменении заглавия. Так, лексема «Первороссийск» — первоначальная номинация сценария, задуманного в конце 1930-х гг., и одноименной поэмы — вызывала в читательском восприятии устойчивую топонимическую ассоциацию с названиями городов (со сходной концовкой *-ийск*; ср.: Новороссийск, Бийск, Уссурийск, Ханты-Мансийск и т. п.). В номинации присутствовал акцент на созданный человеком географический объект, с корневой морфемой (*росс-*) и кратким определением от лексемы «первый».

⁴ Берггольц О. Встреча. Дневные звезды. Часть I. Часть II. Главы, фрагменты. Письма, дневники, заметки, планы / сост. М. Ф. Берггольц. М.: Русская книга, 2000. С. 247. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Берггольц, 2000* и указанием страницы в круглых скобках.

⁵ Первоначальный вариант поэмы в дальнейшем подвергся редакции.

Заглавие «Первороссияне», которое в 1965 г. Берггольц дала сценарию, вызывало совсем иной спектр ассоциаций, не географического, а культурологического плана. В фонетическом образе слова слышалась отсылка к лексеме «первохристиане», частично совпадающей по звучанию с «первороссияне» (*перво-, -яне/ане*), содержащей то же количество слогов (6; с ударением на 5-м слоге), но с иной корневой морфемой. Теперь дешифровка номинации зависела от тезауруса языковой личности читателя, способного уловить (или не уловить) скрытую параллель одержимых идей коммуны первороссиан с первохристианами-мучениками, создававшими первые христианские общины.

Но нет ли натяжки в подобной трактовке заглавия? Обратимся к тексту сценария.

Поэтика пространства

Место, которое питерские рабочие выбирают на Алтае для поселения и реализации своих планов, имеет символическое значение. Оно называется в тексте «легендарной долиной», «библейским былинным простором» с растущим здесь «библейски прекрасным» кедром⁶.

По сценарию сначала в описываемом месте, заснеженной долине, появляется группа ссыльных рабочих, только что получивших шифрованную телеграмму о том, что в Петрограде совершилась революция. Позднее здесь же, на алтайской равнине, но уже цветущей и благоухающей, трое обуховских рабочих во главе с активистом Мироном Клинковичем выбирают землю для Первого российского общества землеробов-коммунаров. «Люди смотрят и не могут надивиться красоте, обступившей их, — пишет Берггольц. — Стоят, как в церкви, с обнаженными головами» (*Берггольц, 1988: 255*). Питерские ходоки выбирают место для коммуны так, как выбирают место для строительства храма. Такое же намерение — найти для коммуны красивое место — выражает рабочий Василий Гремякин в сцене разговора с Лениным, который (по сценарию),

⁶ Берггольц О. Первороссияне: литературный сценарий // Берггольц О. Пьесы и сценарии / вступ. ст. З. С. Паперного; сост., подгот. текста, подбор илл. и аннотации к ним М. Ф. Берггольц. Л.: Искусство, 1988. С. 255. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Берггольц, 1988* и указанием страницы в круглых скобках.

хотя и одобрил почин коммунаров, но предложил строить коммуны поближе, «под Питером», где много свободной земли:

«Не знаю, может быть, это не научно, — возразил ему Гремякин, — но первую коммуны надо строить там, где очень красиво!» (Берггольц, 1988: 264)⁷.

В сценарии несколько раз упоминается растущее в долине «библейское дерево» — «гигантский библейский кедр» (Берггольц, 1988: 249, 255, 302, 306). Отметим, что Берггольц акцентирует внимание не на ботаническом названии растения⁸, а на его символическом значении: библейское дерево — ливанский кедр, который ассоциирован в Псалтири с праведным человеком («Праведник цветет, как пальма, возвышается подобно кедру на Ливане» (Пс. 91:13)), непоколебимым в своих убеждениях.

Но как соотносятся в сценарии Берггольц *кедр* и *праведники* с рабочими-коммунарами?

Коммунары-мученики

Рассказывая о реальных питерских рабочих, «ходоках за землей», Берггольц подчеркивает их «почти плакатный», «в потертых кожанках» облик. Но одновременно она уходит от профанного бытия и рисует иллюзорную картину местоположения героев, вознося их — «солдат Революции» — куда-то в заоблачные высоты. «Они стоят очень городские, чуждые этому библейскому былинному простору <...>, — пишет автор. — И облака идут под их ногами. Кажется порой, что

⁷ Попутно отметим, что в фильме Гремякин вообще не говорит о богатой красоте выбранного места, а в речи Ленина сделан иной смысловой акцент: он одобряет идею рабочих построить коммуны именно в тех местах, где они отбывали ссылку. Однако в стилистике фильма присутствует своеобразное разделение киноповествования на главы, и глава третья, в которой показано, как переселенцы приезжают на место, называется «Земля обетованная». Так в киноленте маркирована сакральность выбранного рабочими пространства.

⁸ На Алтае растет сибирский кедр. По научной классификации *сибирский кедр* (лат. *Pinus sibirica*), или *сосна сибирская кедровая*, относится к роду *Сосна*, а не к роду *Кедр* (его виды — ливанский кедр, атласский кедр или гималайский кедр); шишки кедра отличаются от сосновых. Более корректное ботаническое название сибирского кедра — *кедровник*.

они стоят на облаках в заоблачной легендарной долине, как древние боги». Заметим, что рабочие при этом «говорят негромко, как в церкви» (*Берггольц, 1988: 255*). Показательно и то, что библейский кедр, встретивший рабочих при их первом появлении в долине, после разгрома коммуны склоняет над погибшими свои могучие ветви, провожая их в последний путь:

«На той самой поляне с библейским кедром <...> опустили в землю гробы с прахом застреленных казаками первороссиян» (*Берггольц, 1988: 306*)⁹.

В этом контексте «легендарная долина» с попавшими в нее коммунарами может быть истолкована как место духовных испытаний, преображения и роста. Неслучайно персонаж сценария — священник Иоанн Богоявленский, отрекшийся от сана и «чистосердечно» пришедший в коммуны, — называет одержимых идеей социальной справедливости первороссиян «взыскующими града», на что ему отвечают: «Ноев ковчег у вас, а не коммуна» (*Берггольц, 1988: 258*)¹⁰. Так метафора «легендарной долины» расширяет свое значение до места убежища праведников (коммуна — Ноев ковчег).

Обращает на себя внимание еще одна сцена. Едущие на поезде питерские рабочие сталкиваются с почти непреодолимым препятствием: поезд после сильного толчка резко останавливается и вдруг выясняется, что впереди путей нет, их разобрали бандиты. После недолгой перепалки с теми, кто не смог верно «осознать текущий момент», рабочие выходят из вагонов и, вооружившись инструментом, начинают вбивать горбыли и класть на шпалы рельсы, «одержимые идеей почти до надменности» (*Берггольц, 1988: 280*). Сцена иллюстрирует яростную убежденность первороссиян в правильности выбранного решения и содержит скрытую библейскую аллюзию — «Путь праведника прям» (Ис. 26:7)¹¹.

Праведность первороссиян, как в зеркале, отражается в образе молодой, с лицом «иконописной древнерусской красоты»

⁹ Этой сцены в фильме «Первороссияне» нет.

¹⁰ Определение коммуны как Ноева ковчега есть только в сценарии Берггольц.

¹¹ В фильме «Первороссияне» эта сцена отсутствует.

девушки Ефимии — дочери старообрядца Феодосия, в доме которого собираются казаки, готовящие расправу над коммуной. Красавица Ефимия, влюбленная в молодого коммунара Алешу, в момент опасности, грозящей первороссиянам, убежала из дома отца и успела предупредить юношу о беде перед самым нападением казаков:

«Охватив Алешу первым и последним объятием, выпрямилась Ефимия — кержачка, китежанка и первороссиянка уже» (*Берггольц, 1988: 305*)¹².

Избранность девушки подчеркнута не только ее «иконописным ликом», но и антропонимом как «структурообразующим компонентом персонажа» [Веселова: 31]. Семантикой литературного имени *Ефимия* (*греч.* Eufimia — благочестивая) автор определила земной путь героини. Со всей очевидностью можно сказать, что это редкое в XX в. имя было известно Берггольц еще с детских лет: она праздновала свои именины 24 июля в день памяти равноапостольной вел. кн. Ольги¹³. В этот же день православная церковь вспоминает чудо раннехристианской великомученицы Евфимии Всехвальной¹⁴.

Насыщенность текста литературного сценария «Первороссияне» библейскими реминисценциями, а главное — изображение героев революции как мучеников, принимающих смерть за идею, вызвали озабоченность у чиновников от литературы и кино. 27 сентября 1965 г. сценарий Берггольц обсуждался на заседании Художественного совета Второго творческого объединения киностудии «Ленфильм» (стенограмма сохранилась в архиве О. Берггольц¹⁵).

Выступавшие на обсуждении критики, литературоведы и артисты, в целом заинтересованно принявшие сценарий,

¹² В фильме казаки убивают Ефимию по дороге к первороссиянам, она не успевает их предупредить.

¹³ См., например, запись от 24 июля 1924 г. под названием «Мои именины» [Прозорова, 2013: 673–674].

¹⁴ Нельзя исключить, что воспитанная матерью в православной традиции Берггольц была знакома с житием Евфимии. На это предположение наводит параллель: мать великомученицы Евфимии звалась Феодосией, а имя отца Ефимии по сценарию — Феодосий.

¹⁵ РО ИРЛИ. Ф. 870. Оп. 2. № 348. 45 л.

были обеспокоены тем, что зритель не будет готов к «жертвенной смерти» героев. Литературовед М. А. Гуковский не понимал, почему герои фильма, когда встречаются лицом к лицу с врагом, оказываются безоружными. «Враг на них нападает, — говорил Гуковский, — а оружия у них нет. <...> Ну пусть бы они погибли с оружием в руках, а они гибнут, как апостол Петр, — головой вниз¹⁶. Почему они все оружие роздали, а себе ничего не оставили? <...> Есть ведь зритель <...>, он привык к тому, что люди борются, а эти красиво мученически умирают за идею. За идею (надо. — *Н. П.*) бороться, а не просто умирать»¹⁷. С Гуковским был солидарен киносценарист Б. Ф. Чирсков, в том же ключе выступал критик Д. М. Молдавский. Ф. А. Абрамов, назвавший сценарий «большим праздником» в литературе, не менее определенно высказал свое впечатление о героях: «У Вас мученики показаны, они не борются»¹⁸.

Однако Берггольц добивалась именно такого воздействия на читателя и зрителя. Примечательно, что в сценарий, начавшийся с картины Вечного огня на Марсовом поле и возникающих на гранитной плите имен действующих лиц будущего фильма, была включена сцена похорон жертв революции на том же памятном поле, где в процессии участвовал Василий Гремякин с другими рабочими. После похорон, стоя на набережной Невы, он заявил о своей мечте построить на Алтае первую коммуны и, подняв руку к Марсову полю, принял от жертв революции как эстафету «нечто огромное или драгоценное» (*Берггольц*, 1988: 254), тем самым включив себя и своих товарищей в ряды тех, кто был готов к самопожертвованию.

Ответ Берггольц на критику участников собрания был следующим: «О "мучениках". Я обнаружила, что многие забыли о том, какой была эта эпоха. Вопрос жертвенности тогда так не стоял, слово это не было тогда ругательным, самопожертвование не было одиозным, оно стало таким только в период сталинщины. <...> ...стрелять в вооруженных казаков было

¹⁶ Согласно церковному преданию, апостол Петр по его просьбе был распят головой вниз.

¹⁷ РО ИРЛИ. Ф. 870. Оп. 2. № 348. Л. 13–14.

¹⁸ Там же. Л. 19.

бесмысленно, ведь в коммуне было $\frac{9}{10}$ женщин и стариков, это был бы акт самоубийства»¹⁹.

Тему о мучениках Берггольц закольцевала в своей речи на заседании отсылкой к личности протопопы Аввакума Петрова — фанатичного хранителя старой веры, сожженного в Пустозерске на костре вместе с другими старообрядцами за противостояние церковным реформам патриарха Никона. Проводя параллель с несломившимися первороссиянами, она сказала: «Для меня важна аввакумская твердость духа. <...> Это был человек, который стоял за твердость слова и духа»²⁰.

Идея коммуны и китежский концепт

Идея коммуны в творческом сознании Берггольц соотносилась с мифическим образом Китеж-града (о бытовании китежской легенды см.: [Криничная]). Эта аналогия была введена автором уже в одной из первых сцен, в которой коммунары, склонившись над чертежом будущего Первороссийска, пытались представить себе его абрис. Он казался им непохожим на современный поселок/город, в нем отчетливо улавливались национальные черты городов, изображенных в древнерусских сказках, на иконах и лубках. При этом коммунары — на мгновение — увидели поселок «Первороссийск», «как в каком-то водоеме, как сквозь воду» (*Берггольц, 1988: 261*), и это была важная, говорящая деталь повествования. В другой сцене, во время прощания коммунаров с подожженным казаками пылающим поселком, Василий Гремякин, обернувшись назад, тоже увидел, что, «точно град Китеж в Светлояр-озеро, погружался в некий водоем Первороссийск» (*Берггольц, 1988: 296*). (Эти концептуально значимые для Берггольц сцены в фильм «Первороссияне» не вошли.)

Предчувствие того, что идея коммуны не будет воплощена в реальности, было маркировано в литературном сценарии несколько раз. Работая над произведением с установкой *первороссияне-китежане*, поэтесса вложила ноту сомнения

¹⁹ РО ИРЛИ. Ф. 870. Оп. 2. № 348. Л. 42–43.

²⁰ Там же. Л. 43.

в успехе предприятия в обращенную к рабочим-переселенцам речь Ленина:

«А вот построим ли мы с вами наш Первороссийск, — такую коммуны, как вы задумали... <...> Гм... гм... сейчас, вот именно сейчас, — навряд ли, товарищи, навряд ли...» (*Берггольц, 1988: 266*).

Показательна в этом отношении и сцена проводов обуховских рабочих на Алтай на вокзале. Старый рабочий-пушкарь дядя Леша провидческим взглядом долго смотрит вслед ушедшему поезду, и, «может быть, только он-то и знает, что задуманная коммуна не сбудется» (*Берггольц, 1988: 274*). Откуда такое предвидение? Рисуя облик пушкаря — с величественной бородой и кудрями, автор неоднократно подчеркивает его сходство с Богом Саваофом (*Берггольц, 1988: 251, 268, 273, 290, 307*). Прибегая к библейской аллюзии (Саваоф — «Бог воинств», повелитель «небесных сил»), Берггольц расширяет метафору: прощальный взгляд дяди Леша-пушкаря как бы направлен на уезжающих в неведомую даль Божиих посланников²¹. Эту отсылку подметил и, не вдаваясь в детали, попытался по-своему донести до участников заседания на «Ленфильме» режиссер М. И. Ершов: «Люди, о которых написан сценарий, это люди святые в хорошем смысле этого слова. Не случайно Ольга Федоровна образ одного рабочего дала — Саваофа»²².

Нельзя обойти вниманием и картину первой ночи коммунаров, разбивших лагерь в долине среди библейских кедров. Бодрствующие в предрассветной тишине Василий Гремякин и его жена Люба представляют себе пейзаж будущего: им привиделись поселок, плотина и Бухтарминское море, затопившее первую петроградскую коммуны (*Берггольц, 1988: 288*)²³.

Помимо мифопоэтической аллюзии (коммуны ушла на дно), сценарий содержит сцены, связанные с реальным затоплением территорий первых петроградских коммуна Бухтарминским водохранилищем (морем) после окончания строительства плотины Бухтарминской ГЭС на р. Иртыше в начале 1960-х гг.

²¹ Персонажа Леша-пушкаря/Саваофа в фильме нет.

²² РО ИРЛИ. Ф. 870. Оп. 2. № 348. Л. 25.

²³ Этой картины в фильме нет.

Окруженное горами море рисуется в последней сцене сценария: теперь этот лунный пейзаж видят плывущие на катере сын Василия и Любы Гремякиных Петр и его молодая жена. Петр уверяет жену, что строители Бухтарминской плотины не уничтожили Первороссийск, а «дали ему новое, иное бытие» (*Берггольц, 1988: 309*). Сцена заканчивается в патетическом ключе: песню первороссиян, слышимую «как будто бы из глубины воды» (*Берггольц, 1988: 310*), подхватывает молодежь, и мелодия разносится над затопленным урочищем Первого российского общества землеробов-коммунаров²⁴. Так вновь в сценарии репрезентуется легенда о невидимом, но живом Китеж-граде, который благовестит из глубины Светлояра.

Мифопоэтическая традиция в образе коммуны отчетливо прочитывалась, что вызвало резкое неприятие у участников обсуждения сценария на «Ленфильме». Они уловили в китежском концепте коммуны искажение «исторического духа мечты» и «трагическую обреченность». Борис Чирсков говорил: «Я возражаю внутренне против образа Китежа, в котором утонула мечта»²⁵. (Постановщики фильма «Первороссияне» полностью отказались от китежской символики.)

Практически все выступавшие говорили о трудности перевода лирико-патетических картин сценария в кинематографический формат. Так, Ф. Абрамов, размышляя о переводе авторской идеи на язык кино, сказал: «Язык должен быть очень строгим — черно-белым»²⁶. Берггольц, поддержавшая разговор о стилистике будущего фильма, предложила свое эстетическое видение: «Гравюра Доре»²⁷. Эта отсылка к знаменитому французскому иллюстратору Библии — Гюставу Доре — показывает, что автор повествования представляла своих героев не только в виде «плакатных» портретов революционных лет, но и как людей, достойных изображения на иконах, фресках и гравюрах, т. е. вне времени и пространства. Неслучайно, когда Гремякин с женой «заглядывают» в далекое, светлое, но непонятное будущее, и Люба спрашивает, сколько же

²⁴ В фильме эти сцены отсутствуют.

²⁵ РО ИРЛИ. Ф. 870. Оп. 2. № 348. Л. 28.

²⁶ Там же. Л. 18.

²⁷ Там же.

им будет тогда лет, Василий отвечает: «А столько, сколько сейчас» (*Берггольц, 1988: 288*)²⁸. Что означает подобное заявление? Автор «вбрасывает в будущее» своих героев такими, какие они есть сейчас: их одержимая преданность идее коммуны стирает границу между настоящим и будущим, мечтой и реальностью. В этой связи уместно вспомнить начало сценария, в котором Берггольц, цитируя поэму «Первороссийк», определяет время (и дело) первороссиян метафорой *полдень Родины* (*Берггольц, 1988: 248*), и привести строки, устанавливающие связь со сценой заглядывающих в грядущее завтра Василия и Любы Гремякиных:

«И первым в Будущее брошен,
И жизнью вымощен живой, —
Он никогда не станет п р о ш л ы м ,
Твой трудный путь, твой огневой» (*Берггольц, 1988: 249*).

Однако в противовес возвышенно-патетическому финалу сценария с лунным пейзажем Бухтарминского моря тональность рабочих записей Берггольц периода работы над «Первороссиянами» была иной.

Начав с отправной точки — истории первой алтайской коммуны, она пришла к пониманию трагедии своего поколения: коммунары — «это те, кто еще верит в Коммуну и полагает, что строит ее» (*Берггольц, 2000: 291*). Размышляя о судьбе выживших алтайских коммунаров, которые в конце 1930-х гг. подвергались репрессиям, Берггольц метафорически выразила в дневниковых записях свое понимание трансформации революционной идеи — идеи коммуны. Под впечатлением от впервые запущенного на космическую орбиту 4 октября 1957 г. искусственного спутника Земли Берггольц провела неожиданную параллель между революцией и рукотворной «звездой»-спутником. Она писала:

«...вокруг Земли с бешеной скоростью мчалась звезда, созданная человеком, и вслед за ней ее скорлупа, — земной послед. Кажется, что так долго будет мчаться за новорожденной звездой ее "место", — не было предвидено. Так же не предвидели, что вслед за Революцией помчится ее "место", достигнет ее и, обволокнув

²⁸ В фильме этой сцены нет.

разлагающейся массой своей, превратит эту звезду в какое-то жуткое новообразование...»²⁹.

Так в эстетике Берггольц революция — «новорожденная звезда», застигнутая «земным последом», становится «мертворожденной». При этом писать о коммуне как о «мертворожденной звезде» Берггольц не решилась. Она убеждала себя подойти к теме иначе: «писать о ней (коммуне. — Н. П.) не как о покойнице, — как о граде Китеже, живом, но ушедшем на дно...»³⁰.

Берггольц рассматривала утрату идеи коммуны в категории национальной идентичности и видела корень зла в разрушении русского характера, в основе которого лежали открытость, доверие друг к другу, склонность к самопожертвованию и общинности (коллективизм), стремление к справедливости. После встречи в августе 1960 г. с М. И. Гавриловым — в первороссийской коммуне он был подростком — Берггольц записала в дневнике его мысли (полностью совпадавшие с ее собственными): «На русском характере Первороссийск взошел...» (*Берггольц, 2000: 247*). Но русский характер стал разрушаться в «ежовско-бериевские времена» и потому: «Ушел дух коммуны» (*Берггольц, 2000: 248*; подчеркивание Берггольц. — Н. П.).

Национальную идентичность Берггольц осознавала через образ неистового протопopa Аввакума. «Аввакумовское — русское», — утверждала она (*Берггольц, 2000: 252*). Действие в сценарии «Первороссияне» разворачивается в локусе расселения бухтарминских старообрядцев (см.: [Бломквист, Гринкова]), в среде, где культ раскольника-протопopa был особенно силен. При этом кержачий русский характер, в равной степени

²⁹ Берггольц О. Ф. Мой дневник. М.: Кучково поле Музеон, 2020. Т. 3: 1941–1971 / сост., текст. подгот., подбор илл. А. П. Гавриловой; сост., текст. подгот. дневников 1941–1944 гг. Н. А. Стрижковой; вступ. ст. Н. А. Стрижковой, А. П. Гавриловой; коммент. О. В. Быстровой, Н. А. Громовой, Н. С. Романова. С. 568. Запись была сделана Берггольц в больнице, обслуживавшей партийных работников и руководящий состав Ленинграда (в городском обиходе называлась «Свердловкой»). Берггольц наблюдала пустующие привилегированные палаты-«люксы», ждущие «номенклатурных товарищей», в то время как городские стационары были переполнены больными, лежащими в коридорах.

³⁰ Там же. С. 567.

свойственный как переселенцам-староверам, так и переселенцам-первороссиянам, был передан в сценарии через метафору костра — огня революции и пламени истинной веры³¹. Столкнулись — по Берггольц — две России, «и победить должна только одна из двух аввакумовских, кержацких Россий — ленинская Россия» (*Берггольц, 1988: 285*).

Однако в 1960-е гг. поэтесса видела революционную мечту исключительно сквозь призму «затопленной коммуны» и с горечью констатировала:

«...Над затонувшими затопленными коммунарами, над градом Китежем идем. <...> ...И не было ни духа, ни остова Коммуны, — не слышно было благовеста, — да, она была опущена на совершенно неподвижную глубину. Нынешний январский Пленум ЦК (январь 61 г.) ужасающе подтверждает это. Липа, показуха, ложь, — все это привело Коммуну к теперешнему ее состоянию. Ложь разрушила ее изнутри. Ложь была противопоказана народу-правдоискателю» (*Берггольц, 2000: 291*).

Таким образом, анализ поэтики литературного сценария «Первороссияне» показал, что присущее Берггольц религиозно-мифологическое сознание непротиворечиво совмещалось с коммунистическим мировоззрением. В своем последнем крупном прозаическом произведении она выстроила национальную картину мира в проекции христианского мировидения и с опорой на советскую модель социальной справедливости. «Лучший тип коммуниста, — писал Бердяев, — т. е. человека целиком захваченного служением идее, способного на огромные жертвы и на бескорыстный энтузиазм, возможен только вследствие христианского воспитания человеческих душ...» [Бердяев: 138].

Библейская символика литературного сценария «Первороссияне» является ключом к интерпретации творческого замысла О. Ф. Берггольц и исследована в категориях поэтики заглавия (фонетическое сопряжение названия «Первороссияне» с лексемой «первохристиане»), семантики имен персонажей (Ефимия/

³¹ «И тема костра, Аввакумова костра, пронизывающая сценарий, — писал М. Н. Кураев, работавший на киностудии «Ленфильм» в 1960-е гг., — стала ведущей изобразительной доминантой фильма» [Кураев: 211]. Символика костра в сценарии подмечена и другими исследователями [Паперный: 25].

великомученица Евфимия Всехвальная; дядя Леша-пушкарь/Саваоф), поэтики пространства (библейский кедр, легендарная долина) и др. Сценарий насыщен мифопоэтическими образами: идея коммуны представлена О. Ф. Берггольц в китежском концепте.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
2. Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П. Бухтарминские старообрядцы. Л.: Издание АН СССР, 1930. 460 с. (Сер.: Академия наук СССР: материалы комиссии экспедиционных исследований; вып. 17: серия казахстанская.)
3. Веселова Н. А. Имя в жизни и в литературе // Литературный текст: проблемы и методы исследования: сб. науч. тр. Тверь: ТГУ, 1998. Вып. 4. С. 30–35. EDN: TRUDMD
4. Габдуллина В. И., Изранова Е. В. Библейская символика в повести В. Я. Шишкова «Странники» // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. № 1. С. 119–133 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1488807534.pdf (01.10.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2017.4221. EDN: XYGSUD
5. Дымшиц А. Алтайская коммуна // Шестнадцать заводов: главы из истории / под ред. Л. Авербаха. М.: Гос. изд-во История заводов, 1933. С. 412–426.
6. Заваркина М. В. Сюжет «испытания веры» в повести А. Платонова «Джан» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. Вып. 11. С. 427–441 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1577186736.pdf (01.10.2024). EDN: RTXNJN
7. Зверева Т. В. «Дневные звезды» и «Первороссийск» Ольги Берггольц в свете поэтического кинематографа // Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 403–422 [Электронный ресурс]. URL: https://critique-and-semiotics.ru/journals/kis/pdf/CS_2021_1/24.pdf (01.10.2024). DOI: 10.25205/2307-1737-2021-1-403-422. EDN: AAAPFY
8. Из истории организации первых коммун петроградских рабочих (1918 г.) / введ. ст. С. С. Голубятникова, Е. А. Мозгуновой и Д. И. Новополянского // Исторический архив. 1956. № 3. С. 18–44.
9. Криничная Н. А. Легенды о невидимом граде Китеже: мифологема взыскания сокровенного града в фольклорной и литературной прозе // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. Вып. 7. С. 53–66 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2582> (01.10.2024). EDN: RUYLJX
10. Кураев М. Н. Берггольц и первороссияне // Нева. 2010. № 5. С. 207–212.
11. Мартьянова С. А. Библейские темы и образы в романе А. И. Солженицына «В круге первом» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. Вып. 11. С. 442–452 [Электронный ресурс]. URL:

- https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429870844.pdf (01.10.2024). EDN: RTXNJX
12. Паперный З. С. На подмостках лирики // Берггольц О. Ф. Пьесы и сценарии / сост., подгот. текста, подбор илл. к ним М. Ф. Берггольц; вступ. ст. З. С. Паперного. Л.: Искусство, 1988. С. 5–31.
 13. [Прозорова Н. А.] О. Ф. Берггольц. Отроческие дневники 1924 г. / публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 633–714.
 14. Прозорова Н. А. Статус двойного эпитафа к поэме О. Ф. Берггольц «Твой путь» // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 3. С. 213–231 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1663051543.pdf (01.10.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2022.11162. EDN: JVVJMP
 15. Прозорова Н. А. Семантика молчания в поэтике О. Ф. Берггольц // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 3. С. 208–227 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1694543322.pdf (01.10.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2023.12682. EDN: QLOAAL
 16. Прозорова Н. А. Звукообразы в поэтике О. Ф. Берггольц // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 2. С. 187–206 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1715288191.pdf (01.10.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2024.13802. EDN: IJWNIO
 17. Спиридонова И. А. Взыскание погибших в творчестве А. Платонова // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 2. С. 194–213 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1530272360.pdf (01.10.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5201. EDN: XRQKDJ

References

1. Berdyaev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origins and Meaning of Russian Communism]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 224 p. (In Russ.)
2. Blomkvist E. E., Grinkova N. P. *Bukhtarminskie starobryadtsy* [The Bukhtarma Old Believers]. Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1930. 460 p. (Ser.: The Academy of Sciences of the USSR: Materials of the Expeditionary Research Commission; issue 17: series of Kazakhstan.) (In Russ.)
3. Veselova N. A. Name in Life and in Literature. In: *Literaturnyy tekst: problema i metody issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov* [Literary Text: Problems and Research Methods: Collection of Scientific Papers]. Tver, Tver State University Publ., 1998, issue 4, pp. 30–35. EDN: TRUDMD (In Russ.)
4. Gabdullina V. I., Izranova E. V. Biblical Symbolism in the Short Novel “The Wanderers” by V. Ya. Shishkov. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2017, vol. 15, no. 1, pp. 119–133. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1488807534.pdf (accessed on October 1, 2025). DOI: 10.15393/j9.art.2017.4221. EDN: XYGSUD (In Russ.)

5. Dymshits A. Altai Commune. In: *Shestnadtsat' zavodov: glavy iz istorii* [Sixteen Factories: Chapters from History]. Moscow, History of Factories Publ., 1933, pp. 412–426. (In Russ.)
6. Zavarkina M. V. “Testing of Faith” in Andrei Platonov’s Short Novel “Dzhan”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013, vol. 11, pp. 427–441. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1577186736.pdf (accessed on October 1, 2025). EDN: RTXNJN (In Russ.)
7. Zvereva T. V. “Day Stars” and “Pervorossiisk” by Olga Bergholz in the Light of Poetic Cinematograph. In: *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 2021, no. 1, pp. 403–422. Available at: https://critique-and-semiotics.ru/journals/kis/pdf/CS_2021_1/24.pdf (accessed on October 1, 2025). DOI: 10.25205/2307-1737-2021-1-403-422. EDN: AAAPFY (In Russ.)
8. From the History of the Organization of the First Communes of Petrograd Workers (1918). In: *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archive], 1956, no. 3, pp. 18–44. (In Russ.)
9. Krinichnaya N. A. Legends of the Invisible Town of Kitezh: the Mythologeme of the Pursuing for the Hidden Town in Folk and Literary Prose. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2005, vol. 7, pp. 53–66. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2582> (accessed on October 1, 2025). EDN: RUYLJX (In Russ.)
10. Kuraev M. N. Bergholz and the First Russians. In: *Neva*, 2010, no. 5, pp. 207–212. (In Russ.)
11. Martyanova S. A. Biblical Themes and Images in Alexander Solzhenitsyn’s Novel “In the First Circle” (“V krughe pervom”). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013, vol. 11, pp. 442–452. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429870844.pdf (accessed on October 1, 2025). EDN: RTXNJX (In Russ.)
12. Papernyy Z. S. On the Stage of Lyrics. In: *Berggol'ts O. F. P'esy i ssenarii* [Bergholz O. F. Plays and Scripts]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1988, pp. 5–31. (In Russ.)
13. Prozorova N. A. O. F. Bergholz. Adolescent Diaries of 1924. In: *Ezhгодnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2012 god* [Bulletins of the Pushkin House Manuscript Department for 2012]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2013, pp. 633–714. (In Russ.)
14. Prozorova N. A. The Status of the Double Epigraph to the Poem “Your Way” by O. F. Bergholz. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2022, vol. 20, no. 3, pp. 213–231. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1663051543.pdf (accessed on October 1, 2025). DOI: 10.15393/j9.art.2022.11162. EDN: JVYJMP (In Russ.)
15. Prozorova N. A. Semantics of Silence in Poetics of O. F. Bergholz. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2023, vol. 21,

- no. 3, pp. 208–227. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1694543322.pdf (accessed on October 1, 2025). DOI: 10.15393/j9.art.2023.12682. EDN: QLOAAL (In Russ.)
16. Prozorova N. A. Sound Images in Poetics O. F. Bergholz. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2024, vol. 22, no. 2, pp. 187–206. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1715288191.pdf (accessed on October 1, 2025). DOI: 10.15393/j9.art.2024.13802. EDN: IJWNIO (In Russ.)
17. Spiridonova I. A. The Recovery of the Dead in the Creative Works of A. Platonov. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2018, vol. 16, no. 2, pp. 194–213. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1530272360.pdf (accessed on October 1, 2025). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5201. EDN: XRQKDJ (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Прозорова Наталья Аркадьевна, Natalya A. Prozorova, PhD (Филологический факультет, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Российская академия наук (наб. Макарова 4, Санкт-Петербург, 199034, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3828-4080>; e-mail: arhivistka@mail.ru).

Поступила в редакцию / Received 11.11.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 08.01.2025

Принята к публикации / Accepted 09.01.2025

Дата публикации / Date of publication 14.02.2025

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14722

EDN: WMHBRI

Рецепция русской классической поэзии в творчестве татарского поэта Рената Хариса

А. Ф. Галимуллина ^{1✉}, Г. Р. Гайнуллина ²

^{1,2} Казанский (Приволжский) федеральный университет
(г. Казань, Российская Федерация)

¹ e-mail: alfiya_gali1000@mail.ru[✉]

² e-mail: gulfiarasilevna@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена семантика религиозных и духовно-нравственных мотивов в творчестве современного татарского поэта Рената Хариса (1941 г. рождения) в контексте русской классической поэзии (Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов). Изучение переводческой рецепции Р. Хариса при переводе оды «Бог» на татарский язык (2016) показывает сложность адекватного художественного перевода на татарский язык произведений русской сакральной поэзии, основанной на православной христианской культуре. В поэмах «Реанимация» (2020), «Казан “Мэрьям анасы”» («Казанская икона Богоматери», 2023, перевод на русский язык Н. Переялова) Р. Харис в поисках духовно-нравственных ценностей в современном противоречивом обществе обращается не только к мусульманскому, но и к христианскому дискурсу, тем самым обогащая татарскую литературу и культуру и ведя поэтический диалог с русскими классиками (А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым и др.). В поэме «Реанимация» поэт, актуализируя лермонтовскую концепцию души, воссоздает мотивы русской классической литературы. В поэме «Казан “Мэрьям анасы”» художественное воплощение образа Казанской иконы Божией Матери позволяет поставить религиозные и нравственные вопросы в исторической ретроспективе — через сопоставление русского и татарского национальных образов мира. Методология этнопоэтики позволяет рассмотреть рецепцию русской классики в переводах и оригинальных поэмах Р. Хариса, созданных на татарском языке, как «другой, иной» с учетом духовно-нравственных взглядов поэта, сформировавшихся в контексте мусульманской культуры и татарской классической литературы.

Ключевые слова: рецепция, мотив, диалог, татарская литература, русская литература, традиция, этнопоэтика, перевод, интерпретация, Ренат Харис, Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Правительства Республики Татарстан (РНФ, проект № 24-28-20211 «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами (региональный конкурс)», https://rscf.ru/prjcard_int?24-28-20211&y-sclicid=m721vvy11z707883510).

Для цитирования: Галимуллина А. Ф., Гайнуллина Г. Р. Рецепция русской классической поэзии в творчестве татарского поэта Рената Хариса // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 1. С. 272–292. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14722. EDN: WMHBRI

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14722

EDN: WMHBRI

The Reception of Russian Classical Poetry in the Works of the Tatar Poet Renat Kharis

Alfiya F. Galimullina ¹✉, Gulfiya R. Gainullina ²

^{1,2} Kazan (Volga Region) Federal University
(Kazan, Russian Federation)

¹ e-mail: alfiya_gali1000@mail.ru✉

² e-mail: gulfiarasilevna@mail.ru

Abstract. The article examines the semantics of religious, spiritual and moral motives in the work of the modern Tatar poet Renat Kharis (b. 1941) in the context of Russian classical poetry (G. R. Derzhavin, A. S. Pushkin, M. Yu. Lermontov). The study of R. Kharis's translation reception in the translation of the ode "God" into Tatar (2016) demonstrates the difficulty of adequate literary translation of works of Russian sacred poetry based on Orthodox Christian culture into Tatar. In the poems "Reanimation" (2020), "Maryam Anasi Kazan" ("Kazan Icon of the Mother of God," 2023, translated into Russian by N. Pereyaslov), R. Haris, in search of spiritual and moral values in a contradictory modern society, turns not only to Muslim, but also to Christian discourse, thus enriching Tatar literature and culture and conducting a poetic dialogue with Russian classics (A. S. Pushkin, M. Yu. Lermontov, etc.). In the poem "Reanimation," the poet, actualizing Lermontov's concept of the soul, recreates the motifs of Russian classical literature. In the poem "Maryam Anasi Kazan" the artistic embodiment of the image of the "Kazan Icon of the Mother of God" allows us to raise religious and moral issues in historical retrospect — through a comparison of Russian and Tatar national images of the world. The methodology of ethnopoetics allows us to examine the reception of Russian classics as "other, different" in the translations and original poems of R. Kharis in the Tatar language, taking into account the spiritual and moral views of the poet that were formed in the context of Muslim culture and classical Tatar literature.

Keywords: reception, motif, dialogue, Tatar literature, Russian literature, tradition, ethnopoetics, translation, interpretation, Renat Kharis, G. R. Derzhavin, A. S. Pushkin, M. Yu. Lermontov

Acknowledgments. The research was carried with the financial support of the Russian Science Foundation and Government of the Republic of Tatarstan

(RSF, project number 24-28-20211, https://rscf.ru/prjcard_int?24-28-20211&y-sclid=m721vyv11z707883510).

For citation: Galimullina A. F., Gainullina G. R. The Reception of Russian Classical Poetry in the Works of the Tatar Poet Renat Kharis. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2025, vol. 23, no. 1, pp. 272–292. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14722. EDN: WMHBRI (In Russ.)

Народный поэт Республики Татарстан Ренат Магсумович Харисов (псевдоним — Ренат Харис) создает свои произведения на татарском языке, однако часто обращается к русской классической и современной литературе, выстраивая ассоциативные связи в цитатах, эпиграфах, аллюзиях и реминисценциях. Поэт активно переводит произведения русской классической литературы, в частности стихотворения Г. Р. Державина, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева на татарский язык, а также ведет диалог с русскими поэтами, находя опору в решении духовно-нравственных вопросов. Характер диалога с классикой, порою переходящий в полилог, в творчестве Р. Хариса позволяет определить теория о диалогичности слова и художественного текста, разработанная М. М. Бахтиным. В творчестве Р. Хариса литературный диалог выстраивается не только как полемика или спор, но и как приятие и согласие. Идея диалогичности М. М. Бахтина предполагает понимание другого: «...увидеть и понять автора произведения», а значит — «увидеть и понять другое, чужое сознание и его мир» [Бахтин: 306].

В современном литературоведении активно разрабатывается рецептивная эстетика, основы которой были заложены Х. Р. Яуссом, В. Изером и др. [Изер], [Яусс]. В исследованиях российских литературоведов рассматривается художественная рецепция фольклорного, древнерусского, классического текстов в современной литературе [Есаулов, 2014], [Харитоновна], является специфика интерпретации русской словесности в иноязычной литературе [Шенер], отмечается сложность и многоаспектность восприятия художественного текста [Левакин].

Одной из старейших и распространенных форм рецепции литературных произведений является художественный перевод с языка оригинала на иностранный язык, при этом переводчик стремится адекватно воссоздать единство формы и содержания

текста оригинала и одновременно старается максимально полно вписать переведенный текст в художественно-эстетический контекст литературы и культуры, создающейся на языке перевода.

Ренат Харис начал публиковать переводы од Г. Р. Державина с 2003 г., в 2016 г. уже издал более 60 переводов стихотворений Г. Р. Державина на татарский язык в сборнике «Кизләү» («Родник»)¹.

Р. Харис подчеркивает, что ода «Бог» отвечает и на его духовно-нравственные, и на космогонические вопросы: «Ум стремится скорее выйти из такого пограничного состояния, ищет опору и самопроизвольно приходит к идее Бога. Однако Бог, не раскрывая самого себя, вновь возвращает тебя к понятиям: Вселенная, Бесконечность, рождение Вещества, появление Жизни и Разума...» [Харис: 30]. Р. Харис отмечает, что для перевода оды необходима широкая литературная и культурологическая эрудиция. Он прочитал Коран в переводе Крачковского, «Божественную комедию» Данте, «Потерянный рай» Мильтона, «Фауста» Гёте. Демонстрируя сложность перевода философской оды на татарский язык, а также перевода христианской лексики на язык тюркской группы, в которой преобладает духовная лексика, восходящая к исламу, Р. Харис останавливается на переводе названия оды — «Бог». Поэт отмечает, что думал о Тэнгре, Тэгалэ, Ходай, Раббе, но остановился на «Аллаһ» (читается — Аллах). Создание адекватного поэтического перевода с сохранением содержания и формы стихотворения всегда предполагает преодоление затруднений, связанных с поиском лексических эквивалентов, метафор в языке перевода. Несравненно больше лингвистических задач решают переводчики духовных стихотворений, поэтому в выборе стихотворений для перевода они отдают предпочтение тем, которые созвучны их духовно-нравственным взглядам.

Отметим, что в исследованиях И. А. Есаулова дается новое понимание русской классической литературы [Есаулов, 2012, 2014], в том числе и оды «Бог» Г. Р. Державина, — исходя из структурных особенностей текста, его конструктивного

¹ Державин Г. Р. Кизләү: Одалар, шигырьләр: [русчадан Ренат Харис тәржемәсе]. [Державин Г. Р. Родник: оды, стихотворения (перевод с русского языка Рената Хариса)]. Казан: Мәгариф-Вақыт, 2016. 139 с.

единства, специфики авторской орфографии и пунктуации, в контексте соборности и пасхальности русской литературы. Также рассматривается художественное воплощение умиления и слезного дара как важнейшая особенность державинской поэтики и одно из проявлений в его творчестве православной духовной традиции [Есаулов, 2016].

И. А. Есаулов выявляет очень важный аспект в изучении классической литературы — необходимость восстановления канонического варианта заглавия оды, которой открывались все прижизненные сборники Г. Р. Державина. Исследователь убежден, что публикация в авторской орфографии и пунктуации позволит выявить наиболее глубинные смыслы классических произведений, а также рассмотреть их не только в контексте «малого времени» литературного XVIII в., но и в «большом времени» православной культуры как таковой [Есаулов, 2016: 56]. Ученый обращает внимание на «совершенное исчезновение прописных букв, обозначающих "Ты" (напомним, это структурообразующий для конструкции текста в целом момент) <...>. В некоторых случаях графический вид строки совершенно изменяется, по сравнению с каноническим (державинским). Например: "Ты былъ, Ты есь, Ты будешь ввѣкъ"» [Есаулов, 2016: 57].

И. А. Есаулов также предлагает восстановить и авторское написание названия оды — «Богъ», потому что «присутствие конечного *ерь* — в его отличие от мягкого *ерь* — восстанавливает весьма важную нюансировку (особенно, если восстановить и пунктуацию)» [Есаулов, 2016: 58]. Анализ оды «Богъ» Г. Р. Державина, сделанный И. А. Есауловым, показывает специфику русской литературы XVIII в., являющейся полноценной наследницей древнерусской словесности, но при этом активно приобщавшейся к европейской культуре. Однако русская литература сохранила свою самобытность, которая теряется при переводе произведений в современную орфографию, а также при игнорировании авторского синтаксиса. Исследователь высоко оценивает значение оды «Богъ»: «...это прежде всего произведение первого ряда русской лирики как таковой, за все ее существование, которое, конечно же, заключая в себе культурные коды именно XVIII века, вместе с тем, с непревзойденным

(и "после" Державина) художественным мастерством, поставило "вечную" проблему соотношения "Ты" (Бога) и "я" (человека) [Есаулов, 2016: 58].

Ренат Харис, работая над переводом, не знал исследований И. А. Есаулова, однако проникся пафосом стихотворения Г. Р. Державина и в переводе слово «АЛЛАҺ» («Бог») написал прописными буквами (также и местоимение «Син» — «Ты» в обращении к Богу — написано с прописной).

Бог в оде Г. Р. Державина воплощен в солнечном сиянии: «От света Твоего рожденны...»; «Собою из Себя сияя, / Ты свет, откуда свет истек»; «Светил возжженных миллионы / В неизмеримости текут...»². Символика Солнца тесно связана с символикой Христа, Который, подобно небесному светилу, несет духовный свет, соединяет духовный и материальный миры. Ренат Харис сохраняет в переводе световые образы, подтверждающие величие Бога — Аллаһа. Во второй строфе он дает точный перевод, находя лексические эквиваленты в татарском языке: «яктылык» — «свет», «нур» — «луч» («Яктылыгың нурларыңнан Синең туган»). При переводе третьей строфы Р. Харис уточняет образ оригинала описанием лучезарного родника: «Үз нурыңнан үзең нурдай балкып тордың, / Яктылыкка чишмә булып иң-иң элек». В переводе пятой строфы поэт создает живописный образ небесных светил, плывущих в бескрайности неба-мироздания, «в неизмеримости» — они правомерность Божественных законов (дословно) купают и проливают в животворящем луче:

«Миллионлаган якты жисем, күкләр буйлап,
үлчәмсезлек агымында агып бара.
Алар Синең кануннарының хаклыгын
терек нурда коендыра һәм сугара»³.

Р. Харис оставляет без перевода слова «лампады» и «кристаллы», видимо, не найдя эквивалента к слову «лампада», относящегося к лексике христианской обрядности.

² Державин Г. Р. Стихотворения / вступ. ст. и примеч. В. А. Западова. М.: Правда, 1983. 224 с.

³ Державин Г. Р. Кизләү: Одалар, шигырьләр. С. 18–19.

В начале десятой строфы, где лирический герой обращается к Богу, переводчик каждое наименование Бога пишет с прописной буквы:

«Синең ижат жимешең мин, Бар итүчем,
Синең акыл, Синең йөзек кашы,
И яшәүләр чыганагы, Игелеклем,
Жаным жаны һәм дә аның Падишаһы!»⁴.

Отметим, что начало предложения переведено точно: «Твое создание я», а в конце, вместо державинского повтора однокоренного слова «создание — Создатель», переводчик использует сочетание «Бар итүче», которое имеет то же значение, но при этом утрачивается усиление, удвоение смысла.

В следующей строке вместо емкого старославянизма «тварь» Р. Харис вставляет словосочетание «йөзек кашы» — в значении «драгоценный камень в перстне» — в сочетании со словом «кодрэт» (мощь, сила, всемогущество): «Синең акыл, Синең кодрэт йөзек кашы»⁵. Поэт очень бережно и внимательно относится к переводимому тексту — в основном ему удалось адекватно перевести оду «Бог» Г. Р. Державина, в которой отразились не только мировидение русского поэта, но и духовная традиция древнерусской литературы и христианского православного канона. Р. Харис сохраняет форму оригинала — одиннадцать десятистрочных строф, но в то же время переводит оду в соответствии с традиционной для татарской поэзии системой стихосложения — силлабическим стихом, состоящим из двенадцатисложных стихов, и включает в стихотворение высокую лексику, которая передает эмоциональную напряженность раздумий лирического героя. Переводчик конкретизирует абстрактные понятия, в том числе лирические эпитеты. Отметим также, что приведенные примеры из перевода оды «Бог» на татарский язык еще раз подтверждают сложность и порой невозможность перевода некоторых культурных реалий на другой язык (категория «непереводимого»), учитывая то, что татарские язык и литература формировались в основном в русле мусульманской культуры. Однако художественные

⁴ Державин Г. Р. Кизләү: Одалар, шигырьләр. С. 22.

⁵ Там же.

переводы необходимы для установления межлитературного диалога и межкультурной коммуникации, которые взаимно обогащают народы, расширяют возможности принимающей литературы новыми идеями, темами, мотивами, жанрами, а также могут продемонстрировать лексические, стилистические, синтаксические возможности принимающей литературы.

Обращение к переводу оды «Бог» соответствует и внутренним исканиям Рената Хариса, его творческим экспериментам, философским размышлениям о сущности бытия. В своих произведениях (стихотворениях, поэмах, либретто к операм и балетам, романе в стихах) татарский поэт ставит важнейшие вопросы о смысле жизни, поиске духовных ценностей, обращаясь при этом и к классической татарской, и к русской и мировой литературе, а также к мусульманским и христианским мотивам, напоминая своим читателям о высших морально-этических ценностях.

В 2021 г. Р. Харис написал поэму “Reanimation”⁶, которая была переведена Н. Переясловым на русский язык и опубликована в «Литературной газете» (№ 35 от 1–7 сентября 2021 г.). В поэме Р. Хариса сюжетобразующим является мотив полета души, который восходит как к мусульманской, так и к христианской религиозной и литературной традициям. В основу сюжета положены и автобиографические факты: поэт несколько недель тяжело болел во время пандемии коронавирусной инфекции, поэтому поэма посвящена врачам, их профессиональному подвигу.

Р. Харис размышляет над философской проблемой бессмертия души. Во второй части трехчастного сюжета поэмы душа лирического героя — alter ego автора — на время покидает тело, что позволяет Р. Харису воссоздать полет души между двумя мирами: «...салкын һава булып агам...» («...теку как холодный воздух...»). Развернутая метафора «үзең тойган матдә булып / чиксезлектә эрегәнмен» («как почувствовавшая себя материя / растаял в бесконечности») позволяет визуализировать экзистенциальное явление полета души. В поэме полет души

⁶ Харис Р. М. Reanimation // Харис Р. М. Өмет йолдызы: шигырьләр, поэмалар (2016) [Звезда надежды: стихи, поэмы]. Казан: Татар. кит. Нәшр., 2021. С. 407–416.

олицетворяется в образе голубей, которые заглядывают в окно госпиталя. Р. Харис в изображении души лирического героя следует тюркской эпической традиции. Так, в поэме Кул Гали «Кысса-и Йусуф» («Сказание о Йусуфе», 1233) душа пророка Иакуба — отца Йусуфа после его смерти вылетела из тела как птица: «И светлая душа, от тела отделясь, / Взлетела птицей в рай на небеса теперь»⁷. Как отмечает И. Г. Закирова, в тюркском фольклоре и литературе, «когда человек умирает, душа покидает его в виде выдоха или дуновения ветра» [Закирова: 278], душа умершего человека материализуется чаще всего в виде птицы.

Образы голубей, с одной стороны, восходят к религиозной символике птиц в исламе и христианстве, с другой — для лирического героя символизируют врачей. Образы голубей предстают на фоне голубого неба, контрастно противопоставленного белизне госпитальной палаты. Как отмечают исследователи, образы птиц в русской и татарской литературах и культурах имеют «сакральный характер и сопоставляются с образом Солнца, а звуки небесного грома и крика птиц ассоциировались с Солнцем и небом...» [Шаряфетдинов, 2021a: 12]. Образ голубя тесно связан с мотивом парения души, которая ассоциируется с образом лебедя. Так, в стихотворении Г. Р. Державина «Лебедь» мотив парения души предстает в единстве с мыслью о бессмертии поэтического наследия: «Не заключит меня гробница, / Средь звезд не превращусь я в прах <...> // Лечу, парю <...> / Чтобы услышать Богу песнь»⁸. Р. Харис и это стихотворение перевел на татарский язык, поэтому в своей поэме он мог учитывать и значение мотива парения души.

Р. Харис представляет развернутую метафору «бөке» («пробки»), которая перекрыла доступ кислорода — воздуха — Душе лирического героя. Троекратное повторение безнадежного «булмый ачып» («не получается открыть») создает почти физическое ощущение метания души в безвоздушном теле. Обыгрывая многозначность слов, Р. Харис создает метафору «Душа — воздух». Душа, освободившись от тела, плавно летит во Вселенной,

⁷ Кол Гали Йосыф кыйссасы [Сказание о Йусуфе] / пер. на русский язык С. Иванов, сост. Н. Ш. Хисамов. Казань: Дом печати, 2008. С. 577.

⁸ Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1957. С. 303–304.

удаляясь от тела, от зараженной вирусом Земли. В бесконечности нет движения, нет целей, нет направления, нет времени. В полете душа лирического героя, его «Я», превращается в точку, но эта точка наделена разумом. В трактовке души Р. Харис, на наш взгляд, приближается к просветительской идеологии, когда перед лицом звездного неба лирический герой М. В. Ломоносова («песчинка», «мала искра», «тонкий прах»), наделенный разумом, стремится познать «звездную бездну» в стихотворении «Вечернее размышление о Божиим величестве», а через нее и величие Творца. Как отмечает А. Г. Маслова, «мысль о Разумности и Божественной упорядоченности мироустройства в эпоху расцвета классицизма не подвергалась сомнениям, принималась как должное» [Маслова: 337]. Душа лирического героя поэмы Р. Хариса также ощущает радость освобождения, когда в «бесконечности» оказывается в центре Вселенной, где исчезает время: «Син үзэктэ! Син мэңгелек!... / Сөйлэп бетергесез рэхэт...» (подстрочный перевод: «Ты в центре! Ты вечный!... / Какое это невыразимое блаженство...»⁹). Мотиву парения души Р. Харис противопоставляет мотив памяти, которая зовет душу лирического героя вернуться в бездыханное тело. Борьба между памятью и душой олицетворяется, вводится метафора «хэтер йоткан» («память поглотила») — побеждает память, и отягощенная памятью Душа возвращается в свое тело, чтобы принять земные страдания и быть на страже жизни. В третьей, заключительной, части воспевается стойкость духа лирического героя, который сумел преодолеть болезнь, его дух укрепился («рухым жинде» — перевод: «победил дух»), он готов с новыми силами окунуться во все радости жизни. В поэме Р. Хариса воспевается ценность бытовой, повседневной жизни, ценность настоящего, которая проявляется в семейной жизни, в творчестве.

Р. Харис в поэме “Reanimation” выстраивает ассоциативную связь с поэзией М. Ю. Лермонтова, в которой мотив полета души является значимым структурным компонентом. Г. В. Косяков выявляет в творчестве М. Ю. Лермонтова семь основных вариантов мотива полета души: «Мотив духовного полета оформляет лирическую ситуацию медитации, когда душа лирического героя постигает метафизическую глубину вечности,

⁹ Харис Р. М. Reanimation. С. 412.

обретает чувство полноты бытия» [Косяков: 11]. Таким образом, Ренат Харис, обращаясь к традиционным в русской и татарской литературах мотивам времени, полета души, идее бессмертия души, в поэме “Reanimation” типологически близок к лермонтовскому пониманию души как поэтического вдохновения и полета во время сна, а также полета души до и после ее земного воплощения.

Творчество Р. Хариса пронизано глубокими философскими размышлениями о мироздании, о духовно-нравственных исканиях. Он легко выстраивает диахронические связи как с историей татарского народа и России в целом, так и с классиками татарской и русской литератур, а также синхронические связи с современными русскими поэтами. Давние творческие и дружеские связи с поэтом и переводчиком Николаем Владимировичем Переясловым демонстрируют широкие возможности для литературного и духовного диалога русской и татарской литератур. Российский поэт, прозаик, литературовед Николай Переяслов является переводчиком сборников стихов и поэм Рената Хариса («Испивший молнию» (2007), «Пейзаж» (2008), «Певчая ночь» (2011)), а в 2023 г. в новой поэме «Казан “Мэрьям анасы”» («Казанская икона Богородицы») Николай Переяслов стал одним из персонажей — другом лирического героя. Поэма посвящена образу Казанской иконы Божией Матери, возвращенной в Казань в 2005 г. Поэт вновь, отталкиваясь от биографического факта, связанного с операцией на глаза, осмысливает его в контексте размышлений о нравственных, философских вопросах, о роли Божественного начала в жизни человека.

В исследовании специфики проявления культурного полифонизма творчества Р. Хариса мы ориентировались на труды известного литературоведа Г. Д. Гачева о национальных образах мира и ускоренном развитии литератур¹⁰. В них проблема художественного выражения национальной идентичности писателей, в творчестве которых наблюдается взаимодействие разных литературных, культурных традиций и духовное мировосприятие через призму различных религий, рассматривается

¹⁰ «Ускоренное развитие литератур: на материале болгарской литературы первой половины XIX века» (1964), «Национальные образы мира: общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский» (1988) и др.

через понятие «национальные образы мира». Эти образы способны передать Космо-Психо-Логос своего народа, а также понятие «национальная идентичность».

Г. Д. Гачев предлагал в изучении литератур народов России дополнить установившуюся традицию рассмотрением с точки зрения «общности развития национальных литератур», а именно: «их взаимодействие, распространенные факты, проблемы, темы и идеи общесоюзного характера, которые имели значение для всех республик» [Гачев: 292]. Исследователь советовал изучать литературы народов России «взглядом снизу, с корней» и обосновал методологию, которая заключается в том, чтобы выявить, «каким методом рассмотрения можно вскрыть эту новизну, конкретно выявить, из чего она состоит» [Гачев: 293]. Г. Д. Гачев наметил продуктивный подход в исследовании сложных процессов в современных национальных литературах, в которых активно происходят взаимодействие, диалог и полилог литературных и культурных традиций, наблюдаются пограничные литературные явления — такие, как национальные произведения, созданные на других языках.

В изучении современной татарской литературы в целом важным для нас является понятие «этнопоэтики», спектр употребления которого очень широк. Как отмечает В. Н. Захаров, обосновавший термин «этнопоэтика» как раздел исторической поэтики, ее предметом является «изучение поэтики национальных литератур» (Д. С. Лихачев), «национальных образов мира» (Г. Д. Гачев, И. А. Есаулов, С. В. Шешунова), «локальной традиции и региональных литератур» (О. В. Зырянов) и «литератур народов России» [Захаров: 11]. О. В. Зырянов рассматривает основные этапы формирования этнопоэтики через призму проблем русского национального характера, русского мировоззрения и национальной картины мира: «...этнопоэтика берет на себя задачу последить этнокультурный компонент в самой художественной структуре, эстетическом строе произведений, в организации поэтического мира художника, его аксиологической системе» [Зырянов: 10].

Методология этнопоэтики, разработанная в трудах В. Н. Захарова, И. А. Есаулова, Г. Д. Гачева, О. В. Зырянова, С. В. Шешуновой, позволяет через универсальные категории: концепты, менталитет

народа, культурный код национальных литератур и др. — обнаружить национальную идентичность писателя, которая проявляется в поэтике его творчества. В этом плане новая поэма Р. Хариса «Казан “Мэрьям анасы”» («Казанская икона Богоматери») позволяет выявить специфику художественного воплощения татарским поэтом образа Казанской иконы Божией Матери, а также пути лирического героя, воспитанного в лоне мусульманской культуры и воспринимающего важный символ веры «иной, другой» христианской культуры, — через удивление к пониманию и принятию.

Эпиграфом к поэме Р. Харис ставит строчки из стихотворения Г. Тукая «Олугъ юбилей мөнәсәбәте илә халык өмидләре» («Надежды народа перед великим юбилеем») об историческом взаимодействии татарского и русского народов:

«Наш след не меркнет на русской земле,
Мы — образ России в зеркальном стекле,
В лад жили и пели мы с русскими встарь:
свидетельством — нравы, привычки, словарь»¹¹

(перевод Р. Р. Бухараева).

Эпиграф, отсылая к авторитету классика татарской литературы, призван подтвердить тесные культурные взаимосвязи русского и татарского народов. Ведущая идея поэмы — идея единения народов России перед лицом опасности — получает продолжение в исторической ретроспективе, когда перед внутренним взором лирического героя появляется дружина Минина:

«А с ним шагают русский и чуваш,
удмурт, мордвин, татарин — все брат наш!
И дружно — христиане, мусульмане —
идут, как корабли на абордаж»¹²

(перевод Н. Переяслова).

В поэме отсутствует традиционное вступление: она начинается с прямой речи — звонка друга лирического героя Николая. В первой строфе обозначается важная тема — тема лечения глаз, улучшения зрения, которая позволяет соединить два временных

¹¹ Харисов Р. М. Казан «Мэрьям анасы» [Харис Р. Казанская икона Богоматери: перевод Н. Переяслова]. Казань: Магариф-Вақыт, 2023. С. 1.

¹² Там же. С. 5.

пласта: настоящее, в котором лирический герой лежит в больнице, переживает операцию, и прошлое — героя (малое время) и страны, России (большое время). В ретроспективе возникает тема духовного прозрения в религиозном значении, тема объединения народов России, исповедующих разные религии (мусульманство, православие, буддизм), ради духовно-нравственного возрождения.

Во время разговора друг Николай искренне советует лирическому герою попросить исцеления у Казанской иконы Божией Матери. Важно, что лирический герой — татарский поэт, он мусульманин и на протяжении всей поэмы остается верен своей вере, своей религии, но ощущает искреннюю дружбу русского друга, силу его молитвы и веры.

Отметим, что Р. Харис в своем творчестве очень много пишет на духовно-нравственные темы в традиционном русле татарской, восточной и мусульманской культуры (либретто к балету «Сказание о Юсуфе» (2005), «Сонет о молитве» (2010), поэма «Два ангела» (2001), цикл стихов «Обзор из сур Корана» (1970-е гг.)), поэтому автобиографический герой очень болезненно воспринимает искренний совет друга-христианина:

«Но я сказал: "Не православный я.
И потому — икона мне твоя
помочь не может силою святой,
У каждого из нас Всевышний — свой".
"Ну что ты, друг мой! — молвил Николай. —
Для всех на свете — Бог Един, ты знай!
И Божья Матерь может всем из нас
вернуть однажды зоркость наших глаз..."»¹³.

В татарском языке для обозначения душевного прозрения есть метафорическое словосочетание «күңел күзе» (дословный перевод: «глаз (взгляд) души»), которое Р. Харис удачно обыгрывает в поэме: «чытылдылар күзләр», «йомылдылар күзләр», «күңел күзем»¹⁴. Осуществляется переход к историческому времени через призму духовного видения, внутреннего взгляда на историю России, на героическое прошлое нашей страны, когда в «минуты роковые» православные христиане обращались

¹³ Харисов Р. М. Казан «Мәрьям анасы». С. 3–4.

¹⁴ Там же. С. 4.

к милости Казанской иконы Божией Матери. Минин-гражданин несет Казанскую икону перед народной дружиной, идущей против войск Лжедмитрия, далее лирический герой видит картины Полтавской битвы, сцену молитвы Петра I, обращенной к Богородице. Следующая сцена-видение переносит лирического героя в Петербург, в Казанский собор, где Кутузов возносит к Богородице молитву с просьбой «помочь / изгнать французов из России прочь»¹⁵ (перевод Н. Переяслова).

Во всех исторических сценах, начиная с первой, Божия Матерь на иконе оживает:

«И под звездой, горевшей высоко,
Мать Божья услышала вдруг его,
и волосы младенца Иисуса
погладила рукой своей легко...»¹⁶.

Поэма завершается сценой пробуждения лирического героя на операционном столе в настоящем времени, ему видятся глаза Богородицы и слышатся слова суры из Корана, которые на татарском языке звучат как Мать Мария — Мэрьям Ана:

«...сәяхәттә миңа юлдаш булды / Мэрьям Ана, аның күзләре... // Колагыма кемдер: "Ля хәүлә..." дид, / пышылдады Коръән сүрәсен... / Минем белән изге сәяхәттә / фәрештәләр йөрдә, күрәсен...» (Подстрочный перевод наш: «...в путешествии меня сопровождали / глаза (взгляд) Богородицы... // В ухо кто-то прошептал "Ля хауля"... / суру из Корана... / В путешествии меня, / видимо, сопровождали ангелы...»)¹⁷.

Здесь Р. Харис упоминает суру из Корана: «Ля хауля уаля куууата илля биллях», в которой говорится, что Аллах дает нам сохранность от нарушений, и Он же дает нам силу для соблюдения Его повелений»¹⁸. В поэме «Казанская икона Богоматери» Р. Харис развивает традиционное значение молитвы. Как отмечает Р. Х. Шаряфетдинов, «традиционные для татарской литературы значения мотива Молитвы (неотъемлемая часть

¹⁵ Харисов Р. М. Казан «Мэрьям анасы». С. 7.

¹⁶ Там же. С. 10.

¹⁷ Там же. С. 18.

¹⁸ Там же.

начала дела, пути, встречи, входа, защиты и избавления от болезней и пороков и т. д.) широко представлены в произведениях современной татарской литературы» [Шаряфетдинов, 2021b: 104].

В поэме Р. Хариса духовность, молитва являются неотъемлемой частью традиционной культуры, поэтому он приводит в пример писателей, чьи философские искания выразились в непредвзятом отношении как к христианской, так и к мусульманской религиям:

«И в Пушкине, Тукае и Толстом,
И в Гёте наши веры были вместе.
И даже в Чингисхане они тесно,
как в сказке жили — на крыльце златом!»¹⁹

(перевод Н. Переяслова).

Таким образом, рецепция русской классики, религиозные и духовно-нравственные мотивы, восходящие к мусульманской и христианской культурам, позволяют Р. Харису не только передать обрядовую практику (молитву, мотив души), но и показать путь к восприятию «иной, другой» культуры. В творчестве Рената Хариса рецепция классических текстов русской литературы проявляется в виде переводческой рецепции (переводы од Г. Р. Державина) на уровне проблемно-тематических интертекстуальных связей с произведениями Кул Гали, Г. Тукая, Г. Р. Державина, А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Это выражается в художественном осмыслении мотива души, а также в идее единства народов России, их духовно-нравственных поисков. Поэт и его лирический герой, оставаясь в лоне традиционной татарской и мусульманской культур с характерными для них образами и мотивами (суры Корана, молитва), отражающими этнический менталитет, открыты к восприятию «иной/ другой» христианской культуры (Казанская икона Божией Матери, молитва, свечи, храм). Такая многогранная рецепция расширяет возможности художественного творчества современного писателя.

¹⁹ Харисов Р. М. Казан «Мэрьям анасы». С. 18.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 444 с.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Центральная Азия: Казахстан. Киргизия. Космос Ислама (интеллектуальные путешествия). М.: Изд. сервис, 2002. 784 с.
3. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. СПб.: Алетейя, 2012. 448 с.
4. Есаулов И. А. Категории Закона и благодати в художественном мире М. Ю. Лермонтова // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. Вып. 12. С. 7–17 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429705393.pdf (10.10.2024). EDN: ТКQMDT
5. Есаулов И. А. Ода Г. Р. Державина «Богъ»: новое понимание // Проблемы исторической поэтики. 2016. Вып 14. С. 45–67 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482920409.pdf (10.10.2024). EDN: XQZXIJ
6. Закирова И. Г. Репрезентация мотива души в тюркской эпической традиции // Вестник Чувашского университета. 2011. № 1. С. 275–279 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-motiva-dushi-v-tyurkskoj-epicheskoy-traditsii/viewer> (10.10.2024). EDN: NOSXGF
7. Захаров В. Н. Идея этнопоэтики в современных исследованиях // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 7–19 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (10.10.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382. EDN: IFROFH
8. Зырянов О. В. Проблемно-методологическое поле современной этнопоэтики // Филологический класс. 2019. № 1 (55). С. 8–15 [Электронный ресурс]. URL: <https://filclass.ru/images/JOURNAL/1.pdf> (10.10.2024). DOI: 10.26170/FK19-01-01. EDN: IBHTPN
9. Изер В. Рецептивная эстетика. Проблема переводимости: герменевтика и современное гуманитарное знание / публ. И. Ильина // Академические тетради: альманах. 1999. Вып. 6. С. 59–96.
10. Косяков Г. В. Мотив полета души в лирике М. Ю. Лермонтова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2020. Т. 14. № 2. С. 6–12 [Электронный ресурс]. URL: <https://journal.omg.su/wp-content/files/14.2/1.pdf> (10.10.2024). DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.1. EDN: FLWLYI
11. Левакин Н. Н. Художественная рецепция как литературоведческое понятие (к вопросу понимания термина) // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 308–310 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-retseptsiya-kak-literaturovedcheskoe-ponyatie-k-voprosu-ponimaniya-termina/viewer> (10.10.2024). EDN: PKBCCT

12. Маслова А. Г. Проблема времени в русской поэзии конца XVIII века о скоротечности и суетности жизни // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 2 (1). С. 333–339 [Электронный ресурс]. URL: http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/99999999_West_2011_2/50.pdf (10.10.2024). EDN: NXSVFT
13. Харис Р. М. Великое поэтическое изъяснение великих таинств / (Ода Г. Р. Державина «Бог») // Замана һәм каләм: әдәбият, сәнгать, публицистика: макаләләр, истәлекләр, әңгәмәләр — Время и перо: литература, искусство, публицистика: статьи, воспоминания, интервью. Казан: Татар. кит. нәшр., 2016. С. 30–33.
14. Харитоновна А. В. Рецепция агиографической традиции в рассказе А. Варламова «Звездочка» // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 4. С. 252–271 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1669638431.pdf (10.10.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2022.11602. EDN: WJTQCC
15. Шаряфетдинов Р. Х. Мифологический образ Птицы как отражение культуры татарского народа в современной литературе // Наука и школа. 2021. № 5. С. 11–19 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologicheskiy-obraz-ptitsy-kak-otrazhenie-kultury-tatarskogo-naroda-v-sovremennoy-literature/viewer> (10.10.2024). DOI: 10.31862/1819-463X-2021-5-11-19. EDN: UUNJLH (a)
16. Шаряфетдинов Р. Х. Семантика религиозно-мифологического мотива молитвы/мольбы в современной татарской литературе // Вестник Чувашиского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2021. № 4 (113). С. 99–107 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-religiozno-mifologicheskogo-motiva-molitvy-molby-v-sovremennoy-tatarskoy-literature/viewer> (10.10.2024). DOI: 10.37972/chgpu.2021.113.4.012. EDN: BAVRWV (b)
17. Шенер Л. Рецепция романа Ф. М. Достоевского в турецкой литературе XX–XXI веков // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 4. С. 331–343 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1638431275.pdf (10.10.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2021.10102. EDN: АНААВО
18. Яусс Г. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34–84.

References

1. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Creation]*. Moscow, Iskustvo Publ., 1986. 444 p. (In Russ.)
2. Gachev G. D. *Natsional'nye obrazy mira. Tsentral'naya Aziya: Kazakhstan. Kirgiziya. Kosmos Islama (intellektual'nye puteshestviya) [National Images of the World. Central Asia: Kazakhstan. Kyrgyzstan. The Cosmos of Islam (Intellectual Journeys)]*. Moscow, Izdatel'skiy servis Publ., 2002. 784 p. (In Russ.)
3. Esaulov I. A. *Russkaya klassika: novoe ponimanie [Russian Classics: New Understanding]*. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2012. 448 p. (In Russ.)

4. Esaulov I. A. The Categories of Law and Grace in Lermontov's Poetics. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2014, issue 12, pp. 7–17. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429705393.pdf (accessed on October 10, 2024). EDN: TKQMDT (In Russ.)
5. Esaulov I. A. The Ode “God” («Богъ») by G. R. Derzhavin: the New Understanding. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2016, issue 14, pp. 45–67. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482920409.pdf (accessed on October 10, 2024). EDN: XQZXIJ (In Russ.)
6. Zakirova I. G. Representation of the Soul's Motif in the Turkic Epic Tradition. In: *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2011, no. 1, pp. 275–279. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-motiva-dushi-v-tyurkskoy-epicheskoy-traditsii/viewer> (accessed on October 10, 2024). EDN: NOSXGF (In Russ.)
7. Zakharov V. N. The Idea of Ethnopoetics in Contemporary Research. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 3, pp. 7–19. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (accessed on October 10, 2024). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382. EDN: IFROFH (In Russ.)
8. Zyryanov O. V. Problems and Methods of Modern Ethnopoetics. In: *Filologicheskii klass* [Philological Class], 2019, no. 1 (55), pp. 8–15. Available at: <https://filclass.ru/images/JOURNAL/1.pdf> (accessed on October 10, 2024). DOI: 10.26170/FK19-01-01. EDN: IBHTPN (In Russ.)
9. Izer V. Receptive Aesthetics. The Problem of Translatability: Hermeneutics and Modern Humanitarian Knowledge. In: *Akademicheskie tetrad: al'manakh* [Academic Notebooks: Almanac], 1999, issue 6, pp. 59–96. (In Russ.)
10. Kosyakov G. V. The Motif of a Soul's Flight in the Poems by M. Yu. Lermontov. In: *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya* [Russian Journal of Social Sciences and Humanities], 2020, vol. 14, no. 2, pp. 6–12. Available at: <https://journal.omg.su/wp-content/files/14.2/1.pdf> (accessed on October 10, 2024). DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.2.1. EDN: FLWLYI (In Russ.)
11. Levakin N. N. Art Reception as a Literary Concept (on Understanding the Term). In: *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo. Humanities*, 2012, no. 27, pp. 308–310. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-retseptsiya-kak-literaturovedcheskoe-ponyatie-k-voprosu-ponimaniya-terminal/viewer> (accessed on October 10, 2024). EDN: PKBCCT (In Russ.)

12. Maslova A. G. The Problem of Time in Late 18th Century Russian Poetry About Transience and Vanity of Life. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo* [*Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*], 2011, no. 2 (1), pp. 333–339. Available at: http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/99999999_West_2011_2/50.pdf (accessed on October 10, 2024). EDN: NXSVFT (In Russ.)
13. Haris R. M. *The Great Poetic explanation of the Great Mysteries / (G. R. Derzhavin's Ode "God")*. In: *Renat Haris. Time and Pen: Literature, Art, Journalism: Articles, Memoirs, Interviews*. Kazan, Tatar Book Publishing House Publ., 2016, pp. 30–33. (In tatar.)
14. Kharitonova A. V. Reception of the Hagiographic Tradition in A. Varlamov's Story "The Little Star". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2022, vol. 20, no. 4, pp. 252–271. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1669638431.pdf (accessed on October 10, 2024). DOI: 10.15393/j9.art.2022.11602. EDN: WJTQCC (In Russ.)
15. Sharyafetdinov R. Kh. The Mythological Image of a Bird as a Reflection of the Culture of the Tatar People in Modern Literature. In: *Nauka i shkola* [*Science and School*], 2021, no. 5, pp. 11–19. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologicheskij-obraz-ptitsy-kak-otrazhenie-kultury-tatarskogo-naroda-v-sovremennoy-literature/viewer> (accessed on October 10, 2024). DOI: 10.31862/1819-463X-2021-5-11-19. EDN: UUNJLH (In Russ.) (a)
16. Sharyafetdinov R. Kh. Semantics of Religious and Mythological Motif of Prayer/Supplication in Modern Tatar Literature. In: *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni I. Ya. Yakovleva* [*I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*], 2021, no. 4 (113), pp. 99–107. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-religiozno-mifologicheskogo-motiva-molitvy-molby-v-sovremennoy-tatarskoy-literature/viewer> (accessed on October 10, 2024). DOI: 10.37972/chgpu.2021.113.4.012. EDN: BAVRWV (In Russ.) (b)
17. Shener L. Reception of F. M. Dostoevsky's Novel in Turkish Literature of the 20th — 21st Centuries. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2021, vol. 19, no. 4, pp. 331–343. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1638431275.pdf (accessed on October 10, 2024). DOI: 10.15393/j9.art.2021.10102. EDN: AHAABO (In Russ.)
18. Yauss G. The History of Literature as a Provocation of Literary Criticism. In: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1995, no. 12, pp. 34–84. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Галимуллина Альфия Фоатовна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет (ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1, г. Казань, Российская Федерация, 420008); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0006-9193>; e-mail: alfiya_gali1000@mail.ru.

Гайнуллина Гульфья Расилевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры татарской литературы Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет (ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1, г. Казань, Российская Федерация, 420008); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4752-1965>; e-mail: gulfiasilevna@mail.ru.

Alfiya F. Galimullina, PhD (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Professor of the Department of Russian Literature and Teaching Methods of the Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga Region) Federal University (ul. Kremlevskaya 18/1, Kazan, 420008, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0006-9193>; e-mail: alfiya_gali1000@mail.ru.

Gulfiya R. Gainullina, PhD (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Tatar Literature of the Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga Region) Federal University (ul. Kremlevskaya 18/1, Kazan, 420008, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4752-1965>; e-mail: gulfiasilevna@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 10.10.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.12.2024

Принята к публикации / Accepted 15.01.2025

Дата публикации / Date of publication 14.02.2025

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14683

EDN: TFXEVO

Претворение агиографической традиции в поэтике В. Г. Распутина и В. И. Белова

А. Ю. Большакова

*Институт мировой литературы имени А. М. Горького,
Российская академия наук*

(г. Москва, Российская Федерация)

e-mail: allabolshakova@mail.ru

Аннотация. Цель статьи — рассмотреть законы формирования и развития литературной традиции в поэтике В. Г. Распутина и В. И. Белова. Автор исследовал движение агиографической традиции от Средневековья к XX в. через преломление в русской классике XIX в., обновившей старые образцы и вложившей в них свое содержание. Особое внимание уделено трансформации житийного жанра в таких произведениях, как «Последний срок» и «Живи и помни» В. Г. Распутина, «Князь Александр Невский» и «Такая война» В. И. Белова. Автор пришел к выводу, что в поэтике ведущих писателей-деревенщиков происходит обновление средневековой и классической жанровых традиций. Однако если у Белова агиографическая традиция растворена в стихии народной жизни и ее нутряной философии, то у Распутина более востребовано литературное освоение житийных образцов. Анализ обновленной агиографической модели доказал, что ключевое значение в претворении этой традиции и собственно в житии обретает катарсический эффект очищения и духовного преображения, испытываемый читателем через сопереживание и сострадание герою, святому и праведнику. В целом, исследование показало, что обновление литературной традиции предполагает прохождение ею периодов испытания — в зависимости от социоисторических обстоятельств и коллективных умонастроений читателей.

Ключевые слова: литературная традиция, поэтика, агиография, житийный канон, жанр, жанровые именованья, катарсис, русская классика, В. Г. Распутин, В. И. Белов

Для цитирования: Большакова А. Ю. Претворение агиографической традиции в поэтике В. Г. Распутина и В. И. Белова // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 1. С. 293–321. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14683. EDN: TFXEVO

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14683

EDN: TFXEVO

Implementation of the Hagiographic Tradition in the Poetics of V. G. Rasputin and V. I. Belov

Alla Yu. Bolshakova

*A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: allabolshakova@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to consider the laws of the formation and development of literary tradition in the poetics of V. G. Rasputin and V. I. Belov. The author aimed to study the development of the hagiographic tradition from the Middle Ages to the 20th century through refraction in the 19th-century Russian classics, who modernized the old models and endowed them with their own contents. Special attention is heeded to the transformation of the medieval hagiographic canon in “The Last Term” and “Live and Remember” by V. G. Rasputin, “Prince Alexander Nevsky” and “Such a War” by V. I. Belov. The author concludes that the poetics of village prose revives the medieval and classical genre traditions. However, while in Belov’s poetics the hagiographic tradition is dissolved in folk life and its internal philosophy, in Rasputin’s works, literary reclamation of hagiographic patterns is more essential. The analysis of the updated hagiographic model proves that the cathartic effect of purification and spiritual transformation, experienced by the reader through empathy and compassion for the saint and righteous hero, is of key importance in the implementation of this tradition and in the genre itself. In general, the study proves that the renewal of literary tradition involves periods of trial, depending on the socio-historical circumstances and the readers’ collective mindset.

Keywords: literary tradition, poetics, medieval hagiography, hagiographic canon, genre naming tradition, catharsis, Russian classics, V. G. Rasputin, V. I. Belov

For citation: Bolshakova A. Yu. Implementation of the Hagiographic Tradition in the Poetics of V. G. Rasputin and V. I. Belov. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 293–321. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14683. EDN: TFXEVO (In Russ.)

Традиция в «большом времени» литературы

Рассматривая роль традиции в поэтике деревенской прозы XX в., логично начать с первичных образцов литературы Средневековой Руси: жанровых (прежде всего агиографических, житийных), учительских (дидактический пафос автора), образно-символических и т. д. Здесь, однако, таятся две равновеликие, хотя и совершенно разные проблемы. Во-первых, известно сопротивление медиевистики сравнениям «древнего» и «нового», якобы разделенных непреодолимым историческим разрывом. Другая крайность нынешнего литературоведения — наведение «прямых мостов» между высокими образцами прошлого и литературным письмом Новейшего времени. Действительно, исследовать средневековую традицию необходимо, но не за счет упрощения, как это произошло, например, с механическим переносом житийного канона на совсем иную историко-литературную почву XX в.

Итог такого переноса — трафаретная идеализация и упрощение художественного образа, без учета тех изменений исходного протообразца, которые он претерпел за века существования в литературном сознании читателей разных эпох. К примеру, образ Настены в «Живи и помни» Распутина нередко подтягивается, в свете житийного канона, до идеала, притом как-то забывается, что образ выписан вовсе без ореола религиозности. По мнению автора известной книги «Православие и русская литература», «Настёна ("Живи и помни", 1974) даже и креститься не знает как и скорее языческое заклинание творит в момент сошедшего на душу страха» [Дунаев]. Добавлю, что по сюжету речь идет о жене дезертира ВОВ, которая вопреки долгу перед родиной тайно его поддерживала (вначале по принуждению, затем добровольно), лгала его родителям и односельчанам, а в итоге кончила жизнь самоубийством, погубив и нерожденного ребенка. Я намеренно акцентирую реалии этой истории, дабы показать острые углы ложной идеализации.

Собственно, в этом пафос моего обращения к традиции в творчестве классиков XX в.¹ Предмет раздумий здесь —

¹ Выбор двух ведущих представителей деревенской прозы, В. Распутина и В. Белова, обусловлен как актуальностью агиографической традиции для их поэтики, так и недостаточной исследованностью данного аспекта

законы развития и суть традиции: какими путями приходят к нынешним творцам идейно-художественные установки прошлого? какие метаморфозы обретают исходные образцы? Вопросы относятся прежде всего к средневековой традиции, дошедшей до нас не только через оригинальные тексты книжников, но и не менее оригинальные трактовки писателей XIX в., переосмысливших протообразцы в условиях всемерно усложнявшейся исторической действительности. Однако прежде обозначу категориальные координаты «традиции».

По определению, принятому в теории литературы, *традиция* (от лат. *traditio* — передача, предание) представляет «культурно-художественный опыт прошлых эпох, воспринятый и освоенный писателями в качестве актуального и непреходяще ценного, ставший для них творческим ориентиром» [Мозолева, Хализев: 443]. Определение верное, но не исчерпывающее. На мой взгляд, оно нуждается в дополнении.

Суть *традиции* как таковой — в передаче человеческого опыта (в том числе литературного) с момента его изменения в новой исторической реальности. Развитие традиции есть привнесение новшества в ее исходную модель, обновление предыдущего существующего образца. Парадигма ее развития в литературе включает и промежуточные создания творческого воображения, возникающие в процессе освоения и модификации протообразца: между временем его появления и временем создания произведения-модификации, которое затем тоже входит в историю литературы и читательскую память. К примеру, для рассмотрения агиографической традиции в творчестве русских писателей XX в. следует, на мой взгляд, протянуть линию между средневековыми образцами и их трансформацией в русской классике XIX в.

Почему именно *агиографической* традиции? Ответ на этот вопрос — в установке современной науки о литературе, возникшей еще в начале постсоветского периода. Так, В. Н. Захаров именно в христианских православных основаниях усматривал способность и возможность русской литературы к выживанию и восстановлению даже в сложные переходные

у этих писателей по сравнению с другими деревенщиками. См., например, монографию об аввакумовой традиции в прозе Ф. Абрамова [Климова].

периоды. «...Литература пребывает в жестоком кризисе», — констатировал исследователь в 1993 г. на конференции «Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков». В поиске путей преодоления этого состояния «не все писатели его переживут, но у русской литературы глубокие тысячелетние корни и лежат они в христианской православной культуре, а это значит, что у нее всегда есть возможность воскреснуть и преобразиться. Русская литература была христианской вопреки историческим обстоятельствам, она оставалась ею и в советские времена» [Захаров: 11]. Свидетельство тому — творчество В. Распутина и В. Белова, которые продолжили агиографическую традицию в подцензурных условиях атеистической идеологии, на основе реализма и в контексте новой исторической ситуации.

Претворение агиографической традиции в «Последнем сроке»

Совершенным образцом прозы Распутина, в котором воплощена агиографическая традиция², принято считать «Последний срок»³. В центре повести — успение праведницы-крестьянки, многолетней матери, проникнутое возвышающим отсветом успения Богородицы⁴.

На мой взгляд, ориентация на житийные образцы в повести, созданной в атеистический период, опосредствованная, состоявшаяся через классику XIX в., где *житие* предстает

² Термин «агиография» употребляется мною в общепринятом смысле, прежде всего как синоним житийной литературы, хотя в этот вид словесности изначально входили разные жанры: от хождений до видений. Отмечу, что последние на правах компонента введены в житийную модель у таких внимательных к сфере бессознательного авторов, как Распутин.

³ Несмотря на такую позицию или же, наоборот, из-за ее аксиоматичности эта повесть, как и «Живи и помни», с точки зрения агиографической традиции еще мало исследована. В основном рассматривены такие житийные рассказы, как «Василий и Василиса» (в рамках атеистической идеологии советского периода [Локтев]) и «Изба» (см., напр.: [Барышева]).

⁴ По мнению Н. Н. Смирновой, «наиболее ярким примером изображения женщины *богородичного типа* можно считать героиню повести "Последний срок" — старуху Анну, чей образ выстраивается в четком соответствии с традициями древнерусской словесности, особенно агиографии как "литературы спасения", призванной духовно преображать человека» (здесь и далее курсив в цитатах мой. — А. Б.) [Смирнова: 122].

как *жизнеописание*, посвященное не святому, но земному праведнику. Такому варианту соответствует центральный в повести Распутина образ праведницы — старой крестьянки, всю жизнь посвятившей созидательному труду и продолжению рода, в чем она видела свою высшую и единственную миссию.

Реалистическое изображение успения старухи Анны обуславливает заземление агиографической традиции, несмотря на усилия иных литературоведов свести распутинское повествование к житийному канону, в центре которого традиционно — образ отмеченного святостью христианина, посвятившего себя духовному совершенствованию и отказу от земных благ ради спасения души. Средневековому герою-подвижнику свойственна идеальность и образцовость: это пример для подражания, вдохновлявший многих читателей. Само собой, образ старухи Анны, советской колхозницы атеистических времен, далек от религиозной идеальности. Но воссозданная автором «Последнего срока» картина успения соотносится со сверхзадачей житийного жанра: преображать и просветлять человеческие души, помогать преодолеть преграды на пути к совершенствованию. Важны и свойственные житию черты этой повести: авторский дидактизм, воспитательный пафос; избранный тип праведницы и ее надмирное состояние; мотив чуда, здесь — воскресение умирающей, воспринимаемое близкими как чудесное. Видения героини, столь популярные в агиографическом жанре, вызваны переходом от жизни к иномирию. «Меня и тепери ишо на руках будто кто держит... — признается умирающая и на миг воскресающая благодаря родовым чувствам старуха-мать. — Будто ничё подо мной твердого нету» [Распутин; т. 2: 45].

К агиографической традиции, несмотря на отсутствие прямых аналогий со Священным Писанием (невозможных в подцензурной литературе атеистического периода), взывают и постоянное упоминание крещеной крестьянкой⁵ Бога: «Мы ить *крещёные*, у нас *Бог* есть» [Распутин; т. 2: 167], и обращения к Господу (особенно в момент внезапного воскресения), и христианская

⁵ Распутин особо подчеркивал в статье «Ближний свет издалека», что «крестьянин получил свое имя от христианства» (Распутин В. Г. У нас остается Россия / сост. Т. И. Маршковой, предисл. В. Я. Курбатова / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2015. С. 69).

символика в портретных характеристиках старух и соотнесение с религиозными обрядами:

«...крыльцы у ней торчали так, что казалось, *вот-вот она взмахнёт ими и полетит*. Мирониха (старинная подруга Анны. — А. Б.) покосилась на неё сбоку и не утерпела:

— *Изговелась ты у меня, старуня.*

— *Изговелась, — кивнула старуха...*» [Распутин; т. 2: 120–121].

В соответствии с запечатленной в житиях православной традицией смерть не воспринимается старой крестьянкой как нечто ужасающе чуждое, завершающее все жизненные сроки и ведущее в пустоту: это скорее сущность, необходимая для преобразования земного существа в бестелесное, духовное. Крестьянка обладает родовым, передающимся по наследству знанием о своей кончине: «Старуха хорошо знала, как она умрёт, так хорошо, словно ей приходилось испытывать смерть уже не один раз» [Распутин; т. 2: 176].

По сути, эта длительность родового времени, повторение уже пройденного предыдущими поколениями, обозначена названием повести. Эпитет *последний*, согласно словарям, происходит из старославянского языка, от слова «послѣдъ» (т. е. потом, затем), означая «следующий потом, после (чего-л. или кого-л.)». Это «тот, кто идет по следу остальных, замыкающим в цепочке охотников», если говорить об этимологии⁶. Отсюда — дивные видения и прозрения героини «Последнего срока», свойственные агиографии, хотя и вызываемые в повести 1970 г. не столько религиозными переживаниями, сколько остаточным сопряжением с родовой прапамятью. Знание это передается и читателю, хотя в финале для него закрыт момент кончины старухи, известный лишь из авторской констатации факта смерти.

В соответствии с традицией жизнеописание праведницы создано уже после ее кончины, о чем и свидетельствует финал повести. Последняя фраза: «Ночью старуха умерла» [Распутин; т. 2: 210] — становится точкой, от которой в субъектной сфере читателя должна выстраиваться *обратная* композиция:

⁶ Последний // АГΩ. Лексикографический интернет-портал: онлайн-словари русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/п/последний> (14.09.2024).

по законам средневековой поэтики, где «задние» события располагались впереди и время двигалось к ним, т. е. здесь — от умирания к Жизневоскресению, которому собственно и посвящено все повествовательное пространство.

Не желая сводить литературные принципы к религиозным, как это нередко происходит в нынешнем распутиноведении, отмечу, однако, признание Распутиным православной миссии русской словесности, которую она продолжала осуществлять даже в атеистические времена:

«Две силы — родная вера и родная литература — духовно сложили русского человека, дали ему масштаб и окрылили его. Такого влияния и такого значения литературы ни в одном народе увидеть больше нельзя. Когда насильственно отвергнута была вера, почти столетие литература, пусть и недостаточно, пусть и притчево, иносказательно, но продолжала духовное дело окормления и не позволила народу забыть молитвы»⁷.

Вклад повести об успении старой крестьянки в поддержание духовной, православной памяти нации несомненен. Но неслучайно еще в 1986 г. сам Распутин отмечал: «Сейчас жителя в том строгом и аскетическом смысле, которого требовало это понятие, не нужно, и, употребляя это слово, мы имеем в виду лишь жизнь»⁸. Его высказывание можно счесть за дань эзопову языку, когда утверждение (особенно у писателя, создавшего основные произведения в подцензурной, атеистической ситуации) следует воспринимать от противного. Хотя скорее всего подразумевалась неуместность — и даже невозможность — воспроизведения житийного канона в «чистом» виде в кардинально изменившемся мире. Тем не менее противоречие, пусть и на вербальном уровне, существует и вызывает к более пристальному взглядыванию в проблему.

⁷ Распутин В. Г. У нас остается Россия. С. 580.

⁸ Там же. С. 478.

Модификации житийной традиции в «Живи и помни»

Так или иначе, говоря о претворении *житийной традиции* в Новое и Новейшее времена, следует учитывать ее модификации в усложненных и даже «заземленных» формах реалистического мышления. Наиболее сложный пример, на мой взгляд, — «Житие одной бабы» (1863) Н. Лескова и повесть В. Распутина «Живи и помни» (1974), в генезис которой исследователи вводят лесковское «Житие» наряду с первичными образцами⁹.

Со всей очевидностью трансформация традиции в этой повести Распутина еще более усилена, нежели в «Последнем сроке». Хотя, как я попытаюсь доказать, жанровая метаморфоза тем удивительнее, что в отношении «Живи и помни» не следует говорить о *несостоявшемся житии*: оно состоялось, но, пройдя сквозь горнило русской классики, в крайне причудливой форме, далекой и от исходных образцов, и от обмирщенных (в позднее Средневековье) вариантов. И, конечно, речь должна тут идти не о претворении агиографического канона, запечатлевшего деяния святых, но, повторю, весьма условно: о *житии как жизнеописании*.

Собственно, эта тенденция берет начало еще в «Житии» протопопа Аввакума. Современное лесковедение усматривает сходство с ним «Жития одной бабы»¹⁰. Более того, жанровые модификации в классике XIX–XX вв. не есть сугубое порождение Нового времени, но — развитие средневековой тенденции к сращению жития с бытовой повестью XV–XVII вв.: к насыщению ранее сугубо религиозного образца реальными биографическими фактами, психологическими чертами — особенно в так называемых *женских житиях*, получивших именование не по автору, а по образам героинь-праведниц.

Сближает с женским житием и обращение Лескова и Распутина к типу героини-праведницы, жертвующей собой ради любви к ближнему, проходящей через тяжкие испытания.

⁹ Добавлю, что ближайшая к «Живи и помни» линия традиции включает в себя «Матренин двор» А. И. Солженицына (1959) как художественный исток деревенской прозы, а после распутинской повести, которая произвела огромное впечатление на В. П. Астафьева, — его рассказ-очерк о сельской праведнице «Паруня» (1977, 1985).

¹⁰ К примеру, лесковеды, рассматривающие агиографическую традицию в «Житии одной бабы» [Троицкий: 31], [Лукияничкова: 7, 15–16], [Филатова: 6–9].

«Жизнь мучениц и праведниц, описанная в житиях, представляет собой высшую степень терпения, любви и самопожертвования», — отмечает исследовательница женских образов в агиографии русского Средневековья [Берёзкина: 44].

Хотя обновленная типология праведничества далека от образцовости — и, скажем, даже вековечных распутинских старух Анну и Дарью невозможно возвести в современный идеал, при всей высоте их духовных качеств. Еще более далеки от идеала образы «грешниц» из «Жития одной бабы» или «Живи и помни». В отличие от житийного мотива преображения мытаря в праведника, это образы *изначально* праведных женщин, затем проходящих путь земных испытаний¹¹, жертвующих собой ради любви (здесь — не к Богу, но к ближнему) и в итоге обретающих избавление от земных мытарств. Преображение даровано им не в рамках сюжета¹², а лишь в перспективе — через сочувствие автора и читателя, способных восстановить их подлинное лицо.

Если рассматривать повесть Распутина с точки зрения соотношения ее названия с *традиционным именовани­ем*, можно наблюдать влияние жанровых образцов, хотя и весьма завуалированное, как это, впрочем, свойственно распутинскому стилю и характеру его дарования. Первое слово названия «Живи» соотносится с именовани­ем жанра *житие*, происходящего от древнерусского слова *жити* (то есть жить) и являющегося устаревшей формой слова *жизнь, житье*¹³. Внесением в именовани­е

¹¹ Испытание составляет одну из неотъемлемых элементов житийного канона: в средневековье это испытание веры в Бога, в новое время — любви и веры в традиционные ценности.

¹² Хотя у Лескова и в меньшей степени у Распутина намечается присущий некоторым житиям (к примеру, «Житию и Похвале Никиты Столпника») мотив покаяния и раскаяния, который к духовному преображению в силу обстоятельств не приводит. Так в «Житии одной бабы»: «Настя считала себя величайшей грешницей в мире, изнуряла себя самым суровым постом, молилась и просила Крылушкина устроить ее в монастырь, где она находила утешение своей растерзанной душе. Игуменья душою была рада угодить Силе Иванычу и приютить Настю, да, посоветовавшись с секретарем консистории, отказалась, потому что, по правилам, ни женатому мужчине, ни замуженной женщине нельзя поступить в монастырь» [Лесков: 370].

¹³ Вспомним уже цитированную установку Распутина, что в нынешние времена, употребляя слово «житие», «мы имеем в виду лишь *жизнь*» (Распутин В. Г. У нас остается Россия. С. 478).

повести глагола *жить* в повелительном наклонении автор XX в. приобщал читателя к учительской традиции, возникшей в средневековых текстах как духовная миссия, способствующая обретению человеком смысла жизни и устройству его внутреннего мира. Дидактическая направленность названия «Живи и помни» — повести о дезертире Великой Отечественной войны и трагической участи его рода — соотносится с нравоучительным пафосом жития.

В средневековой словесности житие было единственным жанром, посвященным истории жизни и деяний человека, его праведности и греховности, и потому выполняло воспитательную функцию. Отсюда — соотношение распутинской повести со старинной традицией. И в продолжение агиографической установки на познание человека в его заблуждении и преображении, и в отличие от житийной ориентации на христианскую образцовость сюжеты новых времен обнажают бездны человеческой души, далекие от идеальности, но существенные как сфера преодоления на пути духовно-нравственного совершенствования.

В ассоциативном поле просвещенного читателя второе слово «*помни*» в именовании повести Распутина можно опосредствованно отнести к еще более давней традиции: сюжетно и типологически — через сравнительный контекст «Жития» Лескова о сельской страстотерпице Насте. Здесь вспоминается памятник V в. «Память блаженной Таисии», представляющий жизнеописание христианской святой из древнего Египта и нередко публикуемый как «Житие преподобной Таисии». Хотя *память* как жанр не выделена в отдельную модель, идея автора-писца очевидна: запечатлеть в памяти читателей историю героини, прошедшей путь к святости через испытания и искушения. Такие образцы акцентируют мотив сохранения рассказанной истории в памяти читателя ради воспитательных целей, что вполне соответствует учительскому пафосу автора повести с назидательным именованьем «*Живи и помни*».

Так в художественном мире произведения Новейшего времени актуализируется установка старинного канона на воспроизведение жизни героя, его жизнеописание, хотя в системе реализма такой герой, во многом сохраняя черты праведника,

лишен житийной святости. Его судьба построена на сопротивлении тяжелым обстоятельствам в исторической реальности. В этом — пафос обмирщенного житийного жанра в русской классике. Пафос этот усилился в стальном XX в., разорвавшем нацию революциями и войнами.

«Житие Александра Невского»: опыт драматургического освоения

Среди писателей-деревенщиков выделяется В. И. Белов, сумевший попробовать себя во всех родах литературы, создав не только знаменитые прозаические произведения, но и менее известные пьесы и стихи. В контексте заданной в этой статье темы заслуживает особого внимания ориентированная на средневековое житие пьеса Белова «Князь Александр Невский», которая была написана в период перестройки¹⁴, опубликована в 1988 г., а в 1990 г. поставлена Александринским театром (СПб.), хотя и без особого успеха. По мнению критиков, впрочем, высоко оценивших пьесу, ее актуальность (как и некогда житийной повести о князе) состояла (и до сих пор состоит) прежде всего в обращении к переломному моменту в истории страны, когда под вопросом оказалось само ее существование¹⁵.

Очевидно, размышляя в 1980-х гг. о судьбах России, в преддверии цивилизационного распада, автор использует прием *исторической инверсии* (термин М. М. Бахтина), позволяющий локализовать в прошлом идеалы, которым должно осуществиться в будущем.

По мнению исследователя, «сущность такой инверсии сводится к тому, что мифологическое и художественное мышление

¹⁴ Согласно хранящейся в РГБ авторизованной машинописи двух вариантов пьесы, написана она была в 1987 г.

¹⁵ Ср.: «Эпоха правления Александра Ярославича напоминала писателю его собственное переломное время. Как в середине XIII века, так и в конце 1980-х гг., под вопросом оказалось само существование страны» [Никольская: 535]. В интервью к своему 80-летию сам Белов отмечал, что эпоха, «в которую жил и действовал великий князь, положение, в котором тогда находилась Русь, в чем-то схожи с нашим временем» (цит. по тексту интервью: Сазонов Г. «Пишу, что на душе и сердце...» К 80-летию писателя Василия Белова. 20.10.2012 // Русская народная линия [Электронный ресурс]. URL: https://ruskline.ru/analitika/2012/10/20/pishu_ chto_na_dushe_i_serdce (14.11.2015)).

локализует в прошлом такие категории, как цель, идеал, справедливость, совершенство, гармоническое состояние человека и общества и т. п. <...> Определяя ее несколько упрощенно, можно сказать, что здесь изображается как уже бывшее в прошлом то, что на самом деле может быть или должно быть осуществлено только в будущем, что, по существу, является целью, долженствованием, а отнюдь не действительностью прошлого» [Бахтин: 297].

Действительно, хотя историческая основа пьесы о выдающемся правителе и непобедимом воине¹⁶ несомненна, пафос ее автора, устремленного к поиску идеалов в национальном прошлом, обращает читателя к средневековой агиографической традиции, точнее, к прославлению русского святого князя в произведении 80-х гг. XIII в., имеющем несколько именовании: от «Повести о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра», «Повести о житии Александра Невского» до «Жития Александра Невского». По мнению исследователей, житие вдохновило Белова на драматургическое освоение, притом что Новейшее время внесло свои изменения¹⁷. Несколько идеализированная трактовка пьесы Л. В. Соколовой содержит оценки, подтверждающие общую для русской классики тенденцию к обмирщению средневекового канона и реалистическому осмыслению исторической фигуры, возведенной житием в идеал святости: «"Житийный" портрет Александра Невского послужил для автора поводом для размышления о национальном русском характере <...>. В произведении В. Белова Александр Невский представлен прежде всего как *мудрый и терпеливый собиратель русских земель*» [Соколова, 2012: 141].

Со средневековым образом трактовку XX в. роднит звучащая в «Житии Александра Невского» установка правителя не на силу, но на правду: духовность и справедливость, которой

¹⁶ По наблюдению исследовательницы пьесы Белова: «Впервые писатель обратился не к древнерусской теме и не к современности, а к древнерусской истории, и конкретно — к личности благоверного князя, дипломата и воина Александра Невского» [Соловьева: 124].

¹⁷ «Хотя, — как отмечает Л. В. Соколова, — писатель подчеркивает свою зависимость от древнерусского текста, охотно использует его сюжеты, иногда цитирует особо яркие слова и фразы, в пьесе совершенно отчетливо проступает внутренняя соотношенность древнерусского жития с реалиями и представлениями XX века» [Соколова, 2012: 141].

должна руководствоваться властью. Об этом — ставшие крылатыми слова князя в житии, произнесенные им в порыве духовного откровения после слезной молитвы в храме: «*Не в силе Бог, но в правде*»¹⁸. Тем не менее в пьесе автором намеренно опущены сцены знаменитых воинских сражений 1240-х гг.: Невская битва и Ледовое побоище. В этом сила и слабость модификации средневекового образца, где князь представлял легендарным непобедимым воином. Сила — в психологической разработке образа, составляющей особенность претворения житийной традиции у Белова и Распутина в системе реализма, дающего возможности для проникновения во внутреннее «я» героя. Можно сказать, что Александр Невский у Белова изображен прежде всего как глубоко переживающий человек, которым руководит закон любви, стремление к миру и спасению русской земли как от внешних врагов, так и от междоусобных распрей. Об этом свидетельствует проникновенная молитва князя, восходящая к закрепленным в средневековом житии образцам:

«Господи! Помоги мне! Да не дремлет душа моя под спудом обыденных дел! Боже мой, не подвергай меня праздным заботам... Отвори мне духовные очи, вразуми снова и прости окаянство. Дай силы простить братьев моих! Останови время, чтобы я укротил обиду и гнев! Верни мне дух любви, научи делу прощения! Еще не совсем погиб, еще мерцает огонь Твоей правды под пепелом жалких моих страстей. Дай опять разгореться ему... Выстоять, выждать время. Хоть бы немножко пожить без браней. <...> Не боюсь умереть, боюсь бесчестья Руси! Думал: отдохнет земля, и встанем на ноги, и укрепим! На головнях поставим новые срубы. Но братья мои не видят истины. <...> Стоит Русь уже у края бездны... И я один стою перед Богом» [Белов; т. 6: 416–417].

Психологическую разработку характера в финале пьесы завершает сомнение Невского в себе и избранном пути. Симптоматично, что разрешить внутреннюю проблему героя, воссозданную художественно-психологическими средствами современной литературы, позволяет воспроизведение конечного

¹⁸ Житие Александра Невского / подгот. текста, пер. и коммент. В. И. Охотниковой // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М.: Худож. лит., 1981. С. 434.

элемента житийного канона — похвалы святому подвижнику, к тому же звучащей из уст священнослужителя, хотя и не после смерти святого, как в агиографическом каноне, но (в новой версии) прижизненно:

«Митрополит: Слава доблестному защитнику веры отцовской, оградителю сирых и беззащитных, победителю свеев и укротителю гордых тевтонов! Не уstraшенный злобой неверных, примиряющий братьев и собиратель народа, разогнанного страхом нашествий, да здравствует великий князь Владимиро-Суздальский Александр!» [Белов; т. 6: 426].

Несмотря на все достоинства произведения Белова, где обращение к житийному канону позволило возвысить до национального идеала образ легендарного правителя, судьба мало востребованной театрами пьесы свидетельствует о том, что это скорее текст для чтения, нежели для драматической постановки. Свидетельство тому — и замена действия диалогами, обсуждениями и рассуждениями действующих лиц. Во многом в пьесе проявились изъяны деревенской прозы, малозаметные в ее лучших произведениях: это внешняя статичность и сосредоточенность на рефлексии героев (и автора), а не на поступках. Если, скажем, у того же Распутина внешняя статичность восполнялась мотивным комплексом как внутренним двигателем повествования¹⁹, то драма развивается по своим законам. То, что составляло причудливый и завораживающий психологический рисунок в прозаическом тексте, читаемом глазами, мало оправдано в постановочном произведении. Этот недостаток невольно проявился и в оценочных трактовках критиков: так, обращаясь к сюжетно-композиционной структуре пьесы, исследовательница причисляет к сюжетной линии психологическую, не обращая внимания на то, что это линия не сюжетно-событийная, а определяющая внутреннее состояние действующего лица [Соловьева: 125].

Как ни странно, обращение к житийной традиции не только помогло автору в XX в. претворить свой замысел, но и обусловило изъяны поэтики: скорее всего, сказалось межродовое

¹⁹ См. об этом подробнее в моей статье о диалектике сюжета и мотива в поэтике Распутина [Большакова].

несоответствие, поскольку в литературе русского Средневековья драматургия возникла лишь на позднем этапе, а житие в самом начале, и театрализация была ему не свойственна. Попытка переноса житийного образца в контекст нынешней драматургии, очевидно, вызвала сопротивление традиционных форм и установок, что сказалось в недостатках пьесы, несмотря на ее принадлежность перу опытного автора²⁰.

Роль катарсиса в претворении жития: «Такая война»

Обращение к житийной традиции у Белова примечательно идейно-художественными контрастами, огромным историческим и типологическим диапазоном — от образа исторического деятеля Руси, князя XIII в., до малой фигуры простолюдинки из русской деревни 1940-х гг. в рассказе «Такая война» (1985). Примечательно, что оба столь разных на первый взгляд произведения написаны Беловым в одно и то же перестроечное время, в середине 1980-х гг., и обращены к военным периодам русской истории, притом оба героя связаны сквозным житийным мотивом испытания (здесь — человека войной). В образе Дарьи Румянцевой, матери погибшего на Великой Отечественной войне сына, по мнению исследователей, «отразились житийные представления о святости», возникшие еще «в агиографической литературе о праведных женах Древней Руси» [Соколова, 2005: 105].

В центре рассказа «Такая война» — образ сельской праведницы, претерпевающей лишения и тяготы военного лихолетья. Под конец, лишившись самого необходимого, она буквально питается святым духом и, вынужденная пуститься по миру, умирает близ родной деревни. Такова внешняя канва рассказа, затрагивающего лишь последний срок жизни Дарьи и, в отличие от распутинских повестей об испытаниях праведниц, не дающего ее предыстории. Перед нами, если рассматривать рассказ с точки зрения житийной традиции, жизнеописание

²⁰ В этом плане контраст составляет знаменитый фильм С. Эйзенштейна «Александр Невский» 1938 г., однако речь не идет об «экранизации» житийного образца, как и в других случаях, когда и в житии, и в произведении Нового времени появляется одна и та же историческая фигура: объект творческого освоения не предопределяет следование жанровой традиции.

не развернутое, а сосредоточенное на самом главном, финальном его этапе²¹. Самое важное, на мой взгляд, состоит в уникальном соединении традиции и самобытности беловского видения мира, которое дает эффект духовного преображения и просветления, типичный для жития, но в *таком* варианте свойственный лишь этому писателю. Что я имею в виду? Обратимся вначале к претворению именованного рассказа в его тексте, а также к системе рецептивных указателей автора, задающих определенное восприятие истории праведницы и ведущих читателя к этому эффекту.

Выведенный в название концепт *Война* обнаруживает самые разные свои лики и входит в разные сочетания. Прежде всего это реальная война, схожая с битвами давних времен, ведущимися Русью-Россией, но и отличная от них в новую эпоху. Но вместе с тем это и *закон войны*, пронизывающий весь мир повествования: войны не только между людьми, но и между человеком и убиваемыми им животными. Военизированы и отношения между властью и подвластными: берущее непомерные подати с колхозных крестьян государство выступает как аппарат насилия. Так вопрос о (не)справедливой власти, как и в пьесе о средневековом князе, ставится в рассказе о «сороковых, роковых», но решается с точки зрения, возникающей не на вершине власти, а в простонародных низах. В рассказе о Дарье усматривается и схожесть с «Житием протопопы Аввакума», испытывающего гонения властей. Однако, по сравнению с героем средневекового жития, беловская праведница терпелива и незлобива, не вступает в борьбу с гонителями, хотя это ее вовсе не спасает.

По сути, в пространстве рассказа происходит *война законов*, мало зависящая от действий отдельной личности. В центре повествования о судьбе деревенской праведницы — противостояние закона войны, пронизывающего весь окружающий мир, и закона катарсиса как духовного преображения и очищения, с древних времен призванного преодолевать трагичность бытия. Отсюда и эпитет в названии, придающий концепту

²¹ Что более соотносится с мучениями (от греч. *μάρτυριον* — мучение), описывающими мученическую смерть, но не содержащими повествования о жизни героя жития в целом.

специфический смысловой оттенок: «такая война» — т. е. не только боевые действия на полях сражений, но и жестко-жесточкая структура социального мира середины 1940-х гг., построенного на подавлении живущих и приводящего к гибели безответную женщину-мать. Жестокости и трагедийности военизированного общества противодействует закон любви и милосердия, сформулированный в пьесе о святом князе и являющий себя читателю через реализацию катарсического эффекта.

Первая же фраза рассказа о горемычной матери начинается с констатации факта гибели ее сына — реалии, с которой не может смириться Дарья, не верит «бумаге», подозревая фальшивость извещения о смерти, очевидно «подделанного каким-то недобрым человеком» [Белов; т. 2: 427]. Мир в своей богоданности развернут к Дарье светлой стороной, его развитие определяется законом Жизни, а не смерти, при всей жестокости отдельных проявлений. Неминуемая жестокость жизни, развивающейся через рождение ребенка и постепенное умирание родителей, снимается родовым восприятием и его ценностными ориентациями. Однако смерть ребенка *прежде* родителя настолько противоестественна, что Дарья отказывается этому верить. После обнадеживающих гаданий на судьбу сына «сердце ее успокаивалось, и она ходила по всем домам с одним разговором: "Жив у меня Ванюшко, жив, пустая эта бумага, неверная..."» [Белов; т. 2: 427].

Происходит столкновение казенно-бумажного, бездушного отношения к человеку и — крестьянского жизнетворчества. По сути, на этом столкновении построена вся история о том, как государство постепенно отобрало у крестьянки все, что держало ее в этой жизни. Поначалу сына, потом источники пропитания — непосильными налогами, от которых не была освобождена мать, пожертвовавшая отчизне единственного сына. Под конец в счет налога²² у Дарьи бывший товарищ ее

²² См.: «Дарья еще не вышла из возраста. С нее брали полный налог: яйца, мясо, шерсть, картошку. Все это она сдала, кое прикупив, кое заменив одно другим, и только по мясу числилась недоимка, да денежный налог был еще весь целехонек, не говоря уже о страховке, займе и самообложении. По этим статьям у нее было не выплачено еще и за прошлый сорок второй год, а Пашка Неуступов, по прозвищу Куверик, по здоровью не взятый

сына, а теперь безжалостный сборщик долгов отбирает самовар — ее «живого» собеседника и друга, в котором не только варила она свою единственную пищу, картошку, но и с которым говорила, делилась мыслями и чувствами:

«— Пашенька... Милый, как я без самовара-то, возьми шерсть-то, оставь самовар-от... Век буду Бога за тебя молить, Пашенька.

Но Пашка унес и шерсть и самовар, а Дарья в слезах села на лавку. Голова у нее опять закружилась, заломило темя. В избе без самовара стало совсем неприятно и пусто. Дарья плакала, но слезы в глазах тоже кончились» [Белов; т. 2: 436].

Вместе со слезами кончилась и Дарьяна незатейливая жизнь: взяв котомку, пустилась она по миру. И хотя жалостливые соседки выкупили ее самовар, женщина растворилась в мире, который так любила и который поглотил ее, как и многих нищенствовавших из-за голода в годы войны. В конце рассказа километрах в десяти от деревни находят тело какой-то старухи, очевидно, лежавшее там с лета (когда и пропала сельчанка). Односельчанки признают в ней Дарью, и наверняка это так и есть, утверждает автор, солидарный с народной точкой зрения, — «особенно когда на земле такая война» [Белов; т. 2: 438]. Подводящее итог утверждение, сопрягаясь с названием рассказа, кажется, выводит на первый план закон войны как всеобъемлюще правящий землей. Трагизм безысходности человеческого существования, кажется, неизбежен. Но отчего же в душе читателя возникает чувство просветления и высвобождения?

И тут в действие вступают два фактора: беловский *лад* как определяющее мир начало гармонии, всеединства и — *катарсис*²³ как преображение и духовное очищение, составляющие суть и смысл житийного жанра и агиографической традиции. Нередко исследователи сосредоточены на бедах и страданиях героя, словно не замечая сверхзадачи житийного жанра. Однако

в армию Ванин одногодок, уже в январе принес Дарье новые обязательства» [Белов; т. 2: 429].

²³ Согласно исследованиям о катарсисе в русской классике, «катарсис, по Аристотелю, выражает смысл творчества, сущность эстетического воздействия искусства на человека. Видя страдания на сцене, сострадая происходящему, зритель очищается от аффектов, от которых страдают и погибают герои» [Захарова: 220].

именно житийный рассказ Белова о трагедии матери дает представление о преодолении трагедийности как этой сверхзадаче, вопреки тому факту, что никаких реальных оснований для просветленности в мире несчастной, кажется, нет и быть не может. Отчего же и откуда возникает катарсический эффект? Только ли, в аристотелевском духе, через страдания героя и сострадание автора и читателя?

В житийном каноне основание для просветленности — Божественное начало, также присутствующее и в рассказе писателя атеистического периода, в речах сельчан и сюжетных деталях. Особенно отчетливо нуминозное начало проявляется в молитвах богомольных нищих, словно в старину наводнивших русские деревни в голодные 1940-е гг.:

«Старики <...> появлялись у порога проворно, чтобы не выстудить избу, крестились на угол: "Пошли, Господи, этому дому благодать и покой, сбереги его от огня и мора, сохрани хозяина от меча, от пули и лихого человека, подайте милостыньку, ради Христа". Старушки же шептали молитвы, кротко, истово...» [Белов; т. 2: 430].

Однако главное — *лад* в душе праведницы Дарья, наполняющий ее душу просветленной радостью и весельем. Именно этот настрой обуславливает систему рецептивных указателей, рассыпанных по всему рассказу о ее судьбе. Настрою вторит неизменный спутник сельчанки: «Самовар *празднично* выпевал на столе, насквозь по нему шли *веселые* звоны» [Белов; т. 2: 427].

Веселые, радостные, ласковые, праздничные, приятные — ключевые слова-указатели для описания чувств, испытываемых праведницей по отношению к богоданному миру. Ключевое значение имеет эпизод после грозы, когда, опамятавшись после удара молнии и грома, Дарья словно отделяется от своего бытового, заземленного «я», переходя в некую иномирную, бестелесную ипостась: состояние, которого в житиях достигают святые праведники:

«Она ласково глядела на свежую, умытую дождем траву, слушала чириканье белогрудых касаток и опять ругала себя: за то, что не догадалась поставить бадью под застрех. Слабость и глухая боль в темени не могли заглушить этой обиды на самую себя. И вдруг она тихонько, беззвучно зашептала что-то сама про себя, и ей было странно, что она стала будто бы и не она, а другая, и что

эта, другая Дарья, выговаривала ей, Дарье, за непоставленную бадью. Ей стало приятно, отрадно, она как бы смотрела и слушала сама себя, *будто ее тело отделялось от нее, и теперь она стала легонькая и радостная*» [Белов; т. 2: 434].

Преображение героини, словно отделяющейся от своей земной ипостаси, предваряет трагический финал ее истории, где гром переходит в шумное появление грозного сборщика подати, вторжение в грезы матери войны и возможной гибели сына-солдата, а затем уход из дома и, очевидно, скорое умирание. Исчезновение героини из повествовательного пространства граничит с утратой телесной оболочки, которую обнаруживают сельчане в финале и которую словно сбросила как ненужную святая душа, *легонькая и радостная*, обретя освобождение.

Таков катарсический эффект побеждающего разлад *Лада* — высшего закона Бытия в народной системе ценностей и в эстетике Белова. Образ богоданного мира в такой системе ценностей просветлен и гармоничен, несмотря на всю его жестокость по отношению к живым и живущим. Это мир, пронизанный Жизнетворчеством, радостным, веселым и праздничным. Утверждение такой установки народной жизни, по Белову, обладает всепобеждающей силой. В этом, как представляется, отличие этого писателя от Распутина, более сосредоточенного на процессах умирания и преобладании сумрачных красок в образе мира. Вспомним книгу народной эстетики «Лад»:

«Гармония как духовная и физическая по отдельности, так и вообще — это жизнь, полнокровность жизни, ритмичность. Сбивка с ритма — это болезнь, неустройство, разлад, беспорядок.

Смерть — это вообще остановка, хаос, нелепость, прекращение гармонического звучания, распадение...» [Белов; т. 5: 93].

По Белову, лад не соединим со смертью — потому и не принимает бумажный вердикт мать, потому и ее исчезновение из мира столь условно, как и у житийных героев, которые и после смерти являли свое присутствие, что искони именовалось *чудом*.

Житийные установки в контексте народной философии

Жизнь есть движение к смерти и потому изначально трагедийна, кажется бессмысленной. Имеющий в своей корневой основе категорию «жизнь», средневековый жанр направлен на преодоление идеи трагедийности и бессмысленности бытия, сопряженной с временностью дарованного человеку существования. Преодоление возможно верой в вечную жизнь, во имя которой и свершаются деяния святых, праведников, исторических героев. В почвеннической системе деревенской прозы житийная устремленность обретает земные основания. Идея иномирного продолжения жизни присутствует, например, в видениях крестьянки Анны («Последний срок») или автора-повествователя («Видение») у Распутина. Особенно важно, как упоминалось, что первоосновное слово жития входит (в глагольной форме) в именование повести Распутина «Живи и помни», неся в себе идею преодоления смерти жизнью и духовным совершенствованием. Поэтика Белова представляет свое самобытное претворение житийной основы через именование категории и ее осмысление героями и автором.

В прозе Белова представление о вечной жизни дано в молениях верующих крестьян, обращающихся за спасением к Богу. Например, в главе «Привычное дело» из одноименной повести воспроизводится скорбная молитва старухи Евстоли²⁴, начинающаяся с (неточной) цитаты из Ветхого Завета (Ион. 2:3–4):

«Возоплю в скорби моей к Господу Богу моему, и услышит меня. Из чрева адова вопль мой, услышит голос мой. Ввергнет меня в глубины сердца морского, и все реки обнимут меня. Все высоты Твои и волны Твои на меня падут... <...>

Возольется вода до души моей, бездна обьет меня последняя... Остынет глава моя в расселинах гор, сойду в землю, под вечные веревы и заклёпы, и да уйдет от тления жизнь моя к Тебе, Господи, Боже мой...» [Белов; т. 2: 113]²⁵.

²⁴ Теща главного героя Ивана Африкановича, недавно потерявшая дочь Катерину.

²⁵ Ср.: «...и сказал: к Господу воззвал я в скорби моей, и Он услышал меня; из чрева преисподней я возопил, и Ты услышал голос мой. Ты вверг меня в глубину, в сердце моря, и потоки окружили меня, все воды Твои и волны Твои проходили надо мною» (Ион. 2:3–4).

Однако, проходя через народное самосознание, вера в жизнь у Белова материализуется в основном в конкретных формах существования и законах развития. Жизнь дана многим и многим поколениям людей, подобно предкам и потомкам проходящим жизненный цикл от рождения до смерти, а значит — в этом есть некий высший смысл, распознать который возможно лишь на уровне интуиции. Отсюда и установка вечного ребенка и простонародного мудреца Ивана Африкановича в повести, название которой представило сущность жизненной философии народа в ее родовых основах:

«Дело привычное. Жись. Везде жись. <...> И все добро, все ладно. Ладно, что и родился, ладно, что детей народил. Жись она и есть жись» [Белов; т. 2: 35].

Представление о жизни как о *вечном возрождении* во все новых и новых жизненных циклах выражено в этих нехитрых, на первый взгляд, суждениях человека из народа. Идея вечной повторяемости воплощена в словах *привычное дело*, составляющих идейно-художественную доминанту канонической повести и многократно повторяемых в ней. Закономерно и сопряжение *жизни с ладом*, центральной категорией народной эстетики, по Белову.

Примечательно прохождение этих категорий через испытания, которые присущи житийному герою, но здесь, как свойственно обновленным моделям средневекового жанра, преодолеваемые через философско-психологическую рефлексию героя и автора. Смерть горячо любимой жены повергает Ивана Африкановича в пессимизм и рассуждения о бессмысленности бытия, посмертной пустоте и безбожии. Семантика названия переворачивается, получая противоположно-отрицательный смысл:

«Нет, ничего, наверно, там (за пределами жизни. — А. Б.) нету. Ничего. Все уйдет, все кончится. И тебя (т. е. его, героя. — А. Б.) не будет, *дело привычное...*» [Белов; т. 2: 120].

Но борец жизни и смерти, веры и безверия разрешается катарсическим восстановлением вечного круговорота жизнесозидания, который существует независимо от отдельного человека, его рождения и ухода.

«Выходит, жись-то все равно не остановится и пойдет как раньше, пусть и без него, без Ивана Африкановича. Выходит все-таки, что лучше было родиться, чем не родиться. <...> "Жись, она и есть жись, — думал он, — надо, видно, жить, деваться некуда"» [Белов; т. 2: 121, 124].

Катарсическая установка героя дополняется финальным утверждением автора: «Вот эдак и пойдет жизнь... <...> И нет конца этому круговороту. <...> Жизнь. *Такая жизнь*» [Белов; т. 2: 123–124].

Изучение поэтики жития предполагает переход от линии судьбы героя на рецептивно-эстетический уровень, заданный автором и актуализируемый в сфере читательского восприятия. Как показывает творчество Белова, такой подход с особой продуктивностью обнаруживает себя в претворении агиографической традиции, когда ключевое значение в новых модификациях обретает суть житийного жанра: катарсический эффект, испытываемый читателем через сопереживание и сострадание герою, святому и праведнику. В этом плане — корректирует традиционные установки деревенская проза — можно говорить не об «очищении страданием», а об «очищении со-страданием». Столь самобытные писатели, как Белов, внесли свою лепту в обогащение житийного жанра, утвердив категорию народного мировосприятия «лад» и создав тем самым *реально-земные* основания для катарсиса как духовного преобразования человека, сохранения им гармонии и радости жизни вопреки тяжелым обстоятельствам.

Если у Белова агиографическая традиция растворена в стихии народной жизни и ее нутряной философии, то у Распутина более востребовано литературное освоение житийных образцов.

В поэтике Распутина средневековая традиция переосмыслена через русскую классику XIX в., откуда она в модифицированном виде воздействовала на литературу Новейшего времени. Подобное произошло с житийным жанром, который в художественной системе реализма (например, у Лескова) прошел стадию испытания социоисторической действительностью. В преображенном варианте жанровая модель была унаследована словесным творчеством XX в. (особенно в подцензурный

атеистический период), получив дальнейшее художественное претворение у таких мастеров слова, как В. Распутин. По сути, произошло испытание традиции, очевидно, входящее в общую модель ее развития. Результатом испытания и стало обмирщение и заземление агиографической модели, исконно утверждавшей высокие религиозные идеалы.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
2. Барышева О. А. Мотивы агиографической литературы в рассказе В. Г. Распутина «Изба» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2008. Т. 14. № 3. С. 109–113 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivy-agiograficheskoj-literatury-v-rasskaze-v-g-raspulina-izba/viewer> (09.12.2024). EDN: MTCGYB
3. Белов В. И. Собр. соч.: в 7 т. М.: Классика, 2011–2012.
4. Берёзкина Е. П. Женские образы — лики в житиях древнерусской литературы // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. № 1. С. 37–46 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.bsu.ru/content/articles/3511.pdf> (09.12.2024). DOI: 10.18101/2686-7095-2023-1-37-46. EDN: MOLNEZ
5. Большакова А. Ю. Поэтика В. Г. Распутина: сюжетно-мотивные особенности // Филологические науки. 2024. № 4. С. 108–115 [Электронный ресурс]. URL: <https://filolnauki.ru/ru/archive/2080/4687> (09.12.2024). DOI: 10.20339/PhS.4-24.108. EDN: VZBZUQ
6. Дунаев М. М. В горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII–XX вв. М.: Изд. Совет Рус. Православ. Церкви, 2003 [Электронный ресурс] URL: <https://azbyka.ru/fiction/pravoslavie-i-russkaja-literatura-toma-v-chast-6-dunaev/28/> (09.12.2024).
7. Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 3. С. 5–11 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2370> (28.05.2024). EDN: RUYJPT
8. Захарова О. В. Проблема катарсиса у Достоевского: из газетной полемики 1873 года // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. Вып. 11. С. 219–229 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516511.pdf (14.11.2024). EDN: RTXNED
9. Климова Н. М. От протопопа Аввакума до Федора Абрамова: жития «грешных святых» в русской литературе. М.: Индрик, 2010. 134 с.
10. Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 1. 573 с.
11. Локтев Н. Ф. «Житийный» рассказ в современной русской новеллистике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 17 с.

12. Лукьянчикова Н. В. Трансформация агиографической традиции в произведениях Н. С. Лескова о «праведниках»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2004. 24 с.
13. Мозолева И. А., Хализев В. Е. Традиция и новаторство // Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1987. С. 443–444.
14. Никольская Т. К. Тема национального выбора в пьесе В. И. Белова «Князь Александр Невский» // В. И. Белов и его творчество в эссеистике, критике и литературоведении. Вологда: Полиграф-Периодика, 2022. С. 535–541.
15. Распутин В. Г. Собр. соч.: в 4 т. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007.
16. Смирнова Н. Н. Концепция праведничества в повести В. Г. Распутина «Последний срок» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 8 (98). С. 122–126 [Электронный ресурс]. URL: https://vestnik.tspu.ru/files/vestnik/PDF/articles/smirnova_n._n._122_126_8_98_2010.pdf (14.11.2024). EDN: MVZGBJ
17. Соколова Л. В. Духовно-нравственные искания писателей-традиционалистов второй половины XX века: В. Шукшин, В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев: дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: ИРЛИ РАН, 2005. 381 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/dukhovno-nravstvennyye-iskaniya-pisatelei-traditsionalistov-vtoroi-poloviny-xx-veka-vshukshin> (16.10.2024).
18. Соколова Л. В. Духовно-нравственные константы древнерусской литературы в творчестве В. Белова (на материале пьесы «Александр Невский») // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сб. науч. тр.: мат-лы IV Всерос. науч.-метод. конф. (Вологда, 8–9 ноября 2012 г.). Вологда: ВОУНБ, 2012. Ч. 11. С. 139–144.
19. Соловьева Е. Е. Пьеса В. И. Белова «Князь Александр Невский»: образ главного героя и особенности композиции // Беловский сборник: мат-лы науч. конф. с междунар. участием «Творчество В. И. Белова в контексте традиций русской литературы и современного литературного процесса». Вологда: ВОУНБ, 2021. Вып. 7. С. 124–127.
20. Троицкий В. Ю. Лесков — художник. М.: Наука, 1974. 215 с.
21. Филагова Н. А. Традиции древнерусской литературы в творчестве Н. С. Лескова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2012. 19 с.

References

1. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics. Studies of Different Years]. Moscow, Khudozestvennaya literatura Publ., 1975. 504 p. (In Russ.)
2. Barysheva O. A. Motifs of Hagiographic Literature in V. G. Rasputin's Story "The Hut". In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova* [Vestnik of Nekrasov Kostroma State University], 2008, vol. 14, no. 3, pp. 109–113. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivy-agiograficheskoy-literatury-v-rasskaze-v-g-rasputina-izba/viewer> (accessed on December 9, 2024). EDN: MTCGYB (In Russ.)

3. Belov V. I. *Sobranie sochineniy: v 7 tomakh* [Collected Works: in 7 Vols]. Moscow, Klassika Publ., 2011–2012. (In Russ.)
4. Beryozkina E. P. Female Images — Faces in Old Russian Hagiography. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of Buryat State University. Philology], 2023, no. 1, pp. 37–46. Available at: <https://journals.bsu.ru/content/articles/3511.pdf> (accessed on December 9, 2024). DOI: 10.18101/2686-7095-2023-1-37-46. EDN: MOLNEZ (In Russ.)
5. Bolshakova A. Yu. Poetics of V. G. Rasputin: Plot and Motive Features. In: *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2024, no. 4, pp. 108–115. Available at: <https://filolnauki.ru/ru/archive/2080/4687> (accessed on December 9, 2024). DOI: 10.20339/PhS.4-24.108. EDN: VZBZUQ (In Russ.)
6. Dunaev M. M. *V gornile somneniy. Pravoslaviye i russkaya literatura v XVII–XX vv.* [Faith in the Crucible of Doubt. Orthodoxy and Russian Literature in the 17th — 20th Centuries]. Moscow, Izdatel'skiy Sovet Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi Publ., 2003. Available at: <https://azbyka.ru/fiction/pravoslaviye-i-russkaya-literatura-toma-v-chast-6-dunaev/28/> (accessed on December 9, 2024). (In Russ.)
7. Zakharov V. N. Russian Literature and Christianity. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, issue 3, pp. 5–11. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2370> (accessed on May 28, 2024). EDN: RUYJPT (In Russ.)
8. Zakharova O. V. The Concept of Catharsis in Fyodor Dostoevsky's Works: From the Newspaper Polemics of 1873. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013, issue 11, pp. 219–229. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516511.pdf (accessed on November 14, 2024). EDN: RTXNED (In Russ.)
9. Klimova N. M. *Ot protopopa Avvakuma do Fedora Abramova: zhitiya "greshnykh svyatykh" v russkoy literature* [From Protopope Avvakum to Fyodor Abramov: the Lives of "Sinful Saints" in Russian Literature]. Moscow, Indrik Publ., 2010. 134 p. (In Russ.)
10. Leskov N. S. *Sobranie sochineniy: v 11 tomakh* [Collected Works: in 11 Vols]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1956, vol. 1. 573 p. (In Russ.)
11. Loktev N. F. "Zhitiynyy" rasskaz v sovremennoy russkoy novellistike: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk ["Hagiographic" Story in Modern Russian Short Fiction. PhD. philol. sci. diss. abstract]. Moscow, 1981. 17 p. (In Russ.)
12. Luk'yanchikova N. V. *Transformatsiya agiograficheskoy traditsii v proizvedeniyakh N. S. Leskova o "pravednikakh": avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Transformation of the Hagiographic Tradition in the Works of N. S. Leskov About the "Righteous". PhD. philol. sci. diss. abstract]. Yaroslavl, 2004. 24 p. (In Russ.)
13. Mozoleva I. A., Khalizev V. E. Tradition and Innovation. In: *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1987, pp. 443–444. (In Russ.)

14. Nikol'skaya T. K. The Theme of National Choice in V. I. Belov's Play "Prince Alexander Nevsky". In: *V. I. Belov i ego tvorchestvo v esseistike, kritike i literaturovedenii* [V. I. Belov and His Works in Essays, Criticism and Literary Studies]. Vologda, Poligraf-Periodika Publ., 2022, pp. 535–541. (In Russ.)
15. Rasputin V. G. *Sobranie sochineniy: v 4 tomakh* [Collected Works: in 4 Vols]. Irkutsk, Izdatel' Saponov Publ., 2007. (In Russ.)
16. Smirnova N. N. The Concept of the Righteous Person After "The Last Term" by Valentin Rasputin. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2010, issue 8 (98), pp. 122–126. Available at: https://vestnik.tspu.ru/files/vestnik/PDF/articles/smirnova_n_n_122_126_8_98_2010.pdf (accessed on November 14, 2024). EDN: MVZGBJ (In Russ.)
17. Sokolova L. V. *Dukhovno-nravstvennyye iskaniya pisateley-traditsionalistov vtoroy poloviny XX veka: V. Shukshin, V. Rasputin, V. Belov, V. Astaf'ev: dis. ... d-ra filol. nauk* [Spiritual and Moral Searches of Traditionalist Writers of the Second Half of the 20th Century: V. Shukshin, V. Rasputin, V. Belov, V. Astafyev. Ph.D. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, The Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of the Russian Academy of Sciences Publ., 2005. 381 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/dukhovno-nravstvennyye-iskaniya-pisatelei-traditsionalistov-vtoroi-poloviny-xx-veka-vshukshin> (accessed on October 16, 2024). (In Russ.)
18. Sokolova L. V. Spiritual and Moral Constants of Ancient Russian Literature in the Works of V. Belov (Based on the Material of the Play "Alexander Nevsky". In: *Slovo i tekst v kul'turnom soznanii epokhi: sbornik nauchnykh trudov: materialy IV Vserossiyskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii* (Vologda, 8–9 noyabrya 2012 g.) [Word and Text in the Cultural Consciousness of the Epoch: Collection of Scientific Papers: Proceedings of the 4th All-Russian Scientific and Methodological Conference (Vologda, November 8–9, 2012)]. Vologda, Vologda Regional Universal Scientific Library Publ., 2012, part 11, pp. 139–144. (In Russ.)
19. Solov'eva E. E. V. I. Belov's Play "Prince Alexander Nevsky": the Image of the Main Character and the Features of the Composition. In: *Belovskiy sbornik: materialy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Tvorchestvo V. I. Belova v kontekste traditsiy russkoy literatury i sovremennogo literaturnogo protsessa"* [Belov Collection: Materials of the Scientific Conference with International Participation "Works of V. I. Belov in the Context of Traditions of Russian Literature and the Modern Literary Process"]. Vologda, Vologda Regional Universal Scientific Library Publ., 2021, issue 7, pp. 124–127. (In Russ.)
20. Troitskiy V. Yu. *Leskov — khudozhnik* [Leskov Is an Artist]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 215 p. (In Russ.)
21. Filatova N. A. *Traditsii drevnerusskoy literatury v tvorchestve N. S. Leskova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Traditions of Ancient Russian Literature in the Works of N. S. Leskov. Ph.D. philol. sci. diss. abstract]. Astrakhan, 2012. 19 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Большакова Алла Юрьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела древнеславянских литератур, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук (ул. Поварская, 25а, г. Москва, Российская Федерация, 121069); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8292-9934>; e-mail: allabolshakova@mail.ru.

Alla Yu. Bolshakova, PhD (Philology), Leading Researcher of the Department of Ancient Slavic Literature, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (ul. Povarskaya 25a, Moscow, 121069, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8292-9934>; e-mail: allabolshakova@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 20.11.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.01.2025

Принята к публикации / Accepted 16.01.2025

Дата публикации / Date of publication 14.02.2025

Научный журнал

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

2025

Том 23

№ 1

Свидетельство о регистрации СМИ
ЭЛ № ФС 77–61851 от 18.05.2015

Редакторы: *И. С. Андрианова, М. В. Заваркина, Л. В. Алексеева,
Т. В. Панюкова, Е. Н. Вяль, Ю. Д. Зирка, А. О. Лисков, Д. А. Спеллер,
А. Д. Босенко*

Компьютерная верстка: *М. В. Заваркина, В. С. Зинкова, Е. Н. Вяль*
Перевод: *Я. И. Соломинская*
Зав. редакцией: *И. С. Андрианова*

Подписано к изданию 14.02.2025. Уч.-изд. л. 17.

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

185910, Российская Федерация
Петрозаводск, пр. Ленина, 33
Тел. +7 (8142) 719 603
E-mail: poetica@post.com
Сайт журнала в интернете: <http://poetica.pro>

